

2287(26,4-5)РСР

Рожько

Отд.

г. Иркутскъ

ИЗВѢСТІЯ

ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго

ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

2287 (XXVI, 4-5)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

привителя дѣла Я. П. Прейна и члена Отдѣла Д. П. Першина.

Томъ XXVI.

№ № 4—5-й (последній).

СОДЕРЖАНІЕ:

1348 31

Стр.	№	Стр.
1		171
58		183
118		197
167		206
		230

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ВИРКУТСКАГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Типо-литография Ш. В. Якушина, Иркутскъ, (улица Сукочева).

1896.

Сложныя формы общиннаго землевладѣнія въ Сибири по мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1887—1892 годовъ.

I.

Крестьянское населеніе мѣстностей, охваченныхъ произведеннымъ во второй половинѣ 80-хъ годовъ хозяйственно-статистическимъ изслѣдованіемъ,¹⁾ живетъ, за самыми ничтожными исключеніями, на земляхъ, принадлежащихъ казѣ и поступившихъ въ пользованіе крестьянскихъ общинъ либо путемъ вольнаго, ничѣмъ не ограниченнаго захвата, либо на основаніи произведеннаго правительственною властью отвода²⁾.

Свободнымъ захватомъ сопровождалось, а мѣстами и до сихъ поръ сопровождается первоначальное осѣдлое заселеніе во всей вообще земледѣльской Сибири. Но въ настоящее время совершенно неограниченное захватное владѣніе землею сохранилось лишь въ весьма немногихъ изъ занятыхъ крестьянскимъ населеніемъ, преимущественно удаленныхъ отъ главныхъ центровъ населенности, мѣстностяхъ: таковы, напримѣръ, земледѣльческій сѣверъ Тобольской губерніи—при Тавдинскія волости Туринскаго округа, всѣ волости Тобольскаго, расположенныя къ сѣверу отъ г. Тобольска; таковы наиболѣе удаленныя мѣстности Иркутской и Енисейской губерній, гдѣ земли также никогда не межевались и не снимались на планъ, и гдѣ населеніе не знаетъ никакихъ формальныхъ гра-

¹⁾ Губерніи Тобольская, Томская (кроме Алтайскаго горнаго округа вѣдомства кабинета Его Величества), Енисейская и Иркутская.

²⁾ Есть еще третій способъ, въ прежнее время практиковавшійся довольно широко,—это приобрѣтеніе правъ на землю отъaborитеновъ края—инородцевъ; но для насъ этотъ способъ не имѣетъ значенія, потому что въ интересующемъ насъ отношеніи крестьяне, живущіе на инородческихъ земляхъ, ничѣмъ не отличаются отъ тѣхъ, которые владѣютъ землею на основаніи простаго захвата.

ницъ. Затѣмъ, до самыхъ послѣднихъ лѣтъ неограниченный захватъ царствъ еще и въ довольно многихъ другихъ мѣстностяхъ, разбросанныхъ въ разныхъ концахъ земледѣльской Сибири, гдѣ либо совершенно не производилось никакихъ межевыхъ работъ, либо, хотя и была произведена съемка, но за нею не послѣдовало, по той или другой причинѣ, разграниченія земель, и землевладѣніе оставалось, по прежнему, захватнымъ: таковы, на примѣръ, мѣстности Тарскаго и Кайвскаго округовъ, прилегающія съ юга и запада къ необъятному „Тарскому урману“; такова колоссальная Юдинская волость, гдѣ на пространствѣ 17 тысячъ квадратныхъ верстъ разбросано всего около 50 старожильскихъ селеній, и мало населенная восточная половина Кайвскаго округа; таковы нѣкоторыя волости Минусинскаго и Канскаго округовъ и весь Ачинскій округъ Енисейской губерніи. Во всѣхъ перечисленныхъ мѣстностяхъ землепользованіе крестьянъ не отграничено (или до недавняго времени не было отграничено) никакими опредѣленными границами, и крестьяне пахутъ, косятъ, рубятъ лѣсъ вездѣ, „куда топоръ, соха и коса ходятъ“; общее количество земли, доступное для пользованія крестьянъ, во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ чрезвычайно велико. Хотя такое изобиліе пространства далеко не вездѣ сопровождается обиліемъ культурныхъ угодій; мѣстами запасъ послѣднихъ, дѣйствительно, далеко превосходитъ потребности наличнаго населенія; въ другихъ мѣстахъ (на примѣръ, въ вышеупомянутой Юдинской волости) изобиліе пашень сопровождается недостаткомъ въ сѣнокосныхъ угодьяхъ или наоборотъ, а на сѣверѣ Тобольской и Иркутской губерній запасъ дѣйствительно удобныхъ для культуры земель совершенно ничтоженъ, такъ что кажущееся многоземелье и просторъ совмѣщаются съ очень интензивною земледѣльскою культурой и напряженными формами землепользованія, — безопытными показателями земельной тѣсноты.

Только на этихъ сѣверныхъ окраинахъ неограниченная свобода захвата земель, какъ было упомянуто, сохранилась до настоящаго

времени; на всемъ остальномъ протяженіи земледѣльской Сибири крестьянское пользование введено уже въ тѣ или другія границы, болѣе или менѣе тѣсныя, очерчивающія дачи иногда цѣлыхъ волостей, иногда отдѣльныхъ селеній или группъ селеній, и являющіяся результатомъ направленной къ регулированію землевладѣнія и равномерному заселенію края дѣятельности правительства. Мы должны представить здѣсь хотя-бы краткій обзоръ этой дѣятельности, безъ котораго довольно многое, въ дальнѣйшемъ изложеніи, осталось-бы непонятнымъ и поштымъ¹⁾.

Работы по снятію земель на планы начались въ Западной Сибири еще въ концѣ XVII столѣтія, но болѣе серьезную постановку получили только съ 1783 года, когда учрежденъ былъ первый сибирскій штатъ уѣздныхъ землемеровъ; въ 1822 году на смѣну ему явился второй штатъ землемеровъ, но всѣ работы послѣднихъ оффиціально были признаны совершенно неудовлетворительными, на столько, что при послѣдующихъ работахъ составленные землемерами того времени планы запрещено было принимать въ какое-либо руководство; единственнымъ слѣдомъ этихъ работъ остались сформированные, соотвѣтственно административному дѣленію, волостные земельные районы. Правильная тригонометрическая съемка Сибири потребовалась-бы столѣтій, а потому въ 1826 году снаряжена была особая военная экспедиція для съемки Тобольской губерніи упрощеннымъ глазомернымъ способомъ; экспедиція эта произвела съемку южныхъ округовъ губерніи, тогда какъ уѣздные землемеры продолжали работать въ сѣверныхъ. Въ 1830 году была закончена съемка большей части земледѣльской полосы Тобольской губерніи, но когда въ 1831 году послѣдовало распоряженіе о нарисѣ въ снятыхъ мѣстностяхъ крестьянскихъ надѣловъ, накопившійся плановой матеріалъ оказался непригоднымъ для этой цѣли, и дѣлу

¹⁾ См. Лростъ, «Колопашованіе и хозяйство Тобольской и Томской губ.», изд. М-на Госуд. Изд., стр. 11—20. «Материалы для науки, экон. быта кр. въ Зап. Сибири», вып. VIII, стр. 3—13. «Материалы» по Иркут. и Енисейск. губ., т. II, вып. 3, стр. 8—19 и т. IV, вып. 3, стр. 10—15.

не помогла и новая проверка плановъ, произведенная уѣздными землебрами.

На болѣе твердую почву межевое дѣло стало въ Западной Сибири только съ учрежденіемъ, въ 1837 году, „Сибирскаго Межеванія“, на обязанность котораго возложено было образованіе волостныхъ районовъ, съ нарѣзкой старожилому населенію надѣловъ, по 15 дес. на ревизскую душу, и образованіе изъ оказавшихся излишними сверхъ этой нормы земель участковъ для водворенія переселенцевъ. Убѣдившись въ полной непригодности результатовъ всѣхъ прежнихъ съемокъ, Межеваніе начало вновь снимать, уже въ пятый разъ, южную полосу Тобольской и Томской губерній: съемка подвергалась, цѣликомъ, волостныя дачи, разсматривавшіяся Межеваніемъ, какъ дачи общаго владѣнія, совершенно безъ вниманія къ установившемуся фактически во многихъ мѣстностяхъ разграниченію владѣній между сельскими обществами; по окончаніи съемки волостного района, немедленно отводились надѣлы въ общей на цѣлую волость дачѣ, а изъ излишнихъ земель образовывались переселенческіе участки. Въ техническомъ отношеніи работы межеванія были поставлены гораздо лучше прежнихъ, и плановой матеріаль, оставшейся результатомъ этихъ работъ, представляется весьма удовлетворительнымъ.

Это можно сказать, впрочемъ, только о работахъ 1837—1850 годовъ, которыя велись сплошнымъ порядкомъ, сосредоточиваясь по преимуществу въ одномъ округѣ Тобольской губерніи — Курганскомъ: въ 1850 году работы Межеванія претерпѣли значительное измѣненіе къ худшему: въ видахъ ускореннаго приведенія земель въ извѣстность, предписано было обходить инструментально только волостныя дачи, внутри же послѣднихъ производить съемку рекогносцировочно, а для успѣха колонизаціи работы должны были производиться не сплошь, а направляться предпочтительно въ многоземельныя волости. Сибирское Межеваніе, не закончивъ начатой сплошной съемки Курганскаго округа, должно было поэтому раз-

бить свои силы на съемку и отводъ земель въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ, — работы охватили пять округовъ, въ каждомъ изъ которыхъ снимались только наиболее богатые землею волости, лучшія по естественнымъ и хозяйственнымъ условіямъ. Въ 1852 году Сибирскому Межеванію предписано было еще упростить съемочныя приемы, а вмѣстѣ съ тѣмъ — дѣлать предварительное обозрѣніе многоземельныхъ волостныхъ районовъ и не прежде приступать къ собственно-съемочнымъ работамъ, какъ удостовѣрившись въ пригодности излишнихъ земель для заселенія, волости-же, неудобныя для колонизаціи, передавать въ вѣдѣніе губернской чертежной.

Такимъ образомъ, всѣ силы Межеванія сосредоточены были на многоземельныхъ волостяхъ, въ остальныхъ же волостяхъ межевыя работы, въ виду слабости наличнаго состава чертежныхъ, были фактически приостановлены на неопредѣленное время. Въ подлежащихъ обмежеванію мѣстностяхъ формировались новые волостные районы, въ составъ которыхъ иногда входили селенія, отстоявшія другъ отъ друга на 50, 100 и болѣе верстъ; въ такіе районы замежевывались не только земли, дѣйствительно эксплуатировавшіяся крестьянами, но нерѣдко и такія, которыя вовсе не были нужны крестьянамъ и даже вовсе не годились для сельскаго хозяйства. Такимъ образомъ получились громадныя волостныя дачи, охватывавшія сотни тысячъ, икоторыя — до милліона и даже до $1\frac{3}{4}$ милліона десятинъ, — и самая эта громадность снимавшихся дачъ, вмѣстѣ съ несплошнымъ характеромъ съемочныхъ работъ, не могла не отразиться неблагоприятно на качествахъ этихъ послѣднихъ; что касается до внутренней ситуаціи дачъ, то она, ради большей скорости, обозрѣвалась объѣздомъ и зарисовывалась глазомерно, при чемъ въ то-же самое время намѣчались и пункты для новыхъ водвореній.

Такъ велись съемочныя работы начиная съ 1850 года, и такой сѣбшій и поверхностный характеръ ихъ весьма неблагоприятно отразился, какъ констатируютъ и официальные источники, и

мѣстныя изслѣдованія на качество планового матеріала. Мало улучшила дѣло и новая инструкция, изданная въ 1858 году и ставившая себѣ цѣлью именно устраненіе тѣхъ недостатковъ, которые породила чрезвычайная поспѣшность работъ. Но инструкция эта имѣла важное значеніе въ другомъ отношеніи, такъ какъ установила ту норму, согласно которой производились до самаго послѣдняго времени надѣленія крестьянъ землею: до изданія этой инструкции надѣлы назывались, согласно указанію ст. 10-й Устава о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ, по расчету 15 десятинъ на душу, записанную по послѣдней ревизіи; по инструкции 1858 года положено было, сверхъ этихъ 15 десятинъ, отводить на каждую душу по 3 десятины „въ запасъ для прибылыхъ душъ“ и столько-же на ссыльно-поселенцевъ, причисляемыхъ къ деревнямъ государственныхъ крестьянъ.

Въ 1871 году Сибирское Межеваніе было упразднено, и вза-мѣнь его учреждено, въ нѣсколько меньшемъ составѣ, съемочное отдѣленіе, которое просуществовало 17 лѣтъ—до 1888 года и до самаго своего упраздненія дѣйствовало на основаніи тѣхъ-же ин-струкцій, что и бывшее Сибирское Межеваніе, при чемъ одновременно съ работами чиновъ съемочнаго отдѣленія продолжалась и дѣятельность землемѣровъ вѣдомства губернскихъ чертежныхъ: въ главной своей части работы тѣхъ и другихъ были совершенно тождественны по характеру и различались только по мѣстамъ дѣйствій: съемочное отдѣленіе, преслѣдуя главнымъ образомъ цѣль выдѣленія свободныхъ земель для водворенія переселенцевъ, сосредото-чило свою дѣятельность исключительно въ наиболѣе многозе-мельныхъ волостяхъ самыхъ многоземельныхъ округовъ и предо-ставило размежеваніе остальныхъ мѣстностей Западной Сибири землемѣрамъ губернскихъ чертежныхъ. Но независимо отъ этого, съемочное отдѣленіе, какъ и предшествовавшее ему Сибирское Ме-жеваніе, ограничивалось съемкою и обмежеваніемъ однихъ только *волостныхъ* дачъ; отдѣльныя *селенныя* дачи обмежевывались

только въ случаѣ приселенія переселенцевъ къ старожильскимъ обществамъ или при образованіи изъ переселенцевъ новыхъ селеній. Между тѣмъ въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, какъ подробно будетъ изложено въ дальнѣйшемъ, среди крестьянства, преимущественно въ южной части Тобольской губерніи, обнаружилось стремленіе къ размежеванію волостныхъ дачъ на отдѣльные поселенные отрубы, — и такое размежеваніе производилось уже землебрами губернской чертежной. Необходимо при этомъ замѣтить, что этого рода работы — размежеваніе внутри волостныхъ дачъ, по районамъ и обществамъ, — окончательно утверждались властью Казенной Палаты, тогда какъ проекты обмежеванія волостныхъ дачъ, на основаніи инструкціи 1858 года, утверждались Генераль-Губернаторомъ Западной Сибири, а по упраздненіи этой должности — министромъ государственныхъ имуществъ.

Въ общей сложности, съемочныя работы въ періодъ времени съ 1839 по 1888 г. — время упраздненія съемочнаго отдѣленія — охватили всего 24476596 дес., въ томъ числѣ:

работы землебровъ губернской чертежной	7017457 дес.
“ Сибирскаго Межеванія	12229171 “
“ съемочнаго отдѣленія	5229968 “

Въ разныхъ мѣстностяхъ, однако, съемочныя и разграничительныя работы были доведены до весьма различной степени законченности: не говоря уже о мѣстностяхъ, гдѣ не было никакихъ межевыхъ работъ, эти послѣднія въ довольно многихъ волостныхъ дачахъ не пошли дальше съемки или „приведенія въ извѣстность“; въ другихъ были составлены и проекты „разграниченія земель между населеніемъ и казною“, но проекты эти, по тѣмъ или другимъ причинамъ, остались безъ утвержденія: мѣстами такіе неутвержденные проекты не имѣли никакихъ практическихъ послѣдствій, въ другихъ же случаяхъ проектное межеваніе, хотя и не утвержденное надлежащею властью, легло въ большей или меньшей мѣрѣ въ основаніе фактическаго распределенія между населеніемъ

земельныхъ площадей. Наконецъ, по многимъ волостнымъ дачамъ, — главнымъ образомъ въ западныхъ округахъ Тобольской губернии, — проекты разграниченія были въ надлежащемъ порядкѣ утверждены и исполнены въ натурѣ, съ изъятіемъ изъ пользованія старожилаго населенія излишнихъ сверхъ указанной выше нормы земель: въ рядѣ случаевъ, однако, утвержденное надлежащею властью разграниченіе земель, фактически, совершенно или почти совершенно не стѣснило земельного простора, — именно въ тѣхъ случаяхъ, когда излишнія сверхъ нормы земли, взамиѣнъ выдѣленія въ распоряженіе казны, были оставлены въ пользованіи старожилаго населенія „для приселенія выходцевъ изъ внутреннихъ губерній“: по нѣкоторымъ волостнымъ дачамъ площадь такихъ излишковъ была больше площади, причитавшейся въ надѣленіе старожиламъ; а такъ какъ о дѣйствительномъ приселеніи переселенцевъ никто не заботился, то излишнія земли фактически остались на неопредѣленное время въ пользованіи старожилаго населенія, значительно увеличивая его земельный просторъ.

Въ восточно-сибирскихъ губерніяхъ — Иркутской и Енисейской — систематическія мѣропріятія по земельному устройству населенія начались значительно позже, нежели въ западно-сибирскихъ, — именно съ 50-хъ годовъ настоящаго столѣтія; до этого времени крестьянскія земли подвергались съемкѣ и межеванію только въ случаѣ возникновенія между обществами земельныхъ споровъ: при такихъ частныхъ межеваніяхъ границы проводились обыкновенно по указанію самихъ крестьянъ, — слѣдовательно межевались дачи, пространство которыхъ не находилось ни въ какомъ постоянномъ соотношеніи къ населенію.

Въ 1851 году возникло и въ Восточной Сибири „Межеваніе казенныхъ земель“ (въ 1871 году, какъ и въ Западной Сибири, преобразованное въ съемочное отдѣленіе), на которое возложена была обязанность привести въ извѣстность все владѣмыя крестьянами земли, отграничить ихъ отъ земель казенныхъ и составить

затѣмъ проекты окончательнаго надѣленія крестьянскихъ обществъ землей; проекты эти, составленные по расчету 21 дес. на ревизскую душу (въ томъ числѣ 3 дес. на приростъ населенія и 3 дес. для ссыльныхъ), должны были, какъ и въ Западной Сибири, утверждаться Генераль-Губернаторомъ.

До 1868 года Межеваніе занималось исключительно съемочными работами и въ частности приведеніемъ въ извѣстность фактическаго землепользованія крестьянъ, съ этого же времени было приступлено къ составленію проектовъ надѣленія крестьянъ; основаніемъ для ихъ составленія служило, какъ видно изъ официальныхъ документовъ, „предварительное снятіе и исчисленіе всѣхъ земель, входящихъ въ составъ крестьянскаго пользованія, въ тѣхъ волостныхъ границахъ, которыя были пройдены съемщиками по указанію доверенныхъ отъ обществъ. Затѣмъ уже слѣдовало разверстаніе угодій между сельскими обществами, по миролюбивымъ согласіямъ доверенныхъ“. Если состоявшей въ фактическомъ пользованіи крестьянъ земли не хватало до вычисленной по вышеуказанной душевой нормѣ площади, къ нимъ, если возможно было, примежевывались или излишнія земли сосѣднихъ обществъ, или свободныя казенныя земли; если же этого не удавалось сдѣлать, площадь надѣла такъ и оставалась неполною. Если же, наоборотъ, въ фактическомъ пользованіи крестьянъ оставались излишнія сверхъ нормы земли, то онѣ отрѣзывались либо въ надѣлъ другимъ обществамъ, либо въ казну; если же отрѣза нельзя было произвести безъ созданія чрезполосности, то излишнія земли оставались у старыхъ владѣльцевъ.

Въ теченіе десятилѣтія съ 1868 по 1877 годъ были составлены на изложенныхъ основаніяхъ, проекты надѣленія крестьянъ по всѣмъ или почти всѣмъ волостямъ трехъ южныхъ округовъ Иркутской губерніи — Иркутскаго, Балаганскаго и Нижнеудинскаго, въ Енисейской же губерніи — по большинству волостей Минусинскаго и, приблизительно, по половинѣ волостей Канскаго и Красноар-

скаго округовъ. Изъ всѣхъ этихъ проектовъ, однако, только незначительное меньшинство было утверждено властью Генераль-Губернатора, а затѣмъ почти всѣ, какъ утвержденныя, такъ и неутвержденныя проекты сгорѣли во время страшнаго Иркутскаго пожара 1879 года, почему и остались, вообще говоря, безъ практическихъ послѣдствій и не вызвали въ фактическомъ пользованіи крестьянскихъ обществъ никакихъ измѣненій, если не считать частныхъ случаевъ (впрочемъ, довольно многочисленныхъ) отдачи крестьянамъ казенно-оброчныхъ статей, лежащихъ въ границахъ проектированныхъ надѣловъ.

Изъ вышесказаннаго ясно, что проектное межеваніе въ восточно-сибирскихъ губерніяхъ не имѣло никакого юридическаго значенія, и владѣніе крестьянъ и по настоящее время почти вездѣ основывается либо на простомъ занятій пустопорожнихъ земель, либо на планахъ и документахъ первоначальнаго межеванія, вѣрнѣе съемки, констатирующихъ фактъ владѣнія крестьянъ землею для времени, когда съемка производилась; проектное межеваніе и фактически лишь весьма слабо отразилось на размѣрахъ существовавшаго крестьянскаго пользованія, тѣмъ болѣе, что проектированный надѣлъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ либо совпадалъ съ границами фактическаго пользованія, либо даже превосходилъ его; особенно слабо было вліяніе проектныхъ границъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянскія земли со всѣхъ сторонъ охвачены землями пустопорожними; границы эти нисколько не задержали крестьянскихъ расчистокъ и слѣдовательно не помѣшали распространенію земледѣльческой культуры вширь; напротивъ, тамъ, гдѣ крестьянскія селенія разбросаны болѣе или менѣе густо, проектное межеваніе не вездѣ прошло безслѣдно, а мѣстами отразилось на фактическомъ землепользованіи крестьянъ, особенно въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по проекту часть земель, находившихся въ фактическомъ пользованіи однихъ обществъ, должна была отойти къ другимъ; мѣстами такая передача земель отъ одного общества

къ другому осуществлялась въ дѣйствительности. въ большинствѣ же подобныхъ случаевъ между обществами возникали недоразумѣнія, споры и тяжбы; при разрѣшеніи этихъ послѣднихъ сама мѣстная администрація не придерживалась какого-либо установившагося взгляда на значеніе проектнаго межеванія, а руководствовалась въ однихъ случаяхъ данными этого послѣдняго, въ другихъ — фактическимъ пользованіемъ, какъ оно изобразилось на планахъ первоначальной съемки.

Изъ изложеннаго видно, что постановка межевыхъ работъ въ восточно-сибирскихъ губерніяхъ отличалась въ благопріятную сторону отъ характера работъ въ губерніяхъ западно-сибирскихъ. Цѣлью межеванія въ губерніяхъ Иркутской и Енисейской ставилось прежде всего, по выраженію одного оффиціального документа, „утвердить поземельное спокойствіе сельскаго сословія“, и только на второмъ мѣстѣ ставилась задача „показанія возможности дальнѣйшаго заселенія“; напротивъ, въ западно-сибирскихъ губерніяхъ колонизаціонная цѣль шла впереди задачи устройства мѣстнаго населенія, и межевые работы производились тамъ и въ такой мѣрѣ, гдѣ и въ какой это было необходимо для выдѣла земель, пригодныхъ для колонизаціи. Существенно различными представляются и результаты межевыхъ работъ: въ Енисейской и Иркутской губерніяхъ онѣ остались, благодаря пожару 1879 г., почти безъ всякихъ практическихъ послѣдствій, и крестьянское землевладѣніе основывается на фактическомъ завладѣніи, которое только констатируется документами первоначальнаго межеванія; напротивъ, въ Западной Сибири и въ частности — въ западной половинѣ Томской губерніи межеваніе ввело уже землевладѣніе крестьянъ въ опредѣленные, хотя и неизмѣющія окончательнаго значенія границы.

Оцѣнка качественной стороны произведенныхъ въ Сибири разграничительныхъ работъ не представляетъ для насъ особаго интереса, такъ какъ имѣетъ развѣ только отдаленное отношеніе къ

вопросу о складѣ крестьянскаго землевладѣнія. Для насъ достаточно будетъ, поэтому, сослаться на свидѣтельство одной официальной записки, составленной въ 1885 году и рѣзкими штрихами обрисовывающей значеніе для Сибири слѣдовавшихъ одно за другимъ межеваній. „Землеустройство Сибири, читаемъ мы въ этой запискѣ, нарушило прежнюю хозяйственную самостоятельность и жизнь сибирскаго крестьянина, нарушило стройную народную форму землепользованія, а взамѣстъ не только не внесло какого-либо порядка въ землевладѣніе и землепользованіе, но окончательно породило земельный хаосъ, неурядицы, смуты, безконечные споры, драки и служило постоянною почвой къ всевозможнымъ злоупотребленіямъ, вымогательству, поборамъ и взяткамъ.“¹⁾ — явленія, болѣе или менѣе неизбежныя при крайне плохомъ матеріальномъ обезпеченіи сибирскихъ землевровъ, низкомъ ихъ образовательномъ цензѣ и почти полной, фактически, ихъ безконтрольности.

Между тѣмъ, еще съ начала 70-хъ годовъ начались подготовительныя работы въ составленію проекта закона объ окончательномъ поземельномъ устройствѣ старожилаго населенія Сибири, устройствѣ, которое должно дать землевладѣнію этого населенія прочность, необходимую для правильнаго хозяйственнаго развитія страны, и привести размѣры землевладѣнія въ соотвѣтствіе съ дѣйствительными потребностями населенія. Надъ этимъ вопросомъ работали и продолжаетъ работать и въ Петербургѣ, и на мѣстахъ, цѣлый рядъ комиссій; чтобы поставить разрѣшеніе этого вопроса на твердую почву, было предпринято рядъ спеціальныхъ хозяйственно-статистическихъ изслѣдованій, охватившихъ весь четьяре губерній земледѣльческой Сибири и давшихъ, между прочимъ, богатый запасъ свѣдѣній о способахъ и формахъ владѣнія и пользованія землею. Въ ожиданіи изданія закона о поземельномъ устройствѣ, правительство въ 1887 году прекратило всѣя работы по надѣ-

¹⁾ Цитируемъ по статьѣ В. А. Остафьева въ „Запискахъ Западно-Сибирскаго отдѣла Географическаго общества“, т. XVIII, вып. 2, стр. 25.

ленію крестьянъ въ Сибири и по разграниченію ихъ землевладѣнія и сосредоточило свое вниманіе исключительно на водвореніи и земельномъ устройствѣ подходившихъ изъ Европейской Россіи все болѣе и болѣе многочисленныхъ переселенцевъ. Для этой цѣли въ 1885 году былъ сформированъ такъ называемый Западно-Сибирскій переселенческій отрядъ, разбросавшій свою дѣятельность по всему юго-востоку Тобольской губерніи и по всѣмъ тремъ округамъ Томской, не принадлежащимъ къ составу Алтайскаго горнаго округа, главнымъ-же образомъ дѣйствовавшей въ округахъ Мариинскомъ и Тюкалинскомъ, — а въ 1893 году для той-же цѣли были учреждены особыя „временныя партіи“, и выдѣль земель для переселенцевъ охватилъ въ Западной Сибири округа Томскій, Каинскій, Тюкалинскій, Тарскій и Ишимскій, въ Восточной — три округа Енисейской губерніи, пересекаемые трактомъ и линіей Сибирской желѣзной дороги.

Не имѣющая, повидимому, никакого отношенія къ дѣлу земельного устройства старожилого населенія дѣятельность „отряда“ и „партій“, въ дѣйствительности, повела къ дальнѣйшему стѣсненію земельного простора этого послѣдняго: лишь меньшую часть земель, удобныхъ для водворенія переселенцевъ, удалось найти среди казенныхъ пустопорожнихъ пространствъ или вообще земель единственнаго владѣнія казны; значительное большинство земель, вошедшихъ въ переселенческіе участки, выдѣлено изъ пользованія старожиловъ, и потому образованіе переселенческихъ участковъ чиновниками „отряда“ и „партій“ фактически сопровождалось великимъ размежеваніемъ, то чѣмъ-то весьма похожимъ на размежеваніе старожильскихъ земель. Въ частности практика переселенческаго отряда выработала такой порядокъ дѣйствій, при которомъ работы въ каждой данной волостной дачѣ начинались отграниченіемъ для каждаго сельскаго общества пропорціональнаго его населенію надѣла, остававшіеся же за такимъ надѣленіемъ излишки обрабатывались частью въ переселенческіе участки, частью въ казенныя дѣ-

ныя дачи и оброчныя статьи: сходный характер имѣла, мѣстами, и дѣятельность „временныхъ партій“, въ другихъ же мѣстностяхъ эти послѣднія ограничивались отрѣзкой изъ старожильского пользованія явно ненужныхъ старожиламъ земель, оставляя въ пользованіи старожиловъ никакъ не меньше, а обыкновенно — значительно болѣе нормы. Что касается до самой этой нормы, то въ этомъ отношеніи практика Западно-Сибирскаго отряда внесла существенное отступленіе отъ принятаго при прежнихъ межевыхъ работахъ порядка: въ то время какъ ранѣе надѣлы старожиламъ отводились по расчету на *ревизскую* душу, отрядъ отводилъ надѣлы по расчету 15 десятинъ на *наличную* душу, и эта норма была узаконена, въ качествѣ минимальной, и дѣйствующими нынѣ „Временными правилами“ 13 іюня 1893 года. Затѣмъ, существенныя особенности представляетъ самая организація работъ „отряда“ и „партій“. Въ прежнія времена „землемѣръ“ дѣйствовалъ почти безконтрольно: онъ производилъ съемку, онъ же составлялъ и исполнялъ въ натурѣ проектъ разграниченія, и дѣйствія его подлежали только бумажному, формальному контролю; напротивъ, въ „отрядѣ“ и „партіяхъ“ за мелочными чиновниками остались только техническія функціи — съемка и проведеніе междъ въ натурѣ, и даже эти обязанности они исполняютъ подъ надзоромъ и контролемъ особыхъ производителей работъ, на которыхъ всецѣло лежитъ составленіе проектовъ разграниченія и предъявленіе ихъ населенію, — а затѣмъ вышеупомянутыми „Временными правилами“ 13 іюня 1893 года установленъ особый порядокъ разсмотрѣнія и утвержденія проектовъ въ комиссіяхъ, въ составъ которыхъ входятъ крестьянскіе чиновники, дѣенчіе и другіе представители мѣстной администраціи, а также установлены сроки и порядокъ обжалованія постановленій этихъ комиссій.

Дѣятельность „отряда“ и „партій“, охватившая губерніи Тобольскую, Томскую и Енисейскую, не могла, конечно, не отразиться, особенно въ послѣднее трехлѣтіе — 1893 — 1895 г. — на складѣ

земельныхъ отношеній мѣстнаго крестьянства. Но „временныя партіи“ были сформированы, а „отрядъ“ успѣлъ сколько-нибудь значительно развить свою дѣятельность ужъ послѣ того мѣстнаго изслѣдованія (1887—1890 гг.), которое дало матеріалъ для настоящей работы. Изслѣдованіе это позволяетъ нарисовать картину землевладѣнія и землепользованія въ Сибири въ томъ видѣ, какъ оно сложилось къ концу 80-хъ и самому началу 90-хъ годовъ подъ вліяніемъ, отчасти, вольнаго захвата и разработки пустолежащихъ казенныхъ земель, отчасти—тѣхъ лишенныхъ порядка и системы землеустроительныхъ работъ, которыя производились, главнымъ образомъ, съ конца 30-хъ до середины 80-хъ годовъ.— хотя и даютъ возможность предсказать, въ какомъ направленіи пойдетъ развитіе сибирскихъ общинныхъ порядковъ подъ вліяніемъ того рѣзко обозначающагося „утѣсненія“, которое создается мѣропріятіями послѣднихъ годовъ, имѣющими цѣлью подготовить мѣста для принятія все болѣе и болѣе усиливающагося переселенческаго движенія.

II.

Мы представили такимъ образомъ краткій очеркъ или точнѣе— хронологическій перечень правительственныхъ мѣропріятій, направленныхъ къ приведенію въ извѣстность и урегулированію землевладѣнія сибирскихъ крестьянъ. Основанное на такихъ, лишенныхъ систематичности и вообще безпорядочныхъ межевыхъ дѣйствіяхъ, при томъ же, въ значительной мѣрѣ, преслѣдовавшихъ постороннія цѣли, мѣстами же и вовсе не подвергавшееся регулирующему воздействию правительства, землевладѣніе это, конечно, не можетъ не представлять собою чрезвычайно пестрой картины, въ которой *отсутствуетъ* только *единоличное, подворно-наслѣдственное* владѣніе: субъектомъ владѣнія земель, будь оно основано на утвержденномъ отводѣ, на неутвержденномъ проектномъ планѣ или иномъ *документѣ* или опирайся оно, просто, на ничѣмъ не

регулируемый захватъ казенно-свободныхъ земель, всегда является не отдѣльный дворъ, а *общество крестьянъ*.¹⁾ — но обществомъ, совместно владѣющимъ землею, въ однихъ случаяхъ является цѣлая волость, въ другихъ — отдѣльное селеніе, въ третьихъ — болѣе или менѣе многочисленная группа селеній²⁾.

Въ Западной Сибири, первоначально, единицею надѣленія земель всегда являлась *волость*: всѣ работы, исполненыя Сибирскимъ межеваніемъ въ Тобольской и Томской губерніяхъ, охватывали цѣлые волостные районы, и такой порядокъ вполне соответствовалъ требованіямъ дѣйствительной жизни: *волости* были не только *административными*, но и *земельными* единицами, и единство это проявлялось, какъ при порядкахъ пользованія, основанныхъ на захватѣ, такъ и при душевомъ пользованіи. Затѣмъ однако, начиная съ 60-хъ годовъ, среди крестьянъ южной части Тобольской губерніи обнаружилось стремленіе къ разложенію крупныхъ земельныхъ единицъ-волостей на болѣе мелкія — сельскія общества или селенія; движенію этому, на которомъ намъ придется еще остановиться ниже, пошла на встрѣчу мѣстная власть, и большая часть волостныхъ дачъ южныхъ округовъ Тобольской губерніи была размежевана на поселенные отрубы или на „районы“, каждый изъ которыхъ охватывалъ небольшое число селеній. Тѣмъ не менѣе, и въ этихъ южныхъ округахъ часть волостныхъ дачъ не была разграничена, а сохранила свое земельное единство: такъ, въ Курганскомъ округѣ неразграниченными остались восемь волостныхъ дачъ изъ 35-ти, изъ такого же числа волостей Ишимскаго округа надѣленными въ общихъ дачахъ остались 7 волостей, а двѣ изъ нихъ (Готопутовская и Боровская) въ административномъ отно-

¹⁾ Исключеніе представляютъ только одиночныя заимки, разбросанныя по тайгѣ, среди иныхъ незанятыхъ, пустопорожнихъ земель; но такія заимки представляютъ собой только зародышевую форму землевладѣнія и почти всегда развертываются въ селенія съ общимъ владѣніемъ землей.

²⁾ Данные по этому вопросу см. „Крестьянское землепользованіе и хозяйство Тобольской и Томской губерній“, стр. 20—22; „Матеріалы по Иркутской и Енисейской губерніямъ“, т. II, выд. 3, стр. 43—102; т. IV, выд. 3, стр. 40—101.

шеніи были раздѣлены надвое, въ земельномъ же отношеніи оставались нераздѣленными, такъ что единицею землевладѣнія оставалась группа, охватывающая цѣлыхъ двѣ волости; близко къ волостному землевладѣнію осталось еще въ нѣсколькихъ волостяхъ Ишимскаго округа, гдѣ земля отводилась крупными районами, охватывающими по десятку и болѣе селеній. Во всѣхъ остальныхъ волостяхъ Ишимскаго и Курганскаго округовъ земля, по общему правилу, разбита на отдѣльные поселенные отрубы, и только въ видѣ исключенія въ одинъ отрубъ замежевывались по два или по три селенія; въ рядѣ случаевъ соединеніе двухъ или трехъ селеній въ одну общую земельную дачу происходило значительно позже общаго размежеванія волости; такое соединеніе, связанное съ уничтоженіемъ раздѣльныхъ межъ, практиковалось межевою администраціей, какъ способъ для устраненія допущенной при размежеваніи неравномѣрности надѣленія смежныхъ обществъ, при чемъ этимъ послѣднимъ вмѣнялось въ обязанность уравнивать землю между собою. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, селенія, при общемъ размежеваніи включенныя въ одну общую дачу съ однимъ или двумя другими селеніями, въ виду происшедшей изъ такого совладѣнія земельной неурядицы, выхлопывали себѣ размежеваніе общихъ дачъ на поселенные отрубы; любопытный примѣръ этого рода представляетъ собой Дарихинская волость Ишимскаго округа: изъ пяти образованныхъ здѣсь при общемъ размежеваніи общихъ дачъ (по 2—3 селенія въ каждой) въ настоящее время существуетъ только одна, а остальные четыре разбились на поселенные отрубы.

Итакъ, порядокъ надѣленія, при которомъ юридической общиной¹⁾ является отдѣльное селеніе или, рѣже, группа изъ двухъ или трехъ сосѣднихъ селеній, въ настоящее время можетъ быть приз-

¹⁾ Этотъ терминъ заимствуемъ изъ „Матеріаловъ“ по Иркутской и Енисейской губерніямъ, гдѣ онъ употребляется для обозначенія группъ населенія, владѣющихъ землей въ общей межѣ, хотя бы фактическое пользованіе землей распредѣлилось совершенно иначе.

ванъ господствующимъ въ южныхъ и въ частности—въ юго-западныхъ округахъ Тобольской губерніи. Въ сѣверныхъ округахъ мы видимъ совершенно иное; то стремленіе къ разграниченію общихъ дачъ на поселенныя отрубы, о которомъ упоминалось выше, здѣсь вовсе или почти вовсе не проявлялось, а потому волостное землевладѣніе и до сихъ поръ остается преобладающею формой. Такъ, изъ 21 волостной дачи Тюменскаго округа только одна (инородческая) разбита на поселенныя отрубы, двѣ—на два—три крупныхъ района каждая, въ остальныхъ же 18-ти волостяхъ населеніе пользуется землей въ общихъ, неразмежеванныхъ между селеніями дачахъ. Въ Туринскомъ округѣ въ особыхъ подеревенныхъ дачахъ надѣлены только инородцы одной небольшой волости (Куртумовской), селенія которой разбросаны поодиночкѣ среди русскихъ волостей, а потому и не могли быть надѣлены иначе, какъ въ особыхъ отрубахъ. Затѣмъ, всѣ русскія волости, расположенныя въ южной половинѣ округа, по теченію р. Туры, надѣлены въ общихъ дачахъ, изъ которыхъ выдѣлено только нѣсколько расположенныхъ поодаль небольшихъ селеній. Изъ волостей сѣверной половины округа (бассейнъ р. Тавды) въ одной составлялъ былъ проектъ надѣленія, по которому три селенія должны были получить землю въ отдѣльныхъ отрубахъ, всѣ остальные—въ одной общей дачѣ; проектъ этотъ, хотя никѣмъ не утвержденный, тѣмъ не менѣе фактически, по добровольному соглашенію крестьянъ, приведенъ въ дѣйствіе. Земли всѣхъ остальныхъ какъ русскихъ, такъ и инородческихъ волостей при-Тавдинскаго района до сихъ поръ не разграничены ни между собой, ни отъ земель казеннаго вѣдомства, такъ что о „юридическихъ межевыхъ дачахъ“ здѣсь не можетъ быть рѣчи; тѣмъ не менѣе землевладѣніе волостей не сливается между собой, а заключается въ предѣлы, установленныя давностью и добровольнымъ соглашеніемъ. Такіе же порядки господствуютъ въ сѣверныхъ, никогда не межевавшихся волостяхъ Тобольскаго округа, большая же часть южныхъ волостей этого

округа надѣлена землей въ общихъ, не разграниченныхъ между селеніями дачахъ.

Столь-же разнообразны порядки, существующіе, въ разсматриваемомъ отношеніи, въ изслѣдованныхъ округахъ Томской губерніи. Точныя свѣдѣнія по этому вопросу собраны изслѣдованіемъ только въ семи волостяхъ Томскаго и Мариинскаго округовъ, — но и эти волости представляютъ собой очень пеструю картину. Такъ, въ трехъ волостяхъ, окружающихъ городъ Томскъ, земля разбита на мелкія дачи, отведенныя отдѣльнымъ селеніямъ или группамъ по 2—3 селенія въ каждой; также устроено землевладѣніе и въ одной изъ болѣе удаленныхъ отъ Томска волостей — Зырянской: здѣсь все безъ исключенія селенія имѣютъ отдѣльныя дачи; при этомъ любопытно, что крестьяне-новоселы образовавшася въ 50-хъ годахъ с. Богословскаго, получивъ при самомъ водвореніи своемъ отдѣльный земельный участокъ и пользуясь этимъ участкомъ въ полномъ объемѣ, поселились однако внѣ предѣловъ участка и такимъ образомъ пользуются землей въ гораздо большемъ противъ нормы количествѣ. Двумъ другимъ волостямъ — Почитанской и Баимской — земля отведена въ общихъ волостныхъ дачахъ, и только два образованія переселенцами въ 50-хъ годахъ, селенія при самомъ возникновеніи своемъ получили отдѣльные поселенные участки, границы которыхъ, однако, въ дѣйствительности не соблюдаются. Что касается Ишимской волости, то въ южной ея половинѣ земля отведена въ отдѣльныхъ поселенныхъ отрубяхъ, въ сѣверной — въ общихъ дачахъ, охватывающихъ каждая отъ двухъ до четырехъ селеній, при чемъ самая сѣверная окраина волости не имѣетъ строгаго разграниченія ни отъ инородческихъ владѣній, ни отъ земель единственнаго владѣнія казны. Для Каинскаго округа изслѣдованіе не даетъ свѣдѣній по разсматриваемому вопросу; но, по вѣдѣнію, и здѣсь царитъ не меньшая пестрота, нежели въ остальныхъ двухъ округахъ Томской губерніи: при поѣздкахъ по Каинскому округу, пишущему эти строки пришлось удостовѣриться, что иѣ-

которыя волостныя дачи (Казанская, Вознесенская, Усть-Тартаская, Верхне-Омская) уже довольно давно размежеваны на поселенныя отрубы, другія-же (Юдинская, Кыштовская), напротивъ, владѣютъ землей въ обширныхъ волостныхъ дачахъ.

Приведенный обзоръ распредѣленія крестьянскаго землевладѣнія по межевымъ дачамъ основанъ, какъ уже упоминалось, на данныхъ, добытыхъ изслѣдованіемъ въ промежутокъ времени съ 1887 по 1890 годъ, а потому въ настоящее время представляется значительно устарѣлымъ, если не для всѣхъ округовъ, то во всякомъ случаѣ для тѣхъ, гдѣ главнымъ образомъ производилось, за послѣдніе 5—6 лѣтъ, выдѣленіе излишнихъ земель для образованія переселенческихъ участковъ: параллельно съ такимъ выдѣломъ производилось обыкновенно размежеваніе земель, остающихся въ пользованіи старожиловъ, на поселенныя отрубы, благодаря чему надѣленіе землею въ особяхъ для каждаго селенія дачахъ за послѣднее время значительно распространилось на счетъ порядка надѣленія въ волостныхъ и вообще болѣе крупныхъ районахъ, — распространилось, притомъ, совершенно независимо отъ какихъ-либо естественныхъ процессовъ, которые происходили-бы среди мѣстнаго крестьянства и вызывали-бы необходимость раздробленія крупныхъ земельныхъ районовъ.

Переходя затѣмъ къ восточно-сибирскимъ губерніямъ — Иркутской и Енисейской, необходимо замѣтить прежде всего, что основаніемъ объединенія тѣхъ или другихъ группъ населенія къ „юридическія“ или „межевыя общины“ почти нигдѣ не является отводъ, надлежащею властью утвержденный и въ надлежащемъ порядкѣ исполненный къ натурѣ; межевыя дѣйствія лишь по немногимъ волостнымъ дачамъ были доведены до конца: по большинству волостныхъ дачъ они не пошли далѣе составленія и предварительнаго исполненія къ натурѣ проектовъ разграниченія крестьянскихъ волостныхъ дачъ, и землевладѣніе опирается частью на такіа проектная разграниченія, главнымъ-же образомъ, какъ и въ во-

лостяхъ, гдѣ дѣло не дошло и до составленія проектовъ, — на документы первоначальнаго межеванія, только констатировавшіе установившееся путемъ свободного захвата и разработки владѣніе; наконецъ, не мало, особенно въ Енисейской губерніи, осталось мѣстностей, гдѣ не было и такой съемки, и гдѣ землевладѣніе имѣетъ исключительно фактическій характеръ, безъ всякой межевой основы, и гдѣ слѣдовательно „юридическая община“ совершенно отсутствуетъ.

Въ Иркутской губерніи плановой матеріалъ того или другого рода имѣется по всѣмъ изслѣдованнымъ волостнымъ районамъ, и составъ „юридическихъ общинъ“ представляетъ едва-ли не болѣе разнообразія, нежели въ западно-сибирскихъ губерніяхъ. Впрочемъ, лишь меньшинство селеній размежевано въ отдѣльныя, односеленныя дачи: преобладаютъ „юридическія общины“ составного типа; большинство волостей разбито на болѣе или менѣе значительное число дачъ, охватывающихъ каждая небольшое число селеній или даже по одному селенію, при чемъ иногда въ составъ одной дачи размежевывались и селенія, принадлежащіа къ разнымъ волостямъ; иногда, повидимому, при размежеваніи селеній въ одну общую дачу принималась во вниманіе принадлежность къ административнымъ сельскимъ обществамъ (состоящимъ, болѣею частью, изъ нѣсколькихъ селеній), иногда, напротивъ, селенія, принадлежащіа къ одному обществу, дробились между нѣсколькими дачами. Далѣе, въ ряду волостей земля размежевана въ 2—3 крупныхъ района, охватывающихъ каждый отъ 4—6 до 9—10 селеній, и, наконецъ, нѣкоторымъ волостямъ (Оекской Иркутскаго округа, Евсеевской и Зиминской Балаганскаго) земли отводилась въ одной общей дачѣ, въ одномъ же случаѣ отмежевана общая дача для двухъ волостей — Уриковской и Усть-Балейской Иркутскаго округа. Всѣ эти способы размежеванія земель встрѣчаются въ Иркутской губерніи въ самыхъ разнообразныхъ между собой комбинаціяхъ: въ однихъ волостяхъ два-три селенія имѣютъ особыя дачи, остальные же

земли разбиты на два-три района съ 6—7 селеніями въ каждомъ или владѣютъ землей въ одной общей дачѣ; въ другихъ рядомъ съ крупными районами по 6—9 селеній встрѣчаются мелкія дачи, охватывающія всего по 2—3 селенія и т. д.

Въ Енисейской губерніи, — тамъ, гдѣ вообще производились межевыя работы, и можно говорить объ „юридическихъ общинахъ“, — преобладаютъ дачи незначительнаго состава, охватывающія владѣнія отдѣльныхъ селеній, или обнимающія по два-три селенія или сельскихъ общества; только въ Красноярскомъ округѣ встрѣчаются болѣе крупныя межевыя дачи; въ двухъ волостяхъ (и въ одной подости Минусинскаго округа) такія дачи охватываютъ по 4—5 селеній, въ одной — до восьми, и только въ одной волости — 13 селеній (все селенія волости, кромѣ двухъ) вошли въ составъ одной „юридической общины“.

III

„Юридическая община“ — совокупность селеній, охваченныхъ одною общою межею, далеко не всегда и не вездѣ совпадаетъ съ *фактической* общиной, — союзомъ, въ которомъ сосредоточивается дѣйствительное владѣніе и пользованіе земельными угодьями. Въ видѣ общаго правила о такомъ совпаденіи можно говорить только для простыхъ, однопоселенныхъ юридическихъ общинъ, которыя и фактически почти всегда пользуются землею отдѣльно отъ другихъ окрестныхъ селеній. Выше приведено было, однако, нѣсколько случаевъ, гдѣ межи селенныхъ дачъ фактически не соблюдаются, — и въ богатыхъ землею или отдѣльными угодьями мѣстностяхъ губерній Томской, Енисейской и Иркутской такіе случаи не представляютъ собою исключенія, равно какъ не рѣдки и вообще случаи, когда фактическое пользованіе распространяется за предѣлы отведенныхъ населенію межевыхъ дачъ; особенно часты подобныя случаи въ мѣстностяхъ, богатыхъ лѣсомъ, гдѣ крестьяне, верѣвно, рубятъ лѣсъ, безразлично, и въ своихъ, и въ чужихъ дачахъ;

довольно часто не соблюдаются границы и по отношенію къ нахотнымъ расчисткамъ, иногда—и по отношенію къ вольнымъ покосамъ и даже присельнымъ выгонамъ; изслѣдованіемъ отмѣчены случаи, когда на обширные вольные покосы, принадлежащіе одной „юридической общинѣ“, беззрѣяственно наѣзжаютъ „посторонніе“ крестьяне; отмѣчены и другіе случаи, когда крестьяне прирѣчныхъ селеній при большихъ разливахъ, затопляющихъ ихъ присельный выгонъ, перегоняютъ свой скотъ въ покотины сосѣднихъ „нагорныхъ“ селеній, не страдающихъ отъ разливовъ, —но за то пускаютъ въ свою покотину скотъ „нагорныхъ“ сосѣдей при засухахъ, когда покотины „на горѣ“ остаются безъ корма. Но во всѣхъ подобныхъ случаяхъ допущеніе „постороннихъ“ крестьянъ къ пользованію угодьями—дѣло доброй воли заинтересованныхъ крестьянскихъ обществъ, которыя только потому не мѣшаютъ постороннимъ пользоваться этими угодьями, что имѣютъ такихъ угодій болѣе, нежели нужно имъ самимъ,—и такимъ образомъ всѣ перечисленные случаи не нарушаютъ, въ сущности, того общаго правила, въ силу котораго граница межевой дачи является, такъ сказать, внѣшней границей крестьянскаго пользованія,—той границей, за которую оно не выходитъ, и внутри которой не имѣютъ права проникать постороннія лица. Но если эта граница охватываетъ не одно, а нѣсколько селеній, то возникаетъ вопросъ, какъ организуется пользованіе землею внутри ея,—въ какомъ отношеніи находится „юридическая община“ къ общинѣ фактической или бытовой—дѣйствительному субъекту владѣнія и пользованія землей.

Порядки пользованія землей въ земледѣльческихъ губерніяхъ Сибири представляютъ чрезвычайно пеструю картину; они могутъ быть расположены въ видѣ лѣстницы, на одномъ концѣ которой стоятъ чисто захватные способы пользованія, на другомъ—душевое пользованіе, облекающееся въ формы, все болѣе тонкія и точныя. Указать границы фактической общины при душевомъ пользованіи, конечно, возможно и легко, такъ какъ общность владѣнія харак-

теризуется безпорнымъ и яснымъ признакомъ — общимъ передѣломъ угодій. Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ при захватныхъ способахъ пользованія.¹⁾ Здѣь сама община, въ сущности, не вышла изъ зародышеваго состоянія, и границы ея не поддаются точному опредѣленію. По описанію изслѣдователя волостного землевладѣнія въ Барабинской степи, г. Филимонова, распредѣленіе угодій между отдѣльными селеніями, лежащими внутри неразграниченной волостной дачи, представляетъ такую картину: „Кругомъ отдѣльныхъ селеній, на разстояніи 2—5 верстъ отъ послѣднихъ, лежали селенныя межи (?), внутри которыхъ находилась единственная селенная земля — покотина, а внѣ-волостная земля съ пашнями, сѣнокосомъ и лѣсомъ. Среди этой волостной, неразграниченной между селеніями земли, тамъ и сямъ были разбросаны земельные участки, принадлежащіе отдѣльнымъ хозяевамъ. Вблизи покотинъ эти участки лежали болѣе смежно другъ съ другомъ, нѣсколько вдали отъ покотинъ — болѣе разсѣянно, а еще болѣе вдали — совершенно одиноко другъ отъ друга. Первые участки принадлежали преимущественно жителямъ того селенія, подлѣ покотины котораго они находились; вторые . . . принадлежали жителямъ сосѣднихъ селеній, двухъ-трехъ, третьи принадлежали жителямъ нѣсколькихъ селеній“, что же касается земель, наиболѣе удаленныхъ, то онѣ, „будучи свободными волостными землями, представляли собой запасный земельный фондъ . . .“ и пока, до времени, составляли „ничью собственность“.

Эта характеристика, останавливающаяся почти исключительно на распредѣленіи внутри волостной „юридической общины“, или — что, въ сущности, безразлично — въ совершенно необмежеванной дачѣ, владѣнія нахотными землями, вполне согласуется съ харак-

¹⁾ См. „Матеріалы по Западной Сибири, вып. V, стр. 6—24; вып. XVIII, стр. 213—221; сводная работа „Крестьянское землепользованіе и т. д. въ Тобольской и Томской губ.“ стр. 24; „Матеріалы“ по Иркутской и Енисейской губ.; т. II, вып. 2, стр. 10; вып. 3, стр. 43—49, 132—134; т. IV, вып. 3, стр. 10—11. См. также Филимонова, „Фермы волостного землевладѣнія въ сѣверо-западной Барабѣ“, стр. 27 и 48.

теристикой землевладѣнія внутри волостныхъ неразграниченныхъ дачъ Маріинскаго округа: здѣсь право пользованія лѣсомъ и неогороженными пастбищами принадлежитъ безраздѣльно крестьянамъ всѣхъ селеній волости; пашни и покосы фактически разбились на участки, состоящіе въ пользованіи отдѣльныхъ селеній; это распредѣленіе не было установлено ни только какими либо межевыми дѣйствіями, но даже и добровольными соглашеніями; оно установилось само собой, какъ естественный результатъ тяготѣнія замочнаго пользованія крестьянъ каждаго селенія къ усадьбамъ этого послѣдняго, какъ результатъ сознанія неудобствъ, связанныхъ съ чрезмѣрнымъ удаленіемъ заимокъ отъ усадьбъ и, особенно, — съ приближеніемъ ихъ къ сферѣ пользованія крестьянъ другого селенія. Каждое селеніе эксплуатируетъ, такимъ образомъ, ближайшія урочища земельныхъ угодій въ количествѣ приблизительно соотвѣствующемъ численности его населенія, и такое распредѣленіе угодій, хотя и совершенно лишено юридической санкціи, настолько упрочилось въ сознаніи населенія, что отдѣльныя селенныя общины совершенно не стѣсняются передѣлать, когда признаютъ это нужнымъ, входяція въ сферу ихъ захватнаго владѣнія угодья (преимущественно сѣнокосы) по душамъ“. Въ сводной работѣ о землепользованіи и хозяйствѣ въ Тобольской и Томской губерніяхъ эта характеристика приводится, какъ типичная для тѣхъ многоземельныхъ волостныхъ дачъ, которыя остались еще не разграниченными на поселенные отрубы; но въ отдѣльныхъ случаяхъ распредѣленіе землевладѣнія складывается и иначе: изслѣдованіемъ отмѣчено, напримѣръ, случай, гдѣ право рубки лѣса въ хорошемъ строевомъ бору, лежащемъ въ предѣлахъ одной волостной дачи (Почитанской Маріинскаго округа), принадлежитъ и крестьянамъ сосѣдней (Баимской) волости; въ другомъ случаѣ, напротивъ, крестьяне одной половины волости не могутъ рубить лѣса въ другой половинѣ, сѣнокосы же приурочены къ отдѣльнымъ селеніямъ только въ теченіе первыхъ двухъ недѣль сѣнокоснаго времени, а затѣмъ

поступаютъ въ вольное пользованіе крестьянъ всей волости (Сладковская волость Инимекаго округа); иногда часть покосовъ приурочена къ отдѣльнымъ селеніямъ, часть же состоитъ, опять таки, въ волостномъ вольномъ пользованіи (Маслянская и Готонутонская волости того же округа), и т. д.

Особенно богатый и детально разработанный матеріалъ по разсматриваемому вопросу даютъ изслѣдованія, произведенныя въ восточно-сибирскихъ губерніяхъ, и формы, въ которыя складывается здѣсь владѣніе землей въ общихъ дачахъ и въ необмежеванныхъ мѣстностяхъ, представляютъ весьма пеструю и безпорядочную картину. Въ главѣ о „землевладѣніи“ въ Енисейской губерніи не дѣлается, въ сущности, попытки какъ либо систематизировать это разнообразіе, а констатируется только, что „каждая межевая община можетъ быть подраздѣлена на нѣсколько фактическихъ общинъ, иногда совершенно несоотвѣтствующихъ другъ другу, — въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ имѣется наличность вольнаго пользованія какимъ-либо угодьемъ, соотвѣтственныхъ фактическихъ общинъ не существуетъ, — здѣсь могутъ быть обнаружены только зачатки послѣднихъ“. „Наипаче, какъ констатируется изслѣдованіе, встрѣчаются выгонныя и покосныя фактическія общины; первыя являются результатомъ совместной горюдьбы поскотины и удобства общаго пользованія выгономъ; вторыя — главнымъ образомъ вслѣдствіе ограниченнаго количества луговъ“.

Значительно обстоятельнѣе разработанъ вопросъ по Иркутской губерніи, гдѣ чернолосица и общее владѣніе угодьями представляютъ собой, можно сказать, общее правило: „когда земля считается „божьей“, „личьей“ — или, что все равно, общей, вслѣдствіе чего каждый разрабатываетъ себя, гдѣ что хочетъ, хозяева отдѣльныхъ сосѣднихъ селеній, пользуются одинаковымъ правомъ разработки, выбираютъ участки въ перемежку другъ съ другомъ, вслѣдствіе чего она является чернолосица“; совместное владѣніе разныхъ селеній „заканчивается по отношенію къ выпускамъ, дѣсамъ (въ смыслѣ

пользованія ими для заготовки лѣсного матеріала, а также и разработки въ нихъ земель) и, главное, къ сѣнокосамъ. Обыкновенно такое совпаденіе устанавливалось весьма просто: былъ просторъ—рубилъ лѣсъ, кто хотѣлъ изъ окрестныхъ селеній,—значить, лѣсъ считался общимъ ихъ достояніемъ; облюбовали удобное мѣсто, стали выгонять туда скотъ—опять изъ всѣхъ деревень, благо мѣсто ничье, общее, всѣмъ удобно, никто не „препятствуетъ“ и не имѣетъ ни права, ни нужды воспрепятствовать. Нашли у рѣчки гладкое травянистое мѣсто,—травы „вволю“, „хватить для всѣхъ“, а въ окрестности болѣе удобныхъ покосныхъ мѣсть пѣтъ,—вотъ и стали ѣздить туда на косьбу изъ всѣхъ сосѣднихъ селеній; такъ и стала покось общимъ для всѣхъ“. Совмѣстное владѣніе устанавливается, такимъ образомъ, въ зависимости отъ степени изобилія и относительнаго расположенія каждаго отдѣльнаго рода угодій,—обстоятельствъ, складывающихся своеобразно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, а потому можетъ существовать по отношенію и къ одному, и къ нѣсколькимъ, и ко всѣмъ угодьямъ; при этомъ по отношенію къ одному угодью совмѣстное владѣніе перѣдко устанавливается съ одними, по отношенію къ другому—съ другими селеніями, а потому установленіе границъ фактической общины является задачей, болѣе нежели затруднительною. Исслѣдованіе выходитъ изъ этого затрудненія, устанавливая понятіе „покосныхъ“, „выгонныхъ“, „пахотныхъ“ и т. д. общинъ, т. е. союзовъ, владѣющихъ совмѣстно тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ угодьемъ, и эти „сѣнокосная“, „выгонная“ и т. д. общины переплетаются между собой въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ. Чтобы показать, какъ далеко заходитъ это разнообразіе, позволимъ себѣ привести здѣсь *in extenso* очеркъ поземельныхъ отношеній, сложившихся въ громадной Урикско-Усть-Балейской (Иркутскаго округа) юридической общинѣ, состоящей изъ 13 сельскихъ обществъ и 18 селеній. Пашни у всѣхъ этихъ обществъ и селеній „расположены болѣе или менѣе резко-лосно (исключая селеніе Кардупское), при чемъ чрезвычайно существуетъ обыкновенно

не только между самыми близкими селениями, но и между более отдаленными селениями. Так, предположив пахатных полей существует почти между всеми селениями Уриковской волости; пашни селений Усть-Балевской волости с Уриковскими, помимо того, не смешиваются, но между собой перепаханы тоже почти у всех селений. Относительно пользования покосами взаимными земельными отношения различных селений представляют некоторые своеобразные особенности. Именно здесь в первый раз наблюдается тот факт, что одно и тоже же селение относительно пользования лежащими в различных местах дугами входит в состав нескольких различных покосных общин, т. е. одни дуга делят сообща с одними селениями, другие — с другими, при чем иногда имеют еще так называемые „домашние“ покосы, которыми владеет уже совершенно отдельно от всех прочих селений. Вследствие этого все семь входящих в состав юридической общины селений Уриковской волости могут быть рассматриваемы как одна сложная покосная община, состоящая из нескольких простых, т. е. так сказать, покрывающих друг друга. Первая из этих простых общин, сообща владеющая покосами по р. Кудь, состоит из сел. Урица, Широкая, Тайтура, Горышня и Дыловская (между отдельными селениями покосы этой общины разверстываются по жребию каждые 3 года или чередой в 6 лет); вторую, владеющую некоторыми Ангарскими островами, составляют сел. Урица, Усть-Кудь, Московское, Тайтура и Горышня (покосы этой общины были разверстаны между славянами в 1886 г. сроком на 3 года, следующим образом: острова Частье и часть Зуевского достались по жребию Урику на 494 души; острова Монастырский, Грановский, Красавец, Волковский и Горышницкий с маленькими — Урику и дер. Московская, на 412+82 души, и острова Лиственничный I-II, Березовый, Компанейский, Бузнь, Басинь, Монохол и часть Зуевского с прибрежными покосами Мать, Забонь и Каштань — селениям Усть-Кудь, Тайтуру, Горышню и дер. Московскую, в сумме тоже на 494 души; в том же году состоялось особое соглашение между Уриком и дер. Московскою, которым на 82 души была надбавка остров Грановский с 2 маленькими); наконец, третья (владеющую совместно несколькими островами) составляют селения Широковское и Дыловское. У этого последнего селения, входящего таким образом в состав двух различных покосных общин, имеют еще совершенно отдельные или „домашние“ покосы „по берегам“; такие же отдельные покосы из перечисленных селений есть еще у с. Усть-Кудинского и у дер. Московскою.

Из селений Усть-Балевской волости, селения Усть-Балей (с вост. Дунаем), Усть-Китай, Тихононадское, Еловское, Степановское, Гороховское и Боруйское представляют отдельные покосные общины каждое; деревни же Середино и Быковская составляют обе одну общину, при чем у каждой из них есть еще и отдельные покосы.

Выгоны присельные почти у всех описываемых селений отдельные; сообща владеют выгоном только селения Урица с Усть-Кудой (а также с Грановщиной и

Барлукомъ) и дер. Гороховская съ Боруйской; къ послѣдней выгонной общинѣ ранее принадлежала и дер. Степановская, но теперь съ ними равняется, хотя, можетъ быть, и неокончательно.

Лѣсомъ все описываемыя селенія пользуются въ предѣлахъ своей дачи совершенно свободно (а иногда, вѣроятно, и за ея предѣлами); Урикювскіе и Усть-Кудинскіе крестьяне иногда оброчать лѣсъ въ чужихъ дачахъ.

Несмотря на такое крайнее разнообразіе и пестроту, уважаемый изслѣдователь, разработывавшій соответственный отдѣлъ „Матеріаловъ“, г. Смирновъ, успѣваетъ установить нѣкоторыя общія начала, управляющія группировкой селеній по естественнымъ или фактическимъ общинамъ, отдѣльно для каждаго изъ угодій. Группировка эта зависитъ, главнымъ образомъ: 1, отъ сравнительной цѣнности и важности этихъ угодій, 2, отъ ихъ относительнаго обилія или недостатка (что вліяетъ и на ихъ цѣнность), и 3, отъ сравнительной величины затраты труда, необходимой для того, чтобы сдѣлать землю пригодною для эксплуатаціи въ видѣ того или другого угодья. Наименѣе цѣннымъ и наиболее обильнымъ угодьемъ въ Иркутской губерніи являются *лѣса*; вмѣстѣ съ тѣмъ для ихъ эксплуатаціи на срубъ не требуется никакой предварительной затраты труда, — а потому *лѣса* каждой юридической общины являются открытыми для совершенно свободного пользованія всехъ ея членовъ; каждый изъ нихъ можетъ рубить лѣсъ, гдѣ, когда и сколько хочетъ. Если въ своихъ дачахъ лѣса мало, то крестьяне такъ же свободно пользуются лѣсомъ и въ сосѣднихъ государственныхъ пустопорожнихъ земляхъ, а иногда и въ сосѣднихъ дачахъ другихъ юридическихъ общинъ; послѣднее вмѣстѣ мѣсто впрочемъ только тогда, когда въ этихъ сосѣднихъ общинахъ лѣса такъ много, что онѣ не находятъ нужнымъ препятствовать пользованію имъ со стороны. Такимъ образомъ, естественныя общины по отношенію къ совмѣстному пользованію лѣсомъ на срубъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ или совпадаютъ съ юридическими общинами, или даже выходятъ за ихъ предѣлы. Право расчистки лѣсныхъ площадей подъ пашню или сѣнокосъ

„всегда признается также за всеми членами данной юридической общины, и если въ некоторыхъ изъ этихъ (составныхъ) общинъ пояса новыхъ расчистокъ отдѣльныхъ селеній являются рѣзко ограниченными другъ отъ друга, то такое обстоятельство всякій разъ объясняется не какими-либо правовыми нормами, а лишь естественными условіями данной мѣстности, на почвѣ которыхъ могутъ, конечно, создаться и обычаи правового характера“; бываютъ также случаи „залѣзанія“ съ расчистками въ предѣлы чужихъ юридическихъ общинъ, — такое „залѣзаніе“ иногда допускается безпритязательно, иногда же влечетъ за собой упорные споры и тяжбы.

Приселенные выгоны. въ виду необходимости огораживанія ихъ и большей выгодности поддерживать городьбу совместно, всегда состоятъ въ общественномъ пользованіи: покотинныя общины „состоятъ иногда только изъ одного селенія, иногда же изъ нѣсколькихъ соедѣнныхъ селеній, которыя „свелись“ своими покотинными. Такое соединеніе нѣсколькихъ селеній..... обусловливается исключительно географическимъ положеніемъ ихъ выгодныхъ земель и потому не стоитъ ни въ какой причинной связи ни съ дѣленіемъ селеній по сельскимъ обществамъ, ни съ группировкой ихъ въ естественныя общины по другимъ угодымъ, ни даже съ дѣленіемъ на юридическія общины; такимъ образомъ нерѣдко встрѣчаются случаи, что къ одной и той же покотинной общинѣ принадлежатъ селенія изъ разныхъ юридическихъ общинъ“; независимо отъ этого, особые прительные выгоны нерѣдко затораживаются при заимкахъ, которыя въ такомъ случаѣ выдѣляются въ маленькія выгонныя общины, независимыя отъ коренного селенія. *Покосныя земли,* какъ угоды сравнительно весьма дѣшвыя и притомъ не требующія для своей эксплуатаціи предварительныхъ затратъ труда, почти всегда передѣляются по душамъ, почему и покосныя общины легко разграничиваются одна отъ другой: „по своему составу онѣ также обыкновенно не совпадаютъ ни съ сельскими обществами, ни съ юридическими общинами, но почти никогда не выходятъ

изъ предѣловъ этихъ послѣднихъ; другими словами—въ одну покосную общину никогда не входятъ селенія, принадлежащія къ разнымъ юридическимъ общинамъ; наоборотъ, часто бываетъ, что одна юридическая община состоитъ изъ нѣсколькихъ покосныхъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ происхожденіе отдѣльныхъ покосныхъ общинъ иногда объясняется состоявшимся нѣкогда полюбовнымъ соглашеніемъ входящихъ въ юридическую общину селеній, рѣшившихся разверстаться, „развестись“ лугами на опредѣленный срокъ или безсрочно; иногда же ведетъ свое начало отъ факта исконнаго отдѣльнаго владѣнія покосами, имѣвшаго мѣсто еще до образованія самой юридической общины, т. е. до размежеванія земель различныхъ селеній въ одну общую дачу. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ природныхъ покосовъ сравнительно много, часть ихъ (очень отдаленные участки, небольшія лѣсныя поляны и т. п.) обыкновенно не идетъ въ передѣль, а предоставляется въ свободное пользованіе всякому желающему изъ числа членовъ юридической общины; въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ въ такомъ свободномъ пользованіи находятся даже все луга общины. Что касается до *пахотныхъ земель*, то онѣ почти повсемѣстно находятся, въ Иркутской губерніи, въ одной изъ формъ захватнаго пользованія, и только въ немногихъ мѣстностяхъ произведено нѣкоторое „поравненіе“ старыхъ пашень. „Въ примѣненіи къ такимъ мѣстностямъ можно говорить объ особыхъ пахотныхъ общинахъ, состоящихъ обыкновенно изъ одного или двухъ селеній одной и той-же юридической общины“; тамъ же, гдѣ пашни и сейчасъ находятся въ захватномъ владѣніи, пахотныя общины совпадаютъ или съ юридическими (если при группировкѣ хозяйствъ по пахотнымъ общинамъ обращать вниманіе на то, въ какихъ группахъ могутъ они захватывать землю подъ пашни), или съ селеніями и обществами (если смотрѣть на то, въ чье распоряженіе поступаютъ выморочныя пашни); другими словами, въ области господства захватнаго начала *особыхъ пахотныхъ общинъ не существуетъ*

во все”; взаимнѣ вопроса объ общемъ или раздѣльномъ *владѣніи* пашнями выступаетъ вопросъ объ относительной *обособленности* или *чрезполосности* пахотныхъ полей, — и „понятно, что при правѣ свободного захвата незанятыхъ земель въ любомъ мѣстѣ дачи своей юридической общины чрезполосность пахотныхъ полей встрѣчается несравненно чаще, нежели ихъ обособленность. Наконецъ, *усадебныя земли*, какъ и пашни, состоятъ почти повсемѣстно въ захватномъ владѣніи, почему и по отношенію къ нимъ объ общинѣ, какъ о владѣльцѣ земли, „можно говорить лишь съ нѣкоторою натяжкой”.

Мы нарочно привели съ такою подробностью выводы изслѣдованія по Иркутской губерніи, такъ какъ эти выводы основаны на наиболѣе тщательно собранномъ фактическомъ матеріалѣ и сдѣланы съ наибольшею полнотою и широтою. Общій смыслъ какъ этихъ выводовъ, такъ и всего, сказаннаго выше объ организаціи землевладѣнія въ составныхъ юридическихъ дачахъ при господствѣ захватныхъ формъ пользованія землей, ясенъ: община въ такихъ мѣстностяхъ существуетъ только въ зародышѣ, почему и внѣшнія границы ея являются болѣе или менѣе неуловимыми: она облекается въ плоть и въ кровь — если не говорить объ общинѣ выгонной — только тамъ, гдѣ повздается душевое пользованіе, но и здѣсь границы ея лишены определенности, сливаются и переплетаются между собой.

IV.

Нѣчто подобное описаннымъ только что порядкамъ можно наблюдать и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ весьма развитымъ душевымъ владѣніемъ, — именно въ неустроенныхъ въ земельномъ отношеніи мѣстностяхъ сѣвера Тобольской губерніи, и въ частности въ изслѣдованныхъ нами при-Тавдинскихъ волостяхъ Туринскаго округа: ¹⁾ здѣсь въ общемъ пользованіи повсемѣстно состоятъ

¹⁾ „Крест. землевлад. и хол. Тоб. и Тавд. губ.“, стр. 24—26. „Материалы по Зап. Сиб.“, вып. XIII, стр. 17—25.

только леса, а затѣмъ „границы единицъ фактическаго землевладѣнія, — земельныхъ общинъ, — здѣсь совершенно не могутъ быть опредѣленно очерчены; по отношенію къ каждаго рода угодыямъ населеніе разбивается на совершенно отдѣльныя группы; такую группую является иногда отдѣльное селеніе, иногда состоящее изъ нѣсколькихъ селеній сельское общество, иногда — нѣсколько селеній, не составляющихъ цѣлаго сельскаго общества или принадлежащихъ къ разнымъ обществамъ, иногда нѣсколько сельскихъ обществъ, иногда, наконецъ, цѣлая волость, — и община-волость, община-сельское общество и община-селеніе переплетаются и пересѣкаются между собой въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ, такъ что каждый отдѣльный крестьянинъ въ отношеніи владѣнія разными видами земельныхъ и промысловыхъ угодій принадлежитъ здѣсь къ нѣсколькимъ разнообразнымъ по объему бытовымъ союзамъ“. Вотъ, наиримѣръ, какъ сложились земельныя отношенія въ огромной Пелымской волости, вытянувшейся вдоль теченія р. Тавды узкою лентою, длиною изъ конца въ конецъ болѣе 150 верстъ:

По отношенію къ *нашиямъ* въ сѣверо-западной части волости (сотни Зыковская, Камчатская, Вагильская, Пелымская) единицей владѣнія является мельчайшая населенная единица — „десятокъ“ селеніе; во всей остальной части волости единицей владѣнія пахотными землями является сельское общество — „сотня“; въ большинствѣ „сотенъ“ однако каждый „десятокъ“ имѣетъ свои „перехѣны“ (трехпольныя емѣны); „похѣры“ земли и уравненіе ея между всѣми „десятками“ „сотни“ производится только при ревнiяхъ, а въ промежуткахъ между послѣдними каждый „десятокъ“ пользуется *нашиями* и передѣляетъ ихъ независимо отъ другихъ; полное единство въ смѣстѣ пользования пахотными землями представляютъ только селенія Троицкой „сотни“. Напротивъ, по отношенію къ *покосамъ* полное единство всѣхъ селеній каждой данной „сотни“ является не знающимъ исключенія общимъ правиломъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ единство это распространяется и на болѣе обширныя группы населенія, а именно: при ревнiяхъ — следовательно при общихъ коренныхъ передѣлахъ всѣхъ угодій — производится общая „обобщенная похѣра“ и уравненіе сѣнокосныхъ угодій на сѣверной окраинѣ волости между „сотнями“ Зыковской и Камчатской, на южной — между „сотнями“ Пантелѣевской и Дворниковской. *Поскоскими* также состоятъ во владѣніи весьма разнообразныхъ группъ населенія: такъ, въ „сот-

няхъ* Зыковской, Вагильской и Носовской поскотина загорожена у каждаго селенія особо; въ Троицкой, напротивъ, поскотина общая для всѣхъ селеній; затѣмъ въ Пелымской „сотнѣ“ загорожено 3 поскотины: одна—для двухъ, другая—для трехъ, третья для четырехъ селеній; изъ восьми селеній Конюховской „сотни“ семь имѣютъ общую, одно—особую поскотину, и т. д.—По отношенію къ *кедровникамъ* Пелымская волость представляетъ собой одно цѣлое. Единство это фактически проявляется однако лишь по отношенію къ одному громадному кедровнику—Носовскому, который состоитъ въ общемъ захватномъ пользованіи всѣхъ селеній волости; пользование остальными, менѣе крупными кедровниками издавна приурочено волостною общиной къ менѣе крупнымъ группамъ населенія, главнымъ образомъ къ сельскимъ обществамъ, „сотнямъ“, почему эти кедровники и носятъ названіе „сотенныхъ“. Такъ, Зыковская „сотня“ владѣетъ однимъ кедровникомъ отдѣльно, другимъ—совмѣстно съ Кашматскою „сотней“; эта послѣдняя, кромѣ того, участвуетъ въ пользованіи большимъ Повчнскимъ кедровникомъ вмѣстѣ съ „сотнями“ Вагильской и Пелымской; Конюховская „сотня“ владѣетъ отдѣльнымъ кедровникомъ, Хайдуковская и Ереминская имѣютъ одинъ общій кедровникъ, но въ то же время д. Пономарево (Хайдуковской сотни) самостоятельно владѣетъ небольшимъ кедровникомъ, вырощеннымъ въ поскотной чертѣ, и т. д. Столь же мало однообразія замѣчается по отношенію къ владѣнію *рыболовными угодьями*. Всѣ селенія Зыковской и Кашматской сотенъ владѣютъ рыболовными угодьями совмѣстно, но уже въ ближайшей къ нимъ Вагильской сотнѣ каждое селеніе имѣетъ отдѣльныя угодья. „Сотни Пелымская, Хайдуковская, Конюховская, Ереминская и Троицкая владѣютъ рыболовными угодьями каждая отдѣльно, при чемъ внутри каждой „сотни“ пользование этими угодьями предоставляется безразлично крестьянамъ всѣхъ „десятковъ“. Въ общемъ владѣніи рыболовныя угодья состоятъ и въ Носовской „сотнѣ“, но пользование ими предоставлено только крестьянамъ трехъ „десятковъ“; „десятки“ Вискуновскій и Мало-Гарнискій въ пользованіи рыболовными угодьями не участвуютъ, взаимъ чего остальные три „десятки“ „не вступаются“ въ пользование ихъ подворными кедровниками. И наконецъ, всѣ селенія Пантелѣвской сотни владѣютъ и пользуются рыболовными угодьями вмѣстѣ съ Дворниковской сотней. Что касается до *охотничьихъ угодій*, то единицей владѣніи ими во всѣхъ случаяхъ является „сотня“.

Во всемъ этомъ чрезвычайномъ разнообразіи можетъ быть однако усмотрѣна одна господствующая тенденція—именно преобладаніе *общины*—„сотни“ (сельскаго общества) надъ *общинною-селеніемъ* и *общинною-волостью*,—преобладаніе, особенно ясно сказывающееся по отношенію къ сѣнокосамъ и промысловымъ угодьямъ. Въ значительно меньшей мѣрѣ обнаруживается земельное единство сельскихъ обществъ по отношенію къ пахотнымъ землямъ; распоряже-

ніе этими послѣдними сосредоточивается по преимуществу въ отдѣльномъ селеніи, „десяткѣ“: главною причиною стремленія селеній къ обособленности въ этомъ отношеніи является господство хозяйства съ навознымъ удобреніемъ, при которомъ земля лишь постольку цѣнится крестьянами, поскольку она, по своему мѣстоположенію, можетъ быть удобряема; между тѣмъ при „поравненіяхъ“ между различными селеніями одной „сотни“, обыкновенно отстоящими другъ отъ друга болѣе или менѣе далеко, крестьянамъ малоземельныхъ селеній прирѣзывались бы такія полосы, которыхъ они, за удаленностью, не могли бы удобрять, и которыя, слѣдовательно, не представляли бы для нихъ цѣнности, — а потому крестьяне, хотя бы и обдѣленные землею, обыкновенно и не настаиваютъ на „поравненіи“ между всѣми селеніями своей „сотни“.

Затѣмъ, 8 волостей южной половины того же Туринскаго округа, расположенныя на побережьѣ р. Туры, представляютъ собой въ полномъ смыслѣ слова сложныя волостныя общины¹⁾. Общинное единство ихъ находитъ себѣ двойное выраженіе: во первыхъ — въ общемъ и нераздѣльномъ правѣ пользованія всѣхъ крестьянъ волости по отношенію къ нѣкоторымъ непередѣляемымъ угодьямъ — лѣсамъ и „запольнымъ“ настибцамъ, а въ нѣкоторыхъ волостяхъ — и къ производству пахотныхъ и сѣнокосныхъ расчистокъ; во вторыхъ — въ существованіи общихъ волостныхъ передѣловъ пашень и сѣнокосовъ; въ одной волости — Пушкаревской — между всѣми селеніями волости уравниваются и кедровники, во всѣхъ же остальныхъ волостяхъ какъ кедровники, такъ и огороженные выгоны и усадебныя мѣста совершенно ускользаютъ изъ подъ вліянія волостной общины и приурочены къ болѣе мелкимъ группамъ населенія, — обыкновенно отдѣльнымъ селеніямъ.

Волостныя передѣлы пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій всегда были приурочены къ ревизіямъ и въ шести изъ восьми волостныхъ

¹⁾ Крест. землепольз. и хоз. Тоб. и Томск. губ., стр. 26—27; „Матеріалы“ по Зап. Сиб., вып. XIII, стр. 5—17.

общинъ разсматриваемой мѣстности происходили совершенно исправно; изъ остальныхъ двухъ волостей въ одной—Усенинской—волостной передѣлъ не состоялся послѣ X ревизіи, въ другой—Туринской—даже послѣ двухъ послѣднихъ ревизій: въ первой причиною неудачи волостного передѣла было случайное обстоятельство—неудачный выборъ уполномоченныхъ для производства передѣла лицъ; во второй передѣлы не состоялись вслѣдствіе сопротивленія крестьянъ огромной Туринской слободы: завладѣвъ издавна всѣми лучшими въ волостной дачѣ угодьями, послѣдніе не изъявили согласія на волостной передѣлъ, отказались избрать отъ себя уполномоченныхъ и не допустили уполномоченныхъ другихъ селеній къ обмѣру своихъ земель.

Послѣдняя ревизія была въ 1858 г. и за протекшіи съ тѣхъ поръ (до 1888 г.—года изслѣдованія) 30-ти лѣтній періодъ ни одна изъ общинъ-волостей Туринскаго округа, въ ожиданіи новой ревизіи, не приступала къ новому общему передѣлу. Поднимались, правда, отдѣльные голоса, заявлявшіе о необходимости такого передѣла, но масса населенія относилась къ такимъ заявленіямъ отрицательно; это и понятно: какъ выяснено изслѣдованіемъ, распределеніе пахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій между селеніями и по истеченіи 30 лѣтъ оставалось довольно равномернымъ, и замѣчавшіяся, внутри отдѣльныхъ волостей, колебанія въ размѣрѣ душевыхъ надѣловъ пашни и покоса нигдѣ не достигали такихъ размѣровъ, которые оправдывали бы связанную съ волостнымъ передѣломъ крупную затрату времени и труда.

На помощь естественному ходу вещей явился однако толчокъ извнѣ, со стороны мѣстной администраціи. Въ началѣ 1888 года въ Туринскій округъ былъ назначенъ новый крестьянскій чиновникъ, который почти тотчасъ же по вступленіи въ должность началъ побуждать крестьянъ къ волостнымъ передѣламъ: говорилъ въ этомъ смыслѣ на волостныхъ сходахъ, старался дѣйствовать чрезъ старшинъ и писарей,—и въ результатѣ его настояній въ

первыхъ числахъ августа 1888 года, въ продолженіи девяти дней, приговоры о волостныхъ передѣлахъ состоялись въ всѣхъ волостяхъ южной части Туринскаго округа, кромѣ Туринской¹⁾. Приговоры эти состоялись однако не безъ сопротивленія со стороны болѣе или менѣе значительной части крестьянства: не говоря уже о селеніяхъ, лучше другихъ обезпеченныхъ землею, благодаря малому приросту населенія или другимъ случайнымъ обстоятельствамъ, сопротивленіе это—особенно въ трехъ юго-восточныхъ волостяхъ—исходило отъ обществъ и крестьянъ, владѣющихъ значительнымъ количествомъ „новинныхъ“, расчищенныхъ вновь пашень, которыя по установившейся традиціи волостныхъ передѣловъ подлежали бы зачисленію въ счетъ передѣляемой пашни безъ всякаго вниманія къ праву затраченнаго труда. Въ Туринской волости противники волостного передѣла опять взяли верхъ, и приговоръ о передѣлѣ не состоялся. Очень сильно было сопротивленіе приговору и въ двухъ сосѣднихъ съ нею волостяхъ—Коркинской и Пушкаревской: въ Пушкаревской волости одно общество—Линовское—протестовало противъ приговора объ общемъ передѣлѣ и отказалось выбрать отъ себя уполномоченныхъ; соединенный сходъ остальныхъ селеній „оставилъ безъ уваженія“ этотъ протестъ, и на случай, если бы линовскіе крестьяне остались при своемъ отказѣ выбрать

¹⁾ Любопытно, что формулировка всѣхъ этихъ приговоровъ, составленныхъ, очевидно, одной рукой, крайне неясна и даетъ поводъ совершенно неправильно понимать смыслъ „раздѣла“, о которомъ идетъ рѣчь: во всѣхъ приговорахъ постановляется „уравнять землю во всю волость, а именно: привести въ извѣстность всю землю, находящуюся въ нашемъ пользованіи, какъ удобную, такъ и неудобную, и полюбовно, по общему нашему согласію, раздѣлится поселенію, т. е. провести границы между селеніями, обозначивъ оныя имами, столбами и другими межевыми знаками съ занесеніемъ въ книги, представивъ приговоры о семъ на утвержденіе подлежащаго начальства. Что же касается до приведенія земли въ извѣстность и до измѣренія ея, то мы должны измѣрять ее въ натурѣ обыкновеннымъ способомъ, выбравъ для этой цѣли особыхъ довѣренныхъ лицъ или, какъ они у насъ называются, восьмяковъ“. Постановленіе это, не устанавливающее никакого срока дѣйствія передѣла, говорящее о „межевыхъ знакахъ“, по своему буквальному смыслу позволяло предполагать, что рѣчь идетъ о размежеваніи на вѣчныя времена, чего ни крестьянскій чиновникъ, ни крестьяне совершенно не имѣли въ виду; въ дѣйствительности волостные передѣлы и не сопровождались постановкой какихъ либо „межевыхъ знаковъ“.

уполномоченныхъ, постановилъ „просить волостной сходъ сосѣдней волости избрать для сей цѣли человекъ пять благонадежныхъ понятыхъ“. Въ Коркинской волости въ приговорѣ объ общемъ передѣлѣ, въ концѣ концовъ, приняли участіе все селенія; тѣмъ не менѣе въ приговорѣ этотъ, во избѣжаніе какихъ либо запоздалыхъ протестовъ, было внесено такое постановленіе: „если кто изъ общества не согласится на полюбовную разверстку земель, то нежеланіе оставить безъ уваженія, такъ какъ.... все селенія получили надѣлы въ общей дачѣ безъ граниченія одного общества отъ другого. Почему, не входя во внутренній распорядокъ между членами того общества по надѣлу малолѣтковъ и распредѣленію повинностей, мы тѣмъ не менѣе для разграниченія поселенно должны намѣрить и ихъ земли, съ каковою цѣлью, если они не выберутъ довѣренныхъ, просить волостной сходъ сосѣдней волости избрать человекъ пять благонадежныхъ понятыхъ“.

О порядкѣ производства общихъ передѣловъ въ волостныхъ общинахъ Туринскаго округа, къ сожалѣнію, извѣстно очень мало: пишущій эти строки засталъ передѣлъ 1888 года еще въ самомъ началѣ, когда была только обмѣрена болѣе или менѣе значительная часть угодій, — воспоминанія же о предшествовавшихъ передѣлахъ успѣли уже въ большей или меньшей мѣрѣ изгладиться.

Какъ видно изъ предыдущаго, для волостного передѣла избираются особые довѣренные — „осьмяки“ или „восьмяки“; число ихъ (по одному отъ малыхъ селеній, а отъ большихъ — обыкновенно по два) опредѣляется общимъ сходомъ, самое же избраніе происходитъ на отдѣльныхъ сельскихъ сходахъ. На осьмяковъ возлагается главнымъ образомъ обмѣръ состоящихъ въ пользованіи каждаго селенія пахотныхъ и сѣновосныхъ земель, при чемъ въ помощь имъ, для несенія веревокъ, установокъ колевъ и т. п., назначаются особые рабочіе изъ крестьянъ обмѣряемыхъ селеній; эти послѣдніе обязаны доставлять „осьмякамъ“ квартиру и содержаніе. Обмѣру, въ собственномъ смыслѣ слова, подвергаются только пахотныя земли

и, гдѣ есть, поемные луга; что касается до лѣсныхъ, болотныхъ и т. п. покосовъ, то они не измѣряются по площади: осьмяки только опредѣляютъ среднее количество травы, заготовляемое крестьянами каждаго селенія на покосахъ той или иной категоріи. Къ измѣренію и вообще опредѣленію размѣровъ существующаго землепользованія отдѣльныхъ селеній сводится вся задача „осьмяковъ“, которые въ оцѣнку качества угодій совершенно не входятъ. Когда обмѣрены порознь земли всѣхъ селеній, „осьмяки“ дѣлаютъ расчетъ, сколько въ каждомъ селеніи приходится на душу пашни и покоса, и результаты этого расчета предъявляютъ вновь собирающемуся общему сходу, который и рѣшаетъ, какія мѣры принять для устраненія оказавшейся въ распредѣленіи земли неравномѣрности: отъ какого селенія, гдѣ и сколько отрѣзать земли, и какому, гдѣ и сколько прирѣзать. Большинство волостныхъ общинъ при этомъ стремятся достигнуть равномѣрнаго распредѣленія каждаго вида угодій—пашни и покоса—особо, при чемъ старается, насколько возможно при существующемъ расположеніи угодій и селеній, достигнуть и нѣкоторой уравнительности въ *разстояніи* угодій отъ селеній,—отвести каждому, въ одинаковой пропорціи, ближнія и дальнія угодія; къ уравниенію землевладѣнія по *качеству* угодій волостная община не стремится; только въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ есть поемные и непоемные покосы, волостная община „равняетъ“ отдѣльно поемные луга и отдѣльно—лѣсные, болотные и т. п. покосы,—при чемъ однако удаленнымъ отъ прирѣчныхъ луговъ селеніямъ предоставляется отказываться отъ своей доли въ раздѣлѣ этихъ луговъ и брать соотвѣтственно большія доли покосовъ второй категоріи. Особаго порядка придерживается волостная община Жуковской волости, растянувшейся вдоль р. Туры почти на 70 верстъ, при чемъ въ сѣверо-западной ея части мало пашень, но изобилуютъ луга, въ юго-восточной—сравнительно больше пашень и гораздо меньше покосовъ; чтобы уравниять отдѣльно пахотныя земли, пришлось-бы отводить нѣкоторымъ обществамъ

дополнительные участки въ 40—50 верстахъ отъ селеній, такъ что эти дополнительные участки, особенно при хозяйствѣ съ удобреніемъ, оказались бы совершенно бесполезными; Жуковская волостная община поэтому стремится къ уравнительному распредѣленію *всей совокупности* угодій, съ тѣмъ, чтобы недостатокъ однихъ угодій уравнивался избыткомъ другихъ: селенія сѣверо-западной части волости, имѣющія на душу по десятиѣ и менѣ пашни, получили за то по 100 и болѣе копенъ покоса, тогда какъ юго-восточныя селенія имѣютъ пашни по 2 дес. и болѣе, покоса же—всего по 25 копенъ на душу.

Такимъ уравненіемъ между селеніями, чрезъ болѣе или менѣ значительные промежутки времени, важнѣйшихъ видовъ угодій ограничиваются въ южной половинѣ Туринскаго округа всѣ функціи общины-волости; затѣмъ распредѣленіе угодій между отдѣльными домохозяевами, раскладка платежей и, вообще, всѣ остальные проявленія общинной жизни сосредоточиваются уже не въ волости, а въ *селенной* общинѣ; въ громадномъ большинствѣ случаевъ эта послѣдняя состоитъ изъ *одного* селенія; лишь немногія селенныя общины состоятъ изъ двухъ селеній каждая; не часты и случаи, когда два или нѣсколько селеній, образуя въ остальныхъ отношеніяхъ самостоятельную общину, совместно передѣляютъ пашни или покосы; гораздо чаще такое совместное пользованіе встрѣчается по отношенію къ выгонамъ и пастбищамъ: зауряднымъ явленіемъ представляются прежде всего случаи, когда два или нѣсколько селеній обносили смежныя поля (передѣляемые, какъ пашня, отдѣльно) одною общею городьбою, внутри которой—когда поля свободны отъ хлѣба—пасется скотъ всѣхъ участвующихъ въ городьбѣ селеній,—а, кромѣ того, довольно часты и такіе случаи, когда два или нѣсколько селеній (до девяти) имѣютъ одинъ общій, присельный выгонъ (поскотину). Есть, наконецъ, и случаи (впрочемъ, очень рѣдко) обратнаго порядка,—когда большія селенія въ земельномъ отношеніи распадаются на двѣ части; въ одномъ только

случаѣ раздвоеніе распространяется на всѣ угодья, въ двухъ—на одиѣ только удобренныя пашни, и основаніе раздвоенія—очевидно въ неудобствѣ уваживанія при слишкомъ большомъ размѣрѣ пахотныхъ смѣнъ.

V.

По отношенію къ остальнымъ округамъ сѣверной части Тобольской губерніи организація землевладѣнія въ неразграниченныхъ дачахъ осталась, къ сожалѣнію, невыясненной, почему мы и должны перейти теперь къ разсмотрѣнію довольно богатаго матеріала, собраннаго изслѣдованіемъ по двумъ изъ южныхъ округовъ губерніи—Ишимскому и особенно Курганскому. Здѣсь, какъ уже было указано выше, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ въ средѣ населенія обнаружилось сильное стремленіе къ размежеванію волостныхъ дачъ на поселенные отрубы, и изслѣдованіе застало неразграниченныя дачи всего въ восьми волостяхъ Курганскаго и въ семи волостяхъ Ишимскаго округа—но и въ этихъ волостяхъ волостное единство находится на пути къ распаденію. Въ Курганскомъ округѣ процессъ разрушенія волостныхъ и вообще большихъ сложныхъ общинъ сдѣлалъ еще сравнительно меньшіе успѣхи. По даннымъ г. Осипова, здѣсь имѣется 4 общины-волости (Введенская, Чинѣвская, Усть-Суерская и Шмаковская) и довольно много большихъ составныхъ общинъ, не составляющихъ цѣлыхъ волостей, въ которыхъ еще въ 80-хъ годахъ производилось, тѣмъ или инымъ способомъ, общее уравненіе земли.—производилось, повидимому, безъ какого-либо особаго давленія извнѣ и безъ какихъ-либо особенныхъ распрей и недоразумѣній. Приемы уравнительнаго распределенія угодій въ волостныхъ общинахъ Курганскаго округа очень разнообразны. Правда, господствующимъ и здѣсь является порядокъ, при которомъ функціи общины какъ-бы раздваиваются между волостью и селеніемъ, и это послѣднее представляетъ собой главное средоточіе общинной жизни; въ большинствѣ волостей и вообще большихъ

дачь Курганскаго округа, гдѣ еще сохранилось земельное единство, происходитъ сначала уравненіе угодій между обществами, а затѣмъ уже въ каждомъ обществѣ — передѣлъ земли между домохозяевами. Но въ нѣкоторыхъ волостяхъ, наприм., Шмаковской и Глядянской, такой двойственности нѣтъ: волость надѣляетъ непосредственно каждого домохозяина, не разбирая принадлежности его къ тому или другому селенному обществу, — и этотъ порядокъ, повидимому, долженъ быть признанъ болѣе раннимъ, нежели порядокъ двустепеннаго передѣла; по крайней мѣрѣ, для одной волости (Усть-Сурерской) г. Осиповымъ опредѣленно установлено, что передѣлъ 1858 года произведенъ былъ непосредственно между домохозяевами, напротивъ, въ 1886 г. угодья сначала раздѣлены были между обществами, а затѣмъ уже въ каждомъ обществѣ — между отдѣльными хозяевами. Г. Осиповъ даетъ вполне правдоподобное объясненіе причины, почему смѣна формъ волостной общины должна была идти именно въ такомъ, а не въ обратномъ направленіи. Дѣло въ томъ, что передѣлъ 1858 года засталъ еще сложившуюся при захватномъ пользованіи сильную чрезполосицу домохозяевъ различныхъ селеній, забиравшихъ нерѣдко очень далеко отъ этихъ послѣднихъ, въ погонѣ за болѣе свѣжими и урожайными землями; разбить волостную территорію на поселенные участки поэтому въ то время нельзя было иначе, какъ сдвинувъ очень многихъ домохозяевъ съ насиженныхъ ими мѣсть, чего сибирская община всемѣрно избѣгаетъ. Впослѣдствіи, въ результатъ частью естественнаго прироста населенія, частью послѣдовавшихъ отрѣзокъ излишнихъ земель, размѣры участковъ отдѣльных домохозяевъ настолько сократились, что сохранять ихъ за собой, при дальности проѣзда, сдѣлалось невыгодно для самихъ владѣльцевъ; среди крестьянъ начинаетъ обнаруживаться стремленіе стягивать свои участки поближе къ селеніямъ, чрезполосица между домохозяевами различныхъ селеній мало по малу исчезаетъ, и такимъ естественнымъ путемъ складываются естественные районы, на которые и разбивается волостная территорія.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда владѣнія волостной общины распределены на поселенные участки, которые только „уравниваются“ періодически, а раздѣлъ земли между отдѣльными домохозяевами производится распоряженіемъ общины селенной. — обычный способъ „уравниенія“ и въ Курганскомъ округѣ заключается въ томъ, что излишнія, по расчету, земли отрѣзаются у многоземельныхъ обществъ и прирѣзываются малоземельнымъ. Но въ Курганскомъ округѣ встрѣчается, хотя и очень рѣдко, и другой порядокъ, при которомъ границы поселенныхъ участковъ остаются неизмѣнными, если же въ какомъ либо изъ нихъ оказывается, по расчету на душу, недостатокъ въ угодьяхъ, то излишнія души „припускаются“ или приписываются для надѣленія угодьями къ селеніямъ, имѣющимъ въ нихъ излишекъ; любопытный примѣръ этого рода представляетъ упоминавшаяся уже Усть-Суерская волость; урожаи травъ бываютъ здѣсь періодически, то на заливныхъ лугахъ по р. Тоболу, то на „горовыхъ“, суходольныхъ покосахъ; въ первомъ случаѣ жители селеній, лежащихъ вдали отъ р. Тобола, „припускаются“ на поѣмные луга, расположенные въ участкахъ пяти при-Тобольныхъ селеній; во второмъ „при-Тобольныя селенія или не припускаютъ остальные пять къ полнымъ покосамъ или, въ особенно стѣснительныхъ случаяхъ, сами приписываются къ участкамъ на горовыхъ покосахъ“.

Въ рядѣ другихъ волостей Курганскаго округа, хотя и сохранившихъ юридически свое земельное единство, волостная община фактически, въ большей или меньшей мѣрѣ, распалась на отдѣльныя селенныя общины. Такъ въ Бѣлозерской волости общее уравненіе произведено было въ 80-хъ годахъ только по отношенію къ покосамъ, а пахотныя земли передѣлялись только въ селенныхъ общинахъ, безъ уравненія по волости; въ волостяхъ Иковской, Мендерской, Брылинской и Марайской не уравнивались между селеніями и покосы, и всѣ угодья передѣлялись отдѣльными селеніями совершенно независимо одно отъ другого. Непосредственно

воспрепятствовали осуществленію волостного уравненія разными случайными причинами: въ Марайской волости—сопротивленіе трехъ крупнѣйшихъ селеній, которымъ передѣлъ былъ бы невыгоденъ; въ Исковской—нежеланіе крестьянъ затрачивать на передѣлъ много времени; въ волостяхъ Мандерской и Бѣлозерской нѣкоторую роль также сыграла боязнь сложности и продолжительности работъ, связанныхъ съ волостнымъ передѣломъ, главнымъ же образомъ повліяло отсутствіе увѣренности въ законности такого передѣла безъ новой ревизіи, къ которой волостные передѣлы прежде приурочивались. Но все эти и подобныя случайныя причины, какъ намъ кажется, едва ли могли бы оказать рѣшающее вліяніе, если бы, вообще, не ослабѣло въ перечисленныхъ волостяхъ сознаніе волостного единства, при крѣпости котораго, какъ видно на примѣрѣ другихъ волостей, подобныя же затрудненія не помѣшали передѣлу: и едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что, по истеченіи тѣхъ 12—15 лѣтъ, на которыя въ большинствѣ селеній названныхъ волостей совершены были послѣдніе передѣлы, сознаніе волостного единства ослабѣетъ еще болѣе, и потому очень трудно ожидать, чтобы волостные передѣлы состоялись и впоследствии. Волости эти также точно распадутся на отдѣльныя, окончательно разграниченныя земельныя общины, какъ уже распались нѣкоторыя другія волости (Лебяжьевская, Арлагульская, Елошанская, Донатинская), гдѣ волостное землевладѣніе существовало еще сравнительно недавно, въ послѣднія же десятилѣтія община-волость окончательно уступила мѣсто болѣе мелкимъ земельнымъ союзамъ.

Еще большіе успѣхи сдѣлалъ процессъ распадена волостныхъ общинъ въ сосѣднемъ съ Курганскимъ—Ишимскомъ округѣ. Здѣсь общее владѣніе всеми угодьями продолжало существовать фактически, во время изслѣдованія, только въ двухъ волостяхъ—Абатской и Челноковской: въ первой послѣдній общій передѣлъ нахотныхъ и сѣнокосныхъ угодій произведенъ былъ въ 50-хъ годахъ, послѣ X-й ревизіи. Въ 1887 г. состоялся, по инициативѣ мѣстнаго

крестьянского чиновника, приговоръ о новомъ волостномъ пере-
дѣлѣ, но дѣло это не встрѣтило никакого сочувствія со стороны
массы населенія волости, и, какъ могъ лично удостовѣриться пи-
шущій эти строки, обѣщало затянуться на неопредѣленное время:
передѣлъ начался въ 1887 году, но до середины лѣта 1888 г.
избранные отъ всѣхъ селеній волости довѣренные не успѣли за-
кончить обмѣра даже однѣхъ пахотныхъ земель; такая медленность
вызывалась, съ одной стороны, апатичнымъ отношеніемъ къ дѣлу
самыхъ довѣренныхъ, которое выражалось въ постоянныхъ ихъ
неявкахъ и опозданіяхъ (одинъ довѣренный ни разу не явился въ
теченіе цѣлой весны 1888 г.), въ постоянномъ изобрѣтаніи пред-
логовъ для отлучекъ домой или для пріостановленія на нѣкоторое
время работъ по обмѣру; съ другой стороны — сопротивленіемъ
дѣйствіямъ довѣренныхъ со стороны тѣхъ обществъ, которымъ пе-
редѣлъ былъ невыгоденъ; это сопротивленіе выражалось въ отка-
захъ давать довѣреннымъ нужныхъ для обмѣра рабочихъ и лоша-
дей, въ постоянныхъ стараніяхъ скрыть часть земли и вообще
обмануть довѣренныхъ, — наконецъ, въ прямыхъ попыткахъ не до-
пустить обмѣра подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы не помяли всхода
хлѣбовъ и т. д. Такой ходъ дѣла, такое частью равнодушное,
частью враждебное къ нему отношеніе заставляло ожидать, что
дѣйствія по обмѣру покосовъ, лѣса и другихъ угодій затянется
еще на нѣсколько лѣтъ, а когда дѣло дойдетъ до отрѣзки излиш-
нихъ земель, которыя обажутся въ пользованіи крестьянъ нѣко-
торыхъ селеній, то волостная община не сможетъ привести этой
мѣры въ исполненіе, благодаря сопротивленію, которое встрѣтитъ
со стороны крестьянъ этихъ селеній. Въ Челноковской волости
последній общій передѣлъ былъ около 1870 года; съ тѣхъ поръ
такого передѣла не было и — по крайней мѣрѣ во время изслѣдо-
ванія — не предвидѣлось. Тѣмъ не менѣе землепользованіе отдѣль-
ныхъ селеній не могло считаться совершенно обособившимся, и
земельное единство продолжало существовать, проявлялось въ ус-

тупкахъ одними селеніями другимъ участковъ земли: въ одномъ случаѣ такая уступка была вызвана жалобами крестьянъ одного селенія на дурное качество земли, въ другомъ — отрѣзкою части волостной дачи въ казенное вѣдомство: при этой отрѣзкѣ два селенія лишились значительной части пашень и сѣнокосовъ, и въ возмѣщеніе получили два участка земли отъ третьяго селенія, которое при отрѣзкѣ мало пострадало.

Особаго упоминанія заслуживаютъ, затѣмъ, земельныя отношенія въ третьей, Жиликовской волости; здѣсь каждое селеніе пользуется пашнями и вообще всеми угодьями въ особой дачѣ, при чемъ каждому селенію отведенъ участокъ на своемъ берегу рѣки Ишима, раздѣляющей волость на двѣ половины; но затѣмъ „на горѣ“, на правомъ берегу, гдѣ расположена лишь небольшая часть селеній, остается невключенное въ селенные участки пространство, гдѣ право какъ сѣнокосенія, такъ и рубки лѣса, принадлежитъ безразлично всемъ крестьянамъ волости и осуществляется желающими „на захватъ“. Между тѣмъ правобережныя селенія считаютъ себя — и съ полнымъ основаніемъ — обиженными въ отношеніи какъ количества, такъ и въ особенности качества пахотныхъ земель; постоянныя ихъ жалобы и претензіи не приводили однако ни къ чему, такъ какъ жители лѣвобережныхъ селеній отказывались отвести имъ недостающее количество пахотной земли; въ началѣ 80-хъ годовъ для размежеванія волости былъ командированъ земле-мѣръ, но составленный имъ проектъ разграниченія остался безъ послѣдствій; въ 1887 году, благодаря, главнымъ образомъ, вмѣшательству крестьянскаго чиновника, состоялся компромиссъ: правобережнымъ селеніямъ, въ возмѣщеніе недостатка пашень, предоставлено было исключительное право на вышеупомянутые вольные сѣнокосы, и только лѣсъ „на горѣ“ остался въ общемъ волостномъ пользованіи. Компромиссъ этотъ, однако, никого не удовлетворилъ; раздоры продолжались въ очень острой формѣ, и въ 1888 году предстояло новое вмѣшательство крестьянскаго чиновника.

Въ остальныхъ волостяхъ (если не считать Сладковской, гдѣ господствуютъ захватныя формы пользованія) отъ волостного единства остались одни только слѣды: всѣ селенія этихъ волостей пользуются всѣми угодьями раздѣльно, на основаніи права „старой заимки“,—и земельное единство выражается исключительно въ совмѣстномъ правѣ крестьянъ цѣлой волости на пользованіе отбѣжными вольными покосами,—правѣ, которое, въ виду удаленности этихъ покосовъ, могутъ осуществлять только немногіе зажиточные крестьяне.

Затѣмъ, въ нѣкоторыхъ волостяхъ Ишимскаго округа, хотя и надѣленныхъ въ одной волостной дачѣ или двухъ-трехъ крупныхъ районахъ, волостное земельное единство фактически совершенно разрушилось: таковы волости Фирсовская, Усть-Ламенская, Черемшанская, Арамашевская (съ Кротовскою), Бердюжская, гдѣ земельное фактически окончательно раздѣлилось между болѣе мелкими группами населенія—*подеревенными общинами*. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ такія общины, дѣйствительно, состоятъ изъ одного селенія; но довольно большимъ распространеніемъ въ Ишимскомъ округѣ пользуются и *небольшія составныя общины* (по даннымъ изслѣдованія, такихъ общинъ въ округѣ насчитывается 31) состоящія, болѣею частью изъ двухъ, рѣже—изъ трехъ или четырехъ смежныхъ селеній. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ составныхъ общинъ общность пользованія распространяется не на всѣ угодья, а только на часть ихъ, остальные же угодья—иногда пашня, иногда покосъ, состоятъ въ отдѣльномъ пользованіи каждаго селенія, „по старинѣ“,—во всѣхъ остальныхъ общностяхъ пользованія распространяется на всѣ угодья, кромѣ, иногда, при сельныхъ выгонахъ. Затѣмъ, нерѣдко, составной характеръ общины отражается, такъ или иначе, на самихъ порядкахъ пользованія землею; особенно любопытны въ этомъ отношеніи составныя („состенныя“) общины Усть-Ламенской волости, гдѣ передѣлы пахотныхъ земель, сѣнокосовъ и лѣса имѣютъ, такъ сказать, двусте-

ценный характер: сначала угодья эти «уравниваются», въ каждой «сотнѣ» между селеніями, а затѣмъ уже каждое селеніе передѣляетъ между домохозяевами доставшіяся на его долю угодья совершенно самостоятельно, безъ всякаго участія остальныхъ селеній, принадлежащихъ къ составной общинѣ; при этомъ любопытно, что сѣнокосы передѣляются между селеніями на продолжительный срокъ и при томъ по расчету числа десятинъ, а въ отдельныхъ селеніяхъ между домохозяевами, — ежегодно и безъ измѣренія, на глазомѣрь. Въ другихъ случаяхъ составной характеръ общины отражается уже не на самихъ способахъ разверстанія угодій, а только на составѣ производящихъ разверстаніе лицъ: въ нѣсколькихъ составныхъ общинахъ, именно, доверенные обязательно выбираются отъ каждаго селенія особо, при чемъ, если селенія неравны, число доверенныхъ болѣе или менѣе пропорціонально размѣрамъ селеній; иногда, при этомъ, доверенные дѣйствуютъ отдѣльно другъ отъ друга, и избранные отъ каждой составной части доверенные обмѣриваютъ тѣ урочища, которыя заняты по преимуществу ихъ односельчанами; иногда, напротивъ, при взаимномъ недоверіи, всѣ доверенные «ходятъ» вмѣстѣ и взаимно другъ друга контролируютъ. Затѣмъ, однако, въ видѣ общаго правила, составной характеръ такихъ общинъ нисколько не отражается на порядкахъ ихъ землепользованія: онѣ нераздѣльны и въ смыслѣ раскладки платежей (а следовательно — и земельныя надѣловъ), и въ смыслѣ пользования землей, такъ что каждый домохозяинъ, независимо отъ принадлежности къ одному или другому селенію, имѣетъ право получить надѣлъ въ любой части общинной территоріи (обыкновенно, впрочемъ, соображенія хозяйственнаго удобства дѣлаютъ то, что пахотныя надѣлы крестьянъ каждой изъ частей составной общины фактически группируются въ болѣе «подворныхъ» къ селенію урочищахъ); составной характеръ общины не отражается ни на техникахъ передѣловъ, которые происходятъ также, какъ и въ общинахъ однодеревенныхъ, — ни на составѣ уполномоченныхъ, которые

избираются на общемъ сходѣ, опять таки независимо отъ принадлежности къ тому или другому изъ входящихъ въ составную общину селеній.

Большинство небольшихъ составныхъ общинъ дѣйствуетъ вполне исправно, ни въ чемъ не уступая простымъ, однодеревеннымъ общинамъ. Тѣмъ не менѣе, изслѣдованіемъ отмѣчены факты, заставляющіе думать, что и такія составныя общины представляются явленіемъ, клонящимся къ упадку: извѣстенъ всего одинъ случай естественнаго образованія, въ сравнительно недавнее время, такой общины: изъ нѣсколькихъ упоминавшихся выше случаевъ, когда по два или по три селенія были соединены въ одну дачу распоряженіемъ правительства, только въ одномъ дѣйствительно образовалась составная община, въ остальныхъ-же пользованіе отдѣльныхъ селеній осталось обособленнымъ. Напротивъ, случаи разъединенія составныхъ общинъ не составляютъ рѣдкости: изслѣдованіемъ отмѣчено 8 составныхъ общинъ, распавшихся на части—подеревенныя общины, а двѣ такія общины не распались еще только потому, что не могли установить безобидныхъ для заинтересованныхъ сторонъ раздѣльныхъ межъ; въ большинствѣ случаевъ распаденіе вызвано было притѣженіями въ составныхъ общинахъ „меньшихъ“ селеній со стороны „старшихъ“, и вообще поземельными спорами и недоразумѣніями.

Встрѣчаются въ Ишимскомъ округѣ и случаи разъединенія селеній, въ земельномъ отношеніи, на части; впрочемъ, только въ одномъ случаѣ (сел. Синетовское, Малышевской волости) мы находимъ полное расчлененіе селенія на двѣ общины,—и это потому, что подворенные въ старожильскомъ селеніи новоселы получили надѣль въ отдѣльной дачѣ. Въ рядѣ другихъ селеній, расположенныхъ по обѣ стороны какой-либо рѣки, разъединеніе касается лишь отдѣльныхъ угодій (пахотныхъ земель) и не имѣетъ окончательнаго характера, а объясняется простыми соображеніями удобства: переѣздъ къ пашнѣ черезъ рѣку связанъ, особенно весной, въ

половодье, съ такими затрудненіями, что крестьяне предпочитают не уравниваться въ пользованіи пашинми между половинами селеній, лишь-бы избѣгнуть необходимости пахать за рѣкой.

VI.

Изъ приведенныхъ фактическихъ данныхъ ясно, что въ тѣхъ двухъ изъ южныхъ округовъ Tobольской губерніи, по которымъ изслѣдованіе сообщаетъ болѣе или менѣе обстоятельныя свѣдѣнія, волостная община находится не на одинаковой ступени развитія (или точнѣе — упадка). Правда, и въ Курганскомъ округѣ, какъ констатируетъ изслѣдованіе, волостная община несомнѣнно находится въ фазисѣ разложенія: господствовавшая еще дѣтъ 50—60 тому назадъ, она въ настоящее время все болѣе и болѣе вытѣсняется общиною одnodеревенною или состоящею изъ немногихъ селеній; но въ нѣсколькихъ волостяхъ она еще сохранилась и, по мнѣнію изслѣдователя, „сохранила еще до сихъ поръ много жизненныхъ силъ“¹⁾. Въ Ишимскомъ округѣ распаденіе волостной общины сдѣлало гораздо большіе успѣхи: проявленія волостного земельного единства въ большинствѣ случаевъ представляются совершенно ничтожными и могутъ считаться лишь жалкими остатками существовавшей когда-то, въ эпоху захватныхъ формъ пользованія, полной общности въ правѣ на захватъ входящихъ въ черту волости угодій. Немногія наблюдавшіяся въ послѣднее время болѣе существенныя проявленія этого единства явились результатомъ административной инициативы, не привели къ благоприятнымъ результатамъ и при томъ вызвали такую массу вражды, раздоровъ и воззваній къ дальнѣйшему вмѣшательству правительственной власти, которая могла повести лишь къ дальнѣйшему ослабленію сознанія волостного единства, — и общее заключеніе, вынесенное нами изъ изслѣдованія волостныхъ общинъ Ишимскаго округа, сводилось къ увѣренности, „что и пользующіея еще въ настоящее

¹⁾ „Матеріалы“ по Зап. Сиб., вып. XXI, стр. 116.

время землею въ общихъ волостныхъ нарѣзкахъ волости въ скоромъ времени фактически обратятся въ группы подеревенныхъ землевладѣній, и исчезнутъ самые слѣды ихъ прежняго единства¹⁾. Разница между двумя сосѣдними округами, такимъ образомъ, лишь въ *степени* упадка общины-волости, наличие же этого упадка можетъ считаться констатированною и въ томъ и въ другомъ. Возникаетъ, конечно, вопросъ о *причинахъ* разложенія этой симпатичной и любопытной формы общиннаго землевладѣнія.

По мнѣнію изслѣдователя Курганской общины, г. Осипова, посвятившаго этому вопросу особенное вниманіе²⁾, на первомъ мѣстѣ необходимо поставить здѣсь происходившія въ 40-хъ и особенно въ 50-хъ годахъ массовыя переселенія переселенцевъ: „ко всѣмъ волостямъ сѣверо-западнаго, лѣснаго района, говоритъ онъ, не было переселенія, и здѣсь до сихъ поръ сохранилось волостное землевладѣніе. Наоборотъ, въ волостяхъ, гдѣ было сколько-нибудь значительное переселеніе, почти всегда производилось поселенное размежеваніе“. Такое вліяніе переселеній г. Осиповъ объясняетъ уже тѣмъ, что переселенцы, выходя изъ мѣстности, гдѣ не знаютъ другой общины, кромѣ селенной, не принося съ собою, поэтому, привычки къ свойственнымъ волостной общинѣ земельнымъ распорядкамъ, естественно стремились остаться при тѣхъ формахъ, къ которымъ привыкли на родинѣ, — при общинѣ деревенской; въ томъ-же направленіи дѣйствовала и рознь между старожилами и переселенцами, побуждающая послѣднихъ, во избѣжаніе прижимокъ и притѣсеній со стороны первыхъ, стремиться къ полному обособленію своего землевладѣнія. Но и независимо отъ этого, какъ обстоятельно выясняетъ г. Осиповъ, въ томъ-же смыслѣ вліяли и самыя основанія исчисленія размѣровъ земельного надѣла: новоселамъ отводилось на ревизскую душу по 15 десятинъ, старожиламъ — тѣ-же 15 десятинъ, но съ прибавкой 25% на приростъ,

¹⁾ Вып. V, стр. 21.

²⁾ „Матеріалы“ по Зап. Сиб., вып. XXI, стр. 24—25, 115—152, 248—249.

т. е. всего по $18\frac{3}{4}$ десятины на ревизскую душу (въ сосѣднемъ Ишимскомъ округѣ старожилы получали даже по 21 дес.); при такихъ условіяхъ старожиламъ было, конечно, выгоднѣе получать надѣлы отдѣльно отъ переселенцевъ, нежели въ общихъ съ ними нарѣзкахъ: въ отдѣльномъ обрѣзѣ старожилы получали по $18\frac{3}{4}$ дес., въ участкѣ, заселенномъ, напримѣръ, поровну старожилами и переселенцами, тѣмъ и другимъ доставалось на душу, какъ показываетъ простой расчетъ, всего по $16\frac{7}{8}$ десятины. Но не одни массовыя причисленія переселенцевъ способствовали разрушенію волостной общины: разлагающее вліяніе на нее оказывали и единичныя приселенія на основаніи общественныхъ пріемныхъ приговоровъ: законъ предоставляетъ право выдачи такихъ приговоровъ отдѣльнымъ *сельскимъ* обществамъ; эти послѣдніе, при волостномъ землевладѣніи, пользуются своимъ правомъ особенно охотно, такъ какъ, пользуясь сами всѣми связанными съ пріемомъ выгодами (денежныя платы, угощеніе виномъ, увеличеніе числа лицъ, отбывающихъ натуральныя повинности, а слѣдовательно — облегченіе этихъ послѣднихъ), они лишь въ гораздо меньшей долѣ, наравнѣ съ остальными составными частями общины-волости, участвуютъ въ надѣленіи принятыхъ землею; со своей стороны, волостная община не признаетъ правъ лицъ, принятыхъ по такимъ приговорамъ, на волостную территорію, и совершенно справедливо считаетъ, что такіа лица не должны быть принимаемы въ расчетъ при обще-волостныхъ поравненіяхъ. На этой почвѣ возникаютъ между общиной-волостью и отдѣльнымъ селеніемъ безпрестанныя конфликты¹⁾, которые, несомнѣнно, способствуютъ ослабленію общеволостного единства и связи. Наконецъ, важное значеніе, въ смыслѣ разрушенія волостной общины, приписывается г. Основнымъ вліянію „Общаго положенія о крестьянахъ“, распространеннаго на Тобольскую губернію въ началѣ 80-хъ годовъ. „Прежде, говоритъ онъ, была живая связь между волостнымъ

¹⁾ Такіе же факты отмѣчены и по Ишимскому округу.

землевладѣніемъ и отбываніемъ всѣхъ повинностей...; волость была не только административной, но и земельно-хозяйственной единицей. „Общее положеніе“ выдвинуло только первую сторону волостного управленія, совершенно оставивъ въ тѣни вторую, вслѣдствіе чего крестьянинъ сталъ смотрѣть на волость, какъ на чисто внѣшнее учрежденіе. Такому отчужденію крестьянина отъ волости много способствуетъ образованіе новыхъ волостей или перечисленіе деревень изъ одной волости въ другую, вызываемое соображеніями объ удобствахъ управленія. Община, входящая въ составъ какой нибудь волостной земельной единицы, будучи административно причислена къ другой волости, съ которой она не имѣетъ ничего общаго въ земельномъ отношеніи, становится въ крайне неудобное положеніе относительно первой волости: землю она получаетъ отъ послѣдней, а службу и повинности несетъ въ другой волости; въ результатѣ, „при передѣлахъ волость старается такую общину по возможности прижать и при этомъ считаетъ такое поведеніе справедливымъ; да и сама община хорошо понимаетъ, что иного отношенія ждать къ себѣ она не можетъ“. Словомъ, заключаетъ г. Осиповъ, „несовпаденіе административнаго состава волости съ земельнымъ неизбѣжно ведетъ къ распаденію общины-волости и къ обоюдному желанію окончательно размежеваться на поселенные отрубы“.

Многія изъ приведенныхъ соображеній несомнѣнно заслуживаютъ вниманія. Мы никакъ не можемъ только признать того вліянія „Общаго положенія о крестьянахъ“, которое предполагаетъ г. Осиповъ; предположеніе это уже съ хронологической точки зрѣнія неправдоподобно: „Общее положеніе“ введено въ Тобольской губерніи только въ 1883 году. — всего за 5 лѣтъ до изслѣдованія, между тѣмъ какъ процессъ разложенія волостной общины охватываетъ въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи не менѣе полу-столѣтія; независимо отъ этого, „Общее положеніе“ скользнуло, въ сущности, по поверхности крестьянской жизни, выразившись преиму-

шественно въ измѣненіи названій лицъ и учреждений крестьянскаго управленія, и потому, какъ намъ кажется, одинаково мало могло и способствовать, и препятствовать распаденію общинъ-волости. Что касается до прочихъ обстоятельствъ, указываемыхъ г. Осиповымъ, то и они могли имѣть лишь частичное, второстепенное вліяніе; такъ, признавая, что массовое пріселеніе переселенцевъ, гдѣ такое пріселеніе происходило, — могло способствовать распаденію волостныхъ общинъ, мы видимъ однако, что въ Ишимскомъ округѣ волостная община распадалась и продолжаетъ распадаться во всѣхъ сѣверо-восточныхъ волостяхъ, въ которыя притока переселенцевъ совершенно не было; съ другой стороны, разложенію общинъ-волостей несомнѣнно могло способствовать раздѣленіе ихъ въ административномъ отношеніи и перечисленіе селеній изъ одной волости въ другую. — но въ только что названной мѣстности Ишимскаго округа распаденіе шло совершенно независимо отъ такого рода административныхъ мѣропріятій; хотя въ 1888 году здѣсь и были раздѣлены на двое двѣ неразграниченныя въ земельномъ отношеніи волостныя дачи (Готопутовская и Боровская), но волостное земельное единство этихъ волостей фактически уже давно не существовало, и самыя административныя границы волостей были установлены соотвѣтственно установившимся уже задолго предъ тѣмъ границамъ фактическаго землепользованія отдѣльныхъ селеній.

Намъ представляется несомнѣннымъ, что всѣ изложенныя и тому подобныя обстоятельства могли имѣть только второстепенное значеніе, — могли только способствовать ускоренію того процесса разложенія волостной общины, основной причины котораго надо искать глубже — въ слабомъ сознаніи крестьянами своей солидарности въ предѣлахъ отдѣльнаго селенія. Пока существуетъ болѣе или менѣе значительный земельный просторъ, характеризуемый, между прочимъ, захватными формами пользованія землей; пока количество угодій превышаетъ потребности наличнаго населенія, а цѣнность ихъ

болѣе или менѣе ничтожна. — до тѣхъ поръ общность владѣнія не затрагиваетъ ничьихъ существенныхъ интересовъ, и на первый планъ выступаютъ выгодныя стороны общаго владѣнія, позволяющаго каждому, не стѣсняясь какими либо селенными межами, пахать, косить и т. д. тамъ, гдѣ ему, по его хозяйственнымъ соображеніямъ, кажется болѣе выгоднымъ. Но вотъ въ результатѣ-ли естественнаго прироста населенія или прилива переселенцевъ, появляется земельное „утѣсненіе“: земля пріобрѣтаетъ цѣнность, изъ-за пользованія ею начинаются споры, недоразумѣнія, которыя мало по малу заставляютъ общину взять въ свои руки дѣло распределенія между общественниками земельныхъ угодій: при этихъ спорахъ и недоразумѣніяхъ ясно выступаетъ слабость связи между крестьянами различныхъ селеній, въ сравненіи съ крѣпкою связью, соединяющей членовъ одной и той-же селенной общины, и центръ тяжести крестьянскаго землевладѣнія мало по малу переходитъ изъ большаго, но плохо сплоченнаго волостнаго союза въ небольшой, но крѣпко связанный селенный.

Было-бы большою ошибкою предполагать, что ослабленіе или вѣриѣ — проявленіе слабости общинной связи между крестьянами разныхъ селеній, связанныхъ общностью волостнаго землевладѣнія, равносильно ослабленію общинной связи и общиннаго духа вообще. Напротивъ, представленный нами обзоръ фактическихъ данныхъ въ связи съ данными о формахъ пользованія землею показываетъ, что разложеніе волостныхъ земельныхъ союзовъ идетъ болѣе или менѣе параллельно процессу перехода отъ захватныхъ способовъ пользованія къ пользованію душевому, т. е. отъ такихъ формъ, при которыхъ общинное начало остается какъ-бы въ скрытомъ состояніи, къ такимъ, при которыхъ земельная община достигаетъ своего полнаго развитія. И мы позволяемъ себѣ высказать предположеніе, что оба эти явленія — развитіе душевого пользованія и распаденіе волостной общины — связаны между собой не только зависимою отъ одной общей причины — земельного утѣсненія,

но и непосредственною причинною связью: волостная община — союз слишком крупный и неповоротливый для того, чтобы организовать передѣлы угодій; волостной передѣлъ затягивается на слишком много времени, расцѣпка угодій по цѣлой волости слишком затруднительна, самыя податныя разверстки не могут производиться всею волостью, которая недостаточно близка для этого къ индивидуальному плательщику; большинство земельных и податныхъ функций, по этому, сосредоточивается въ общинѣ-селеніи; за общинной-волостью остается только производство, чрезъ болѣе или менѣе продолжительныя промежутки времени, волостного „поравненія“. — но и это послѣднее — дѣло настолько трудное, что начинаетъ мало по малу затягиваться, а затѣмъ — и вовсе выходить изъ употребленія.

Сказанному какъ-будто противорѣчить то обстоятельство, что на сѣверѣ Тобольской губерніи, и въ частности — въ южныхъ волостяхъ Туринскаго округа, гдѣ общинныя формы достигли особенно высокой ступени развитія, — община-волость сохранилась вполне и, повидимому — не проявляетъ признаковъ разложенія. Но это противорѣчіе — только кажущееся, и живучесть волостной общины въ названной мѣстности вполне объясняется, прежде всего, незначительностью занимаемой волостями площади, а затѣмъ и главнымъ образомъ — особенностями топографіи и расположенія угодій: все южныя волости Туринскаго округа расположены по теченію р. Туры, вблизи которой густо сгруппировались почти все селенія, а волостныя территоріи протянулись на 30 и болѣе верстъ къ югу, вглубь междурѣчнаго нагорья, каждая изъ этихъ территорій распадается на нѣсколько полосъ: полосу поемныхъ луговъ, за которою слѣдуетъ сплошь воздѣланная полоса уваживаемыхъ долинныхъ и увальныхъ пашень, а дальше къ южной границѣ тянется дѣсное пространство, по которому разбросаны, болѣе или менѣе рѣдко, полосы пашни и сѣнокоса. Разбить такія территоріи на поселенныя отрубы было-бы почти невозможно: для этого пришлось-бы

либо вытануть поселенныя дачи узкими лентами, которыя пересѣкали-бы все перечисленныя полосы, либо отвести каждому селенію надѣль въ нѣсколькихъ участкахъ и создать невозможную чрезполосицу, либо, въ видахъ округленія очертанія надѣловъ, — отказаться отъ всякой мысли уравнять ихъ качество и посадить одни селенія на сплошныя увальныя пашни и заливыя дуга, другія — въ дѣса съ клочками плохой пашни и покоса. Лишь при существованіи волостной общины возможно сколько-нибудь удобное распределеніе угодій между населеніемъ этихъ волостей: существованіе общины-волости, такимъ образомъ, вызывается здѣсь самими естественно-хозяйственными условіями, вліяніе которыхъ превѣшиваетъ вліяніе условій, толкающихъ волостную общину къ разложенію, — а потому и можно думать, что община волость въ разсматриваемой мѣстности и другихъ ей подобныхъ имѣетъ все шансы на дальнѣйшее существованіе и не разрушится безъ какихъ либо постороннихъ вліяній.

Александръ Кауфманъ.

Хатынь-Арынское скопческое селеніе.

(Факты, цифры, наблюденія).

I.

Изъ существующихъ нынѣ скопческихъ селеній самая старья по времени основанія—это Мархинское Якутскаго округа, Спасское и Троицкое—Олекминскаго. Скопцы этихъ селеній сначала были сосланы на Аландскіе острова, затѣмъ въ Туруханскій край Енисейской губерніи, а оттуда въ 1860 и 1861 гг. въ Якутскую область.

Первая партія (до трехсотъ человекъ) была распределена по разнымъ улусамъ Якутскаго округа и только 1866 г. вновь собрана и поселена въ 10 верстахъ отъ г. Якутска, на рѣкѣ Мархѣ. Скопцы другихъ партій, прибывшіе въ область въ 1861 г., отправлены въ г. Олекминскъ, а на слѣдующій годъ поселены въ мѣстности, гдѣ теперь находятся селенія Спасское и Троицкое. Изъ скопцовъ, сосланныхъ въ 1868, 1869 и 1870 годахъ преимущественно изъ Калужской и Тульской губерній (48 мужчинъ и 3 женщины), составлено селеніе Иллонское. Прибывшіе въ область въ слѣдующемъ году 73 человека обоего пола послужили для образованія селенія Петропавловскаго. Слѣдующая партія скопцовъ (въ 1873 г.) была поселена въ Белькучемскомъ и Нотаро-Воскресенскомъ селеніяхъ, но въ 1877 г., за неудобностью для хлѣбопашества земель въ этихъ селеніяхъ, скопцамъ предложили селиться въ Тастатскомъ¹⁾ и Хатынь-Арынскомъ наслеггахъ Намскаго улуса.

¹⁾ За негодностью земли и въ этомъ селеніи, скопцы въ 1883 г. перечислены въ Кильдемекій наслегъ.

Въ первомъ поселено 112 чел., во второмъ 85 обоого пола. Весною 1881 г. основано Одейское селеніе; въ немъ поселено 69 чел. Скопцы изъ казаковъ Семирѣченской области, въ количествѣ 79 чел., были поселены въ 1876 г. въ Усть-Чаринскомъ селеніи. Въ слѣдующемъ году основано селеніе Вилойское (73 чел.), а на станціяхъ Элькогонѣ и Кумагонѣ поселено 16 скопцовъ.

Такова официальная лѣтопись поселенія скопцовъ въ Якутской области, заимствованная нами изъ „Доклада штабъ-офицера для особыхъ порученій (Калитеоргія) при Генераль-Губернаторѣ Вост. Сибири отъ 27 октября 1881 г. за № 20 о состояніи скопческихъ селеній, находящихся въ Якутской области“.

Лѣтъ 14 спустя, т. е. въ началѣ текущаго года, мнѣ пришлось отъ самихъ скопцовъ выслушать печальную повѣсть объ ихъ скитаніяхъ. Пополнимъ-же эту официальную лѣтопись ихъ разказами, не забывая однако, что рассказчики — лица заинтересованныя — могли и преувеличить испытанныя невзгоды. Я привожу только типичные примѣры, не желая утомлять читателя однообразными повтореніями.

Домохозяинъ № 1. Прибыль въ область въ 1873 г., назначень въ Петропавловское селеніе (Чуранъ). Выстроилъ домъ. Прожилъ тамъ два года. По распоряженію начальства переведень въ Белькучемское селеніе. Выручивъ за домъ всего 5 пудовъ хлѣба, отправился на Марху побираться. Въ Белькучемскомъ селеніи опять выстроилъ домъ. И тутъ труды и деньги пропали даромъ: домъ оставлень на произволъ судьбы. Переносился на Марху, гдѣ заработалъ 200 руб. На эти деньги обзавелся всеѣмъ въ Хатынь-Арынскомъ селеніи.

№ 2. Прибыль въ область въ 1892 г., назначень на Усть-Маю. Прожилъ въ Петропавловскомъ селеніи 5 мѣсяцевъ, послѣ чего переведень въ Хатынь-Арынское селеніе.

№ 3. Прибыль въ область въ 1874 г.; сосланъ въ Бѣлогурцы (Ново-Покровское). Проживъ тамъ одинъ годъ, по предписанію

начальства переведенъ въ Белькучемское селеніе. Выстроился. Переведенный по собственной просьбѣ въ Хатынь-Арынское, за все постройки получилъ 10 р., остальное пропало.

№ 9. Прибыль въ область въ 1873 г.; отпращенъ въ Петропавловское селеніе. Не зная, что поселенъ временно, обстроился; переведенъ въ Белькучемское селеніе. За домъ не выручилъ ничего. На новомъ мѣстѣ сѣялъ (распахивалъ землю капаницей); изъ году въ годъ хлѣба погибали отъ морозовъ. Единственное спасеніе представляли временныя отлучки на Марху для заработковъ. За право проживать на Мархѣ приходилось платить старостѣ. Передъ поселеніемъ въ Хатынь-Арынскомъ опять работалъ на Мархѣ. На заработанные 75 руб. обзавелся самыми необходимыми для хлѣбопашества орудіями.

№ 13. Прибыль въ область въ 1874 г., назначенъ въ 1875 г. въ Нотаро-Воскресенское. Выстроилъ домъ, обзавелся земледѣльческими орудіями, ручной мельницей—въ общемъ счетъ на 80 руб. Прожилъ тамъ 5 лѣтъ, каждый годъ сѣялъ, каждый годъ труды пропадали даромъ. Въ 1880 г. Нотаро-Воскресенское упразднено. Истративъ все деньги и все обзаведеніе, отпращивается на Марху для заработковъ. На заработанные сто рублей вновь приобретаетъ коней и земледѣльскія орудія на новомъ мѣстѣ причисленія—въ селеніи Петропавловскомъ. Живетъ тамъ до 1886 г., расчищаетъ десятину земли изъ подъ лѣса и изъ году въ годъ сѣетъ. Въ 1886 г. опять переѣзжаетъ на Марху, опять поступаетъ въ работники и, переводясь по прошенію въ Хатынь-Арынское селеніе, на вывезенныя изъ Петропавловскаго селенія деньги, а также и на заработанныя на Мархѣ въ третій разъ обзаводится здѣсь всею нужною для хлѣбопашества.

Представленные нами примѣры далеко не исключительны. Изъ всего теперешняго населенія только 9 мужчинъ и 12 женщинъ назначены прямо въ Хатынь-Арынское селеніе, въ то время какъ остальные попадали сюда только постѣ продолжительныхъ и дорого

стоившихъ скитаній. Бывали случаи (Андрей Смирновъ), что мужа назначаютъ въ Петропавловское селеніе, жену на Амгу; мужа переводятъ въ Белькучемское селеніе, жену въ Ноторо-Воскресенское; и только черезъ 5 лѣтъ послѣ прибытія въ область, супругамъ удается поселиться вмѣстѣ.

Скоро сказка сказывается.... Дѣло расселенія скопцовъ шло далеко не съ такой скоростью. Мы повсюду употребляли слово „селеніе“. Въ моментъ поселенія скопцовъ селеній этихъ нигдѣ не было. Приходитъ партія скопцовъ въ глухую тайгу; сопровождающее ее должностное лицо указываетъ скопцамъ межевые знаки, рекомендуетъ строиться и селиться и, неоднократно повторивъ наставленіе: съ мѣста не отлучаться, — оставляетъ скопцовъ на произволь судьбы.

Роковыя скитанія закончены. 19-го сентября 1876 г. исправникъ предвѣщаетъ скопцовъ, что не позже февраля 1877 г. назначенные въ Хатынь-Арыцкое селеніе скопцы (53 мужч. и 26 женщ.) будутъ окончательно водворены на мѣстѣ¹⁾ и предписываетъ раздѣлить землю 381 десятину 1591 квадр. сажень удобной и 7 десятинъ 1060 квадр. сажень неудобной на 54 участка, полагая по 7 десятинъ на душу. Маіоръ Калагеоргій приводитъ почти такую-же цифру — 388 дес. 220 кв. с., но, по его расчету, на 1 мужскую душу отведено только 6 десятинъ. Между тѣмъ изъ Указа Областного Правленія за № 2576 видно, что хотя планъ отведенныхъ въ 1876 г. Хатынь-Арыцкому селенію земель и сгорѣлъ въ 1879 г., но, „по существующимъ въ натурѣ межевымъ признакамъ“, въ 1883 г. оказалось:

Подъ строеніями и усадьбой	27 дес.	900 кв. саж.
Пашни	227 „	1440 „
Сѣнокосу сухого и по мокропочковатому грунту	373 „	2126 „
Выгона на землѣ удобной къ пашнѣ	198 „	2100 „

¹⁾ Эта цифра на 6 чел. меньше цифры приведенной маіоромъ Калагеоргіемъ.

Выгона отчасти съ лѣсомъ и по крокочковатому грунту	111 дес.	200 кв. саж.
Смѣшаннаго лѣсу	293 „	2100 „ „
Солонцовъ	67 „	1920 „ „
Подъ поднымъ и половинымъ теченіемъ вѣдь р. Лены	35 „	— „ „
Подъ озерами	95 „	1360 „ „
Подъ проселочными дорогами	8 „	2320 „ „

Итого удобной и неудобн. з. 1480 дес. 2266 саж.

Изъ нихъ удобной з. съ лѣсами 1107 „ 140 „

Слѣдовательно, въ дѣйствительности на 1 мужскую душу приходилось 27,4 десятины, изъ которыхъ одной удобной земли 20,3 д.

Въ этомъ-же 1877 г. пошелъсь скопцы на новое мѣсто. Обыкновенная картина сплошной тайги и тутъ ихъ встрѣтила: на 1 душу оказалось менѣе $\frac{1}{4}$ десятины открытой земли. Многие расчищали землю даже подъ усадьбу. Отведенную землю въ присутствіи представителей отъ десятковъ раздѣлили по десяткамъ: каждый десятокъ дѣлилъ между собой. Бодро, энергично принялись скопцы за работу: въ первый-же годъ выстроили 23 двора. Труду и энергіи немало способствовалъ и капиталъ. Курошниковы, Залесукнины и другіе затратили на одиѣ жилища постройки свыше ста рублей, а одновременно съ этимъ обзаводились лошадьми (въ селеніи въ первый-же годъ оказалось рабочихъ коней 34), земледѣльческими орудіями, производили чистки.... Впервые соха взбороздила дѣвственное доио таежной земли, и 10 мая начался посѣвъ. Урожай вознаградила труды земледѣльцевъ.

	посѣяно:	снято:	урожай самъ:
Яриды	24 $\frac{1}{2}$ п.	165 п.	почти 7.
Пшеницы	9 $\frac{1}{4}$ „	130 „	14.
Ячменя	15 $\frac{1}{2}$ „	95 „	6.
Итого	49 $\frac{1}{4}$ п.	390 п.	около 8.

Хлѣбъ начали жать 20 августа, такъ что вегетативный періодъ продолжался 102 дня¹⁾.

Въ этомъ-же году новопоселенные развели огороды, но урожай не окупилъ трудовъ: съ посаженныхъ 26 пудовъ картофеля собрано всего 65 пудовъ; съ 31 зол. капусты всего 200 вилокъ. Сѣна накошено 50 возовъ: менѣе воза на 1 мужскую душу. На прокормъ скота, само собою разумѣется, этого не хватало. Тогда-то и было положено начало той системѣ, которая впоследствии укоренилась, что только зажиточные хозяева оставляютъ коровъ на зиму, въ то время какъ всѣ, даже средней зажиточности, осенью ихъ продаютъ. Этимъ слѣдуетъ объяснить то незначительное количество рогатаго скота, какое съ самаго основанія селенія до послѣдняго времени красуется въ официальныхъ отчетахъ. Такъ, въ 1877 году на всю деревню была 1 корова; въ 1878 г.—5; въ 1879 г.—8. Максимальное количество коровъ—51, но это уже было послѣ новой прирѣзки земли въ 1883 г., когда возы сѣна по временамъ достигали крупной цифры—1000.

Но я забѣжалъ далеко впередъ, а на первомъ времени пребыванія скопцовъ въ Хатынь-Арынскомъ селеніи стоить остановиться подольше: это, несомнѣнно, лучшее ихъ время. На новую отвоеванную у тайги землю сѣли настоящіе крестьяне-земледѣльцы.

Глядя теперь на отъѣвшихся, ожирѣвшихъ скопцовъ, гордо напр. заявляющихъ: „какъ сядемъ вдвоемъ съ братомъ, такъ хоть и гирь не клади,—ровно 14 пудовъ вытянемъ“, съ трудомъ въришь ихъ рассказамъ о прежнемъ тяжеломъ трудѣ. „Вышелъ я пахать,—рассказываетъ одинъ изъ теперешнихъ тузовъ,—моченьки моей нѣту.... Что ни шагъ,—на корни натыкаешься.... Земля цѣльная, твердая, хоть зубами рви.... Три раза отдыхаешь на одной бороздѣ; кони въ мыль.... Прийдешь домой—и лежать больно: всѣ косточки ноютъ....“

¹⁾ Эти и ниже приведенныя мною данныя о продолжительности роста хлѣбовъ любезно сообщены мнѣ скопцомъ Хатынь-Арынскаго селенія Тимоѣемъ Заленукинымъ, которому, при этомъ удобномъ случаѣ, выражаю мою глубочайшую признательность.

Тогдашняя внутренняя жизнь — тоже вызывает симпатию. Жили товариществами — мирно, дружно, солидарно. За первое время въ дѣлахъ мѣстнаго архива нѣтъ ни одного дѣла, могущаго свидѣтельствовать о внутренней междоусобицѣ. То-ли пережиты страданія связывали братью, то-ли аппетиты еще не разыгрались.

Въ 1878 г. населеніе увеличилось только на 6 женщинъ; домовъ уже выстроено — 27; число лошадей — 39. Начали сѣять 8-го мая; уборка 25-го іюля. Вегетативный періодъ 78 дней.

	посѣяно:	снято:	урожай сажь:
Ярицы	131 п.	500 п.	3.8
Пшеницы	259 ¹ / ₂ „	2045 „	7.9
Ячменя	35 ¹ / ₂ „	143 „	4.
Овса	3 „	20 „	6.6
<hr/>			
Итого	429 п.	2708 п.	6.3

Урожай хлѣбовъ меньше, чѣмъ въ предыдущемъ году, но зато огороды удалась гораздо лучше:

	посажено:	снято:
Картофеля	128 ¹ / ₂ п.	679 п.
Гороху	15 ф.	10 ф.
Моркови	42 зол.	8 мѣшк.
Свеклы	34 „	7 „
Огурцовъ	37 „	3400 шт.
Капусты	29 „	1630 „
Рѣпы	78 „	32 ¹ / ₂ мѣшк.
Рѣдьки	22 „	12 ¹ / ₂ „
Брюквы	18 „	10 „

И нарочно подольше остановился на первыхъ двухъ годахъ пребыванія скопцовъ въ Хатынь-Арынскомъ селеніи, чтобы обратить вниманіе на одно небезынтересное явленіе. Официальные и неофициальные панегиристы скопцовъ не разъ и не мало прокри-

чали про скопческую трезвость и трудолюбіе, — качества, благодаря яко-бы которымъ скопцы изъ года въ годъ богатѣютъ. Да и чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, если не трезвостью и трудолюбіемъ объяснить то цвѣтущее состояніе скопческихъ селеній, на краснорѣчивое описаніе которыхъ мы наталкиваемся у каждаго изъ названныхъ панегиристовъ, въ то время какъ не-скопческія селенія и поселки еле еле влачатъ мизерное существованіе? Утвердительный отвѣтъ самъ напрашивается на языкъ, но это не будетъ вѣрный отвѣтъ. Не отрицая, что въ первые годы пребыванія на новомъ мѣстѣ скопцы отличались и трезвостью и трудолюбіемъ, я думаю все таки, что не эти качества содѣйствовали процвѣтанію скопческихъ хозяйствъ, а тѣ капиталы, какими они въ то время располагали. — „А вы считали, что у насъ въ карманѣ“? съ пѣной у рта спрашивали меня скопцы, когда я дѣлился съ ними своими впечатлѣніями. Нѣтъ, не считалъ, конечно, но сообразить это легко и безъ залѣзанія въ скопческіе карманы.

1877 годъ, — годъ основанія Хатынь-Арынскаго селенія, — потребовалъ, какъ я говорилъ выше, не мало затратъ со стороны скопцовъ. Урожай, хотя и хорошій, далъ все-таки только 390 пудовъ, т. е. менѣе 5 пудовъ на наличную душу (м. Калагеоргій считаетъ только 3 пуда) въ годъ: приходилось, слѣдовательно, прикупать даже на пищу, а между тѣмъ расчистка земель продолжалась, дома строились, количество скота увеличилось, а посѣвъ увеличился почти въ 10 разъ — на 40 пуд. *больше* собраннаго въ предыдущемъ году хлѣба. При чемъ тутъ трезвость и трудолюбіе? Для этого нужны были *деньги и они были*. Огороды тоже потребовали затратъ, деньги оказались и на это: появились парники, собрано 3½ тысячи огурцовъ.

Въ этомъ-же 1878 г. начинаются первые имущественные раздѣлы. Они еще носятъ мирный характеръ, раздѣлъ происходитъ на сходѣ, но многозначителенъ самъ фактъ раздѣла, для нашей цѣли важно, что сходъ дѣлилъ по просьбѣ братьевъ Ф. нажитое имущество

(значить: оно было) между ними и „сестрами“ Парасковьей Л. и Анной О.

Во время изслѣдованія я пытался собрать данныя относительно суммъ, какими новопоселенные располагали въ моментъ прибытія въ Хатынь-Арынское селеніе, но, какъ и слѣдовало ожидать, отвѣты не заслуживаютъ ни малѣйшаго довѣрія. Кое-кто, правда, давалъ откровенные отвѣты: такъ, далеко не зажиточные люди, какъ Полокаине, называли сумму 500 рублей, Павловъ—700 руб., болѣе зажиточные Новиковы—700 рублей, въ то время какъ завѣдомые богатѣи показывали сумму въ 100—150 рублей. Для нашей цѣли интересны были-бы размѣры капиталовъ, но и фактъ установленія *самими скопцами* наличности ихъ имѣетъ большое значеніе.

Вернемся, однако, къ прерванному разсказу. Въ теченіе 1879 года населеніе новой деревни увеличилось на 4 муж. и 1 женщ. Количество дворовъ возросло до 34. Селеніе, какъ видно, обстроилось, приняло обычный видъ скопческаго: по одной сторонѣ улицы вытянулись рядъ жилья постройки, по другую—бани, мельницы... Крѣпкія ворота, цѣпныя собаки зорко оберегали домашнія тайны „праведныхъ монаховъ“... Стукъ топоровъ, такъ недавно нарушавшихъ тишину—характерную для скопческихъ селеній, постепенно затихалъ. Скопчики все чаще выползали на улицу и, сидя на бревнахъ, проводили многіе часы въ разговорахъ, разсказахъ о пережитыхъ невзгодахъ, съ нетерпѣніемъ выжидая рабочей поры. И сама судьба, какъ будто входила въ ихъ положеніе: весна настала ранняя, посѣвъ начался на цѣльхъ 10 дней раньше прошлогодняго, т. е. 28 апрѣля, уборка 24 іюля. (Вегетативный періодъ 87 дней.

	посѣяно:	снято:	урожай сажь:
Ярицы	270 ¹ / ₂ п.	1080 п.	4
Пшеницы	171 ¹ / ₂ „	1680 „	9,8

	посѣяно:	снято:	урожай самъ:
Ячменя	65 ¹ / ₂ п.	388 п.	6
Овса	¹ / ₂ „	12 „	24
Всего	508 п.	3160 п.	6¹/₂

Посѣвъ на 1 мужскую душу 9 пудовъ; собрано на наличн. душу об. поля 35,1 п. Огородныя овощи уродились плохо; картофель (1050 пуд.) и кануста (2580 шт.) все таки собраны въ количествѣ вполне достаточномъ для нуждъ селенія.

1879 годъ — очень важенъ въ жизни Хатынь-Арынского селенія. Въ этомъ году, какъ видно изъ приведенной таблицы, селеніе еще трудилось только для себя, для удовлетворенія собственныхъ нуждъ, въ слѣдующемъ 1880 году картина уже мѣняется, посѣвы уже превосходятъ необходимое для этого количество.

Въ 1880 г. населеніе вновь увеличивается на 8 мужч. и 2 женщ. (всего 65 м., 39 ж.), число лошадей достигаетъ сразу крупной цифры 70, а посѣвъ, начавшійся также, какъ въ предыдущемъ году 28 апрѣля¹⁾, былъ:

	посѣяно:	снято:	урожай самъ:
Ярицы	302 п.	2075 п.	6,8
Пшеницы	392 „	3020 „	7,7
Ячменя	53 „	567 „	10,7
Овса	¹ / ₂ „	60 „	8
Всего	754¹/₂ п.	5722 п.	7,6

Посѣвъ на 1 м. душу 11,6 п., собрано на наличн. душу об. поля 55 пуд. Огородныя овощи уродились лучше, чѣмъ въ предыдущ. году. Съ этого года Хатынь-Арынское селеніе начинаетъ все больше и больше оправдывать цѣли, какія преслѣдовала, по словамъ Павлинова, администрація: „сдѣлать изъ скопцовъ выгодныхъ

¹⁾ Ростъ хлѣбовъ продолжался 86 дней. Жнитво началось 23 июля

продавцовъ хлѣба въ магазины Якутской области¹⁾. Вопросъ о выгоды я *пока* оставляю открытымъ, но изъ приводимой на 69, 70 и 71 страницахъ таблицы, читатели легко убѣдятся, что съ этого времени Хатынь-Арынское селеніе производитъ хлѣбъ преимущественно для продажи. Это еще рѣзче бросается въ глаза при вычисленіи количества посѣва на 1 мужскую душу:

1881	1882	1883	1884	1885	1886	1887	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895
14,8	17,3	18,2	22,3	18,3	26,4	26,5	24	27,4	29,3	31	33	31,8	32,3	33,7

За первыя десять лѣтъ количество посѣва на 1 муж. душу увеличилось вдвое, а данныя за послѣднее пятилѣтіе краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о томъ-же поступательномъ движеніи. Даже такіе неурожайные годы, какъ 1892, очень слабо отражаются на этомъ движеніи, хотя послѣдствія его были на столько тяжелы, что 9 домохозяевъ въ началѣ 1893 года должны были прибѣгнуть къ займу сѣмянъ на обсеменение полей изъ мѣстнаго запаснаго магазина²⁾.

Если мы отъ посѣва перейдемъ къ количеству собраннаго хлѣба, то и тутъ, за послѣдній, напр., годъ, по урожайности далеко не исключительный, по официальнымъ даннымъ, которыя несомнѣнно ниже дѣйствительныхъ (о чемъ я поговорю въ слѣдующей главѣ), на 1 наличную душу обоего пола приходится почти 150 пудовъ.

Земли отведенной при основаніи селенія оказалось, по мнѣнію скопцовъ, мало.... Въ 1882 г. селеніе черезъ своихъ довѣренныхъ начинаетъ хлопоты о новой прирѣзкѣ земли. Журналомъ Якут-

¹⁾ Д. Павлиновъ. „Статистическое описаніе юридическаго быта Мархинскихъ скопцовъ“ (Рукопись).

²⁾ Приговоръ сельскаго схода крестьянъ Хатынь-Арынскаго скоч. селенія отъ 23 марта 1893 года.

Родъ хлѣбовъ.	1 8 8 1.		1 8 8 2.		1 8 8 3.		1 8 8 4.		1 8 8 5.																
	Ярныя.	Пшеница.	Ячменя.	Овса.	ВСЕГО.	Ярныя.	Пшеница.	Ячменя.	Овса.	ВСЕГО.															
Годъ.	66 муж. 36 женщ.		66 муж. 36 женщ.		66 муж. 36 женщ.		65 муж. 37 женщ.		61 муж. 43 женщ.																
Число жителей.	456 410 90 19 975		419 530 181 36 1166		463 549 159 30 1201		482 606 235 42 1315		404 555 142 19 1120																
Посѣино пудовъ.	2436 3088 1045 239 6808		3325 5205 1603 200 10333		3995 6415 2090 230 12730		5283 2813 1563 202 9861		2795 1480 735 102 5112																
Урожай сямъ.	5,3	7,5	11,6	12,0	7	8	9,5	8,5	5,5	8,5	8,6	11,7	13,1	7,7	10,0	12,7	4,5	6,6	4,5	7,4	6,9	2,7	5,2	5,4	4,6
Начало посѣва ¹⁾ .	14 мая		4 мая		26 апрѣля		12 мая		2 мая		26 апрѣля		12 мая		93 дня		75 дней		2 мая		2 мая		88 дней.		
Начало жнитва.	27 юля		1 августа		28 юля		26 юля		26 юля		26 юля		26 юля		29 юля		29 юля		29 юля		29 юля		29 юля		

¹⁾ Вегетативный періодъ вычитанъ по записамъ сконча Т. М. Залепукина.

Родъ хлббовъ.	1 8 8 6.		1 8 8 7.		1 8 8 8.		1 8 8 9.		1 8 9 0.																	
	Ярица.	Пшеница.	Ячменя.	Овсян.	ВСЕГО.	Ярица.	Пшеница.	Ячменя.	Овсян.	ВСЕГО.																
Число жителей.	59 муж. 38 женщ.		55 муж. 37 женщ.		54 муж. 37 женщ.		53 муж. 37 женщ.		52 муж. 37 женщ.																	
Посѣяно.	624	713	207	15	1559	453	644	357	6	1460	468	516	310	4	1298	550	596	296	12	1454	567	544	387	27	1525	
Снято.	692	1040	630	22	2384	1655	3320	1867	15	6857	2840	4510	3015	30	10395	4880	4172	3069	90	12211	2205	2584	1935	105	6829	
Урожай самъ—	1,1	1,4	3	1,5	1,5	3,5	5,2	5,2	2,5	4,7	6,1	8,1	9,7	7,5	8	8,9	7	10,4	7,5	8,4	3,9	4,7	5	3,9	4,5	
Начало посѣва.	1 мая		5 мая		5 мая		84 дня		5 мая		28 апрѣля		85 дней		28 апрѣля		89 дней		26 апрѣля		97 дней.					
Начало жнива.	2 августа		28 іюля		28 іюля		84 дня		29 іюля		26 іюля		26 іюля		26 іюля		1 августа		1 августа		1 августа		1 августа		1 августа	

Родъ хлѣбовъ.	1 8 9 1.		1 8 9 2.		1 8 9 3.		1 8 9 4.		1 8 9 5.	
	Врѣмя. Пшеница.	Врѣмя. Ячмень. Овса.	Врѣмя. Пшеница.	Врѣмя. Ячмень. Овса.	Врѣмя. Пшеница.	Врѣмя. Ячмень. Овса.	Врѣмя. Пшеница.	Врѣмя. Ячмень. Овса.	Врѣмя. Пшеница.	Врѣмя. Ячмень. Овса.
Годъ.	1 8 9 1.		1 8 9 2.		1 8 9 3.		1 8 9 4.		1 8 9 5.	
Число жителей.	51 муж. 37 женщ.		49 муж. 45 женщ.		50 муж. 43 женщ.		48 муж. 35 женщ. ¹⁾		48 муж. 35 женщ. ¹⁾	
Посѣяно.	630	520 405 27 1582	864	464 272 16 1616	813	539 222 7 1581	959	416 163 10 1548	751	547 294 25 1617
Снято.	3200	2970 2100 128 8398	1736	912 824 32 3504	3833	4683 2286 67 10869	7045	3670 1500 120 12335	4875	4885 2830 217 12307
Урожай самъ—	5,1	5,7 5,1 4,8 5,3	2	2 2 3 2 2,4	4,5	8,7 10,2 9,6 6,7	7,2	8,8 9,2 12 8	5,8	8,0 9,6 8,7 7,4
Начало поѣвн.	4 мая	25 апрѣля	25 апрѣля	25 апрѣля	21 апрѣля	21 апрѣля	26 апрѣля	26 апрѣля	10 мая	10 мая
Начало жнитва.	27 юля	1 августа	1 августа	1 августа	13 юля	13 юля	19 юля	19 юля	18 юля	18 юля
		84 дня	98 дней	83 дня	83 дня	84 дня	84 дня	69 дней	69 дней	69 дней

¹⁾ Кроме того двое ребятъ.

скаго Областного Правленія отъ 16 марта 1883 г. за № 151 рѣшено: „всѣ земли, арендованныя скопцами Х.-А. селенія въ 1882 г. у инородцевъ Хатынь-Арынскаго и Бетюнскаго наслеговъ, въ количествѣ $133\frac{1}{8}$ десятины пахотной и 110 десятинъ луговъ, въ настоящемъ году оставить во временномъ пользованіи скопцовъ“. Заинтересованные наследи официально заявляютъ о своемъ мало-земелии и направляютъ жалобы въ Иркутскъ. 26 апрѣля 1886 г. Як. Обл. Правленіе увѣдомляетъ землемѣра, что г. Генераль-Губернаторъ—„замѣтилъ, что поземельные споры въ Иркутской Области происходятъ частію по винѣ самихъ межевыхъ чиновъ, дѣлавшихъ отводы дачъ въ самыхъ безобразныхъ фигурахъ, а частію по неназначенію Областнымъ Правленіемъ никакихъ сроковъ на пользованіе землею тѣмъ обществамъ или лицамъ, отъ которыхъ земля къ отрѣзкѣ предположена,“ въ виду чего предписываетъ вторично отмѣрить землю скопцамъ въ обѣ стороны отъ селенія въ его направленіи и назначить какой-либо срокъ якутамъ на пользованіе пашнями, отошедшими отъ нихъ въ дачу скопцамъ.

Восемь лѣтъ спустя, т. е. въ 1894 г., вопросъ этотъ разбирался Обл. Правленіемъ и былъ „зарѣшенъ“, т. е. земля осталась за скопцами въ такомъ видѣ и на такихъ условіяхъ, при какихъ происходила нарѣзка ея въ 1883 г.

За нѣсколько лѣтъ до этого, т. е. 13 сентября 1888 г. довѣренные скопцовъ Хат.—Ар. селенія Канториковъ и Простовъ, доводя до свѣдѣнія Обл. Правленія о томъ, что скопцы расчищали изъ подъ лѣса всю раньше отведенную имъ землю, просятъ, „по малозначительности(!) у нихъ земли, нарѣзать имъ таковую изъ лѣсныхъ инородческихъ владѣній и уравнить межи, такъ какъ отведенная имъ земля выдается полосами и клиньями въ землю инородцевъ“. Ходатайство это оставлено мѣстной администраціей безъ послѣдствій, и скопцы, по ихъ собственному заявленію, за недостаткомъ земли вынуждены расчищать болотистыя мѣстности.

Такова исторія постепеннаго расширенія земледѣльческаго хозяйства въ Хат.—Ар. селеніи. Если мы отъ этого перейдемъ къ другимъ отраслямъ хозяйства, то увидимъ такой-же постепенный ростъ. Такъ, лошадей на 1 мужскую душу приходилось: въ 1881 г.—1,5; 1882—1,4; 1883—1,6; 1884—1,7; 1885—2; 1886—1,9; 1887—1,6; 1888—1,7; 1889—2; 1890—2; 1891—2,3; 1892—2,2; 1893—2. За остальные годы официальныхъ данныхъ у меня нѣтъ, а мною собранныя данныя за 1894 г. я приведу ниже.

Сопоставляя эти цифры съ знаменитымъ „О-мъ цѣлыхъ“ Г. И. Успенскаго, мы поймемъ, на сколько заброшеннымъ на далекой сѣверь скопцамъ живется лучше, чѣмъ ихъ братьямъ—русскимъ крестьянамъ на родинѣ.

Данныхъ о количествѣ накошеннаго сѣна я не привожу, такъ какъ эти данныя въ официальныхъ сообщеніяхъ варьируютъ подъ вліяніемъ совершенно постороннихъ соображеній. Иначе, зная, что скопцамъ отведены заливные луга, считающіеся лучшими, нельзя объяснить такихъ колебаній, какъ: 48 возовъ—въ 1878 году и 567—въ 1882 г. (и то и другое до новой прирѣзки земли).

Относительно огородничества мы можемъ сообщить, что количественно оно съ 1881 г. находится въ одномъ положеніи, что объясняется неувеличивающимися размѣрами усадебной земли, но качественно оно, несомнѣнно, прогрессируетъ. Кромѣ огурцовъ, изъ парниковыхъ растений выращиваются скопцами, или, вѣрнѣе, скопчихами (огороды на попеченіи женщинъ) арбузы, дыни; у П. В. Лунина намъ пришлось видѣть перецъ, баклажаны, помидоры.

Рука объ руку съ все возрастающей зажиточностью прежній миръ да ладъ, да Божья благодать исчезаютъ все больше и больше. Въ дѣлахъ то и дѣло попадаются споры по поземельнымъ вопросамъ, при чемъ инсинуаціи и интриги на каждомъ шагѣ пускаются въ ходъ скопческимъ „міромъ“. Такъ, 24 сентября 1883

года сконцы Хатынь-Арынскаго селенія, „бывъ на общемъ сходѣ, имѣли сужденіе между прочимъ и о томъ, что, какъ добавочной № усадьбой ублагоустроенъ уже пятый годъ, но, какъ видно изъ всего, № ожидая Всемилостивѣйшаго Манифеста, не принимался усадьбу — расчищать и постройки не производилъ, за исключеніемъ одного амбара и тотъ былъ поставленъ въ новѣйшее время, когда г. засѣдатель описывалъ имущество сконцовъ, такъ общественники не желаютъ отдать № вышеупомянутую усадьбу“.

Въ іюль 1886 года одинъ изъ сконцовъ жалуется на старосту въ несозваніи схода и въ неприятии никакихъ мѣръ противъ другого сконца, отрѣзавшаго часть принадлежащей ему земли и потравившаго скотомъ его огородъ.

Въ одномъ изъ дѣлъ наталкиваемся на одного изъ любвеобильныхъ „братевъ“, который съ „братской“ любовью и съ христіанскимъ забвеніемъ обидь обыкновенную драку *per fas et nefas* пытается представить въ видѣ покушенія на его жизнь и настаиваетъ на уголовномъ преслѣдованіи „брата во Христѣ“.

Чѣмъ дальше углубляемся въ дѣла, тѣмъ ярче вырисовывается внутренняя усобица съ такими аксесуарами, что они смѣло могутъ соперничать съ таковыми-же въ поселенческой средѣ. Негодныхъ средствъ — нѣтъ. Все пускается въ ходъ. И вотъ передъ вами цѣлый рядъ ложныхъ доносовъ въ уголовныхъ преступленіяхъ, въ тайныхъ убійствахъ, наконецъ, въ преступленіяхъ государственныхъ. Атакованная сторона, оправдавшись въ взводимыхъ на нее обвиненіяхъ, — зло, съ остервенѣніемъ мститъ обидчикамъ. Угоняютъ коней, травятъ хлѣбъ, нарочно ломаютъ изгородь, разбиваютъ парники....

Sic transit gloria mundi, sic labor, amor et omnia!....

Въ составъ этого „omnia“ входитъ и само населеніе.

Администрація не разъ уже останавливалась на вопросѣ о будущемъ сконческихъ селеній, въ которыхъ, какъ въ сконческихъ, естественнаго прироста населенія быть не можетъ, а процентъ

дряхлѣющихъ и умирающихъ съ каждымъ годомъ долженъ увеличиваться. Единственная поддержка этихъ селеній—это вновь присылаемые въ область скопцы, но, по мнѣнію маіора Калагеоргія, число вновь прибывающихъ скопцовъ значительно менѣе числа ежегодно умирающихъ и дряхлѣющихъ.

Посмотримъ, какія перемѣны въ возрастномъ составѣ произошли за это время въ Хатынь-Арыскомъ селеніи. (Данныхъ за 1877—81 гг. у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ).

Данные.	Г О Д Ъ	Отъ 21—30 л.		Отъ 31—40 л.		Отъ 41—50 л.		Отъ 51—60 л.		Отъ 61—70 л.		Отъ 71—80 л.		Отъ 81—90 л.	
		м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.	м.	ж.
Изъ доклад. Маіора Калагеоргія.	1881	12	3	23	13	14	9	8	6	6	5	2	3		
Мѣстнаго архива.	1886	3	4	14	4	13	11	16	9	8	7	4	4	1	
Собранныя мною.	1895		1	6	7	16	8	9	7	13	7	2	4	1	

въ 1881 г. 1886 г. 1894 г.¹⁾

‰ мужчинъ свыше 60 лѣтъ: 12,3; 22; 33,3

‰ женщинъ свыше 60 „ 20,5; 28,2; 31,4

‰ мужчинъ моложе 30 „ 18,3; 5,1; 0.

‰ женщинъ моложе 30 „ 7,7; 10,3; 2,9.

Съ 1881 г.—1895 г. населеніе уменьшилось на 19 человекъ. (Въ 1861 г.—66 м. 36 ж.; въ 1895 г.—48 м. 35 ж.). ‰ убыли 18,6.

Такимъ образомъ, соображенія, высказанныя маіоромъ Калагеоргіемъ, по крайней мѣрѣ относительно Хатынь-Арыскаго селенія, оправдались вполне. Населеніе идетъ быстрыми шагами на убыль:

¹⁾ 1 м. и 1 ж. не вошли въ вышеприведенную таблицу, т. е., за ихъ отсутствіемъ, мѣ въ возраста ихъ установить не удалось. При вычисленіи ‰ и ихъ принимаю въ расчетъ, какъ людей средняго возраста.

$\frac{9}{10}$ дряхлѣющихъ и умирающихъ, по самой природѣ вещей, долженъ съ каждымъ годомъ прогрессивно увеличиваться. Черезъ 20—25 лѣтъ Хатынь-Арыискаго селенія не станетъ.

Одного не предвидѣль, да и не могъ предвидѣть м. Калагеоргій, — это то, что и въ скопческомъ селеніи возможенъ... естественный приростъ. Одна изъ скопчихъ незаконно прижила двухъ ребятъ (мальчику теперь 6 лѣтъ, дѣвочкѣ 3 года). Но такого рода случайность отнюдь не можетъ вліять на продленіе существованія селенія....

Небезынтересно отношеніе скопцовъ къ этимъ ребятамъ. Что мать является бѣльмомъ на глазу деревни, — понятно само собою, но характерно, что и дѣти подвергнуты полной опалѣ. Ребята дальше воротъ своего дома не смѣютъ сунуться, сидятъ на завалянкѣ, робко прижавшись другъ къ другу, забитые, загнанные. Ни у одного скопца, ни у одной скопчихи не найдется теплаго слова для этихъ отверженныхъ. На основаніи этого можно было бы невѣрно заключить о черствости скопцовъ.... Нѣтъ! Миѣ не разъ приходилось видѣть скопчихъ съ непритворнымъ чувствомъ ласкавшихъ чужихъ, случайно забредшихъ въ деревню ребятъ. Видя эти сцены, миѣ всегда казалось, что бѣдныя женщины хоть частичку затаеннаго материнскаго чувства изливаютъ на своихъ случайныхъ гостей. Жалко и больно становилось за эти жертвы собственного уродства... Изъ этого мы видимъ, что отношеніе къ этимъ дѣтямъ можно объяснить только мстью скопческаго міра за отступничество матери. Мстѣ эта проявляется и въ другомъ. Мать, племянница умершаго въ 1890 г. скопца, наследовала послѣ него хлѣбъ, домъ... Но земли, расчищенной дядей, общество ей не даетъ, не смотря на то, что у нея сынъ....

— „А если она каждый годъ“, — со злостью говорили скопцы, — „будетъ таскать ребятъ, то мы ей каждый годъ новую землю давай! Эдакъ она у насъ всю землю скоро отберетъ“!...

II.

Познакомивъ читателей съ исторіей Хатынь-Арынскаго селенія со времени его основанія, я перехожу къ обрисовкѣ того состоянія, въ какомъ я нашель названное селеніе въ началѣ 1895 года.

Съ жителями Хатынь-Арынскаго селенія я знакомъ нѣсколько лѣтъ. Для меня всѣ эти Димитріи Платоновичи да Архины Ѳеодоровичи (скопцы очень любятъ величать другъ друга по имени и отчеству) въ моментъ изслѣдованія далеко ужъ не были только „скопцами“, какими они были-бы для всякаго другого наблюдателя. Въ ихъ обезображенныхъ собственнымъ изувѣрствомъ лицахъ, для случайнаго наблюдателя—однообразныхъ, мертвыхъ, безъ выраженія, я научился уже замѣчать ничтожнѣйшія перемѣны, малѣйшія волненія. Внутренняя жизнь селенія со всѣми положительными и отрицательными ея чертами по рассказамъ скопцовъ была мнѣ тоже знакома.

Я отмѣчаю это, такъ какъ это составляетъ положительную, но иногда и отрицательную сторону собранныхъ мною данныхъ. Такъ, напр., скопцы не скрывали (объ исключеніяхъ я не говорю) дѣйствительнаго количества собраннаго ими хлѣба ужъ хотя-бы по тѣмъ соображеніямъ, что я, какъ мѣстный житель, легко могъ ихъ уличить указаніемъ на сложенные во дворѣ допрашиваемаго громадныя клады еще не обмолоченнаго хлѣба. За то съ другой стороны близкое знакомство съ ними давало имъ возможность уклоняться отъ кое-какихъ отвѣтовъ. Такъ, случалось, что, задавая вопросъ о задолженности, я получалъ слѣдующій добродушный отвѣтъ: „Ни за что не скажу... Стыдно“! Увѣщеваніями я добился только одного: „Запишите, что ничего не долженъ... Ей Богу, завтра-же все уплачу!!!...“

Но вотъ я на сходѣ. Предо мной, какъ въ калейдоскопѣ, проходятъ одинъ за другимъ собранные со всѣхъ концовъ Россіи скопцы. Всѣ заинтересованы цѣлью изслѣдованія и внимательно

слушаютъ объясненіе. Одни дѣйствительно понимаютъ, другіе только притворяются. Начинаю опросъ съ болѣе знакомыхъ. Первый изъ нихъ отвѣчаетъ довольно правдиво, но не выдерживаетъ: уменьшаетъ количество собраннаго хлѣба и преувеличиваетъ расходы по обработкѣ земли и по уборкѣ....

„Какъ-же это? Такое незначительное количество хлѣба вы при помощи двухъ рабочихъ на трехъ коняхъ такъ долго молотили?...“

Присутствующіе хохочутъ; допрашиваемый смущенъ, изворачивается всевозможными способами, но, припертый къ стѣнѣ, — сознается.

Другого уличаешь сопоставленіемъ расходовъ съ доходами: первые значительно превосходятъ вторые, а долга нѣтъ.

Въ концѣ концовъ я кажется добился того, что скопцы убѣдились, что не разобратся имъ въ этомъ лабиринтѣ цифръ и рубрикъ, и.... сдались, такъ что собранныя мною данныя по главнымъ вопросамъ скопческаго хозяйства, я думаю, можно считать очень близкими къ дѣйствительности.

О числѣ и повозрастномъ распредѣленіи населенія я уже говорилъ выше. Изъ этого числа 3 скопца и 1 скопчиха — изъ лютеранъ; остальные изъ православныхъ.

Процентъ грамотныхъ сравнительно большой — 46,3%. Грамотныхъ мужчинъ 66%, женщинъ 20,6%. Такой большой % грамотныхъ женщинъ объясняется большимъ-же % сравнительно молодыхъ женщинъ въ данномъ селеніи; въ другихъ скопческихъ селеніяхъ онъ значительно ниже.

Приведенныя цифры далеко не даютъ представленія о степени образованности скопцовъ. Всѣ эти „грамотные“ съ трудомъ читаютъ, а пишутъ съ такими ошибками и такими каракулями, что часто трудно разобрать ихъ, не говоря уже о смыслѣ, котораго зачастую и не доищешься. Характерно, что въ дѣломъ се-

ленія не нашлось, не находится и по-нынѣ могущаго исправлять должность мѣстнаго писара... Говоря это, я отнюдь не желаю умалять сравнительно большого умственного развитія среди жителей Хатынь-Арынскаго селенія. Это было-бы невѣрно. Такъ, напр., выучившійся самоучкой грамотѣ Т. М. Залецукинъ, пишущій и по нынѣ: „посевъ изборъ хлебовъ и картофеля“, „пшеница, яритца“ и т. д., тѣмъ не менѣе на столько интеллигентенъ, что, прочитавъ гдѣ-то, какъ надо производить термометрическія наблюденія, изо-дня въ день записываетъ температуру, ея колебанія, тщательно заноситъ въ дневникъ все перемѣны погоды, отмѣчаетъ начало посѣва, уборки хлѣба и т. д.

Многіе изъ скопцовъ охотно читаютъ и понимаютъ прочитанное. Самые развитые увлекаются сочиненіями по исторіи, географіи; съ большимъ, въ частности, увлеченіемъ зачитываются описаніями путешествій. Кое-кто читаетъ популярныя брошюры по земледѣлію, а значительное большинство — романы, по преимуществу эротическаго содержанія. Отношеніе къ романамъ — очень характерно. Ко всему, описываемому въ романѣ, скопцы относятся какъ къ дѣйствительности, близко принимаютъ къ сердцу судьбу героевъ и героинь и, если романъ печатается по частямъ въ одномъ изъ вышеписываемыхъ ими изданій, съ нетерпѣніемъ ожидаютъ продолженія. При встрѣчѣ дѣлятся другъ съ другомъ впечатлѣніями и тревогой о судьбѣ героевъ.

— „А Вѣра изъ монастыря-то бѣжала вѣдь!“

— „Какъ! Не можетъ быть!“

— „Какъ-же! Какъ-же! Бѣжала!...“ и первый, сообщившій эту важную новость, подробно рассказываетъ все детали побѣга, воспроизводя съ замѣчательной точностью все его подробности.

Собесѣдникъ вздыхаетъ сочувственно....

Все это эпизоды „романа“, интересующаго въ данный моментъ деревню.

Выписываютъ: „Сынъ Отечества“, „Царь-Колоколь“, „Родину“,

„Ниву“, „Сѣверь“ „Вокругъ Свѣта“. На выписку—вся деревня тратитъ въ годъ 25—30 рублей. Выписываютъ и въ одиночку, и въ складчину, смотря по зажиточности.

Все мужское населеніе поголовно занято земледѣліемъ. При такомъ обиліи земель, какое было отведено Хатынь-Арынскому селенію, не смотря на господствующее въ странѣ двупольное хозяйство, при которомъ половина земель ежегодно оставляется подъ паромъ, приарендовывать пахотныя земли жителямъ почти не приходится. Въ виду этого неудивительно, что въ 1894 г. всего арендовано 38 десятинъ, изъ которыхъ: $4\frac{1}{2}$ десятины—у мѣстныхъ ссыльно-поселенцевъ, а остальное у инородцевъ Хатынь-Арынскаго и Бетюнскаго наслеговъ.

Въ отчетномъ году, (по даннымъ изслѣдованія) посеяно: ярицы 823 п., пшеницы $374\frac{1}{2}$ п., овса $6\frac{1}{2}$ п., ячменя 118 п.

Кромѣ того 5 хозяевъ не смогли указать точно количество посева каждаго рода хлѣба и указали общую сумму $222\frac{1}{2}$ пуда.

Всего, слѣдовательно, посеяно $1544\frac{1}{2}$ пуда.

При этомъ я не принимаю во вниманіе посева одного изъ домохозяевъ, (лично котораго мнѣ допросить не удалось), въ виду того, что письменныя сообщенныя данныя не могли быть проверены путемъ устнаго опроса. Этотъ хозяинъ, по его заявленію, посеялъ 32 п. (яриц. 16 п., пшен. 8 п., ячм. 8 п.).

Такимъ образомъ полученное мною количество посева только на 30 пудовъ больше указаннаго официально.

Далеко не столь незначительна разница въ количествѣ собраннаго хлѣба.

	СОБРАНО:	УРОЖАЙ САМЪ:
Ярицы	8972 п.	10,9
Пшеницы	3526 ..	9,4
Овса	93 ..	14,3
Ячменя	1933 ..	16,4
Всего	14524 п.	

Ѣ вышеупомян. хозяевъ со-
брало въ общемъ . . . 1890 п.

16414 п. 10,6¹)

Такимъ образомъ разница въ количествѣ собраннаго хлѣба между собранными мною и официальными данными 16414—12335 = 4079 пуд., при чемъ въ моихъ данныхъ недостаетъ еще 220 пудовъ, только, яко-бы, собранныхъ неопрошеннымъ мною скопцомъ.

Не останавливаясь на общеизвестныхъ причинахъ скриванія дѣйствительнаго урожая, отмѣчу только, что при существующихъ условіяхъ жители Хатынь-Арынскаго селенія, да и вообще всѣ земледѣльцы Якутской области *не могутъ* иначе, какъ приблизительно, опредѣлить количество собраннаго хлѣба. Свѣдѣнія объ этомъ доставляются въ началѣ сентября, а молотьба начинается не раньше 2-й половины октября, данныя, слѣдовательно, сообщаются только на основаніи пробнаго умолота. Тутъ у мѣста будетъ отмѣтить, что и мною указанное количество несомнѣнно *меньше* дѣйствительнаго, такъ какъ кое-кто давалъ завѣдомо невѣрные отвѣты.

Сопоставляя вышеприведенныя данныя съ официальными, мы найдемъ, что $\frac{1}{4}$ является показателемъ неточности послѣднихъ. Если-же при помощи этого показателя освѣтить официальныя данныя за все время существованія селенія, то получится очень

¹) Такой необыкновенный урожай хлѣбовъ въ 1894 г. объясняется необыкновеннымъ-же стеченіемъ благоприятныхъ условій, хотя, несмотря на это, хлѣбъ на высокихъ мѣстахъ *горѣлъ*. Посѣвъ начался 26-го апрѣля. Въ началѣ мая *сжидневные*, на короткое время прерывающіеся, дожди и *разливъ Лены*, смочившей большую часть пашень. 26-го мая сильный и продолжительный дождь съ громомъ. Съ 27 мая—5 іюня—тихая, ясная и теплая погода. Съ 6—25 іюня—тепло съ часто перемежающимися дождями. 25, 26 и 27—жаркая погода (хлѣба на высокихъ мѣстахъ начинаютъ *горѣть!*) Съ 28 іюня—16 іюля—сильная жара; 17 и 18 іюля теплая облачная погода съ перемежающимися дождями. Съ 19 іюля (начало жнитва)—23 ясно, 24 іюля—небольшой дождь. Съ 24 іюля—1 августа—ясная и теплая погода.

(На основаніи „Вѣдомости о произрастаніи хлѣбовъ, травъ и огородныхъ овощей за 1894 г.“, Намской инор. управы).

поучительная картина того, какъ щедро въ Хатынь-Арыцкомъ селеніи награждаются скопцы за... *чужое* трудолюбіе. Уже В. Л. Сѣрошевскій отмѣтилъ (I. с. стр. 172), что скопцы являются *только* строгими и умѣлыми надсмотрщиками надъ полками работающихъ у нихъ якутовъ, мнѣ, слѣдовательно, только остается заявленіе многоуважаемаго автора подтвердить цифровыми данными. И такъ: во время бороньбы и посѣва у скопцовъ работало 53 работника, проработавшихъ въ общей сложности 474 раб. дня, не считая 4-хъ скопцовъ, не нанимавшихъ для бороньбы поденщиковъ, а сдававшихъ ее задѣльно. Вся бороньба (рабочіе поденные и задѣльные) обошлась въ 290 рублей 70 коп. Изъ этого числа 12 рублей заработано односельчаниномъ скопцомъ; остальное якутами.

Въ пахотѣ участіе скопцовъ еще менѣе. При бороньбѣ, не довѣряя сѣва якутамъ, они вынуждены производить его сами и нанимать поденныхъ рабочихъ; пахота-же сдается задѣльно и происходитъ ужь совсѣмъ безъ ихъ участія. Поденныхъ рабочихъ всего 22, рабочихъ дней — 252, при общей стоимости пахоты 422 рубля. Изъ этой суммы 145 рублей достается на долю скопцовъ, нанимающихся пахать у своей-же братьи съ десятины; остальное — на долю якутовъ.

Во время жнитва очень трудно найти поденщика. Великій, кто только мало-мальски владѣетъ серпомъ, — подряженъ давно, иной разъ еще въ началѣ зимы по-пудно, по-десятинно. Въ виду этого число поденщиковъ опускается до скромной цифры 8, число рабочихъ дней — 32. Но изъ крупной суммы 2533 рубля можно заключить, какое внушительное число якутовъ и поселенцевъ занято въ это время у скопцовъ. Молотьба и вѣяніе тоже не обходится безъ помощи „твари“, какъ скопцы величаютъ якутовъ. Въ это время у скопцовъ работаетъ 80 якутовъ, при чемъ число рабочихъ дней достигаетъ довольно краснорѣчивой цифры 1184. Стоимость молотьбы и вѣянія 519 рублей.

Въ общемъ, слѣдовательно, на земледѣльческія работы селеніе затрачиваетъ въ годъ 3764 рубля (78 р. 50 к.—на 1 мужескую душу), не считая расходовъ на прокормъ рабочихъ.

Эти цифры, сопоставленныя съ рабочей платой поденщиковъ и съ цѣнами на земледѣльческія работы, могутъ дать представленіе о числѣ занятыхъ въ селеніи якутовъ.

За пахоту десятины якуту на его же коняхъ		
(соха скопческая)	6 р.	
То-же съ подряду	5 р.	
За то-же скопцу (на его сохѣ)	7 р.	
Поденщику за пахоту (на хоз. нищѣ)	40—50 к.	
За бороньбу 1 десятины	4 р.	
„ „ поденщику	40—50 к.	
Уборка 1 десят. ярицы съ вязкой сноповъ	14—16 р.	
Тоже пшеницы или ячменя	16—20 р.	
Поденщику во время жнитва	} на хоз. нищѣ	
Поденщицѣ „ „ „		1 р.—1 р. 20 к.
		50—70 к.
Возка сноповъ въ день	2 р.	
Поденщ. во время молотбы и вѣянія (на хозяйской нищѣ)		40—45 к.

Поучительная получается картина. Глядя на нее, невольно вспоминаешь тѣ упрёки въ лѣтв, какіе не разъ посылались по адресу якутовъ, тѣ дифирамбы, какіе восхвалялись „трудозлюбивымъ” скопцамъ.... Было время, когда дифирамбы эти были заслужены скопцами. То было время, когда они сами обрабатывали землю, производили хлѣбъ только для себя... Это время, какъ мы видѣли выше, давно уже протекло. Теперь скопческое хозяйство держится якутскимъ трудомъ, хлѣбъ производится на продажу. О количествѣ проданнаго въ прежніе годы Хатынь-Арытскимъ селеніемъ хлѣба у насъ, къ сожалѣнію, нѣтъ данныхъ. Въ 1894 году, по моимъ записямъ, продано всего 4000 пудовъ. Въ виду того, что изслѣдованіе производилось въ февралѣ, т. е. въ

такое время, когда мелкіе земледѣльцы (якуты и поселенцы) только начинаютъ покупать хлѣбъ, такъ какъ до этого времени хватаетъ своего, а главный спросъ на хлѣбъ бываетъ во второй половинѣ апрѣля — на обсеменение полей, — эта цифра значительно ниже дѣйствительной. Въ виду затѣмъ тѣхъ низкихъ цѣнъ, какія, благодаря привозу хлѣба съ юга, держались до іюня 1895 года¹⁾, количество проданнаго хлѣба въ отчетномъ году и должно быть ниже средняго. Тѣмъ не менѣе мы въ состояніи хотъ косвеннымъ путемъ доказать вѣрность нашего положенія. Такъ, куплено хлѣба всего 217 пудовъ. Изъ этого количества: два скопца, прибывшіе въ селеніе только въ концѣ 1892 г., купили 24 пуда: двѣ скопчихи — бобылки, изъ которыхъ одна, по ея заявленію, побирается, — 13 пудовъ; двумя мелкотогровцами (одинъ продалъ 500 пудовъ, другой 150) — 160 пудовъ; наконецъ, мельникомъ, продавшимъ 300 пудовъ, куплено 20 пудовъ. Само собою разумѣется, что послѣднія три лица покупали хлѣбъ для перепродажи. Эти цифры доказываютъ, что за приведенными исключеніями жители вполне обеспечены собственнымъ хлѣбомъ, что въ урожайные годы громадный излишекъ идетъ въ продажу, а если цѣны на хлѣбъ, какъ въ истекшемъ году, невысокія, — остается въ скопческихъ житницахъ.

— Это обстоятельство сказывается въ значительной степени въ очень характерномъ отношеніи скопцовъ къ сельскимъ общественнымъ запаснымъ магазинамъ. Уже изъ дѣлъ мѣстнаго архива видно, что скопцы пытались оттянуть самую постройку магазина всевозможными отговорками. Такъ, 31-го августа 1887 года состоялся приговоръ схода, ходатайствующій объ отсрочкѣ постройки за незаготовленіемъ строевыхъ матеріаловъ, 30-го іюня 1888 г. — такое-же ходатайство въ виду неурожая, хотя, какъ видно изъ выше приложенныхъ таблицъ, урожай въ 1887 г. былъ самъ 4,7.

¹⁾ Рыжская жукъ: до марта 1 р., апрѣль, май 1 р. 10 к., іюнь 1 р. 25 к., іюль 1 р. 50 к. Пшеничная — до іюня 1 р. 60 к., іюль 2 р. 20 к.

а годомъ раньше, при дѣйствительномъ неурожаѣ (самъ 1,5), это обстоятельство не выдвигалось. 15-го декабря того-же 1888 г. рѣшено временно окортомить у одного изъ общественниковъ амбаръ для засыпки хлѣба, при чемъ постоянный общественный магазинъ общественники обязываются устроить не позже весны 1889 года. 23-го апрѣля 1889 года сдаютъ постройку магазина своему односельчанину Умеренкову, и только 30-го декабря того-же года магазинъ принимается обществомъ, хотя онъ все еще не законченъ, такъ какъ изъ дѣлъ видно, что общественники обязываютъ подрядчика „сдѣлать верхъ изъ дубковой крыши въ 1890 лѣтѣ“.

При поднятіи вопроса о запасныхъ магазинахъ меня не могло не поразить безусловно враждебное отношеніе скопцовъ къ этому учрежденію. „Не нуженъ онъ намъ! Въ тягость онъ намъ!“ — вотъ единогласный отвѣтъ присутствовавшихъ на сходѣ, подтвержденный при личномъ опросѣ каждымъ въ отдѣльности. Болѣе развитые и толковые формулировали свое отношеніе слѣдующимъ. Въ настоящемъ, при тѣхъ условіяхъ, въ какія поставленъ запасной магазинъ, онъ не достигаетъ своей цѣли. Хлѣбъ изъ магазина вытѣается за круговой порукой общества и по утвержденіи приговора объ этомъ Окружной полиціей и Областнымъ правленіемъ. Кланяться сходу, а добившись отъ него нужнаго приговора, жди утвержденія, томясь цѣлые мѣсяцы и опасаясь, что утвержденіе запоздаетъ, поля останутся необсѣменными. „Лучше я одному кому-нибудь поклонюсь въ ноги, чѣмъ всѣмъ кланяться... По крайности хоть сейчасъ получу!“ — говорилъ мнѣ одинъ изъ скопцовъ. На дѣлѣ это и бывало. Кое-кто изъ незажиточныхъ жителей Хатынъ-Арыскаго селенія занималъ хлѣбъ для посѣва у частныхъ лицъ на Мархѣ уже въ то время, когда запасной магазинъ существовалъ въ селеніи.

„Хороши эти магазины въ Россіи“ — продолжали свое разсужденіе скопцы. Тамъ каждый крестьянинъ сознаетъ, что взносы его не пропадутъ даромъ: если не онъ, — то дѣти воспользуются.... А

у насъ дѣтей нѣтъ, не для кого запасать! А сами и своимъ хлѣбомъ переьемся.

Нѣкоторые выражали опасенія, что скопленный ими въ магазинѣ хлѣбъ, въ случаѣ неурожая въ округѣ, будетъ употребленъ на обмененіе якутскихъ полей.

На инородцахъ, живущихъ бокъ о бокъ со скопцами, кромѣ запасныхъ магазиновъ, лежитъ еще обязанность содержать запасы сѣна. Скопцы освобождены отъ этой обязанности. Въ виду раг ехселленсе земледѣльческаго характера скопческаго хозяйства, въ противоположность якутскому—скотоводческому, такіе запасы были бы излишни, а, принимая во вниманіе скудное количество выкашиваемаго скопцами сѣна, они были-бы дѣйствительно обременительны.

Въ противоположность хлѣбопахатной землѣ, разъ на всегда отведенной каждому хозяину, сѣнокосные участки (отъ 2—3 десятинъ каждый) переходятъ отъ одного домохозяина къ другому. Изъ году въ годъ на Петровъ день (29-го іюня) собирается сходъ для дѣлежя покосовъ, при чемъ имѣется въ виду качественное уравненіе: кто въ истекшемъ году пользовался худшимъ участкомъ, получаетъ лучший, и на оборотъ.

Отведенныхъ селенію покосныхъ угодій далеко не хватаетъ на прокормъ скота, но, несмотря на это, аренда покосовъ очень незначительна, преимущественно въ предѣлахъ самого селенія: 3 скопца отдають въ аренду свои участки, по ихъ заявленію, за дряхлостью; 1—извѣстный мастеръ (столяръ, плотникъ, красильщикъ, печникъ)—за недосугомъ; общество *in commune*, кромѣ этого, сдаетъ въ аренду 4 выморочныхъ десятины. Аренда со стороны— $2\frac{1}{2}$ десятины у инородцевъ Бетюнскаго наслѣга. Такіе незначительные размѣры аренды объясняются неизмовѣрною дешевизной покушного сѣна. Правда, скопцы при опросѣ показывали цѣны за сажанный возъ (20 пудовъ)—1 р. 10 к.—1 р. 40 к., но а, какъ

мѣстный житель, могу въ данномъ случаѣ внести точную поправку. Сажанный возъ сѣна лучшаго качества, запряженный весной, съ доставкой на мѣсто обходился въ 1894 г. 80—85 коп. Неудивительно, что скопцы предпочитаютъ покупать или подряжать сѣно безъ хлопотъ возами, чѣмъ арендовать землю. Въ 1894 г. куплено 312 возовъ; со своихъ и съ арендованныхъ земель накошено 882 воза. Цыфра эта вполне вѣроятна, такъ какъ въ отчетномъ году въ деревнѣ было 96 лошадей (2 слишкомъ на одну мужскую душу) и 14 коровъ.

Косьба въ большинствѣ случаевъ сдается задѣльно по 3 р.—3 р. 50 к. за десятину и по 4 р. 50 к.—5 р. съ уборкой въ кошны. Поденщики 1 р.—1 р. 20 к.; женщины 50—70 коп. на хозяйской пищѣ. Всего поденщиковъ въ отчетномъ году было 8 чел., проработавшихъ въ общей сложности 34 дня и заработавшихъ за это время 27 р. 40 к. Но за то сумма, выплаченная задѣльнымъ рабочимъ, очень внушительна: 535 р. Нѣсколько хозяевъ, кромѣ того, за возку сѣна заплатило 18 р. Если мы къ приведеннымъ цифрамъ прибавимъ еще 15 р., уплаченныхъ за аренду, и полученную сумму раздѣлимъ на количество накошенныхъ возовъ, то убѣдимся, что возъ сѣна обходится въ 70 к. (69,7). Вотъ почему среднему хозяину невыгодно брать въ аренду покосовъ, вотъ почему нѣкоторые „за дряхлостью“ предпочитаютъ отдавать свои покосы въ аренду и покупать готовое сѣно.

И тутъ, отмѣтивъ кстати, всѣ рабочіе—якуты, за исключеніемъ двухъ—трехъ женщинъ, ссыльныхъ.

Не обходится безъ помощи якутовъ и огородничество. Къ сожалѣнію, я, не предвидѣвъ этого обстоятельства, не выдѣлилъ въ отдѣльную рубрику этого рода рабочихъ, и они вошли, какъ часть, въ рубрику „рабочихъ по дому“. На таковыхъ селеніе расходуетъ въ годъ 320 р. Половина этой суммы, навѣрно, расходуется именно на огороды.

По собраннымъ путемъ изслѣдованія даннымъ въ 1894 г.

	посажено	снято
картофеля—	289 (1 домохоз. не помнитъ посаженнаго количества)	2022 пуда

Относительно количества другихъ посѣянныхъ овощей показанія въ высшей степени не точны и сбивчивы. Въ виду этого, я указываю только количество собранныхъ овощей.

Капусты собрано 4235 вилковъ, огурцовъ 5670 штукъ, моркови 17^{1/2} пуд., луку—24500 штукъ, свеклы всего 10^{1/2} пуд., рѣпы—38 пуд., рѣдьки 18 пуд., гороху 5 пуд. съ лишнимъ, арбузовъ 330 шт. Кроме того, съютъ и собираютъ, впрочемъ въ очень незначительномъ количествѣ, дыни, баклажаны и т. п.

Огороды далеко не въ авантажѣ, что въ значительной степени можно объяснить отсутствіемъ спроса со стороны инородцевъ на всѣ огородныя овощи, за исключеніемъ картофеля, и дальностью отъ города, не позволяющей жителямъ Хатынь-Арынского селенія успѣшно конкурировать на этомъ поприщѣ съ жителями подгородныхъ селеній. Въ отчетномъ году продано овощей на 54 р. 50. Хотя эта сумма и далеко неполная; и тутъ усиленный спросъ на картофель проявляется только въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая, передъ посѣвомъ, а изслѣдованіе, какъ я ужъ упомянулъ выше, производилось въ концѣ февраля,—но еслибъ даже увеличить ее вдвое и втрое, то и тогда на огородничество такъ-же, какъ и на куреводство и другіе заработки жителей Хатынь-Арынского селенія, можно смотрѣть только, какъ на подспорье при земледѣліи. Куръ на всю деревню около двухсотъ. Продано яицъ ва 28 р. Эта сумма, вѣроятно, незначительно меньше дѣйствительной, такъ какъ сами скопцы, за неупотребленіемъ мяса, употребляютъ много яицъ. Отъ продажи молочныхъ продуктовъ и приплода рогатаго скота выручено всего 38 р.; между тѣмъ какъ, не говоря ужъ о прокормѣ, приходится изъ году въ годъ чинить выгонъ (111 десятинъ), а зимою содержать 4 проруби (9—10 коп. съ головы скота).

Раньше прорубщиками были сами скопцы, теперь же „за дряхлостью“ нанимают якутов¹⁾.

Рыболовством никто въ селеніи не занимается. Изъ другихъ заработковъ перечислимъ:

2 мелкотогровца, показавшіе свои заработки въ 700 р. (500 и 200), 5 мельниковъ—530 р.; 3 за пахоту—145 р.; разные мастеровые 328 р.

Вотъ все доходы селенія.

Перейдемъ теперь къ расходамъ, не повторяя, конечно, тѣхъ, о которыхъ приходилось говорить раньше:

На отопленіе . . . . . 360 р.

На пищу . . . . . около 2900 р.

Освѣщеніе и предметы роскоши²⁾—около 960 р. („Хлѣбъ дешевъ... не полакомишься“)!...

Одежда . . . . . свыше 2000 р.

Эти суммы доказываютъ значительную зажиточность жителей Хатынь-Арынскаго селенія.

Задолженность жителей—тоже небольшая, всего около 1000 р. (930)—почти покрывается суммой денегъ, какую инородцы должны жителямъ селенія. Главными кредиторами скопцовъ являются мархинскіе и мѣстные воротилы.

Подводя итоги всемъ фактамъ и цифрамъ, сообщеннымъ въ этихъ двухъ главахъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: скопцы Хатынь-Арынскаго селенія по культурности и образованію значительно превосходятъ окружающихъ ихъ инородцевъ. Денежныя средства, какими они располагали и располагаютъ и понынѣ, дали имъ возможность, какъ совершенно правильно замѣчаетъ г. Сѣрошевскій, „сорганизовать земледѣліе на широкихъ промышленныхъ началахъ, образовать среди окружающаго населенія для этой

¹⁾ Раньше и постухами лошадей были сами скопцы. Теперь опять таки „за дряхлостью“ нанимают якута, которому платить 120 р. въ годъ.

²⁾ Кружчатки, варенье, конфеты и проч.

цѣли полки наемныхъ рабочихъ и занять по отношенію къ нимъ должности строгихъ и умѣлыхъ надсмотрщиковъ“. Представленныя нами цифры доказываютъ, что нѣтъ такой сферы работъ въ скопческомъ хозяйствѣ, въ которой скопцы обходились-бы безъ наемнаго труда.

Далеко не такъ справедливы другія обвиненія г. Сѣрошевскаго, направленные противъ скопцовъ, какъ мы увидимъ это ниже.

III.

Хатынь-Арынское скопческое селеніе, основанное въ 1877 г. и получившее наименованіе отъ наслѣга того же названія, лежитъ приблизительно на 100 верстѣ сѣвернѣе г. Якутска. Въ 1877 г., въ моментъ поселенія скопцовъ, мѣстность, нынѣ оголенная изъ-подъ лѣса, представляла чуть ли не сплошную тайгу, то здѣсь, то тамъ усѣянную озерами. Для явившихся съ Нотора и съ Чурана скопцовъ отведенная имъ земля была въ буквальномъ смыслѣ этого слова *terra incognita*.

Невольная практика въ Белкичахъ и другихъ подобныхъ мѣстахъ, даже полевая работа въ роли батраковъ на Мархѣ мало могли облегчить трудную задачу разведенія земледѣлія на новомъ мѣстѣ. Авторъ „Очерковъ физической географіи Якутской Области“ утверждаетъ положительно, что „даже на такомъ небольшомъ разстояніи, какъ одинъ градусъ широты, замѣтно вліяніе климатическихъ причинъ на пониженіе вегетативнаго періода... „А что годится для одного клочка земли, то не годится для другого, можетъ быть, рядомъ съ нимъ лежащаго“, не менѣе положительно говоритъ другой писатель¹⁾. Возможно, что ученые почвовѣды по растительности мѣстности, по различнымъ положеніямъ почвы могли бы съ точностью опредѣлить составъ ея и годность для земледѣльческой культуры, но полуграмотные скопцы

¹⁾ Пам. вѣд. Якутск. обл. на 1895 г. „Къ вопросу о развитіи земледѣлія въ Якутск. обл.“ стр. 57.

не въ состояніи были это опредѣлить; имъ volens-potens приходилось отдаться волю судьбы. Если на этотъ разъ имъ достанется выигрышный билетъ, скитанія ихъ окончены, если же опять проигрышный, — новые мытарства впереди. Къ счастью, почва оказалась плодородной. Средній урожай за все время существованія селенія, по официальнымъ даннымъ, былъ:

овса	7,5	(колебанія 1,5—24)
ячменя	7,5	(„ „ 3 —13,1)
пшеницы	7,2	(„ „ 1,4—14)
ярицы	5,9	(„ „ 1,1—12,9).

По даннымъ изслѣдованія у нѣкоторыхъ хозяевъ максимальный урожай былъ:

овса	самъ 25	(Дмитрій Филоновъ, Петръ Дуингъ)
ячменя	„ 30	(Новиковъ), 25 (Дмитрій Филоновъ)
пшеницы	„ 15,6	(братья Заленукины)
ярицы	„ 18,8	(Петръ Ефремовъ), 15,6 (Яковъ Кре- товъ, Емельянъ Астаповъ).

Первые шаги дѣлались на угадъ и съ большимъ рискомъ. Каждый клочекъ вновь расчищенной земли стоилъ много труда, капитала и времени, а качество почвы не было изучено: на высокихъ мѣстахъ, обращенныхъ къ югу, на солнцекъ снѣгъ весною исчезалъ быстро, всходы могли страдать отъ недостатка весенней влаги, хлѣбу грозила опасность отъ засухи; низкія мѣста не были обеспечены достаточнымъ притокомъ тепла и свѣта, и посѣянному на нихъ хлѣбу грозилъ иней. Скопцы сумѣли приспособиться къ этимъ разнообразнымъ условіямъ, и это ихъ несомнѣнная заслуга.

Площадь расчистки съ каждымъ годомъ прогрессивно увеличивалась, увеличивается и понынѣ. За расчисткой отведенныхъ имъ лѣсныхъ участковъ, Хатынь-Арынскіе скопцы расчищаютъ уже лѣсъ сосѣднихъ инородцевъ за право пользоваться расчищеннымъ участкомъ въ теченіе 6-ти лѣтъ, т. е. трехъ посѣвовъ. Г. Сѣрошевскій порицаетъ скопцовъ за это. „Хищническое распаханіе

все новых и новых земель, беспорядочное истребление леса вблизи скопческих селений—серьезно грозят будущему земледѣлія“ (стр. 173). Въ другомъ мѣстѣ, стр. 17, тотъ-же авторъ говоритъ, что „никакихъ земледѣльческихъ традицій у скопцовъ нѣтъ, что никакихъ культурныхъ началъ въ якутское земледѣліе они не внесли“.

Первое обвиненіе г. Сѣрошевскаго, по скольку мы его понимаемъ, направлено на экстензивность скопческаго хозяйства. Авторъ, само собою разумѣется, предпочелъ бы болѣе интензивныя приемы, пожалуй, даже плодосмѣну. На это мы можемъ отвѣтить двумя цитатами изъ „Основъ сельско-хозяйственной экономіи“ г. Людоговскаго. Первая: „Всѣ существующія системы хозяйства суть продуктъ извѣстныхъ опредѣляющихъ экономическихъ условій“ и вторая: „Раціональнымъ хозяйствомъ называется такое, которое даетъ соответственный чистый доходъ, т. е. за оплатой труда всѣхъ рабочихъ силъ доставляетъ соответственную мѣстности земельную ренту“. Самъ г. Сѣрошевскій говоритъ, что скопцы рутинеры. Еслибъ это было такъ, то большая часть изъ нихъ, привыкшая на родинѣ къ болѣе высокой трехпольной системѣ хозяйства, упорно держалась бы рутинныхъ, унаслѣдованныхъ отъ отцовъ, хозяйственныхъ порядковъ, такъ что переходъ скопцовъ къ двухпольной зерновой системѣ только ярче отбѣяетъ *при мѣстныхъ условіяхъ въ данное время ея неизбежность*.

Непродолжительность исторіи мѣстнаго хлѣбонашества, едва охватывающей два столѣтія, въ связи съ обиліемъ земель и слабой населенностью края, отражается на общемъ строѣ земледѣльческаго хозяйства въ томъ направленіи, что создаетъ однообразный типъ его, носящій всѣ признаки экстензивности. Если въ нѣкоторыхъ немногихъ мѣстностяхъ изслѣдованнаго района, гдѣ земли плохія и малоурожайныя, гдѣ климатъ слишкомъ суровъ, и чувствуется недостатокъ въ пригодныхъ для культуры, легко доступныхъ земляхъ, то и здѣсь *всякая попытка вводити болѣе*

интензивные приемы хозяйствованія, сопряженные съ дорого-стоящими сельско-хозяйственными усовершенствованіями, несомнѣнно была-бы не только безвыгодна, но и разорительна!“. Вотъ что говорятъ изслѣдователи объ Енисейской губерніи¹⁾ (Земледѣліе, стр. 4). Что-же говорить о Якутской области, гдѣ земледѣліе охватываетъ всего полтора столѣтія, если даже считать 50 семей крестьянъ, переселенныхъ въ 1731 г. изъ Илимскаго округа на Амгу для разведенія земледѣлія въ краѣ и, какъ извѣстно, совершенно оставившихъ земледѣліе?

Остается послѣднее обвиненіе — въ *безпорядочномъ* истребленіи лѣсовъ. Я подчеркиваю слово „безпорядочномъ“, потому что истребленіе лѣсовъ вообще, какъ мы видѣли, при данной сельско-хозяйственной системѣ, неизбежно.

При расчисткѣ земли изъ подъ лѣса скопцы, какъ и все дру-гіе хозяева, руководствуются, да и должны руководствоваться, двумя соображеніями: годностью расчищаемаго участка для хлѣбопашества и близостью его отъ селенія. Дороговизна расчистки (72 р. — рѣдколѣсіе), доходящая до 128 р. за десятину, ужъ сама по себѣ даетъ гарантію въ бережливомъ и осмотрительномъ отношеніи къ ней. Неимовѣрный трудъ разработки расчищенной земли (въ Хатынь-Арынскомъ селеніи капанницами, а не сохой) еще увеличиваетъ эту гарантію. Поэтому обвиненіе въ безпорядочномъ истребленіи лѣсовъ сводится къ обвиненію въ неоставленіи при расчисткахъ перелѣсковъ. Обвиненіе несомнѣнно справедливое, такъ какъ полное оголеніе земли, конечно, способствуетъ осушенію почвы, исчезновенію необходимой для полей влаги. Приходится удивляться, какъ скопцы, обыкновенно безусловно продуктивно затрачивающіе свои труды и капиталы, въ данномъ случаѣ оплошали себѣ же во вредъ.... Кажется, я самъ недоумѣвалъ по этому поводу: какъ даже ихъ собственный опытъ не научилъ ихъ,

¹⁾ Матеріалы по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній. Енисейск. губ. томъ IV, выпускъ 4.

„что вырубка лѣсовъ и зарослей по берегамъ и скатамъ озеръ и ручекъ безцѣльна и вредна, такъ какъ, не увеличивая (или очень мало) площадь пашень, ведетъ къ высыханію озеръ, ручьевъ и сильному осушенію почвы“¹⁾). И вотъ на сходѣ я предложилъ скопцамъ этотъ вопросъ. Оказалось, однако, что для скопцовъ мое заявленіе было не ново. „Что вы, что вы, азартно возражали они мнѣ, нешто мы не знаемъ? да что подѣлаете, если въ этомъ самомъ перелѣскѣ скрывается морозъ и бьетъ хлѣба.... Да и не одно это: тѣнь отъ перелѣска не даетъ хлѣбу расти... А гдѣ, какъ не въ перелѣскахъ, скрываются овражки, мелкая птица, вороны?“. Я слишкомъ мало компетентенъ въ данной области, чтобъ стать на ту или другую сторону—это дѣло специалистовъ, но изъ приведенныхъ словъ скопцовъ видно, что неоставленіе ими перелѣсковъ основано на *ихъ* опытѣ. Выводы изъ него могутъ быть правильны или нѣтъ, но самая наличность опыта снимаетъ со скопцовъ обвиненіе въ „безпорядочномъ“ истребленіи лѣсовъ.... Впрочемъ, относительно Хатынь-Арынскихъ скопцовъ самъ г. Сѣрошевскій (л. с. стр. 165), имѣя въ виду именно эту сторону вопроса, признаетъ пока положительными результаты ихъ расчетовъ.

Для земледѣлія края роль скопцовъ положительна не только въ этомъ. Такъ: считается чуть-ли не общимъ мѣстомъ, что только нови обыкновенно вспахиваются всего одинъ разъ, старыя-же земли, прошлогодніе живнишки или пары, вспаханные въ іюнь, осенью перепашиваются вторично. Въ Намскомъ улусѣ, благодаря наблюдательности и экспериментамъ скопцовъ, ни новыя, ни старыя земли къ сѣверу отъ Кусаганъ-Эльскаго наслега не перепашиваются. Опыты перепашки, произведенные скопцами Хатынь-Арынскаго селенія и кое-кѣмъ изъ государственныхъ ссыльныхъ І. Модутскаго и Ветюцкаго наслеговъ, дали отрицательные результаты: на одной и той-же пашнѣ, на перепашанной половинѣ хлѣбъ горѣлъ, въ то

¹⁾ Памят. кн. Якутск. обл. 1896 г., стр. 24.

время какъ на неперепаханной успѣшно боролся съ засухой. Жители Никольской Слободки, всего на 10 верстъ южнѣ Кусаганъ-Эльскаго наслѣга, пытались для сбереженія труда пойти по стопамъ Хатынь-Арынскихъ скопцовъ, но результаты получились совершенно другіе. Причины такой разницы — не разъяснены скопцами, да для нихъ онѣ и не важны, важенъ самый фактъ, а его-то они не въ состояніи скрыть, онѣ дѣлается достояніемъ ихъ сосѣдей — инородцевъ, и послѣдніе слѣдуютъ ихъ примѣру. Скопцы, затѣмъ, точно опредѣлили для данной мѣстности глубину распашки, пробовали сѣять гречиху, просо, горохъ, коноплю... Ихъ опытъ, ихъ неудача оберегала другихъ. Такимъ образомъ, если-бы, говоря о роли скопцовъ въ краѣ, приходилось говорить только объ ихъ *земледѣльской* дѣятельности, ихъ пребываніе въ краѣ мы считали-бы безусловно полезнымъ. Изъ году въ годъ сѣя и вмѣстѣ съ тѣмъ богатѣя, скопцы своимъ примѣромъ воочію доказываютъ инородцамъ, что заниматься земледѣліемъ въ Якутскомъ округѣ — выгодно. Это первая, невольная правда, но несомнѣнная заслуга скопцовъ.

Земледѣліе въ Якутскомъ округѣ среди инородцевъ до сихъ поръ все еще находится въ эмбриональномъ состояніи. „Бѣдный инородецъ“, — говоритъ одинъ изъ самыхъ интеллигентныхъ якутовъ въ „запискѣ о настоящемъ положеніи экономическихъ запасовъ хлѣба“, — „только недавно познакомившійся съ сохой и бороной, не знаетъ самыхъ элементарныхъ правилъ хлѣбопашества. Пашетъ онѣ землю безъ разбора почвы: глинистая-ли она, песчаная или солонцоватая; сѣетъ единственный извѣстный ему злакъ — ячмень, другихъ сортовъ для него не существуетъ. Неизвѣстны ему ни пары, ни удобренія, ни сѣвообороты. Начало своихъ работъ онѣ не соображаетъ со степенью влажности полей, а начинаетъ пахать (?), соображаясь съ днемъ Св. Николы. При этомъ оставляется имъ на сѣмена самый негодный отбросъ съ примѣсью всякой сорной травы. „Что же“, — разсуждаетъ онѣ — „дастъ Богъ, — уродится, а не дастъ, какъ ни старайся, — пропадетъ“. Такими мрачными красками рисуетъ

Дюссонскій улусный голова земледѣліе въ подвѣдомственномъ ему улусѣ. Положеніе дѣль въ Намскомъ улусѣ—значительно лучше. Полки рабочихъ, привлекаемыхъ къ земледѣлію скопцами, обучаются у нихъ приемамъ земледѣлія и примѣняютъ ихъ у себя. Видя, какъ тщательно скопцы отбираютъ зерно для посѣва, якуты заимствуютъ у нихъ и это, какъ заимствовали серпы (до поселенія скопцовъ въ Намскомъ улусѣ серпы якутами не употреблялись), литовки и т. д., и т. д. И теперь еще даже въ Хатыритскомъ паслегѣ,—всего на 10—12 верстѣ сѣвернѣе Хатынгъ-Арыискаго селенія,—жнутъ якутскими ножами. Стоитъ уклониться верстѣ на 15 въ сторону отъ тракта,—и вновь встрѣтишься съ пресловутыми горбушами. Конечно, доказать, что это вліяніе именно скопцовъ, можно только путемъ знаменитаго „post hoc, ergo—propter hoc“, но—таковъ всеобщій голосъ, таково личное мое мнѣніе, вынесенное изъ разговоровъ съ самими инородцами, таково, наконецъ, естественное вліяніе болѣе культурнаго элемента на менѣе культурный.

Изъ сказаннаго видно, что въ этой сферѣ вліяніе скопцовъ на мѣстныхъ жителей въ высшей степени благотворно: они являются инструкторами, учителями земледѣлія. Если-бы ихъ дѣятельность могла ограничиться *только* этимъ, заслуга ихъ передъ краемъ была-бы громадна. Но, къ сожалѣнію, за эту науку инородцамъ приходится расплачиваться слишкомъ дорогою цѣной.

Мы выше несколько упомянули, что за расчисткой отведенныхъ скопцамъ дѣсныхъ участковъ, они арендуютъ у инородцевъ принадлежащіе послѣднимъ и расчищаютъ ихъ за право пользоваться ими въ теченіе 6 лѣтъ. Фактически это происходитъ слѣдующимъ образомъ. Якутскія земли, расчищенная трудами якутовъ, ими-же вскопанная (кашарулами), огороженная, взбороненная,—засѣвается скопческимъ хлѣбомъ. Уродившійся хлѣбъ убирается, свозится, складывается въ вѣды и обмолачивается якутами, при чемъ ими-же готовится и токъ. Хлѣбъ продается все тѣмъ-же якутамъ.

Уже изъ того, какъ быстро скопцы богатѣютъ и расширяютъ

свое хозяйство, можно судить о степени эксплуатации ими инородцевъ. Для большей ясности приведемъ цифровыя данныя этой эксплуатации.

Аренда одной десятины пахотной земли обходится скопцамъ 8 р., при чемъ земля уже должна быть огорожена. Пахота одной десят. по подряду 5 р.; бороньба—4 р. За все время существованія селенія посеяно: 9581¹/₂ п. ярицы, 8981¹/₄ п. пшеницы и 3889¹/₂ п. ячменя. Следовательно, для сохраненія той-же пропорціи между сортами посеяннаго хлѣба надо данную десятину земли раздѣлить на три участка въ пропорціи 9,5:8,9:3,9. Другими словами, принимая обыкновенный посѣвъ на десятину—8 пуд., придется посеять на одну десятину пшеницы $\frac{8 \cdot 8,9}{22,3} = 3,2$ пуд., ярицы $\frac{8 \cdot 9,5}{22,3} = 3,4$ п., ячменя $\frac{8 \cdot 3,9}{22,3} = 1,4$ п. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ цѣнъ на хлѣбъ за все время существованія селенія. Въ виду этого, мы возьмемъ цѣны (которыя несомнѣнно *ниже* настоящей средней), принятыя авторомъ статьи: „Къ вопросу о развитіи земледѣлія въ Якутской облати“. По этимъ цѣнамъ 3,4 п. ярицы обойдутся въ 4 р. 8 к.; 3,2 п. пшеницы—въ 6 р. 8 к.; 1,4 п. ячменя—въ 1 р. 68 к. Итого зерно для посѣва 11 р. 84 к. Уборка съ вязкой сноповъ стоитъ 16 р., молотьба (ставлю максимальную цифру) 4 руб.

За все время существованія селенія посеяно ярицы 9581¹/₂ п., собрано 54115 п., следовательно, съ каждаго посеяннаго пуда собиралось 5,6 п., а съ 3,4 п. ярицы собираютъ 19,04 п. Цѣна ярицы за пудъ 1 р. 20 к., за 19,04 п. выручается 22 р. 84 к. Пшеницы за то-же время посеяно 8981 п.—собрано 58622 п.; съ 1 п. — 6,5 п.; съ 3,2 п. — 20,8 п. Цѣна пшеницы—1 р. 90 к., следовательно, выручка за пшеницу=20,8. 1 р. 90 к.=39 р. 52 к. Ячменя съ основанія селенія посеяно 3889¹/₂ п.—собрано 28285 п.; съ 1 п.—7,3; съ 1,4 п., следовательно,—10,22 п. Цѣна ячменя—1 р. 20 к.; 10,22. 1 р. 20 к. даетъ 12 р. 26 к.

Итакъ: расходъ на десят.	доходъ съ десят.
аренда . . . . 8 р.	выручка за пшеницу 39 р. 52 к.
пахота . . . . 5 „	„ „ „ ярицу . 22 „ 84 „
бороньба . . . . 4 „	„ „ „ ячмень . 12 „ 26 „
зерно для посѣва 11 „ 84 к.	
жнитво . . . . 16 „	
молотьба . . . . 4 „	
<hr/>	<hr/>
Всего . . . . 48 р. 84 к.	Всего . . . . 74 р. 62 к.

Другими словами, скопцы, даже по ихъ собственной оцѣнкѣ урожаявъ, получаютъ дохода съ одной десятины 25 р. 78 к., т. е. 52,8⁰/₁₀₀ на оборотный капиталъ. Въ дѣйствительности же они получаютъ значительно больше. Не говоря ужъ о томъ, что расчетъ произведенъ относительно арендованныхъ земель, а не собственныхъ; что урожай представленъ скопцами меньше дѣйствительнаго; не говоря затѣмъ и о разныхъ манипуляціяхъ съ тѣмъ-же хлѣбомъ, какъ, напр., о томъ, что якутамъ уплачивается, часто, не деньгами, а хлѣбомъ, и то худшаго качества; что для якутовъ нарочно вынекается хлѣбъ, такъ и извѣстный въ Хатынь-Арынскомъ селеніи подъ названіемъ якутскаго, хлѣбъ, какового скопцы не предложатъ даже въ долгъ поселенцу, — ужъ не говоря обо всемъ этомъ, мы не можемъ не отмѣтить, что скопцы, какъ знатоки дѣла, бортомятъ лучшія якутскія пашни, урожай съ которыхъ выше средняго, и распахивая, ergo выпахивая, ихъ, расточаютъ якутское народное богатство. Въ моментъ поселенія скопцовъ въ краѣ, въ частности въ Намскомъ улусѣ, на столь дорого стоящіе „уроки“ можно было смотрѣть, какъ на *dura necessitas*, но теперь, когда польза отъ земледѣлія стала очевидна для населенія; когда, какъ правильно замѣтилъ г. Оброшевскій (стр. 174), „каждый якутъ (въ Намскомъ улусѣ) старается хоть сколько нибудь посѣять“; когда, наконецъ, болѣе интеллигентные и образованные якуты уже вполне сознали, какъ положительную роль скопцовъ, какъ земле-

дѣльцевъ, такъ и отрицательную ихъ роль, какъ эксплуататоровъ сородовичей, — теперь якуты въ полномъ правѣ обратиться къ скопцамъ со словами: Hands off! Роль ваша сыграна! Jakutia fara da se!

Выводы, къ какимъ мы пришли относительно доходности промышленнаго земледѣлія Хатынь-Арынскихъ скопцовъ, въ виду существующихъ на этотъ счетъ совершенно противоположныхъ взглядовъ, заставляютъ насъ уклониться въ сторону отъ прямой нашей задачи и остановиться на вопросѣ о причинахъ такого разногласія.

1) На выгодность или убыточность промышленнаго земледѣлія вліяютъ 4 фактора: высота урожая каждаго рода хлѣба, количество посѣвной пшеницы, какъ самаго дорогого хлѣба, высота хлѣбныхъ цѣнъ и, наконецъ, размѣры вложенныхъ въ хозяйство капиталовъ (основного и оборотнаго). Малѣйшая неточность, малѣйшая ошибка, допущенная при изученіи одного изъ этихъ факторовъ, можетъ привести къ результатамъ, значительно различающимся отъ дѣйствительныхъ. Между тѣмъ въ расчетахъ автора статьи „Къ вопросу о разв. земл.“, единственного высказывающаго противоположный нашему взглядъ, частью, за отсутствіемъ положительныхъ данныхъ, — благодаря чему ему приходилось основываться на предположеніяхъ, — частью же, вследствие вкрадшихся ошибокъ, изслѣдованіе каждаго изъ приведенныхъ факторовъ, въ отдѣльности, грѣшитъ неточностью. Авторъ, на основаніи данныхъ о Мархинскомъ селеніи съ 1879—1893 г., вычислилъ среднюю урожайность *для пшеницы хлѣбовъ* — *самъ* 5,2. Эту цифру авторъ получилъ отъ сложения *показателей* урожаевъ за все 15 лѣтъ (5,5 + 8,8 + 5,9 + 3,8 + 8,2 + 4,5 + 2 + 2,5 + 2,9 + 6,2 + 11 + 5,2 + 6,1 + 2,2 + 3,6 = 79) и раздѣленія полученной суммы на число лѣтъ,

¹⁾ Эта глава такъ же, какъ и некоторыя выше приведенныя таблицы, были напечатаны въ Паж. ин. Яв. обл. на 1896 г.

за которыя приведены данныя (79: 15 = 5,2). Такой расчетъ ошибоченъ. Показатель *средняго* урожая для *всѣхъ хлѣбовъ* показываетъ только, что урожай однихъ хлѣбовъ *ниже*, другихъ — *выше*. Въ сельскохозяйственныхъ расчетахъ *средній* урожай *всѣхъ хлѣбовъ*, вмѣстѣ взятыхъ, не можетъ играть ни малѣйшей роли. — Пояснимъ это примѣромъ. Посѣяно 10 пуд. пшеницы, 10 пуд. ярицы, 10 пуд. ячменя и 10 п. овса. Собрано 70 п. пшеницы, 50 п. ярицы, 20 п. ячменя, а овса не собрано даже сѣмянъ. Всего хлѣба посѣяно 40 п., собрано 140 пудовъ. Средній урожай *всѣхъ хлѣбовъ* — 3,5. Если приблизительно тоже повторится въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, то, на основаніи *средняго* показателя, можно было-бы заключить, что, такъ какъ урожайность *самъ* 3,5 не окупаетъ трудовъ, то земледѣліе въ краѣ *немыслимо*; въ дѣйствительности же правильный выводъ *совсѣмъ* другой, а именно: такъ какъ *средній* урожай для пшеницы *самъ* 7, а для ярицы *самъ* 5, то сѣять ихъ можно и слѣдуетъ, а такъ какъ овесъ и ячмень не родятся въ данной мѣстности, то ихъ сѣять не слѣдуетъ, — и только. Такимъ образомъ, мы видимъ, что *средній* показатель въ данномъ вопросѣ *ничего* не „показываетъ“. По сообщеннымъ авторомъ даннымъ, съ 1879—1893 г. на Мархѣ

	посѣяно	снято
ярицы . . .	84,475 п.	406,456 п.
пшеницы . . .	32,317 „	192,224 „
ячменя . . .	9,307 „	64,840 „

Мы не производимъ вычисленія урожая овса, такъ какъ онъ сѣется только для собственнаго хозяйства, да и авторъ въ своемъ примѣрномъ хозяйствѣ его не приводитъ, слѣдовательно, урожай ярицы — 4,8, пшеницы — 6 и ячменя — 7.

Запомнимъ эти цифры и перейдемъ къ приведенной авторомъ таблицѣ прихода-расхода. Расходъ на постройки 420 р., на

орудія—165 р. 50 к. мы оставимъ безъ измѣненія. Коней авторъ беретъ 6. Въ Мархинскомъ селеніи безлошадныхъ хозяйствъ—37, отъ 1 лошади до 4 л.—80 х., отъ 5—6 л.—19 х., свыше 6 л.—9¹).

Во всемъ Хатынь-Арынскомъ селеніи 6 коней имѣются только въ одномъ хозяйствѣ, братьевъ Парамзинныхъ, мельниковъ (мельницы, какъ извѣстно, конныя); 5 коней—въ двухъ хозяйствахъ: у содержателей мелочной лавки Курочниковыхъ и у мельника-же Филонова; 4 коня—у трехъ мельниковъ, у двухъ, нанимающихся пахать у своей же братіи, и кромѣ того *только у одного хозяина*. Одинъ изъ нанимающихся пахать (Балабановъ) зарабатываетъ этимъ въ годъ 100 р., т. е. пашеть 14 десятинъ, не считая своихъ собственныхъ 9-ти. Слѣдовательно, онъ пашеть столько, сколько приходится пахать въ приводимомъ примѣрномъ хозяйствѣ, хотя притомъ вспахать 23 десятины одинъ разъ даже труднѣе для лошадей, чѣмъ вспахать 12 дес. два раза: въ первомъ случаѣ вся работа производится безъ перерыва, а во второмъ—съ двухмѣсячнымъ промежуткомъ. Такимъ образомъ, самая большая уступка, какую можно сдѣлать автору—это принять за норму 4-хъ коней. 4 коня по 45 р.—180 р. Кормъ для коней (сохраня расчетъ автора) 100 р.; 4 ведра дегтю—4 р.

Слѣдующія двѣ рубрики автора—2 годовыхъ работника по 200 р.—400 р. и прибавочный трудъ при жнитвѣ 75 р., итого 475 р.,—сопоставимъ съ двумя таблицами, любезно сообщенными намъ г.г. И. И. Майновымъ и Г. Л. Кондаковымъ.

¹) По даннымъ г.г. Г. Л. Кондакова и И. И. Майнова.

Хозяйствъ, затрачивающихъ на наемъ рабочихъ.			Хозяйствъ, продававшихъ хлѣбъ на сумму.		
Р у б л и.	Марха.	Хатынь-Арыск.	Р у б л и.	Марха.	Хатынь-Арыск.
0	42	2	до 100	26	20
свыше 1—50	21	7	100—500	46	11
50—100	17	11	500—1000	19	—
100—300	34	20	1000—2000	2	—
300—500	23	2			
500—1000	11	—			
свыше — 1000	2	—			

Изъ этихъ таблицъ видно, что, хотя въ Мархинскомъ селеніи 48,7⁰/₀, а въ Хатынь-Арыскомъ 73,8⁰/₀ хозяйствъ производятъ хлѣбъ на продажу, тѣмъ не менѣе больше 300 р. затрачиваютъ на рабочихъ на Мархѣ только 24⁰/₀, а въ Хатынь-Арыскомъ селеніи—4,8⁰/₀, т. е. затрата 475 р. на наемъ рабочихъ явленіе *не обыкновенное, не типичное*. Чаще всего въ обоихъ селеніяхъ встрѣчаются случаи затраты 100—300 р. на наемъ рабочихъ. Максимальную сумму этой рубрики мы только и можемъ принять въ расчетъ.

Перейдемъ къ слѣдующей рубрикѣ, въ которой кроется самая крупная ошибка автора. Послѣдній говоритъ въ текстѣ (стр. 89) буквально слѣдующее: „Относительно посѣвовъ пшеницы мы знаемъ изъ архивныхъ данныхъ, что въ 1871 г. она въ Мархинскомъ селеніи, въ суммѣ всѣхъ посѣянныхъ хлѣбовъ, почти наравнѣ съ ярицей, составляла 41⁰/₀, потому что тогда было много расчистокъ. Затѣмъ ⁰/₀ этотъ сталъ понижаться, во первыхъ потому, что пшеница сильнѣе другихъ хлѣбовъ истощаетъ почву, во вторыхъ, такъ называемыхъ „пшеничныхъ“ почвъ тутъ вообще мало. На большинствѣ изъ эксплуатированныхъ земель теперь уже невыгодно сѣять пшеницу потому, что онѣ не въ состояніи ее питать. Въ 1893 г. пшеница на Мархѣ уже составляетъ 21,5⁰/₀

всего посѣва. Рѣчь идетъ о пшеницѣ, о хлѣбѣ, который значительно дороже другихъ. Автору, пока не доказана вѣрность того, что „пшеничныхъ почвъ вообще мало“, пока не представлены цифровыя данныя относительно того, что собственно понимать подъ словомъ „вообще мало“, не слѣдовало-бы брать за основаніе въ своихъ разчетахъ даже приведенную за 1893 г. цифру. Одинъ годъ въ одномъ селеніи не можетъ служить основаніемъ для расчетовъ на безконечно продолжительное время въ цѣлой области. Но авторъ допускаетъ ошибку покрупнѣе. Въ своемъ примѣрномъ хозяйствѣ онъ сѣетъ пшеницы только 16, 3⁰/₁₀₀ (16 п. на 98 п.), т. е. почти на 5⁰/₁₀₀ меньше самаго неблагоприятнаго для пшеницы года. Замѣнимъ же цифры, ошибочно введенныя авторомъ въ эту рубрику, дѣйствительнымъ отношеніемъ хлѣбовъ другъ къ другу въ скопческихъ хозяйствахъ Якутской области.

По „Статистическому Отчету за 1891 г.“ находилось:

	Подъ пшеницей.	Подъ прочими яровыми хлѣбами.
у скопцовъ Якутскаго округа	498 дес.	1230 ¹ / ₂ дес.
„ „ Олекминск.	143 „	131 „
„ „ Вильйск.	2 ¹ / ₂ „	25 „
Итого	643 ¹ / ₂ дес.	1386 ¹ / ₂ дес.

Слѣдовательно, пшеница составляетъ 31,2⁰/₁₀₀ всего посѣва въ скопческихъ хозяйствахъ. На основаніи этого разчета въ данномъ примѣрномъ хозяйствѣ приходится посѣять не 16 пудовъ пшеницы, а 28,5.

Изъ таблицъ „Отчета“, въ которыхъ введена одна общая рубрика для яровыхъ хлѣбовъ, нельзя вычислить взаимнаго отношенія ярицы и ячменя; только поэтому приходится оставить принятое авторомъ отношеніе: на 100 п. ярицы—28 п. ячменя (ячмень, какъ мы показали выше, гораздо урожайнѣе ярицы). Такимъ образомъ, на 12 десятинахъ будетъ посѣяно 28,5 п. пшеницы,

54,2 п. ярицы и 15,2 п. ячменя, а расходы по этой рубрикѣ составить 54 р. 15 к.; 65 р. 16 к.; 18 р. 24 к.; считая по цѣнамъ, принятымъ авторомъ.

Поговоримъ теперь объ арендѣ. Авторъ предполагаетъ изъ году въ годъ расходовать на нее 154 р. Хотя онъ и утверждаетъ, что „для людей знакомыхъ съ сельскимъ хозяйствомъ и съ здѣшними его условіями въ частности особыхъ поясненій къ приведенному годовому отчету не требуется“, но мы, отнюдь не соглашаясь съ нимъ въ этомъ, попросимъ одного поясненія. Расчетка земли изъ-подъ лѣса, по вычисленію автора, обходится 80—100 р. десятина; изъ-подъ кустарника—40 р. Расчищенная земля, по закону, въ теченіе 40 лѣтъ принадлежитъ расчистившему ее. Какой-же хозяинъ будетъ изъ года въ годъ платить по 154 р., когда онъ можетъ расчистить 12 десятинъ изъ-подъ лѣса, 12 изъ-подъ кустарниковъ; за первое заплатить, въ среднемъ, 1080 рублей, за второе—480 р., пользоваться прекрасной землей, а затраченный капиталъ погашать въ теченіе 40 лѣтъ, т. е. всего по 39 р. въ годъ.

Перейдемъ къ слѣдующему.

Авторъ беретъ 10% за норму погашенія капитала, затраченнаго на коней. Гг. И. И. Майновъ и Г. Л. Кондаковъ, изучившіе специально вопросъ объ извозѣ среди при-ленскихъ крестьянъ, принимаютъ въ своихъ расчетахъ, что у населенія, занимающагося извозомъ, кони, прослуживъ 10 лѣтъ, продаются за *половину* заплаченной за нихъ цѣны. Авторъ „Замѣтокъ о коневодствѣ въ Якутской области“ (Пам. кн. Як. обл. на 1871 г.), г. Гольманъ, говоритъ, что „иногда облеживаютъ жеребятъ уже на второмъ году“. Затѣмъ на этой же 136 и 137 стр. тотъ же авторъ говоритъ: „Разказы якутовъ о старости, достигаемой лошадьми, доходятъ до предѣловъ сказокъ. Говорятъ весьма многіе, что были извѣстные кони, жившіе до 40 лѣтъ. Впрочемъ, *до 30 лѣтъ живутъ и нынѣ*“ (курсивъ нашъ). У самого г. Гольмана былъ

въ 1871 г. конь *29 летъ*, изрѣдка еще употреблявшійся на тихую работу, какъ, напр., возку сѣна и т. п. Если мы къ этому прибавимъ, что при-ленскіе крестьяне не тратятъ въ годъ 25 рублей на прокормъ коня, что при извозѣ кони изнуряются гораздо больше, чѣмъ при земледѣльческихъ работахъ, что на такомъ корму кони сохраняютъ тѣло, что, наконецъ, въ Якутской области существуетъ большой спросъ на конское мясо, то для всякаго будетъ ясно, что 10% погашенія могло быть взято только благодаря полному отсутствію положительныхъ данныхъ по этому вопросу во время составленія статьи и что ихъ слѣдуетъ замѣнить, въ лучшемъ случаѣ, 5%.

0/0 погашенія капитала, затраченнаго на орудія, авторъ беретъ 15. Самый большой расходъ составляютъ телѣги. Не говоря уже о томъ, что въ хозяйствѣ, производящемъ всего 500 пудовъ, незачѣмъ держать 4 телѣги, нельзя не отмѣтить того, что въ Якутской области телѣги большую часть года стоятъ безъ употребленія и что, слѣдовательно, 0/0 погашенія, имѣющіе основаніе въ Евр. Россіи, въ Якутской области должны быть сокращены на половину.

Посмотримъ, къ какимъ результатамъ приведетъ насъ введеніе всѣхъ выше перечисленныхъ поправокъ. По Баталіну (по цитатѣ самого автора) основной недвижимый капиталъ *можетъ* (курсивъ нашъ) принести 3—3 1/5%; основной движимый 4—6% (могутъ, значить, принести и меньше), а оборотный долженъ принести 8—10%.

Запомнимъ это и произведемъ расчетъ.

Недвижимый капиталъ у насъ представляютъ:

постройки	420 р. —
и расписка 24 десятиць	1560 " —
Итого	1980 р. —
3% на 1980 р. составятъ	59 р. 40 к.
Погашеніе капитала на постройки	5 " 60 "
" " " расписку	39 " — "
Итого	104 р. — "

Основной движимый капиталъ представляють:

конн	180 р. — к.
орудія	165 „ 50 „
упряжь	40 „ — „
<hr/>	
Всего	385 р. 50 к.
4% на 385 р. 50 к.	15 р. 42 к.
Погашеніе капитала на коней	9 „ — „
„ „ „ орудія	19 „ 50 „
„ „ „ упряжь	8 „ — „
<hr/>	
Итого	51 р. 92 к.

Наконецъ, оборотный капиталъ представляють:

кормъ для коней	100 р. — к.
наемъ рабочихъ	300 „ — „
4 ведра дегтя	4 „ — „
посѣкъ	137 „ 55 „
<hr/>	
Всего	541 р. 55 к.

10% (беремъ максимумъ требуемаго) на 541 р. 55 к. составитъ 54 р. 15 к.

Такимъ образомъ, если хозяйство сможетъ покрыть всѣ эти суммы — 210 р. 7 коп., — оно отвѣтитъ требованіямъ, какія ставятся промышленнымъ сельскимъ хозяйствамъ специалистами.

28,4 пуд. пшеницы, при урожаѣ сажъ 6, дадутъ 171 п.

171 п. × 1 р. 90 к. = 324 р. 90 к.

54,2 пуда арчи, при урожаѣ сажъ 4, — 260,8 пуда

260,8 п. × 1 р. 20 к. = 312 р. 76 к.

15,2 пуда льна, при урожаѣ сажъ 7, — 106,4 п.

106,4 × 1 р. 20 к. = 127 р. 68 к.

Итого	765 р. 34 к.
Оборотный капиталъ	541 р. 55 к.
<hr/>	
Итого, доходъ	223 р. 79 к.

Какъ видимъ, доходъ вполне покрываетъ вышеприведенную сумму 210 р. 7 к. и даетъ еще излишекъ.

Этотъ расчетъ все-таки ниже дѣйствительнаго: скопцы пользуются надѣломъ, следовательно, имъ на землю *такихъ крупныхъ* единовременныхъ затратъ производить не приходится; официально показанный урожай и цѣны на хлѣбъ *ниже* дѣйствительно существующихъ въ краѣ, и, наконецъ, — что самое главное — основной движимый и основной недвижимый капиталы ежегодно погашаются, а, следовательно, и извлекаются изъ хозяйства, отчего доходность прогрессивно должна увеличиваться.

Все это приводитъ насъ къ убѣжденію въ томъ, что промышленное земледѣліе въ Якутской области имѣетъ полное право на будущее, вмѣщать въ него капиталы выгодно, и для края оно полезно, но сколько парализируетъ монополию привознаго хлѣба.

Наша статья уже была написана, когда, благодаря любезному содѣйствію гг. Секретаря Статистическаго Комитета А. И. Попова и Якутскаго Городскаго Головы Н. А. Преловскаго, намъ удалось изъ архива Городской Думы извлечь цѣны на хлѣбъ за время съ 1880—1893 г. (къ сожалѣнію, съ нѣкоторыми пробѣлами).

	1880 г.	1881 г.	1882 г.	1883 г.	1884 г.	1885 г.	1886 г.
Ржаная мука	1 р. 97 к. ¹⁾	1 р. 65 к.	2 р. 28 к.	слѣд.	1 р. 65 к.	2 р. 37 к.	слѣд.
Пшен. мука	слѣд. и въ	2 р. 48 к.	3 р. 34 к.	и въ	2 р. 46 к.	2 р. 90 к.	и въ
	1887 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.	1891 г.	1892 г.	1893 г.
Ржаная мука	2 р. 98 к.	слѣд.	1 р. 74 к.	1 р. 42 к.	1 р. 19 к.	1 р. 32 к.	1 р. 18 к.
Пшен. мука	4 р. 06 к.	и въ	2 р. 19 к.	1 р. 84 к.	1 р. 75 к.	2 р. 29 к.	2 р.

Средняя цѣна ржаной муки 1 р. 80 к.; слѣд., зерна 1 р. 60 к.
 " " пшеничной " 2 р. 53 к.; " " " 2 р. 33 к.

¹⁾ По даннымъ только за вторую половину года.

Пользуясь этими данными, мы вычислимъ, по какой цѣнѣ, сохраняя тѣ-же, что и раньше, 9/0⁰/0 на капиталы, могутъ въ настоящее время продавать хлѣбъ мѣстные хлѣбопромышленники.

Для большей ясности мы не принимаемъ въ расчетъ съ каждымъ годомъ уменьшающейся суммы, съ которой начисляется 9/0 погашенія основного капитала.

Въ теченіе 15 лѣтъ

9/0⁰/0 на основн. недвиж. капиталъ 1980 р. составили:

59 р. 40 к. $\times$ 15 . . . 891 р.

погашеніе основн. недвиж. капит. 44 р. 60 к. $\times$ 15 . . . 669 р.

9/0⁰/0 на основн. движ. капиталъ 385¹/₂ р. составили:

15 р. 42 к. $\times$ 15 . . . 231 р. 30 к.

погашеніе основ. движ. капит. 36 р. 50 к. $\times$ 15 . . . 547 р. 50 к.

Оборотный капиталъ:

1) кормъ для коней, 4 ведра дегтю и наемъ рабочихъ

составили: . . . 404 р. $\times$ 15 . . . 6.060 р.

2) посѣвъ: 28,5 п. пшеницы по 2 р. 33 к. = 66 р. 40 к.

54,3 п. ярицы . по 1 р. 60 к. = 86 р. 88 к.

15,2 п. ячменя . по 1 р. 60 к. = 24 р. 32 к.

Итого . . . 177 р. 60 к.

177 р. 60 к. $\times$ 15 . . . 2.664 р.

10⁰/0⁰/0 съ оборотн. кап. 8.724 р. . . . . 872 р. 40 к.

Въ теченіе 15 лѣтъ собрано:

пшен. 171 п. $\times$ 15 = 2565 п.

2565 п. $\times$ 2 р. 33 к. . . . 5976 р. 45 к.

ярицы 260,64 $\times$ 15 = 3909,6

ячменя 106,4 $\times$ 15 = 1596 } 5505,6 п.

5505,6 $\times$ 1 р. 60 к. . . . 8.808 р. 96 к.

Весь доходъ: 5.976 р. 45 к. + 8.808 р. 96 к. . . . 14.785 р. 41 к.

Весь расходъ: 1.560 р. + 778 р. 80 к. + 8.724 р.

+ 872 р. 40 к. . . . . 11.935 р. 20 к.

Излишекъ . . . 2.850 р. 21 к.

По истечении 15 лѣтъ, основной недвижимый капиталъ составитъ 1.980 р. — 669 р. (погашеніе) = 1.311 р.

Основной движимый капиталъ чуть не вдвое покрывается ежегоднымъ погашеніемъ:

Если мы изъ полученнаго излишка отчислимъ 1.311 р. на обязательное погашеніе основнаго капитала, и остяющуюся сумму, свыше 1¹/₂ тысячъ рублей, употребимъ на покрытіе случайныхъ расходовъ (ремонтъ, случайная дороговизна рабочихъ рукъ, падежъ коней и т. п.), то на 16 году, въ данномъ случаѣ 1894, мѣстные производители могутъ продавать ярицу и ячмень по 90 коп., а пшеницу по 1 р. 35 к. за пудъ, получая почти 11⁰/₁₀₀ на оборотный капиталъ.

Расходъ:

кормъ для коней	100 р. —
4 ведра дегтю	4 " —
наемъ рабочихъ	300 " —
посѣвъ: 28,5 п. пшеницы по 1 р. 35 к.	38 " 47 к.
54,3 п. ярицы } по 90 к. —	62 " 55 "
15,2 п. ячменя }	
<hr/>	
Итого	505 р. 02 к.

Доходъ:

171 п. пшеницы × 1 р. 35 к.	230 р. 85 к.
260,64 п. яриц. } × 90 к.	330 " 30 "
106,4 п. ячмен. }	
<hr/>	
Итого	561 р. 15 к.
Расходъ:	505 р. 02 к.
<hr/>	
Чистый доходъ:	56 р. 13 к.

Этотъ подсчетъ приводитъ насъ къ заключенію, что уже теперь мѣстный хлѣбъ можетъ успешно конкурировать съ привознымъ, такъ какъ качественно онъ считается лучшимъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду того, что удешевленіе въ краѣ хлѣба неразрывно связано съ пониженіемъ заработной платы, т. е. послѣдняя нормируется суммой средствъ, необходимыхъ для поддержанія работника и его семьи, то должна дешеветь и самая продукція хлѣба. Это обстоятельство вполнѣ гарантируетъ мѣстное промышленное земледѣліе отъ возможныхъ потерь въ случаѣ пониженія цѣны за провозъ хлѣба изъ другихъ мѣстностей и сулитъ ему нормальное развитіе.

IV.

Роль скопцовъ въ краѣ нами, по мѣрѣ силъ и умѣній, представлена. Для полноты картины намъ остается еще обрисовать ихъ юридическій бытъ и тѣ метаморфозы, какія вызваны ихъ продолжительными скитаніями и многолѣтнимъ общеніемъ съ другими слоями населенія, иными словами, — обрисовать вліяніе окружающей среды на скопцовъ.

Въ моментъ поселенія скопцовъ въ краѣ они, по словамъ Павлова, въ юридическомъ отношеніи были ниже всѣхъ другихъ сословійхъ. „Законъ, говоритъ названный авторъ, лишивъ скопца правъ состоянія, считалъ его политически — мертвымъ. Въ послѣднее время (1873 г.) запрещено принимать отъ скопцовъ какія-либо пожертвованія; государство такимъ образомъ отказывается отъ добровольной помощи со стороны ихъ къ увеличенію государственныхъ доходовъ и общественныхъ средствъ, игнорируетъ готовность ихъ жертвовать трудъ и капиталъ на общую пользу, потому что такія жертвы могутъ исходить лишь отъ членовъ государства. Игнорируя ихъ, государство не беретъ ни исправлять ихъ, ни наказывать въ настоящемъ значеніи наказанія. Ссылка скопцовъ въ Якутскую область есть по преимуществу мѣра предупрежденія развитія раскола въ Имперіи“. Въ виду этого, добавимъ мы отъ себя, какъ ссылка, такъ и лишеніе всѣхъ правъ—

были пожизненны. „Частные договоры и обязательства“ — резюмирует Павлиновъ — „вотъ вся рамка правовой общественной жизни скопцовъ“. Оно и понятно. За отсутствіемъ семьи — семейныхъ правъ у скопцовъ нѣтъ. Отношенія его къ живущимъ съ нимъ женщинамъ основаны только на юридическомъ договорѣ. Даже права собственности скопца — ограничены: одинъ законный наследникъ послѣ него — казна. Для цѣлей того-же пресѣченія законъ предписывалъ и на мѣстѣ ссылки изолировать ихъ отъ остального населенія. Единственная забота о скопцахъ со стороны правительства состояла въ томъ, чтобъ обезпечить ихъ существованіе, не дать имъ умереть съ голоду. Для этого имъ должна была отводиться земля, удобная для хлѣбопашества, при чемъ для той-же цѣли обращалось вниманіе, чтобы престарѣлые и больные были распределены равномерно между здоровыми. Съ этого начинались, этимъ и кончались все заботы закона о скопцахъ. Законъ буквально говорилъ скопцу: живи, если хочешь; не хочешь — умри! Скопцы пожелали жить, а жизнь постепенно, шагъ за шагомъ, смягчала суровость закона, расширяла его рамки, ослабляла его силу, пока въ концѣ концовъ не отмѣнила его совершенно, не замѣнила болѣе мягкимъ, болѣе благопріятнымъ для скопцовъ.

Въ такой некультурной странѣ, какой была въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Якутская область, культурный элементъ, какой изъ себя представляли скопцы, не могъ быть отвергнутъ. Законъ былъ обойденъ. Подъ условіемъ благонадежнаго поручительства изъ якутскихъ жителей, сообщаетъ Павлиновъ, скопцамъ разрѣшено временно жить въ г. Якутскѣ. Городъ нуждался въ хорошихъ ремесленникахъ, жители стали охотно пользоваться услугами скопцовъ. Сапожники, печники, плотники, часовые, экипажные мастера, типографщики, наборщики обогатили городъ своими трудами; реномѣ скопцовъ установилось; жители стали занимать ихъ въ кучера, лакея, повара. Земледѣльцы поселились на Мархѣ. Правда, временное пребываніе скопцовъ мастеровыхъ было отмѣ-

нено, по Журналомъ Совѣта Главн. Упр. Вост. Сибири, состоявшимся ^{30 Ноября}/_{5 Декабря} 1866 г. за № 16, признано „совершенно необходимымъ для скопцовъ, поселенныхъ въ этомъ краѣ, измѣнить ограничительныя о нихъ постановленія, а именно:

1) дозволить всѣмъ вообще мастерамъ и ремесленникамъ изъ скопцовъ, отличающихся хорошимъ поведеніемъ и образомъ жизни, отлучаться съ мѣсть своихъ поселеній въ ближайшіе города для заработковъ и сбыта своихъ произведеній, но съ тѣмъ, чтобы эти отлучки были кратковременныя;

2) женщинамъ — скопчихамъ дозволить отлучки въ города подъ тѣми-же условіями для занятій, къ какимъ онѣ окажутся способными;

3) дозволить скопцамъ временныя отлучки по рр. Алдану — до Май и по Ленѣ — до Жиганска и выше для улова рыбы;

4) скопцамъ, обратившимся въ Православіе, предоставить право приписываться, по ихъ желанію, въ Якутской области, а также дозволить имъ проживать въ городахъ.

Первая брешь была пробита. Общеніе скопцовъ съ окружающимъ населеніемъ показало, что опасность распространенія скопческаго раскола среди мѣстнаго населенія — не существуетъ. Ни инородцы, ни русское населеніе Якутской области не представляютъ удобнаго объекта для скопческой пропаганды. Нѣкоторое время существовали опасенія, что *зажиточность* скопцовъ можетъ прельстить окружающихъ ихъ и что, слѣдовательно, возможно обращеніе въ скопчество изъ-за корыстныхъ цѣлей. Дѣйствительность опровергла и эти опасенія, безусловно подтвердивъ замѣчательно справедливый и не менѣе того остроумный отзывъ В. Приклонскаго, что зажиточность скопцовъ также можетъ соблазнить въ скопчество якутовъ, какъ обильныя стада и табуны якутскихъ тоеновъ въ состояніи соблазнить скопцовъ въ шаманство.

Мало-по-малу скопцы получили право заниматься мелочной торговлей въ предѣлахъ селенія, и, что самое важное, и къ нимъ былъ примѣненъ Высочайшій Манифестъ 1883 г. съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, что и съ полученіемъ крестьянскихъ правъ они не пользуются правомъ отлучекъ.

Послѣднее представляетъ несомнѣнный анахронизмъ, часто ослабляющій тѣ права, какія въ послѣднее время дарованы скопцамъ закономъ. Такъ, правомъ отлучки въ г. Якутскъ пользуются de jure только одни подгородніе (Мархинскіе) скопцы, и то срокомъ не свыше 8 часовъ; между тѣмъ какъ теперь, по закону, скопцы, правда съ ограниченіями, но все таки имѣютъ право составлять завѣщаніе въ Присутствіи Обл. Правленія. Запрещеніе отлучки въ городъ тѣмъ самымъ лишаетъ скопцовъ возможности воспользо-ваться столь дорогимъ для нихъ правомъ: завѣщать свое имущество родственникамъ, живущимъ въ Сибири, и своимъ односельчанамъ. Это запрещеніе не можетъ быть примѣяемо во всей своей силѣ по отношенію къ такимъ селеніямъ, какъ Хатынь-Арыцкое, Кельдемское и др., безъ прямого ущерба для жителей этихъ селеній, въ противномъ случаѣ производители хлѣба были-бы отрѣзаны отъ главнаго рынка для сбыта.

Изъ этого краткаго резюме существующихъ постановленій о скопцахъ видно, что пріобрѣтеніе скопцами крестьянскихъ правъ, хотя и съ ограниченіями, и упроченіе правъ собственности (право, хотя и ограниченное составлять завѣщаніе) являются существенными пріобрѣтеніями скопцовъ въ сферѣ законодательства. Но и теперь, какъ и во время появленія скопцовъ въ Якутской области, ни безупречное поведеніе, ни даже раскаяніе въ видѣ принятія Православія не даютъ имъ права выѣзда за предѣлы Якутской области.

Если слишкомъ тридцать лѣтъ пребыванія скопцовъ въ Якутскомъ краѣ вызвало такіа немаловажныя измѣненія въ законо-

дательствѣ, то оно тѣмъ болѣе должно было сказаться существенными переменами въ самихъ прозелитахъ ученія (Селиванова¹⁾).

Мы уже упоминали въ началѣ статьи, какъ не долго миръ да согласіе царилъ въ сконческой средѣ, съ какимъ черствымъ озлобленіемъ сконцы оцолчались другъ на друга, съ какимъ остервененіемъ одни метили другимъ... Эта, сохранившаяся въ дѣлахъ, нѣва разбушевавшихся волнъ сконческой жизни является только симптомомъ той коренной ломки, какая за эти 30 лѣтъ произошла въ ихъ средѣ. Всѣ положительные завѣты скончества унесены этими волнами. Тщеславіе, жадность, хищные инстинкты, хитрость — вотъ характерныя черты большинства современныхъ сконцовъ. О любви къ ближнему, о состраданіи, даже о простомъ чувствѣ такта въ отношеніяхъ другъ къ другу сконцы давно позабыли...

Умираетъ скопецъ... Кто не смыгнется передъ лицомъ смерти, смерти сконца, одинокаго, на чужбинѣ?... Какое глубокое чувство грусти должна она вызвать въ обреченныхъ на такую-же участь!... Вотъ *фактъ*. Умираетъ N. Ужасъ смерти усиливается еще тѣмъ, что умирающій до послѣдняго момента не теряетъ сознанія и, лежа на кровати, робко озирается по сторонамъ, тщетно стараясь хоть тѣнь надежды прочесть въ лицахъ окружающихъ. За столомъ два наследника зорко слѣдятъ за каждымъ движеніемъ обдѣленной умирающимъ „стрижки“... Въ комнату врывается одинъ изъ сосѣдей и чуть не съ плачемъ вымаливаетъ у умирающаго лишнюю шапку... Злобные взгляды наследниковъ, направленные на рѣшительнаго посетителя, на минуту упускаютъ изъ виду „сестрицу“... Та пользуется этимъ моментомъ, что-то прячетъ, но одинъ изъ наследниковъ, на бѣду, вспоминаетъ о своей оплошности, вскидываетъ глаза на „сестрицу“, ловитъ на похищеніи и съ бѣшенствомъ и руганью отнимаетъ похищенное... Умирающій взволнованный шепчетъ что-то поблѣвшими губами, можетъ быть просить чего-нибудь, но до него-ли наследникамъ, когда „кров-

¹⁾ Александръ Селивановъ — основатель сконческой секты въ 1772 г.

ное" ихъ добро такъ нагло расхищается... Последний стоиъ не успѣваетъ еще вырваться изъ измученной груди умирающаго, какъ въ комнату вваливается толпа скопцовъ и скончихъ и начинается самое наглое, самое беззастѣливое расхищеніе всего, что не успѣли припрятать предусмотрительные наследники. Не видъ покойника, не протесты наследниковъ, и появленіе старосты для составленія описи оставленнаго покойнымъ имущества приостанавливаетъ этотъ грабежъ... Но страсти не стихаютъ. Зависть къ законнымъ наследникамъ клокометъ въ души обдѣленныхъ... Начинаются интриги, оспариванія...

Особенно печальна судьба „довдовѣвшихъ" сестеръ... Это, буквально, — выжатый лимонъ, за негодностью вышвырнутый на улицу. Хорошо, если „стряпка" молода; такую охотно возьметъ къ себѣ одинъ изъ немѣющихъ стряпки; но что дѣлать такой, какъ только что осиротѣвшая? Покойный былъ вторымъ, въ услуженіи у котораго находилась эта скончиха; первый „братъ" тоже умеръ. За ней установилось мѣние, что она навлекаетъ несчастія на живущихъ съ ней, и всѣ отъ нея отшатнулись... Лучшие изъ скопцовъ убѣдили главнаго наследника позволить ей жить въ предбанникѣ. Тамъ она ютится и по нынѣ. Можетъ быть эти „лучшіе" — горсть дѣйствительно хорошихъ людей — помогаютъ и другимъ изъ обнищавшей братіи, но мала эта помощь при полномъ отсутствіи какихъ бы то ни было общественныхъ средствъ для приарбнн бѣдныхъ. Такіе есть. Мыбъ самому извѣстенъ старикъ 84 лѣтъ, не разъ хлопотавшій о принятіи его въ богадѣльню. Гляди на него, на осиротѣвшихъ „сестеръ", невольно вспоминаешь забытую скопцами ихъ собственную заповѣдь: „Другъ къ другу ходите, хлѣбъ-соль водите, *любовь творите*; Бога молитесь!"

Немногіе изъ скопцовъ помнятъ положительныя стороны своего же ученія, но, хотя ихъ число съ каждымъ годомъ уменьшается, есть еще и такіе. Недавно одинъ изъ такихъ умеръ на Мархѣ, простивъ передъ смертью должникамъ долги, завѣщавъ имущество

бѣднымъ. Найдется нѣсколько такихъ и въ Хатынѣ-Арынскомъ селеніи. Они все тѣ-же изувѣры, крѣпко придерживающіеся своихъ заблужденій и глубоко проникнутые правотой своего дѣла. Симпатично въ нихъ не формальное отношеніе къ дѣлу, какъ у другихъ, для которыхъ произведенная ими кастрація является альфой и омегой теперешняго ихъ катехизиса.

Большинство скопцовъ—это фарисеи—гинокриты. Отъ прежнихъ вѣрованій и слѣда не осталось, а они все продолжаютъ своими изувѣченными голосами распѣвать старыя пѣсни.... Это развратники до мозга костей, напивающіеся иной разъ до безчувствія, но слѣдящіе за сосѣдями, не оскверняютъ-ли тѣ своихъ устъ виномъ; проповѣдники любви и братства,—пишущіе ложные доносы подъ прикрытіемъ чужой фамиліи; хвастуны, у которыхъ на устахъ любовь къ ближнему, а за горсть тухлой муки, поданной голодному якуту, выжимающіе изъ него послѣдніе соки....

На этихъ скопцовъ ссылка сказалась въ высшей степени отрицательно. Изъ честныхъ, хотя и заблуждающихся людей, они сдѣлались нравственно падшими. Раньше—только физическіе уроды, теперь они стали и моральными.

По скольку эти противны, по столько-же чувство глубокаго состраданія и симпатіи вызываетъ незначительная горсть скопцовъ, давно изувѣрившихся въ правотѣ своей вѣры. Глубокая скорбь о своемъ искалѣченіи и не разъ вырывающіеся вздохи: „не вернешь!“ невольно толкаютъ на разговоръ по душѣ съ ними. Чувство какой-то неудовлетворенности, поиски какой-то истины, столкнули ихъ съ проповѣдниками скончества. Увлеченіе и энтузіазмъ лишили возможности критически отнестись къ проповѣдуемому, и люди погибли. Глядя теперь на своихъ бывшихъ учителей, видя, во что превратились глашатаи истины, эти несчастные относятся къ нимъ съ чувствомъ страшнаго озлобленія. Но выхода нѣтъ! Законъ закрытьъ передъ ними возвращеніе на родину; печать физическаго уродства гонитъ ихъ изъ несконченной среды. Пожиз-

ненныя душевныя муки — вотъ судьба этихъ невольныхъ жертвъ минутнаго и, что самое главное, *чистаго* увлеченія.

Неумолимая жизнь и на нихъ наложила свою отрицательную печать, но... да простить ихъ Богъ! языкъ не поворачивается сказать что-нибудь противъ нихъ.

Феликсъ Жонъ

Якутскъ. Октябрь 1895 года.

Буряты Иркутской губерніи*).

Начну эту статью краткимъ напоминаніемъ объ исторической судьбѣ буряты Иркутской губерніи и указаніемъ на нѣкоторыя самыя общія статистическія свѣдѣнія о нихъ. Это поможетъ читателямъ войти въ курсъ бурятскаго вопроса и оцѣнить существенное значеніе его на столько, на сколько онъ касается обще-инородческаго вопроса, — во-первыхъ, и обще-сибирскаго и, слѣдовательно, общероссійскаго, — во-вторыхъ.

Первое историческое извѣстіе о бурятахъ относится къ 1190 г. Предполагается, что немного раньше этого времени, часть забайкальскихъ буряты переселилась въ приангарскую мѣстность и долины нынѣшней Иркутской губерніи, вытѣснивъ отсюда къ северу болѣе слабое и малочисленное племя тунгусовъ и занявъ здѣсь наиболѣе удобныя для скотоводства мѣста. Занятіе и заселеніе края происходило постепенно, орда за ордой приходила изъ Забайкалья и изъ Монголіи, тѣснила и истребляла аборигеновъ, отвоевывала у нихъ лучшія степныя мѣста и отгоняла ихъ къ северу, въ таежныя дебри, искать тамъ для поселенія новыхъ мѣсть. Эта смутная исторія борьбы между отдѣльными племенами и родами, исторія войны, вражды, насилія, крови, притѣсненія и уничтоженія слабыхъ племенъ племенами болѣе сильными, тянулась въ продолженіи многихъ вѣковъ. Уже въ концѣ XVII вѣка (1680 г.) изъ Монголіи, вслѣдствіе неудовольствія между владыкой монгольскимъ Сеценъ-ханомъ и его двумя приближенными, Бахукомъ и Адукомъ, нѣсколько родовъ бѣжали на рѣку Кнтой, откуда пе-

*.) Источникомъ для настоящей статьи, кромя личныхъ наблюденій и изслѣдованій, послужили главнымъ образомъ „Материалы по изслѣдованію земледѣлѣванія и хоз. быта сельскаго населенія Иркутской и Енисейской губерній“.

решили и осѣли на равнинахъ рѣкъ Ангары и Бѣлой и по Туинскимъ долинамъ.

Во времени прихода въ Иркутскую губернію русскихъ, т. е. во 2-й половинѣ XVII в., буряты были почти единственными жителями въ той мѣстности, которая составляетъ нынѣшніе Нижнеудинскій, Балаганскій, Иркутскій и Верхоленскій округа.

Сколько именно буряты было въ то время въ четырехъ округахъ Иркутской губерніи—неизвѣстно. Поэтому невозможно сказать, въ какомъ именно направленіи измѣнилось съ тѣхъ поръ количество бурятскаго населенія.

Болѣе достовѣрныя цифры для сравненія съ настоящимъ мы имѣемъ лишь относительно конца 50-хъ годовъ нашего столѣтія. Этихъ и другихъ имѣющихся цифръ, относящихся къ самому послѣднему времени, будетъ достаточно для сужденія о томъ, прибываетъ или убываетъ бурятское населеніе Иркутской губерніи за послѣднее время.

По X ревизіи, производившейся, какъ извѣстно, въ 1857 г., въ 4-хъ названныхъ выше округахъ Иркутской губерніи, населенныхъ, между прочимъ, и бурятами, за исключеніемъ мѣстъ, не подвергшихся изслѣдованію, насчитывалось всего кочевыхъ и бродячихъ инородцевъ около 101,346 д. об. п.; въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, т. е. спустя 31 годъ, ихъ оказалось 105,723 человека, т. е. число ихъ увеличилось на 4,3%¹⁾. Уже эти цифры говорятъ, что буряты въ общемъ не принадлежатъ къ вымирающему племени. Позже мы подробнѣе остановимся на вопросѣ о движеніи бурятскаго населенія за тридцатилѣтіе 1857—1887 г. и разсмотримъ его подробно по отдѣльнымъ вѣдомствамъ съ точки зрѣнія, которую я постараюсь сейчасъ установить.

Занимаемое 4-мя округами громаднѣйшее пространство, въ которомъ размѣстились иркутскіе буряты, представляя изъ себя мѣст-

¹⁾ Всего буряты, осѣдлыхъ и кочевыхъ, нынѣ насчитывается болѣе 112 тыс. душъ об. пола (со включеніемъ буряты мѣстностей, неизслѣдованныхъ статистиками Мин. Госуд. Имущ.).

ность съ разнообразнѣйшими естественно-историческими и климатическими условіями, говорить о невозможности разсуждать объ иркутскихъ бурятахъ, какъ объ одномъ нераздѣльномъ цѣломъ, какъ объ одномъ племени, живущемъ общей жизнью, общими интересами, одинаково производящемъ и одинаково потребляющемъ. Какое тутъ можетъ быть сходство! Здѣсь и чернѣющая отъ тайги Туунка, надъ которой возвышаются величественные гольцы Саяна, и широкія, привольныя балаганскія и ординскія степи, и старыя, хорошо разработанныя идинскія пашни, и, наконецъ, голыя каменныя горы, пустынные сухіе тажераны¹⁾ несчастныхъ ольхонцевъ! Развѣ возможно однообразіе въ этой громаднѣйшей площади земли, заключенной между коническими сопками Бѣлогорья, зелеными водами Байкала и безконечной ленской и илимской тайгой?

Къ естественно-историческимъ и зависящимъ отъ нихъ сельскохозяйственнымъ и экономическимъ различіямъ мнѣ еще придется вернуться (чтобы остановиться на нихъ съ возможной подробностью), а теперь я укажу на различія въ религіозныхъ и въ обще-культурныхъ сторонахъ жизни бурятъ разныхъ мѣстностей Иркутской губерніи.

Прежде всего, буряты Иркутской губерніи исповѣдуютъ три разныхъ религій: около 5⁰/₀ ихъ ламанты, около 35⁰/₀ — православные, остальные — шаманисты. Правда, что взаимодействіе представителей трехъ разныхъ религій и полнѣйшая религіозная неустойчивость новообращенныхъ въ очень сильной степени запутали ихъ міровоззрѣнія и обряды: ламанты прибѣгаютъ къ помощи заклинаній и гаданій шамановъ, православные закалываютъ овецъ и коней въ жертву бурхану, покровительствующему скоту, а шаманисты ставятъ восковыя свѣчи передъ образомъ св. Иннокентія, или приносятъ сметану, творогъ и проч. въ жертву св. Николаю. Но разница между представителями трехъ религій все-таки суще-

¹⁾ Небольшія равнины среди горъ, но не въ долинахъ, а по отлогамъ.

ствуется, ея нельзя отрицать, какъ нельзя отрицать и вліянія этой разницы на общій культурный укладъ жизни бурятъ различныхъ религіозныхъ категорій. Мы не будемъ здѣсь касаться иркутскихъ ламантовъ, какъ небольшой сравнительно группы, не будемъ касаться вопроса о томъ, на сколько и какой именно отпечатокъ наложило православіе на бывшихъ шаманистовъ, мы только укажемъ на нѣкоторыя черты того громаднѣйшаго различія, которыя обнаруживаютъ шаманисты и придерживающіеся шаманскихъ обрядовъ православные различныхъ мѣстностей Иркутской губерніи.

Дальше всѣхъ бурятъ на пути всяческаго духовнаго и культурнаго развитія ушли буряты-земледѣльцы Боханскаго, Укыр-скаго и сосѣднихъ имъ вѣдомствъ Балаганскаго и Иркутскаго округовъ. Затѣмъ, чѣмъ дальше въ сторону отъ этихъ мѣстъ, тѣмъ меньше образованія, тѣмъ больше первобытныхъ вѣрованій и обычаевъ, тѣмъ больше, съ одной стороны дикости и грубости, съ другой — простоты и прямоты. Въ то время какъ одни, болѣе образованные буряты, смотрятъ на исполненіе всякихъ шаманистскихъ обрядовъ, какъ на остатокъ старины, исполняя эти обряды изъ за одного уваженія къ этой старинѣ, изъ-за привычки къ нимъ, какъ къ извѣстнымъ явленіямъ, дополняющимъ ихъ бытъ, — другіе, болѣе отсталые и закоренѣлые въ шаманствѣ, готовы отдать на исполненіе религіозныхъ обязанностей послѣднее имущество, другіе каждый свой шагъ сопровождаютъ строго исполняемыми обрядностями и въ этой строгости исполненія доходятъ до потери силъ и сознанія, до эпилептическихъ припадковъ, до извѣстнаго найгурства¹⁾. Въ то время какъ въ одной сторонѣ таковой актъ, какъ рожденіе человѣка, сопровождается только плохимъ соблюденіемъ нѣкоторыхъ гигиеническихъ правилъ, въ другой онъ не можетъ обойтись безъ жертвоприношеній, многочисленныхъ заклинаній, безъ строго соблюдаемыхъ, установленныхъ вѣковымъ обычаемъ, формъ. Въ одной сторонѣ мертвыхъ хоронятъ

¹⁾ См. ниже.

на кладбищѣ, въ другой заколачиваютъ трупы ребятъ въ колоды деревьевъ, а въ третьей зажигаютъ костры гдѣ-нибудь на вершинѣ отдаленной горы, и, убивая коня, на которомъ привезли покойника, сжигаютъ трупъ. Наконецъ, въ одной сторонѣ—высокая грамотность, соперничающая съ грамотностью окружающаго населенія старожиловъ-русскихъ крестьянъ, почти поголовное знаніе русскаго языка, а въ другой—полнѣйшее отсутствіе грамотныхъ и знающихъ русскій языкъ бурятъ.

И такъ, не проводя этого различія по всеѣмъ другимъ сторонамъ жизни бурятъ, я останавлиюсь только на самой главной,—на различіяхъ въ сельско-хозяйственной и экономической жизни. Буряты различныхъ мѣстностей Иркутской губерніи находятся на разныхъ ступеняхъ экономическаго развитія. Я не говорю объ осѣдлыхъ инородцахъ, такъ называемыхъ „ясачныхъ“, изъ которыхъ многіе уже рѣшительно ничѣмъ не отличаются отъ коренныхъ русскихъ, а укажу на кочевыхъ боханцевъ или укырцевъ, которые такъ же и даже болѣе грамотны, чѣмъ ихъ русскіе сосѣди, и которые имѣютъ наибольшую по округу площадь запашки. Съ другой стороны я назову алагуевскихъ и ольхонскихъ бурятъ, до сихъ поръ не сѣющихъ хлѣба, а живущихъ скотоводствомъ, рыболовными и звѣроловными промыслами.

И такъ, нельзя говорить объ иркутскихъ бурятахъ—вообще, о томъ, насколько все они вырождаются или развиваются, принимаютъ обычаи и привычки русскихъ или сохраняютъ свои, насколько они грамотны и стремятся къ этой грамотности и проч. Объ иркутскихъ бурятахъ и объ ихъ исторической судьбѣ можно говорить, только подѣливъ ихъ на различныя географическія и экономическія группы. Но какой принципъ слѣдуетъ взять для этого дѣленія?

Большая и меньшая степень развитія бурятъ различныхъ мѣстностей находится въ зависимости отъ взаимодействія многочисленныхъ и разнообразныхъ факторовъ: и экономическое благосостоя-

ніе, и большее или меньшее развитіе земледѣлія, и большая или меньшая близость въ русскому населенію—вообще и къ некоторымъ культурнымъ центрамъ, какъ городамъ, линіи тракта,—въ частности, играютъ громаднѣйшую роль. Но присматриваясь ближе къ иркутскимъ бурятамъ, мы замѣчаемъ, что большее развитіе, большая культурность наблюдается у бурятъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ у нихъ завершился переходъ отъ звѣроловнаго и скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческому; что наибольшая отсталость, поголовная безграмотность, наиболее первобытныя формы жизни царятъ тамъ, гдѣ буряты еще не знаютъ земледѣльческаго труда; что среднее мѣсто занимаютъ буряты тѣхъ мѣстностей, гдѣ населеніе не завершило еще перехода отъ скотоводческаго къ земледѣльческому быту. Такой выводъ напрашивается всякому, кто приглядывался къ жизни бурятъ съ различными формами хозяйства. Посмотримъ, на сколько этотъ выводъ подтвердится цифрами. За основной признакъ развитія или упадка каждаго бурятскаго вѣдомства мы примемъ увеличеніе или уменьшеніе населенія, такъ какъ самый фактъ увеличенія доказываетъ большую силу и устойчивость населенія, зависящую отъ большого экономическаго благосостоянія, болѣе нормальнаго бытового строя жизни, болѣе чистоплотности, лучшаго жилья, лучшей пищи и проч.

Начнемъ съ такого сопоставленія. Для бурятъ Иркутской губерніи средняя площадь запаски, приходящаяся на 1 наличное хозяйство, равняется приблизительно 10 десятинамъ. Разобьемъ все инородческія вѣдомства 4-хъ округовъ на двѣ большихъ группы: одну, гдѣ въ вѣдомствахъ будетъ приходиться на налич. хозяйство запаска ниже средней, и другую—съ выше средней запаской.

Десятинамъ запаски на 1 пол. хозяйство.	Приростъ населенія съ послѣдней ревизіи по 1889 г.
1-я группа 1—10	+1,7
2-я группа 10—20	+8,3

т. е. въ то время, какъ въ первой группѣ вѣдомствъ населеніе увеличилось всего лишь на 1,7%, во второй оно возросло гораздо

больше, на 8,3⁰/о. Въ Иркутской губерніи движеніе населенія за 1857—1888 г. выразилось весьма разнообразно въ разныхъ вѣдомствахъ: въ однихъ оно возрасло, въ другихъ уменьшилось. Самый большой приростъ (29,5⁰/о) дали Укырское и Боханское вѣдомство Балаганскаго округа, тѣ самыя вѣдомства, которыя имѣютъ и наибольшую по губерніи площадь запашки. Наибольшее уменьшеніе населенія дало Ольхонское вѣдомство Верхленскаго округа, гдѣ буряты совершенно не занимаются земледѣліемъ. Къ сожалѣнію, Ольхонское вѣдомство было изслѣдовано не одновременно съ другими вѣдомствами Верхленскаго округа, а лишь въ концѣ зимы 1895 года. Матеріалы еще не подверглись обработкѣ и точная цифра не можетъ быть приведена. Изъ изслѣдованныхъ-же въ 1889 г. вѣдомствъ наибольшее уменьшеніе населенія дали Ленское и Анчинское, Верхленскаго округа, (—15,3 и —16,2⁰/о) вѣдомства, въ которыхъ и площадь запашки ниже средней, и еще, кромѣ того, въ плохомъ сравнительно состояніи находится скотоводство (10 головъ скота на 1 наличн. хоз. въ переводѣ на крупный скотъ при средн. 11,2 гол.).

Эти цифры съ большою ясностью показываютъ зависимость движенія населенія отъ степени развитія земледѣльческаго хозяйства. Конечно, здѣсь играетъ роль не одно только земледѣліе. Цифры, которыя я только что привелъ и которыя буду приводить ниже, будутъ доказывать то, что доказано относительно другихъ народовъ, что движеніе населенія зависитъ главнымъ образомъ отъ его благосостоянія. Благосостояніе иркутскихъ бурятовъ складывается подъ вліяніемъ экономическихъ и культурныхъ факторовъ. Изъ экономическихъ факторовъ, кромѣ земледѣлія, большую роль играетъ положеніе скотоводства, большее или меньшее развитіе звѣроловнаго, рыболовнаго, домашнихъ и кустарныхъ промысловъ и т. д. Но иркутскіе буряты настолько уже подвинулись на пути перехода отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческому, что у нихъ степень развитія земледѣлія имѣетъ доминирующее значеніе. Исклю-

ченіе представляетъ только Тункинское вѣдомство, гдѣ населеніе еще до сихъ поръ живетъ главнымъ образомъ скотоводствомъ, и Ольхонское, живущее рыбнымъ промысломъ и скотоводствомъ. Но эти вѣдомства находятся въ исключительныхъ условіяхъ: отдаленность ихъ, географическая изолированность, наконецъ, естественно-историческія условія мѣстности способствовали тому, что населеніе ихъ болѣе населенія другихъ мѣстностей сохранило формы первобытнаго хозяйства. Какъ доказательство того, что для другихъ Иркутскихъ бурятъ до сихъ поръ еще имѣетъ громадное значеніе скотоводство, укажемъ на то, что, если мы все вѣдомства подѣлимъ на двѣ группы съ выше и ниже-среднимъ количествомъ скота, приходящимся на 1 нал. хозяйство, то получимъ опять, что въ группѣ съ выше-среднимъ количествомъ скота наблюдается и выше средней приростъ населенія, и наоборотъ. И такъ, отъ большаго или меньшаго развитія скотоводства и земледѣлія зависитъ большее или меньшее благосостояніе. Съ другой стороны большимъ или меньшимъ благосостояніемъ опредѣляются болѣе или меньшій приростъ или убыль населенія. Для подтвержденія этой мысли см. діаграмму № 1. Она составлена слѣдующимъ образомъ. Отъ линіи въ срединѣ, гдѣ обозначены названія бурятскихъ вѣдомствъ Иркутской губерніи, внизъ и вверхъ идетъ, перпендикулярно къ этой линіи, рядъ колонокъ. Вверхъ отъ линіи идутъ графы, гдѣ обозначены убыль и прибыль населенія отъ—16⁰/₀ и болѣе (съ 1857 г.—1888 г.) до высшаго ⁰/₀ прибыли, 29,5⁰/₀. Противъ названія каждаго вѣдомства возвышаются колонки, указывающія прибыль или убыль его населенія за вышеуказанный періодъ. Вѣдомства расположены такъ, что съ правой стороны находятся тѣ, которыя дали наибольшій ⁰/₀ прироста, за ними идутъ давшія меньшій приростъ и давшія убыль, въ послѣдовательномъ порядкѣ пониженія. Внизъ отъ каждаго вѣдомства идетъ по двѣ колонки: одна, болѣе широкая, указываетъ на количество записки (въ десят.) приходящейся на 1 нал. хоз. вѣдомства, другая, ниже.

на количество головъ скота (въ переводѣ на крупный), которое приходится также на 1 нал. хозяйство. Такимъ образомъ, противъ каждаго вѣдомства колонки вверху указываютъ на движеніе населенія, колонки внизу — на 2 главнѣйшихъ фактора, изъ которыхъ складается экономическое благосостояніе Иркутскихъ бурятъ, на развитіе земледѣлія и скотоводства. «Что-же намъ говорить эта діаграмма? Противъ первыхъ двухъ вѣдомствъ, давшихъ самый большой % прироста, колонки указываютъ и на самую большую площадь запашки. Затѣмъ площадь запашки идетъ то повышается, то понижается, при чемъ въ общемъ обнаруживается несомнѣнную тенденцію къ пониженію, что можно видѣть и изъ діаграммы, которая по формѣ своей приближается къ конусу. Два самыхъ крупныхъ отклоненія даютъ Куленгское вѣдомство Верхленскаго округа и Тункинское Иркутскаго округа. О Тункинскомъ мы уже говорили выше; на сколько оно вообще отличается отъ другихъ вѣдомствъ Иркутской губерніи; что-же касается Куленгскаго вѣдомства, то оно слишкомъ незначительно — всего лишь 137 хозяйствъ, изъ которыхъ 51 хозяйство — оеѣдлыхъ инородцевъ, которые, какъ я уже сказалъ, во всѣхъ отношеніяхъ гораздо ближе къ кореннымъ русскимъ, чѣмъ къ бурятамъ. Такимъ образомъ, Куленгское вѣдомство безъ всякаго ущерба для правильности вывода можно было-бы не вводить въ діаграмму. (Кулентцы имѣютъ хорошіе заработки отъ охоты и звѣропромышленности, извоза и снани товаровъ).

«Діаграмма эта имѣла бы еще болѣе убѣдительный видъ, если бы можно было сдѣлать сравненія не по старымъ большимъ вѣдомствамъ, а по новымъ, какъ они издѣлены въ концѣ 80-хъ годовъ. Въ составъ прежнихъ вѣдомствъ входили часто въ высшей степени крупные и разнородныя единицы. Напримѣръ, Балаганское вѣдомство состояло изъ 3,593 хозяйствъ и въ него входили, съ одной стороны, и нынѣшнее Нельхайское вѣдомство, которое по развитію земледѣлія едва-ли уступаетъ Боханскому и Укырскому,

съ другой-же стороны—сюда входило и нынѣшнее Унгинское, которое по развитію скотоводства не уступаетъ Тункинскому вѣдомству. Но, къ сожалѣнію, у меня не было рѣшительно никакихъ матеріаловъ, чтобы данныя о населеніи по послѣдней ревизіи разбить по нынѣшнимъ вѣдомствамъ.

Чтобы покончить съ діаграммами, я скажу здѣсь вѣскольکو словъ о діаграммѣ № 2-й. Она является лишь нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ первой. Принявъ, на основаніи оцѣнокъ доходности Иркутскаго земледѣлія и скотоводства, что ежегодный доходъ отъ 1 дес. пашви=доходу отъ 3 головъ скота, я высчиталъ приблизительный доходъ отъ земледѣлія и скотоводства вмѣстѣ и противъ колонки движенія населенія каждого вѣдомства установилъ колонки доходности отъ земледѣлія и скотоводства. Діаграмма опять имѣетъ несомнѣнно убѣдительный видъ, и нѣкоторыя отклоненія, которыя встрѣчаются по разнымъ вѣдомствамъ и которыя въ діаграммѣ нарушаютъ ея коническую форму, надо отнести на счетъ, во первыхъ, неравномѣрнаго развитія промысловъ въ каждомъ вѣдомствѣ и доходовъ отъ нихъ, а во-вторыхъ, неравномѣрной доходности отъ скотоводства и земледѣлія въ различныхъ вѣдомствахъ. Если бы мы приняли во вниманіе лишь то одно, что въ каждой данной мѣстности большее или меньшее развитіе земледѣлія, скотоводства или какого-нибудь промысла служитъ доказательствомъ его большей относительно выгоды и доходности и только на основаніи этого принципа внесли бы поправки въ колонки, то онѣ стали бы еще длиннѣе на правой сторонѣ, въ срединѣ остались бы безъ перемѣны, а на лѣвой сторонѣ сдѣлались бы болѣе короткими. Вся фигура получила бы тогда еще болѣе внушительный видъ.

Но оставимъ пока губернію и возьмемъ меньшую единицу—округъ. Остановимся на Балаганскомъ округѣ, какъ менѣе разнообразномъ въ своихъ частяхъ, какъ наиболѣе населенномъ бурятами и какъ лучше намъ извѣстномъ.

	Десят. зап. на 1 на 1 хол.	Головъ скота въ переводѣ на крупн. на 1 хол.	‰ грамот. хозяевъ.	+ Приростъ и — убыль населен. за 1857—88 г.
Укырское вѣдомство	20,0	11,6	21,5	+29,5
Боханское . . .	18,5	10,2	31,4	+25,9
Аларское . . .	13,6	10,1	18,3	+ 3,5
Бильчирское . . .	13,0	9,0	17,3	+ 4,4
Улейское . . .	11,9	7,9	17,3	—11,9
Молькинское . . .	9,5	9,2	16,5	— 2,3
Балаганское . . .	8,3	13,9	18,3	+ 3,5

Для Балаганскаго округа средняя площадь запашки 12,1 дес. 2 вѣдомства съ наибольшей запашкой даютъ и наибольшій приростъ населенія (27‰); 2 вѣдомства съ запашкой немного высшей, чѣмъ средняя, даютъ приростъ 4‰; 3 вѣдомства съ ниже средней запашкой даютъ уже убыль населенія. Приглядываясь внимательно къ этой таблицѣ, мы видимъ, что нѣкоторыя значительныя съ виду отклоненія показываютъ 2 вѣдомства. — Улейское и Балаганское. Улейское, занимая по запашкѣ третье мѣсто съ конца, по движенію населенія занимаетъ послѣднее мѣсто, а Балаганское — наоборотъ. Однимъ словомъ, Улейское и Балаганское вѣдомства поменялись своими мѣстами. Почему? Отвѣтъ на этотъ вопросъ вы прочтете во второй графѣ таблицы. Мы говорили выше, что благосостояніе бурятъ зависитъ главнымъ образомъ отъ состоянія у нихъ земледѣлія и затѣмъ скотоводства. Улейское вѣдомство, давшее наибольшій ‰ убыли населенія, меньше всѣхъ другихъ вѣдомствъ обезпечено скотомъ, а Балаганское, наоборотъ, имѣя самую меньшую площадь запашки, не заняло послѣдняго мѣста потому, что лучше всѣхъ другихъ вѣдомствъ обезпечено скотомъ.

Но довольно о зависимости движенія бурятскаго населенія отъ экономическихъ факторовъ. Будемъ считать статистически-доказаннымъ положеніе, что иркутскіе буряты растутъ и размножаются

тамъ, гдѣ они наиболее обезпечены продуктами земледѣлія и скотоводства, и вымираютъ и вырождаются тамъ, гдѣ они обезпечены ими наименѣе.

Если бы мы только что приведенное положеніе формулировали нѣсколько иначе и сказали, что иркутскіе буряты размножаются тамъ, гдѣ они обезпечены продуктами земледѣлія и скотоводства и вымираютъ тамъ, гдѣ они ими не обезпечены, — формулировка, которая невольно направляется на умъ, — мы впади бы въ грубую ошибку. Въ этомъ именно, намъ кажется, и заключается сущность инородческаго вопроса, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько онъ касается иркутскихъ бурятъ. Дѣло въ томъ, что по даннымъ исследованийъ статистиковъ Минист. Государствен. Имуществъ, по вѣдомствамъ на 1 жителя-бурята по Иркутскому, Балаганскому и Нижнеудинскому округамъ приходилось въ годъ хлѣба отъ 51 до 17,9 пудовъ, при чемъ среднее количество для 3 округовъ было опредѣлено въ 36,2 пуд. на одного жителя и 44,8 на 1-го вѣска, т. е. хлѣба производилось и потреблялось гораздо больше, чѣмъ производится и потребляется крестьянами россійскихъ внутреннихъ губерній. Между тѣмъ какъ россійскіе крестьяне, не дѣдая и не доживая, плодятся и размножаются, иркутскіе буряты, въ общемъ, стоятъ почти на одной точкѣ, а мѣстами даже и вымираютъ. Это доказываетъ, что экономическимъ факторамъ нельзя придавать исключительнаго значенія, а что надо еще считаться съ факторами бытовыми и культурными, и что вліяніе этихъ послѣднихъ факторовъ, сказывающихся, несомнѣнно, при сравненіи отдѣльныхъ бурятскихъ вѣдомствъ и различныхъ группъ бурятскаго населенія, прямо бьетъ въ глаза, если сравнивать двѣ такія разнородныя культурныя группы, какъ иркутскіе буряты и россійскіе крестьяне. Въ то время какъ буряты гораздо болѣе экономически обезпечены, чѣмъ россійскіе (а отчасти и сибирскіе) крестьяне, ихъ населеніе даетъ гораздо меньшій приростъ, чѣмъ русское. Правильность общаго положенія нарушается, и нарушеніе

это надо цѣликомъ отнести къ вліянію культурныхъ, бытовыхъ и другихъ не экономическихъ факторовъ. Я не задаюсь здѣсь цѣлью спеціального изслѣдованія вопроса о движеніи бурятскаго населенія Иркутской губерніи и не дѣлаю этого потому, что для рѣшенія этого важнаго и въ высшей степени интереснаго вопроса нѣтъ никакихъ основательныхъ данныхъ. Даже для того, чтобы широко поставить вопросъ, отъ чего зависитъ малый приростъ, а часто и убыль бурятъ, — отъ малой рождаемости или большой смертности, недостаточно надежнаго цифрового матеріала: православные въ вѣдомствахъ перемѣшаны съ шаманистами, у которыхъ никакихъ метрическихъ книгъ не ведется. Подворный переписи производится слишкомъ недавно и черезъ значительные промежутки времени.

Касаясь вопроса о движеніи населенія, я не останавливаюсь также на той причинѣ сравнительно малаго ихъ прироста, которая лежитъ уже въ нихъ самихъ и развита наследственно вследствие долгихъ годовъ невыгодной для здоровья, антигигіенической жизни, вследствие разныхъ условій, отрицательно вліявшихъ на развитіе бурятъ.

Какія-же именно условія препятствуютъ росту населенія иркутскихъ бурятъ и задерживаютъ ихъ развитіе, какія условія задерживаютъ движеніе бурятскаго населенія, не смотря на сравнительно высокій уровень его экономического благосостоянія?

Всѣ факторы отрицательнаго вліянія на бурятскую жизнь мы подѣлимъ на два разряда: одни, такъ сказать самобытные, коренящіеся въ сохранившихся еще до сихъ поръ въ большей или меньшей степени остаткахъ первобытной жизни и первобытныхъ вѣрованій, а другіе, вѣшняго происхожденія, зависящіе отъ отрицательныхъ сторонъ вліянія на бурятъ болѣе сильной расы.

Что касается первыхъ, самобытныхъ факторовъ, то здѣсь во главѣ всего надо поставить общую некультурность бурятъ, некультурность, которая выражается и въ ихъ нечистоплотности, въ ихъ незнакомствѣ съ самыми основными гигіеническими и сани-

тарными правилами, въ плохихъ, антигигіеническихъ условіяхъ жизни ихъ дѣтей, въ отсутствіи какого-нибудь болѣе или менѣе правильнаго наблюденія за ними во время ихъ физическаго роста и пр. Кто бывалъ въ жилищахъ бурятъ, въ особенности въ ихъ зимникахъ, кто видѣлъ грязныя одежды и всю грязную обстановку этихъ жилищъ, кому приходилось подолгу дышать затхлымъ прогорклымъ отъ испареній человѣческихъ, отъ кожъ, отъ царцей кругомъ грязи воздухомъ, кто подходилъ, наконецъ, близко къ люлькѣ, въ которой сняты замусленные бурятскія дѣти, — для тѣхъ ясно, какъ губительно должны дѣйствовать на бурятъ самыя невозможныя условія ихъ домашней жизни. Не думайте, что уныло глядящія на васъ ихнія юрты-лѣтники хуже прекрасныхъ съ виду, просторныхъ и богатыхъ избъ-зимниковъ. Юрты эти все таки болѣе сносны: онѣ и вентилируются лучше, и содержатъ больше воздуха, и не успѣваютъ такъ загрязниться, а избы въ зимникахъ — онѣ будутъ казаться вамъ хорошими и богатыми только до тѣхъ поръ, пока вы не побываете внутри ихъ. Право, и безъ всякаго преувеличенія скажу, что у бурятъ, наиболѣе отсталыхъ мѣстностей, стайки харимовъ — скотныхъ дворовъ — содержатся аккуратнѣе и чище, чѣмъ жилища людей. Я укажу, на примѣръ, остр. Ольхонъ. Тамъ наибольшее значеніе для хозяйства имѣетъ утугъ, удобряемый покосъ. Наземъ для удобренія цѣнится въ высшей степени дорого, и ольхонскій буряты бережетъ его, какъ самое надежнѣйшее свое богатство. Войдите въ стайку: она тщательна вычищена, полъ совершенно гладкій; аккуратно, симметрично по стѣнамъ этого харима висятъ водосныя веревки для привязыванія скота; назьма не видно, — онъ уже свезенъ на утугъ. Войдете вы сейчасъ-же въ душную, тѣсную, вонючую избу, и у васъ ужъ не остается никакихъ сомнѣній на счетъ того, что здѣсь люди живутъ хуже, чѣмъ скотъ.

Переходя къ другимъ условіямъ, неблагопріятно вліяющимъ на развитіе бурятъ, я буду говорить о ненормальныхъ семейныхъ и

половыхъ отношеніяхъ, при чемъ я здѣсь считаю уместнымъ еще разъ подчеркнуть то, что я говорилъ о разнообразіи бытовыхъ и другихъ условій жизни бурятъ въ различныхъ мѣстностяхъ: всѣ отрицательныя стороны бурятской жизни проявляются въ самыхъ рѣзкихъ и грубыхъ формахъ въ наиболее отсталыхъ бурятскихъ вѣдомствахъ и смягчили свои формы въ вѣдомствахъ передовыхъ; наоборотъ, всѣ прогрессивныя теченія, о которыхъ я буду говорить позже, энергично даютъ о себѣ знать въ вѣдомствахъ передовыхъ, въ вѣдомствахъ же отсталыхъ находятся лишь въ зародышевомъ состояніи.

Одна изъ главныхъ причинъ ненормальности семейныхъ и половыхъ отношеній бурятъ лежитъ въ обычаѣ „калыма“, платы за невѣсту. Калымъ этотъ очень великъ, часто отрѣзываетъ всякую возможность молодому и здоровому человѣку вступитъ въ бракъ. Правда, вредное вліяніе калыма въ настоящее время значительно меньше, чѣмъ было прежде. Его уменьшилъ и обычай „адлай“, выросшій въ самой средѣ бурятъ, какъ противовѣсъ калыму, и вліяніе русскихъ. Адлай, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что родители двухъ семействъ, гдѣ есть и сыновья и дочери болѣе или менѣе подходящихъ возрастовъ, такъ сказать, мѣняются невѣстами, не платя калыма. Вліяніе русскихъ сказалось въ томъ, что буряты, вида ихъ примѣръ, измѣнили свой взглядъ на обычай калыма, что между ними уже являются враги его и что родители — старики не только легко относятся къ очень распространеннымъ въ послѣднее время у бурятъ бракамъ посредствомъ убѣга и принятія православной вѣры, но даже часто способствуютъ сами такимъ бракамъ. Что касается обычая *адлай*, то онъ имѣетъ свои нехорошія стороны: не говорю уже о ненормальностяхъ такого брака, когда будущіе мужъ и жена связываются на всю жизнь, не зная другъ друга, не чувствуя никакого взаимнаго влеченія, не говорю потому, что всякій бурятскій бракъ заключается внѣ зависимости отъ желанія и отъ взаимнаго влеченія жениха и не-

вѣсты; адлій, помимо этого, вредно отзывается на жизни супругов и ихъ потомства вълѣдствіе того, что при этихъ смѣнахъ родители будущихъ супруговъ не обращаютъ особеннаго вниманія на ихъ возрастъ, и часто мальчикъ дѣлается мужемъ пожилой женщины и наоборотъ. Вообще ранніе браки и браки между далеко отстоящими другъ отъ друга по возрасту брачующимися сторонами, до сихъ поръ еще очень часто встрѣчаются у бурятъ. Кроме обычая адлій, они вызываються еще мотивами чисто хозяйственнаго характера. Въ домѣ бурята, напримѣръ, не достаетъ женщины для исполненія разныхъ хозяйственныхъ работъ, но у него есть сынъ, иногда можетъ быть мальчикъ, которому можно купить жену. И жена покупается. Во время нашихъ изслѣдованій въ Ольхонскомъ вѣдомствѣ, насъ удивило большое количество женатыхъ юношей. Каждый разъ, какъ намъ встрѣчался такой юноша 15—16 лѣтъ, мы задавали ему вопросъ, давно-ли онъ женатъ и они сплошь и рядомъ показывали, что женаты уже 3 и 4 года. И явленіе это встрѣчается не только въ отсталомъ Ольхонскомъ вѣдомствѣ. Въ Учинскомъ вѣдомствѣ, Балаганскаго округа, я видѣлъ лѣтомъ настоящаго года бурята Шатанова, 16 лѣтъ, котораго женили уже 7 лѣтъ тому назадъ. „для того, чтобы скорѣе пошли дѣти“, какъ мнѣ показали сосѣди Шатанова. Дѣти дѣйствительно пошли: ихъ уже 4 и старшему сыну шестнадцатилѣтняго парня, обремененнаго многочисленнымъ семействомъ, уже 7-й годъ. Въ Улейскомъ вѣдомствѣ я помню видѣлъ однажды, какъ изъ лавки здоровая женщина лѣтъ 20 выводила за руку мальчика, который сопротивлялся женщинѣ, желая изъ любопытства оставаться въ лавкѣ. Я былъ очень удивленъ, узнавъ, что эта парочка—молодые, недавно отпраздновавшіе свадьбу, супруги. И я повѣрилъ рассказамъ бурятскихъ стариковъ, что прежде браки заключались еще болѣе ненормальные, такъ что бывали случаи, что жены, отправляясь доить коровъ, на рукахъ носили своихъ мужей съ собою.

Вообще, экономическія и хозяйственныя причины и обыкновенный

разсчётъ имѣютъ большое вліяніе на бурятскіе браки. Двоеженство и троеженство у иркутскихъ бурятъ практикуется, но большей части, тогда, когда отъ первой жены не бываетъ дѣтей. Съ другой стороны, буряты, нуждаясь въ работникѣ мужского пола, берутъ иногда мужа въ домъ и въ такихъ случаяхъ за невесту уже никакого калыма не получаютъ. Желаніе имѣть дѣтей и вырастить ихъ у бурятъ всегда въ высшей степени сильно и это напряженное желаніе намъ кажется однимъ изъ признаковъ инстинктивной борьбы за сохраненіе расы. Бездѣтные буряты усыновляютъ дѣтей постороннихъ, часто русскихъ, причемъ бывають случаи покупки дѣтей. Указываютъ, напримѣръ, на аларскихъ и унгинскихъ бурятъ, покупавшихъ дѣвочекъ у бурятъ тункинскихъ, при чемъ разсказываютъ, что дѣло это на столько широко было поставлено, что существовали профессиональные коммиссіонеры его, что въ нѣкоторой, гораздо меньшей, степени покупка эта и нынѣ практикуется. Насколько эти разсказы вѣрны, сказать трудно, но фактъ тотъ, что унгинскіе буряты и до сихъ поръ поютъ еще пѣсню на счетъ того, что

Желѣзная телѣга стоитъ сто рублей.

А тункинская дѣвица 1000 рублей.

Насколько буряты, вообще, рады рожденію ребенка и по своему стараются сохранить его жизнь, видно и изъ тѣхъ мѣръ заботливости, которыми окружають буряты первый возрастъ дѣтей, изъ многочисленныхъ жертвоприношеній, молитвъ и шаманскихъ обрядовъ, сопровождающихъ дѣторожденіе и первые годы ребенка. Какъ относятся они къ этому возрасту, показываетъ, между прочимъ, ихъ изрѣченіе: „новорожденный ребенокъ однимъ годомъ моложе бурхана и однимъ годомъ старше царя“ (запис. у унгинскихъ бурятъ). Но заботливость эта не достигаетъ своей цѣли: благодаря дурнымъ гигиеническимъ условіямъ бурятскіе дѣти мрутъ, какъ мухи, родители ихъ желаютъ имѣть новыхъ дѣтей, приносятъ новыя жертвы и, если ребенокъ родится, еще бережнѣе охраняють его

дѣтство, охраняютъ, конечно, все-таки по своему, безъ соблюденія гигиеническихъ правилъ.

Еще однимъ условіемъ, невыгодно вліяющимъ на развитіе бурятъ, является распущенность ихъ половыхъ отношеній. Дѣвушка у бурятъ, въ большинствѣ случаевъ, сходится съ мужчиной раньше вступленія въ бракъ; все это знаютъ, никто не ставитъ этого дѣвушкѣ въ вину и если она до брака имѣетъ ребенка, ее тѣмъ охотнѣе берутъ въ жены, такъ какъ она уже доказала свою способность къ дѣторожденію. Насколько свободны половыя отношенія между мужчинами и женщинами, въ особенности незамужними, можно наблюдать на бурятскихъ вечерахъ, гдѣ собирается молодежь обоего пола. Бурятскіе вечера—это оригинальная „ночи любви“. Въ сторонѣ отъ улуса разводятся костры, вокругъ которыхъ молодежь обоего пола пляшетъ свой однообразный танецъ „наданъ“, вѣчно въ родѣ хорОВОда. Время отъ времени отъ хорОВОдовъ этихъ отдѣляются пары и скрываются въ сторонѣ, во мракѣ ночи. Спустя немного времени, онѣ возвращаются къ общему кружку, принимаютъ участіе въ танцахъ, а еще черезъ нѣсколько времени, снова скрываются въ ночномъ мракѣ. При чемъ пары далеко не всегда уходятъ въ одномъ и томъ же составѣ, а комбинируются очень разнообразно. Кто жилъ среди бурятъ, тому часто приходилось слышать, а можетъ быть и видѣть, что дѣлается на бурятскихъ свадьбахъ, когда мужчины и женщины перельются тарасуномъ и водкой.

Чтобы покончить съ ненормальностями въ области семейно-половыхъ отношеній, скажемъ здѣсь еще нѣсколько словъ о многоженствѣ. Какъ мы сказали выше, бурятъ беретъ вторую и третью жену тогда, когда у него не бываетъ дѣтей отъ первой. Это не всегда бываетъ такъ: болѣе зажиточные иногда вступаютъ во второй бракъ, имѣя уже дѣтей отъ перваго. Бываетъ, конечно, что мужчина беретъ себѣ вторую или третью жену, считая первыхъ не способными къ дѣторожденію, а на самомъ дѣлѣ самъ обла-

даетъ дефектами, дѣлающими безплоднымъ брачный союзъ. Все эти условія заставляютъ, конечно, отнести многоженство къ числу причинъ, неблагопріятно отзывающихся на ростъ бурятскаго населенія.

Закончивъ краткій обзоръ неблагопріятно отзывающихся на бурятахъ ненормальностей въ области ихъ семейно-половыхъ отношеній и въ общихъ условіяхъ внѣшней ихъ жизни, я перейду къ разсмотрѣнію вредныхъ сторонъ бурятской вѣры — шаманизма. При этомъ позволю себѣ повториться и напомнить, что $\frac{1}{3}$ всехъ бурятъ, — новообращенные православные, ближе къ шаманизму, чѣмъ даже къ тому православію, какое наблюдается у сосѣднихъ бурятамъ крестьянъ-старожиловъ, что ламанты составляютъ очень ничтожную группу, такъ-же значительно подчинившуюся вліянію шаманства; что почти $\frac{2}{3}$ всехъ иркутскихъ бурятъ правовѣрные шаманисты, послѣдовательность и устойчивость вѣрованій которыхъ, рвеніе въ исполненіи обрядностей и т. д. подвергаются значительнымъ видоизмѣненіямъ въ разныхъ мѣстахъ громаднаго района, занимаемаго иркутскими бурятами. Шаманизмъ, какъ извѣстно, выражается въ обожаніи силъ природы и въ поклоненіи многочисленнымъ богамъ, властителямъ, хозяевамъ или духамъ этихъ силъ. Посредниками между людьми и всеми этими высшими существами являются особенные люди — шаманы, подготовленные къ своему званію прохожденіемъ извѣстной школы и искусомъ, и надѣваемые богами способностями вступать въ общеніе съ высшими добрыми и злыми существами. Это общеніе должно выражаться особеннымъ образомъ: шаманъ, вступающій въ общеніе съ богами, обладающій даромъ предугадыванія, во время совершенія обрядовъ, во время произнесенія заклинаній не можетъ и не долженъ быть похожъ на бурятъ — обыкновенныхъ смертныхъ. Молитвами своими и заклинаніями шаманы должны доводить себя и, часто дѣйствительно доводятъ, до галлюцинацій и эпилептическихъ припадковъ. Такіе шаманы пользуются особымъ уваженіемъ и почетомъ у бурятъ. Шамановъ

много среди иркутских бурятъ: ихъ посвященіе, молитвы и заклинанія, въ которыхъ такъ много мистическихъ, символическихъ и всякихъ таинственныхъ элементовъ, совершаются на глазахъ всего народа. Понятно, поэтому, что долгіе вѣка служенія этой вѣрѣ не могли остаться безъ вліянія на нервно-мозговую организацію бурятъ. Они очень нервны, впечатлительны и, обладая крайне неустойчивой организаціей, легко подвергаются психическимъ заболѣваніямъ. Всѣ наблюдатели и изслѣдователи бурятъ, въ одинъ голосъ, указываютъ на широкое развитіе между ними такъ называемаго кликушества, имерачества и разныхъ формъ истеро-эпилептическихъ заболѣваній. Чтобы иллюстрировать мою мысль, я приведу два крайнихъ примѣра. Между почитаемыми въ Балаганскомъ округѣ и соседнихъ мѣстахъ „заянами“ — богами изъ прежде бывшихъ людей, чѣмъ нибудь особенно отличившихся въ жизни, существуютъ такъ называемыя „Улейскія многія“, о происхожденіи которыхъ буряты рассказываютъ слѣдующее. Одна улейская бурятка выдана была замужъ въ Тархай. Мужъ ея обращался съ нею жестоко, она бѣжала отъ него, была поймана, подверглась многимъ тяжелымъ истязаніямъ, сошла съ ума, сдѣлалась шаманкой, убѣжала на родину, гдѣ векорѣ удавилась. Послѣ смерти она была причислена бурятами къ заянамъ. Ея судьба не осталась безъ вліянія на улейскихъ бурятокъ. Стали періодически повторяться случаи психическихъ заболѣваній между улейскими бурятками, которыя оканчивались самоубійствомъ. Бурятки эти причислялись къ заянамъ, увеличивая шаманскій пантеонъ, и по свѣдѣніямъ Хангалова и Аганитова (матеріалы для изученія шаманства) „Улейскихъ многихъ“ насчитывалось 350 душъ. Лѣтомъ прошлаго 1895 г. мнѣ самому пришлось видѣть повѣсившуюся въ Улейскомъ вѣдомствѣ молодую шаманку, которая, по официальному показанію бурятъ, въ послѣдніе годы страдала душевнымъ расстройствомъ, а по частнымъ рассказамъ — шаманила. Та таинственность, которою окружили буряты болѣзнь и смерть этой бурятки и особое

чувство религиознаго уваженія и страха, съ которымъ говорили о покойницѣ, даютъ мнѣ поводъ думать, что эту шаманку — самоубійцу причислять къ „удейскимъ многимъ“.

Буряты, вообще, относятся съ какимъ то осторожнымъ, если такъ можно выразиться, уваженіемъ и нѣкоторымъ страхомъ къ сумасшедшимъ. По ихъ мнѣнію, сумашествіе — признакъ близкаго общенія больного съ высшими существами. Здѣсь, отчасти въ поясненіе этого, и перехожу къ другому факту, которымъ хотѣлъ иллюстрировать мысль, что нервно-мозговое переутомленіе, зависящее отъ нѣры буряты, положивъ глубокій отпечатокъ на этотъ народъ, дѣйствуетъ на него губительно и служитъ одной изъ причинъ задерживающихъ его ростъ и развитіе. Буряты Иркутской губернии подвержены періодическимъ эндемическимъ заболѣваніямъ одной въ высшей степени интересной, но, къ сожалѣнію, весьма мало изслѣдованной психической болѣзни, называемой по бурятски „найгуръ“ и известной у русскихъ подъ именемъ „дуренья“. По добытымъ мною свѣдѣніямъ, болѣзнь эта начинается слѣдующимъ образомъ. Больной — *найгуршинокъ* — испытываетъ головокруженіе, ломоту въ тѣлѣ, иногда передъ глазами его вертятся огненные круги. Какое-то внутреннее безпокойство, испытываемое больнымъ, не позволяетъ ему заниматься какимъ нибудь однимъ дѣломъ или даже оставаться на одномъ мѣстѣ. Онъ ходитъ изъ дома къ дому, изъ юрты въ юрту, гдѣ его радушно принимаютъ, кормятъ и угощаютъ тарасуномъ. Больной уже давно слышалъ, что по соседству гдѣ-то ходитъ цѣлая толпа такихъ же какъ и онъ буряты, испытывающихъ внутреннее безпокойство и сознающихъ, что ихъ толкаетъ на что-то и къ чему-то ведетъ какая-то невѣдомая сила. Онъ присоединяется къ цѣлой артели такихъ „найгуршинокъ“, артели, проводникомъ которой служитъ одинъ старонный человекъ „абатай-дядька“. Въ такой группѣ найгуршинокъ иногда бываетъ одинъ *дулашинокъ* — нечто изъ родъ старосты. Съ особенными пѣснями, которыя такъ и называются найгурными пѣснями, со звономъ

колокольчиковъ, группа больныхъ, съ странной ненормальной жестикюляціей, постепенно увеличиваясь все болѣе и болѣе, переходитъ изъ юрты въ юрту, изъ улуса въ улусъ. Движеніе растетъ въ ширь, цѣлые улусы начинаютъ „найгурить“. Буряты, не развившіеся болѣзнию, съ почетомъ принимаютъ у себя больныхъ, слушаютъ ихъ пѣсни, кормятъ и угощаютъ ихъ. Вокругъ найгуршиновъ, въ особенности дулашина, посится ореоль какого-то величія, которое придаетъ имъ общеніе съ высшими существами. Въ Балаганскомъ, Иркутскомъ и Верхленскомъ округахъ эта болѣзнь была сильна въ особенности въ началѣ 40-хъ годовъ (1840—1844 г.). Въ вѣдомства постепенно перехворали ею въ большей или меньшей степени, болѣзнь распространилась на 3 округа и, утихнувъ года черезъ 4, дѣтъ черезъ 10 опять стала развиваться. Такимъ образомъ эта болѣзнь періодически повторяется въ разныхъ мѣстностяхъ, то широко разливаясь по вѣдомствамъ, то захватывая лишь отдѣльныя личности. Въ бывшемъ Ольхонскомъ вѣдомствѣ Верхленскаго округа еще не такъ давно, именно въ 1887 г., болѣзнь принимала очень большіе размѣры. Началъ найгурить тамъ буряты Аладіевъ, Еланцинскаго вѣдомства, къ нему быстро стали присоединяться другіе больные, заражались цѣлые улусы. Въ особенности много было заболѣваній въ улусахъ Хайриктинскомъ, Семисосенскомъ, Курульскомъ и Кучулгинскомъ. У иркутскихъ бурятовъ есть даже много шамановъ, получившихъ силу и право шаманить безъ предварительной подготовки и обычныхъ посвященій въ шаманы, а только вѣдствіемъ того, что они были найгуршинами. Дѣтомъ 1895 г. мнѣ привелось въ Нельхайскомъ вѣдомствѣ, въ одной юртѣ наблюдать посвященіе найгурившей дѣвушки и я удивлялся тому почету, съ которымъ принимали больную и какому-то суевѣрному страху, которымъ сопровождалось все ея появленіе. Недавно мнѣ писали изъ Ольхонскаго вѣдомства, что найгуршиничество опять тамъ распространяется, что по улусамъ уже ходитъ артель въ 7 человекъ,

Корреспондентъ мой выразилъ почему-то увѣренность, что болѣзни приметъ болѣе широкіе размѣры.

Чтобы покончить съ шаманствомъ, я долженъ добавить еще объ одной вредной сторонѣ его, которая всегда играла извѣстную роль, а теперь подъ вліяніемъ того, что всякіе разлагающіе элементы стали проникать больше въ бурятскую жизнь, приняла болѣе широкіе размѣры. Все чаще и чаще начинаютъ появляться среди бурятъ шаманы, прибѣгающіе ради корыстныхъ цѣлей къ обману своей вѣрующей паствы, вымогаютъ скотъ и деньги у больныхъ, вступаютъ въ стачку съ другими, чтобы обмануть и провести больного. Увидавъ, напримѣръ, на чьей-нибудь лошади какое-нибудь особенно рѣдко встрѣчающееся пятно и, предупредивъ владельца и условившись подѣлать съ нимъ барыши, шаманъ объявляетъ больному, что онъ выздоровѣетъ, если принесетъ въ жертву лошадь съ такими-то примѣтами. Примѣты описываются именно такія, какія замѣтилъ шаманъ на лошади своего товарища по стачкѣ. Родственники розыскиваютъ тогда лошадь по всему округу, наконецъ доходятъ до бурята, съ которымъ условился шаманъ. Тотъ проситъ за нее дикую цѣну и буриты, дорожа здоровьемъ родственника, должны уплатить ее. Шаманы часто прибѣгаютъ къ такимъ или подобнаго рода приемамъ, которые разрушительно дѣйствуютъ на благосостояніе отдельныхъ бурятъ, подрываютъ ихъ нравственные, не азычскіе, конечно, а обще-человѣческіе устои, и имѣютъ только одну свою хорошую сторону: все больше и больше уменьшаютъ авторитетъ шамановъ у бурятъ.

И такъ, считая вполнѣ леной и давно уже доказанной мыслью, что шаманскій языческій культъ губительно дѣйствуетъ на населеніе, служащее ему, я перехожу къ слѣдующимъ факторамъ отрицательнаго вліянія на жизнь, факторамъ или категоріямъ самоубытныхъ.

Та историческая вражда, о которой я упомянулъ въ началѣ этой статьи и которая господствовала въ нынѣшней Иркутской гу-

берній между отдѣльными народами и отдѣльными бурятскими родами еще со времени заселенія края, вражда изъ за права владѣнія и пользованія лучшими для скотоводства и промысловъ участками земли, перешла въ послѣдствіи во вражду между отдѣльными родами, а затѣмъ, когда буряты покорились русскимъ и изъ ихъ среды стали выбираться подчиненные русскимъ властямъ царьки-тайши, перешла во вражду между этими тайшами и между разными партіями, желавшими выбора того или другого представителя. Больше всего враждовали сами кандидаты и ради того, чтобы имѣть власть и почетъ, прибѣгали къ интригамъ, подкупу начальства и избирателей. Эта вражда изъ за желанія обладать властью, борьба партій, которая выражалась современемъ въ борьбѣ отдѣльныхъ личностей, подрывая благосостояніе бурятъ, пріучала ихъ къ спорамъ, раздорамъ и кляузничеству, пріучала ихъ прибѣгать къ разнымъ неблаговиднымъ пріемамъ для того, чтобы достигнуть цѣли и имѣла, и до сихъ поръ еще имѣетъ дурное вліяніе на жизнь бурятъ.

Я подѣлилъ раньше разные факторы, отрицательно вліяющіе на жизнь и развитіе бурятскаго населенія, на 2 категоріи. Я сдѣлалъ это, главнымъ образомъ, въ интересахъ большей стройности и ясности изложенія, въ тоже время отлично знаа, что такое дѣленіе, если строго разобрать его, не выдержитъ критики. Буряты такъ давно уже живутъ среди русскихъ, ихъ взаимное вліяніе, а главнымъ образомъ вліяніе на бурятъ русскихъ, какъ болѣе сильной расы, на столько значительно, что факторы и самобытнаго, и вышшняго происхожденія перенутились между собой и строго разграничить ихъ въ высшей степени трудно. Шаманство вредно, шаманство самобытное бурятское явленіе, сохранившееся еще изъ отдаленной монгольской страны, но оно дѣлается еще болѣе вреднымъ подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ разлагающихъ элементовъ, которые внесли русскіе въ бурятскую первобытную жизнь. Тайши и тайшинство имѣли свой корень въ бурятской патриархальной ро-

довой общинѣ. Но они не причиняли того вреда, пока у бурятъ царилъ старинный родовой обычай, пока жизнь ихъ не подверглась подѣ влияніемъ покорителей коренной дѣлки, пока сторонніе, чуждые народному духу элементы не вторглись въ ихъ жизнь, не нарушили общаго ея хода.

Тоже самое надо сказать и о слѣдующемъ вредномъ для бурятскаго населенія явленіи — алкоголизмѣ. Тарасунъ — національный спиртный напитокъ бурятъ, перегоняемый изъ молочныхъ продуктовъ. Злоупотребленіе тарасуномъ отмѣчаютъ у бурятъ и подчеркиваютъ въ высшей степени вредное влияніе его рѣшительно всѣ изслѣдователи и наблюдатели бурятской жизни. Но можно ли говорить объ алкоголизмѣ, какъ о продуктѣ чисто бурятской культуры? Развѣ можно говорить такъ послѣ того, какъ мы знаемъ, что, собственно говоря, опьяненіе именно молочнымъ тарасуномъ у иркутскихъ бурятъ уменьшилось подѣ влияніемъ русскихъ, подѣ влияніемъ развитія земледѣлія и упадка скотоводства; послѣ того, какъ мы знаемъ, что молочный тарасунъ вытѣсняется отчасти хлѣбнымъ, а еще болѣе, плохой сивушной водкой иркутскихъ заводчиковъ. Какъ ни какъ, но и молочный и хлѣбный тарасунъ, и водка нашихъ заводчиковъ, — все это вмѣстѣ, приходится по вкусу неустойчивому бурятскому населенію, которое злоупотребляетъ всѣми этими спиртными напитками, губитъ ими свои силы и свое здоровье, силы и здоровье своихъ дѣтей и внуковъ. И такъ, переходомъ отъ самобытныхъ отрицательныхъ факторовъ, влияющихъ на жизнь бурятскаго населенія, къ факторамъ внѣшняго происхожденія намъ послужили алкоголизмъ и родовая вражда, въ которыхъ есть вредныя стороны и того и другого характера. Теперь будемъ говорить объ отрицательныхъ факторахъ внѣшняго происхожденія.

Когда говорятъ о вырожденіи и вымираніи инородцевъ, то обыкновенно прежде всего упоминаютъ о давленіи болѣе сильной расы на болѣе слабую. Въ чемъ же заключается сущность этого

процесса и почему онъ оказываетъ такое роковое вліяніе на низшую расу? Взаимодѣйствіе двухъ народовъ съ различной культурой, взаимодѣйствіе, которое зависитъ отъ близкаго сосѣдства или является слѣдствіемъ фактическаго покоренія одного народа другимъ, выражается въ томъ, что болѣе сильный народъ, подвергаясь лишь незначительному и случайному вліянію болѣе слабаго, самъ старается привить ему свои государственныя и общественныя формы, установить въ немъ тѣже экономическія отношенія, которыя у болѣе сильнаго народа установились путемъ долгаго историческаго процесса, старается научить его своему языку, своимъ вѣрованіямъ, ввести у него свой обычай и свой законъ. Я не хочу сказать, что этотъ процессъ всегда есть продуктъ сознательнаго и настойчиваго старанія самаго народа или его представителей, — нѣтъ, онъ является слѣдствіемъ дѣйствія комплекса историческихъ, экономическихъ и психологическихъ законовъ, поэтому онъ неизбеженъ и непреодолимъ. Сознательное стремленіе покорившаго народа совсѣмъ иное и въ исторической жизни оно подверглось слѣдующей эволюціи: въ первобытныя времена человечества побѣдитель стремится стереть побѣжденнаго съ лица земли, затѣмъ онъ дошелъ до мысли, что можно съ пользой эксплуатировать рабочую силу побѣжденнаго и дѣлать его полнымъ своимъ рабомъ; съ развитіемъ гуманности, болѣе правильныхъ международныхъ отношеній, побѣдитель, какъ бы въ вознагражденіе себѣ за свой трудъ и расходы по войнѣ, отбиралъ у побѣжденнаго большіе или меньшіе участки земли, налагалъ на него дань, контрибуцію, ясакъ и т. п. Отношеніе побѣжденнаго къ побѣдителю, сильной расы къ слабой, эволюціонируя въ такомъ направленіи, почти подошло уже къ тому, чтобы, въ интересахъ общечеловѣческой правды и справедливости, болѣе сильная раса, болѣе культурный и передовой народъ заботился о томъ, чтобы приобщить слабую расу къ общечеловѣческой культурѣ, дать ей возможность работать на общечеловѣческую пользу и пользоваться всеми бла-

гами, которые дали наука и искусство и многовековой человеческий опыт.

Приобщение болѣе слабой расы къ общечеловѣческой культурѣ до сихъ поръ всегда сопровождалось громадными жертвами съ ея стороны: некоторые народы такъ и погибли подъ давленіемъ болѣе сильной расы, подъ давленіемъ новыхъ экономическихъ, политическихъ и культурныхъ условій. Трудность приобщенія заключается въ томъ, что эти новыя условія не ждутъ, не считаются съ историческимъ прошлымъ народа, съ его настоящимъ экономическимъ положеніемъ. Они стремятся подчинить себѣ все, и въ этомъ стремленіи ломаютъ и нарушаютъ то, что имъ противодѣйствуетъ. Тамъ открытіе новыхъ рынковъ, тамъ колонизація просторныхъ земель, тамъ эксплуатація естественныхъ и ископаемыхъ богатствъ, — и вездѣ борьба интересовъ, жажда наживы, и вездѣ работа отдѣльныхъ личностей, направленная исключительно на собственную пользу, работа часто эксплуатирующая самое невежество, простоту, доверчивость и слабость низшаго племени. Общая политика можетъ быть направлена на сохраненіе и развитіе слабаго племени, а неосторожныя и необдуманныя отдѣльныя мѣры, работа отдѣльныхъ личностей часто служатъ ему во вредъ. О положительныхъ сторонахъ вліянія русскихъ на буряты и о прогрессивныхъ теченіяхъ бурятской жизни, мы будемъ говорить позже, а теперь постараемся на бурятахъ прослѣдить тѣ отрицательныя вліянія болѣе сильной расы, о которыхъ мы говорили выше.

До завоеванія русскими буряты жили главнымъ образомъ скотоводствомъ, отчасти звѣро-и-рыболовствомъ. Они занимали просторныя пастбища, кочевали, по мѣрѣ надобности, съ мѣста на мѣсто. Все, что они производили, они сами же и потребляли и потребляли только то, что производили. Система ихъ хозяйства была чисто натуральная, потребности были весьма ограничены, но въ предѣлахъ этихъ потребностей они не испытывали нужды, за исключеніемъ только временъ разныхъ несчастій, неурожаевъ на

сѣно, надежей на скоть и проч. У нихъ была своя вѣра, свои обряды, были свои игры и гулянки, общественныя и частныя, устраивались общественныя охоты и облавы на звѣрей. Они жили полными владѣтелями своихъ привольныхъ степей, жили со своей нечистоплотностью, дикостью своихъ взглядовъ и обрядностей, быть можетъ, нѣкоторыми чисто варварскими установленіями, но жили довольными, свободными, добродушными людьми. Но вдругъ съ запада приходятъ десятки и сотни невѣдомыхъ людей, проникаютъ въ глубь ихъ земель, строятъ остроги, облагаютъ ихъ ласкомъ, непокорныхъ грабятъ, насилуютъ и убиваютъ. Кто можетъ, сопротивляется завоевателямъ казакамъ, кто убѣгаетъ отъ нихъ въ отдаленныя степи, но, въ концѣ концовъ, все должны покориться силѣ. Медленно и постепенно начинается процессъ ассимиляціи, медленно и постепенно измѣняются экономическія отношенія и формы хозяйства. Часть привольныхъ земель, часть богатствъ отходитъ къ завоевателямъ; завоеватели стараются всячески эксплуатировать побѣжденных, прибѣгаютъ ко всякимъ пріемамъ, какіе только имѣются у нихъ, какъ у болѣе сильныхъ и способныхъ людей. Буряты видятъ новый строй жизни, знакомятся съ новыми потребностями, неразборчиво перенимаютъ ихъ. Чтобы удовлетворить новымъ потребностямъ, надо начать и новую жизнь, и новое хозяйство. Такія начинанія даются трудно и, при другихъ неблагоприятныхъ условіяхъ, приводятъ къ печальному концу, къ гибели и вырожденію. Власть и правительство приходятъ на помощь къ населенію, стараются искусственно ввести новыя, лучшія формы, но въ этомъ стараніи не всегда считаются съ вѣковыми устоями бурятъ, съ привычками и обычаями ихъ. Весьма неудачный подборъ исполнителей предначертаній власти еще болѣе губитъ дѣло. Общій историческій ходъ, надо надѣяться, ведетъ къ улучшенію и прогрессу, задатки лучшаго будущаго, быть можетъ, и развиваются, и отдаленные потомки этихъ аборигеновъ страны будутъ довольны и счастливы, но тѣ, которые попали въ

самый водоворотъ этихъ историческихъ измѣненій, тѣ терпятъ лишенія, съ чувствомъ обиды смотрятъ, какъ гибнутъ вѣковые устои, какъ нарушаются вѣрованія, какъ новыя, непонятныя и нежелательныя для нихъ теченія ломаютъ и рушатъ старое патриархальное зданіе.

Вмѣсто привычной вѣры, вводятся новую, невѣдомую и чуждую, и дѣйствуютъ силой и соблазнами, создаютъ такія условія, при которыхъ принятіе новой вѣры соединено съ разными льготами и преимуществами. Менѣе устойчивыя элементы поддаются, внося разладъ въ общій ходъ жизни, причиняя величайшія огорченія и страданія ревнителямъ старины.

Для проведенія всякихъ новыхъ начинаній нужна помощь агентовъ изъ самой бурятской среды, нужны посредники между властью и чуждымъ иноплеменнымъ народомъ. Чтобы эти агенты соблюдали интересы власти, ихъ надѣляютъ несправедливыми привилегіями, которыми легко злоупотреблять. И въ бурятскую среду заносится такимъ образомъ элементы вражды. Глухая борьба идетъ между этими избранниками власти и народомъ, который этихъ избранниковъ считаетъ своими врагами и предателями. Но у избранниковъ есть сила и она даетъ имъ возможность находить себѣ послѣдователей и защитниковъ уже въ своей средѣ. Начинается внутренняя вражда, разладъ, рушатся вѣковые обычаи и традиціи, падаетъ экономическое благосостояніе враждующихъ.

Постепенно въ бурятскую родовую патриархальную общину проникаютъ элементы разложенія, развиваются индивидуалистическіе принципы. Въ этомъ стремленіи личности отрѣшиться отъ вѣковыхъ формъ и пойти по самостоятельному пути есть, конечно, и хорошія стороны, но оно не можетъ повести къ благопріятнымъ результатамъ до тѣхъ поръ, пока въ общихъ условіяхъ жизни и въ частныхъ условіяхъ моральнаго и умственнаго развитія личности нѣтъ прочныхъ устоевъ, обезпечивающихъ этому развитію правильный и желательный ходъ.

Высшая цивилизація и высшая культура, проникая въ менѣе развитую страну и внося въ ея жизнь новые и лучшіе элементы, вліяетъ на нее и своими худшими сторонами. Благодаря склонности человеческой къ пессимистическимъ обобщеніямъ и благодаря тому, что дурныя стороны раньше и рѣзче даютъ себя знать, установился даже такой общепринятый взглядъ, что первое время цивилизуемому племени или какой нибудь цивилизуемой единицѣ прививаются одиѣ только отрицательныя стороны цивилизатора. Протестуя противъ такого взгляда, — положительныя стороны входятъ въ жизнь прочіе, но медленно и поэтому не бьютъ въ глаза, — я все-таки, говоря о бурятахъ, долженъ указать на такія отрицательныя вліянія.

Раньше у бурятъ утонченнаго полового разврата не было, были только волюнѣ свободныя первобытныя половыя отношенія, о которыхъ нельзя, конечно, говорить какъ о систематическомъ развратѣ. Въ послѣднее время формы половыхъ отношеній подвергались значительному измѣненію и въ бурятскую семейную жизнь стала все больше и больше проникать тотъ развратъ, который наблюдается въ жизни русскихъ городовъ и деревень, развратъ, сопровождаемый обманами, нарушеніями обязательствъ, убогомъ и проч. Считаю эти признаки отклоненіемъ бурятъ отъ первобытной жизни, мы, впрочемъ, не рѣшимся отрицать, что проникающая форма разврата есть все-таки болѣе высокая и болѣе нравственная стадія половыхъ отношеній, чѣмъ первобытная беззастѣнчивая полиандрія и полигамія. Но дѣло, конечно, не въ нашемъ взглядѣ, а во взглядѣ самихъ бурятъ: ихъ нравственное чувство и ихъ совѣсть, не страдавшіе отъ тѣхъ формъ, въ казихъ проявлялись первобытныя половыя отношенія, несомнѣнно, много терпятъ отъ проникающихъ новыхъ формъ полового разврата.

Въ области взаимныхъ отношеній самихъ бурятъ, а также отношеній бурятъ къ русскимъ произошло также много измѣненій къ худшему. Все безусловно говорить, что въ послѣднее время

буряты утратили значительную долю своей первобытной честности, что они часто нарушают обязательства, что во взаимныхъ отношеніяхъ буряты уже нѣтъ прежней довѣрчивости, простоты и добродушія. Указываютъ на то, что теперь, подъ вліаніемъ окружающаго населенія, буряты чаще стали совершать всякіе проступки и преступленія, предусмотрѣнные русскимъ уложеніемъ о наказаніяхъ, что права чужой собственности и личности нарушаются ими въ послѣднее время все чаще и чаще¹⁾.

Прежде всякія взаимныя обязательства гарантировались однимъ лишь честнымъ словомъ, теперь слову уже не придаютъ прежней вѣры, въ моду вошли письменные документы, росписки, а нарушеній обязательствъ, ведущихъ къ жалобамъ и сутяжничеству, ко вреду для экономическихъ интересовъ, стало гораздо больше. Прежде, имущества не подвергались расхищенію, хотя буряты не знали запоровъ и замковъ, теперь воровство и кражи стали уже, если не обыденнымъ явленіемъ, какъ у мѣстнаго русскаго населенія, то во всякомъ случаѣ значительно распространеннымъ. Старинныя патріархальныя правила взаимопомощи и гостепріимства также подверглись значительному разложенію.

О родовой враждѣ и алкоголизмѣ, какъ явленіяхъ, развившихся отчасти на почвѣ чисто національныхъ бурятскихъ обычаевъ и привычекъ, я говорилъ уже выше, здѣсь могу только прибавить, что и самое пьянство приняло другія, болѣе рѣзкія, формы, и что мѣстами это пьянство сопровождается уже такимъ продуктомъ чисто европейской культуры, какъ, на примѣръ, азартная игра въ карты.

Но довольно говорить объ отрицательныхъ сторонахъ бурятской жизни. Перейдемъ къ положительнымъ: ихъ не мало и на нихъ тѣмъ пріятнѣе остановиться, что ихъ существованіе послужитъ лучшимъ доказательствомъ того, что буряты иркутскіе не лишены

¹⁾ Существуетъ у бурятъ такое обидное для нашего русскаго чувства выраженіе: «а, оиъ обрусѣлъ; мошенникъ сталъ».

будущаго, и что лямка, которую пережили они за послѣдніе два съ половиною вѣка, должна окончиться для уцѣлѣвшихъ благополучно и должна привести ихъ къ лучшей жизни, къ дальнѣйшему совершенствованію рядомъ съ другими народами міра.

Первое, въ чемъ выразился успѣхъ бурить, это распространеніе между ними земледѣлія. Земледѣліе у бурить начало развиваться болѣе или менѣе правильно лишь съ начала настоящаго столѣтія. Въ этомъ отношеніи на бурята вліяло прежде всего то, что они видѣли примѣръ русскаго, знакомился со способами обработки земли подъ пашню, способами употребленія хлѣба въ пищу; съ другой стороны, правительство, сознавая, что внѣ земледѣльческаго хозяйства для бурить не можетъ быть прочнаго благосостоянія и надежнаго будущаго, принимало всѣ мѣры къ развитію среди бурить земледѣлія: оно поощряло наградами отдѣльныхъ бурить, производившихъ запашку, раздавало чины, кафтаны, сабли, кресты и другія почетныя награды тайшамъ, въ вѣдомствахъ которыхъ земледѣліе или огородничество дѣлало успѣхи. Когда награды не дѣйствовали, администрація прибѣгала къ силѣ, обязывала подписками къ извѣстному времени засѣять извѣстное количество пашни, заставляла покупать хлѣбъ и картофель для сѣмянъ. Конечно, всѣ эти мѣры имѣли и свои серьезныя отрицательныя послѣдствія и были-бъ вполне безуспѣшны, если бы имъ не благоприятствовали выгодныя для земледѣлія естественныя условія края, а, главное, примѣръ соеѣдей русскихъ измѣнившихъ формы мѣстнаго хозяйства. Лучшимъ доказательствомъ этому служить Ольхонское вѣдомство, гдѣ также практиковались и награды, и поуканія, и подписки, но гдѣ самое большее, чего могла добиться администрація, это нѣсколько десятковъ десятинъ пашни, изъ которыхъ половина существовала только на бумагѣ, да нѣсколько сотенъ сохъ и боронъ, которыя покупало населеніе, вынужденное къ этому подпиской, по общественнымъ раскладамъ, и, вкорѣ, когда пылъ усерднаго земскаго засѣдателя или исправника осты-

валъ, пользовалось желѣзомъ этихъ орудій для пѣши или кайлы. Судя по многочисленнымъ указаніямъ, вполне правильное земледѣліе началось у бурятъ всего лишь полвѣка тому назадъ. Въ 50-хъ годахъ многія вѣдомства уже дѣлали посѣвы изъ года въ годъ, въ обработкѣ земли пользовались почти тѣми же приемами, какими пользовались сосѣди русскіе, и работали тѣми же самыми земледѣльческими орудіями, которыя были распространены у русскихъ; получали почти такіе же урожаи: научились печь хлѣбъ и стали привыкать къ хлѣбному режиму. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда было произведено общее статистико-экономическое изслѣдованіе Иркутской губерніи, общая площадь запашки въ инородческихъ вѣдомствахъ 4 округовъ равнялась 211795 дес., изъ которыхъ на долю Балаганскаго округа приходилось 133571,9 дес., Нижнеудинскаго — 2100,9, а остальное — почти пополамъ — на Иркутскій и Верхнеудинскій округа. Средняя площадь запашки, приходящаяся на каждое наличное бурятское хозяйство для Иркутскаго округа, равняется 9,5, для Балаганскаго — 12,1, для Нижнеудинскаго — 8,8 и для Верхнеудинскаго 8,3. Средняя по 3 округамъ площадь запашки, приходящаяся на 1 бурятское наличное хозяйство, равнялась 10,1, на 1 наличное русское хозяйство — 11,1. Эта незначительная разница между первой и второй цифрами доказываетъ, насколько развилось у бурятъ земледѣліе¹⁾. Относительно, наибольшую по всей губерніи площадь запашки имѣютъ не русскія волости, а два бурятскихъ вѣдомства, Боханское и Укирское (350 — 391 дес. на 100 д. об. и.). По вычисленіямъ Н. Г. Козлова, въ 3 прежде изслѣдованныхъ округахъ Иркутской губерніи, въ среднемъ ежегодно производится хлѣба (въ переводѣ на рожь) для бурятскихъ вѣдомствъ на 1 вѣдока 44,8 п., на 1 жител. 36,2; въ волостяхъ же на 1 вѣдока 50,8 п. и на

¹⁾ Надо имѣть, впрочемъ, въ виду, что цифра средней запашки у русскихъ понижается значительно вследствие того, что среди нихъ гораздо больше, чѣмъ среди бурятъ, хозяйствъ, совсѣмъ не занимающихся земледѣліемъ (напр. поселенческихъ).

1 жител. 40,0 пуд. Эти цифры также доказывают, какъ мало бураты отстаютъ отъ русскихъ въ дѣлѣ развитія земледѣлія.

Присматриваясь къ этому вопросу съ другой стороны и сравнивая положеніе земледѣлія у бурятъ и русскихъ съ точки зрѣнія развитія сельско-хозяйственной техники, приѣмовъ обработки почвы, уборки хлѣбовъ, сушки и очистки зерна, мы находимъ, что и въ этомъ отношеніи бураты не далеко отстаютъ отъ русскихъ.

Мы ужъ и не говоримъ о бурятскомъ утѣжномъ хозяйствѣ, объ удобряемыхъ и часто орошаемыхъ покосахъ: это хозяйство національное бурятское, установившееся вслѣдствіе особенныхъ условій ихъ экономическаго развитія, хозяйство, которому сосѣдніе русскіе могутъ только подражать. При изученіи положенія именно хлѣбопашества у бурятъ, мы должны прійти къ тому же выводу о громаднѣйшихъ успѣхахъ, сдѣланныхъ бурятами въ послѣдніа десятилѣтія.

Орудія обработки почвы у бурятъ тѣ же, что и у русскихъ. И у тѣхъ, и у другихъ одноконныя сохи одинаковыхъ типовъ, мало по малу, вытѣсняются двухконными колесухами (сабанами). Бороны тѣ же: старинныя „биты“ съ деревянными зубьями уступаютъ мѣсто новымъ боронамъ съ желѣзными зубьями. Вѣялки и молотилки, значительно распространившіяся въ послѣднее время, пріобрѣтаются русскими и бурятами. Тамъ же гдѣ ихъ нѣтъ, одинаковые дѣны или молотилки, одинаковые токи-леданки¹⁾.

Что касается обработки почвы, то и здѣсь у бурятъ совершенно тѣ же приѣмы и орудія, что и у русскихъ. Правда, въ мѣстностяхъ, гдѣ земледѣліе стало прививаться позже, напримѣръ, въ Тункинскомъ краѣ, мы видимъ менѣе совершенную обработку земли: мелкая, неровная вспашка, часто только на одинъ рядъ, не онаханные края и проч.; у бурятъ же другихъ вѣдомствъ, давно перешедшихъ отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческому, мы наблюдаемъ уже болѣе правильную вспашку на два ряда, а

¹⁾ Общее мнѣніе, что бураты содержатъ токи чище и лучше, чѣмъ русскіе.

въ случаѣ засоренія пашни травами, то и больше, встрѣчаемъ перекрестную пахоту, волигъ — правильные, равномерные загоны и борозды и не увидите ужъ плѣшинъ или непопаханныхъ краевъ.

Не такъ давно, судя по разсказамъ старожиловъ, бураты еще не умѣли печь хлѣбовъ, мололи муку на ручныхъ мельницахъ и толкли ее въ ступахъ; комки такой муки, смѣшанной со смѣтаной, поджаривали въ золѣ; крупу употребляли только въ саламатъ, не знали ситъ для просѣиванія муки; о кручаточной мукѣ не имѣли никакого представленія. Теперь русская печь у бурята необходимѣйшая принадлежность избы въ зимникѣ (въ лѣтникахъ строятся особыя печи для хлѣбовъ, отдѣльныя, иногда общеудусныя), буратка умѣетъ состряпать не только хлѣбъ изъ ржаной муки, но и калачи изъ пшеничной, а иногда даже „прикуску“ къ чаю изъ кручатки: муку теперь бураты мелятъ на тѣхъ же ручныхъ мельницахъ, на которыхъ мелятъ и русскіе (ручныя мельницы въ незначительномъ количествѣ встрѣчаются только на окраинахъ, напримѣръ, въ Тункинскомъ вѣдомствѣ, Иркутскаго округа, Кутульскомъ и Еланцинскомъ, Верхоленскаго округа). Для просѣиванія муки бураты имѣютъ сита, знакомы съ употребленіемъ гречневой и ячменной крупы и проч.

Только огородничество плохо прививается къ буратамъ¹⁾. Причина этого заключается какъ въ общихъ условіяхъ ихъ жизни, такъ, въ частности, въ кочевкахъ ихъ изъ лѣтниковъ въ зимники и обратно. Огородъ имѣть можно только въ зимникахъ; но для этого, во первыхъ, пришлось бы уменьшить площадь утуга, а во вторыхъ, что самое главное, пришлось бы части семейства не кочевать, а оставаться все лѣто въ зимникахъ, для того, чтобы смотрѣть за огородомъ, поливать его и охранять. Что кочеваніе самая главная причина, задерживающая развитіе огородничества у бурятъ, доказательствомъ этому можетъ служить слѣдующее: во

¹⁾ Обѣдныя шороды, такъ называемыя „лѣтныя“, огородничествомъ занимаются столько-же, сколько и русскіе; и говорятъ здѣсь о категоріи „кочевыхъ бурятъ“.

первыхъ, огородничество такое, какъ у русскихъ, существуетъ у бурятъ изъ категоріи кочевыхъ только у немногихъ изъ нихъ и тѣхъ именно, которые фактически не кочуютъ; во вторыхъ, у кочующихъ бурятъ развивается и сдѣлало въ послѣднее время сравнительно большіе успѣхи полевое, а не усадебное огородничество. Почти повсемѣстно, въ большей или меньшей степени, буряты сажаютъ на поляхъ картофель, почти во всѣхъ вѣдомствахъ Балаганскаго и Иркутскаго округовъ, буряты сѣютъ коноплю, но опять таки не при усадьбахъ, какъ это дѣлаютъ крестьяне Смоленской волости, Иркутскаго округа, а на пашняхъ. Въ самыя послѣдніе годы буряты Сойгутскаго отдѣльнаго рода, Иркутскаго округа и Боханскаго вѣдомства, Балаганскаго округа, стали на пашняхъ-же разводить огурцы¹⁾ и въ этомъ, научившись отъ поселенцевъ, опередили русскихъ крестьянъ.

Вообще, ежегодная перекочевка бурятъ изъ лѣтниковъ въ зимники, имѣя свои основанія въ историческихъ условіяхъ ихъ жизни, проявляя и въ настоящемъ свои выгодныя стороны,²⁾ тѣмъ не менѣе является однимъ изъ условій, задерживающихъ развитіе бурятъ. То, что я только что сказалъ объ огородничествѣ, относится отчасти и къ земледѣлію: буряты не имѣютъ въ лѣтникахъ амбаровъ и должны, перекочевывая туда, оставлять свой хлѣбъ въ зимникахъ на произволъ судьбы. Кроме того, въ ихъ зимникахъ, на гумнахъ, часто во многихъ вѣдомствахъ остается на нѣсколько лѣтъ въ кладяхъ необмолоченный хлѣбъ. И тотъ и другой хлѣбъ оставлять въ зимникахъ небезопасно. Это обстоятельство, несомнѣнно, должно оказывать отрицательное вліяніе на увеличеніи бурятской площади заашки.

Кочеваніе бурятъ имѣетъ и другія неудобства: пашни ихъ обыкновенно расположены ближе къ зимникамъ, поэтому изъ лѣтни-

¹⁾ Которые даютъ очень хорошіе урожаи въ дождливые „сочные“ годы.

²⁾ Напримеръ, въ санитарномъ отношеніи играетъ большую роль перемѣна жилищъ, въ особенности, изъ виду крайней нечистоплотности бурятъ.

ковъ далеко отираваться на сельско-хозяйственныя работы. Перевозка вещей при кочеваніи отнимаетъ много времени и подвергаетъ порчѣ эти вещи. Въ виду этихъ и приведенныхъ выше соображеній, все чаще и чаще начинаютъ встрѣчаться буряты, не кочующіе въ лѣтники. Это преимущественно богатые буряты, у которыхъ обширный инвентарь, много домашней утвари, большіе запасы хлѣба и которые привыкли уже къ извѣстнаго рода комфорту, котораго нельзя имѣть въ лѣтникахъ.

Но кромѣ отдѣльныхъ домохозяевъ, встрѣчаются и цѣлые улусы, населеніе которыхъ круглый годъ живетъ въ однихъ и тѣхъ-же жилищахъ. Въ послѣднее время количество такихъ не кочующихъ улусовъ увеличивается. Перечислимъ здѣсь причины этого новаго въ исторической жизни бурятъ и въ высшей степени важнаго и интереснаго явленія, причины, какъ ихъ понимаетъ само инородческое населеніе, дававшее самые разнообразныя отвѣты на мои вопросы по этому поводу:

1) Неудобно и дорого жить на два дома и кромѣ всѣхъ построекъ въ зимникѣ, содержать въ порядкѣ и ремонтировать еще и лѣтники (Нельхайское и Куйтинское вѣд., Балаганскаго округа). 2) Трудно перевозить изъ зимниковъ въ лѣтники многочисленные предметы домашнего хозяйства, которые подвергаются при перевозкѣ порчѣ и ломкѣ (Боханское вѣдомство). 3) Предметы, которые неудобно или невозможно перевозить съ мѣста на мѣсто, какъ-то: большіе шкафы, мебель, хлѣбъ необмолоченный и въ зернѣ и проч., нельзя оставить безъ надзора въ зимникахъ (Аланское вѣд.). 4) Если лѣтники очень далеко отъ зимниковъ, трудно перебираться туда, если они очень близко, тогда кочевка теряетъ смыслъ, такъ какъ скотъ на общественные выгоны можно гонять каждый день и изъ дому, а утуги, чтобы охранять ихъ отъ потравъ, можно огораживать поскотинами. (Молькинское вѣд.).¹⁾

¹⁾ Какъ извѣстно, главная причина и цѣль кочеванія кочующихъ бурятъ состоитъ въ томъ, чтобы, по первымъ, пастись скотъ на болѣе правильныхъ и богатыхъ травяно мѣстахъ, около лѣтниковъ, а по вторыхъ, предохранить отъ потравъ

5) Прежде стоило кочевать, когда больше было простора въ землѣ и покосахъ. Теперь тѣснѣе стало, земля стала дороже, надо уменьшать выгоны, а увеличивать покосы и пашни. (Молькинское вѣдомство). 6) При кочевкахъ нельзя имѣть огороды.

Переходъ отъ кочевого къ осѣдлому состоянію замѣтенъ въ особенности въ Балаганскомъ округѣ, какъ наиболѣе земледѣльческомъ. Нѣсколько улусовъ въ Молькинскомъ, Куйтунскомъ, Баханскомъ и другихъ вѣдомствахъ перестали кочевать, огородили улусы общественной поскотиной, какъ огорожены русскія деревни, въ тѣхъ видахъ, чтобы скотъ не травилъ хлѣба. Одинъ улусъ Куйтунскаго вѣдомства, переставъ кочевать, добился того, что общества сосѣднихъ улусовъ выдѣлили ему ближайшую къ его зимникамъ часть выгона, находившагося раньше въ совмѣстномъ пользованіи нѣсколькихъ сосѣднихъ улусовъ. Такимъ образомъ, для этого улуса кочеваніе потеряло теперь смыслъ. О выдѣлѣ выгона хлопочетъ также одинъ изъ улусовъ Аларскаго вѣдомства. Есть бураты (въ Нельхайскомъ вѣдомствѣ), которые попробовали не кочевать въ 1895 году, но нашли это неудобнымъ, такъ какъ около зимниковъ нѣтъ хорошихъ водоемовъ для скота. Въ 1896 году они снова предполагаютъ кочевать.

Все эти примѣры и другіе, которые я не привожу здѣсь за недостаткомъ мѣста, являются предвѣстниками близости перехода бурятъ отъ кочевого къ осѣдлому состоянію. Замѣчательно, что переходъ этотъ совершается вполне естественно и не вызывается никакимъ внѣшнимъ давленіемъ, такъ какъ со стороны администраціи не предпринимается, къ счастью для бурятъ, никакихъ искусственныхъ мѣръ, чтобы отучить ихъ отъ ежегоднаго кочеванія. Въ мѣстахъ отдаленныхъ лѣтниковъ, многіе некончующіе бураты перебираются на лѣто въ юрты, находящіяся при зимникахъ; это вынуждено съ ихъ стороны какъ-бы уступкой старинѣ.

то сѣно, которое растетъ около зимниковъ, въ удобренныхъ поляхъ и утутахъ. Большую роль въ кочеваніи бураты играютъ также приемы.

Кромѣ этого, многіе буряты, даже и изъ тѣхъ, которые не перестали кочевать, имѣютъ, по примѣру русскихъ, отдѣльныя заимки около пашень или около посѣвовъ, если они очень далеко отдалены отъ зимниковъ. Заимки около отдаленныхъ пашень — это также продуктъ новѣйшаго времени, явившійся вслѣдствіе вліянія на буряты земледѣльческаго русскаго населенія.

Почти завершившійся переходъ отъ скотоводческаго хозяйства къ земледѣльческому, начинающійся — отъ кочевого состоянія къ осѣдлому, переходъ къ новому строю жизни и новой культурѣ, являясь главнымъ признакомъ прогрессивнаго движенія жизни иркутскихъ буряты, сопровождается другими многочисленными признаками, изъ которыхъ и останавлиюсь, прежде всего, на стремленіи буряты къ грамотности и образованію и кратко укажу, на сколько это стремленіе осуществилось въ дѣйствительности, — на сколько грамотеи и образованіи иркутскій буряты.

По свѣдѣніямъ „матеріаловъ по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта и т. д.“ $\frac{0}{100}$ грамотныхъ и учащихся мужскаго пола, въ общемъ числѣ мужскаго населенія, равняется 9,0 (по Балаганскому округу), 3,9 (въ Нижнеудинскомъ), 3,7 (въ Иркутскомъ), 2,9 (въ Верхленскомъ), $\frac{0}{100}$ грамотности и учащихся женскаго пола, въ общемъ числѣ женщинъ, по всѣмъ 4-мъ округамъ = 0,2. Въ то время, какъ для русскаго населенія Балаганскаго, Иркутскаго и Нижнеудинскаго округовъ $\frac{0}{100}$ грамотныхъ и учащихся ко всему населенію равняется 6,8, для бурятскаго населенія онъ равняется всего лишь 3,8.

Въ частности разница въ грамотности русскихъ и буряты мѣнѣе значительна для Балаганскаго округа и наиболѣе значительна для Верхленскаго. Это очень важное обстоятельство. Буряты Балаганскаго округа наиболѣе зажиточные, больше другихъ занимаютъ земледѣліемъ, у нихъ больше, чѣмъ у буряты другихъ округовъ, замѣтно стремленіе къ переходу въ осѣдлое состояніе, на нихъ болѣе чѣмъ на другихъ, замѣтнѣе отразилось вліяніе русскихъ.

Наоборотъ, буряты Верхленскаго округа, наиболѣе отстаые буряты Иркутской губерціи: они и бѣднѣе другихъ, и жизнь ихъ менѣе вышла изъ первобытныхъ рамокъ. Посмотримъ теперь, насколько развита грамотность въ различныхъ вѣдомствахъ Балаганскаго округа (см. таблицу на стран. 128)¹⁾.

Первыя два мѣста по развитію грамотности занимаютъ Боханское и Укырекское вѣдомства, тѣ самыя вѣдомства, которыя дали наибольшій $\%$ прироста населенія и въ которыхъ, кромѣ того, приходится на 1 наличное хозяйство наибольшее количество десятинъ запашки. Весьма понятно, что это не простое совпаденіе. Улейское и Молькинское вѣдомства, два вѣдомства Балаганскаго округа, давшія не приростъ, а убыль населенія, занимаютъ, по $\%$ грамотныхъ хозяевъ, къ общему количеству, послѣднія мѣста.

Среднее мѣсто по приросту населенія и по площади запашки, приходящейся на 1 налич. хозяйство, занимаютъ Аларское и Бильчирское вѣдомства. По $\%$ грамотныхъ хозяевъ они также занимаютъ среднее мѣсто. Конечно, въ приведенной на стр. 128 таблицѣ, мы видимъ нѣкоторыя небольшія отклоненія, но строгой неуклонной зависимости количества грамотныхъ отъ большей или меньшей площади запашки нѣтъ и не можетъ быть. Развитіе у бурятовъ грамотности зависитъ, главнымъ образомъ, отъ степени ихъ благосостоянія, а благосостояніе находится въ зависимости не только отъ одной площади запашки, приходящейся на 1 хозяйство: оно складывается подъ вліяніемъ многихъ экономическихъ, культурныхъ и естественно-историческихъ факторовъ. Надо принимать во вниманіе, и развитіе скотоводства, и состояніе промысловъ, и естественныя условія мѣстности и большую или меньшую близость ея къ городамъ и культурнымъ центрамъ.

Наконецъ, вѣдомство — такая малая, сравнительно, единица, которая легко можетъ находиться въ зависимости отъ мѣстныхъ

¹⁾ Для показанія зависимости грамотности отъ степени экономич. обеспеченія въ вѣдомствахъ Балаганскаго округа см. диаграмму № 3.

случайныхъ причинъ. Въ нашей таблицѣ нѣкоторое отклоненіе показываетъ Балаганское вѣдомство: при меньшей по округу площади записки оно даетъ средній $\frac{9}{10}$ грамотности хозяевъ. Но здѣсь крупное значеніе имѣеть, во первыхъ, прекрасное, лучшее по округу и по губерніи, состояніе скотоводства (оно повліяло и на движеніе населенія) и, во вторыхъ, близость вѣдомства къ культурнымъ центрамъ. Оно расположено около окружного города, Балаганска, и тянется вдоль линии московскаго тракта. Последнее обстоятельство важнѣе даже перваго: другое бурятское вѣдомство Иркутской губ., соперничающее съ Балаганскимъ по развитію скотоводства, Тункинское, географически изолированное и отдаленное отъ культурныхъ центровъ, даетъ по 3 округамъ наименьшій $\frac{9}{10}$ грамотныхъ. А на бывшемъ Балаганскомъ вѣдомствѣ (нынѣ оно раздѣлено) и въ другихъ отношеніяхъ замѣтно сказывается близость къ культурнымъ центрамъ: оно, напримѣръ, даетъ наибольшее число банъ у бурятъ, въ этомъ вѣдомствѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ, распространены колесухи, вѣялки, молотилки и проч.

Чтобы покончить съ вопросомъ о развитіи грамотности среди иркутскихъ бурятъ, я еще укажу на слѣдующее весьма важное обстоятельство: Боханское вѣдомство даетъ $\frac{9}{10}$ грамотности, который гораздо выше средняго любого изъ округовъ Иркутской губерніи: т. е. боханскіе буряты грамотнѣе сосѣдей своихъ и учителей русскихъ. Во всей Иркутской губерніи имѣется только 3 волости: Черемховская, Мальтинская и Малышевская, гдѣ $\frac{9}{10}$ хозяйствъ съ грамотными и учащимися членами, немного выше Боханскаго (на 1 при 31,4 $\frac{9}{10}$). Всѣ остальные волости по распространенію грамотности опережены бурятами¹⁾.

Но и здѣсь опять сказывается громади́йшая разница между бурятами различныхъ мѣстностей Иркутской губерніи: въ то время, какъ въ частности, боханскіе, и вообще, балаганскіе буряты хло-

¹⁾ Буряты Балаг. окр., въ среднемъ, грамотнѣе, чѣмъ русскіе всей Ирк. губ., также въ среднемъ.

почуть объ открытіи новыхъ школъ, платять значительныя деньги учителямъ, поселенцамъ, покупають книги, въ то время, какъ балаганскіе буряты выдѣлили изъ своей среды такихъ людей, какъ Хангаловъ, Баторовъ, Пирожковъ и др., ольхонцы энергично боролись противъ открытія у нихъ училища, не хотѣли посылать учиться своихъ дѣтей, а, обязанные къ этому администраціей, стали платить ежегодно значительную сумму (до 50 р. въ годъ) тѣмъ родителямъ изъ бѣдняковъ, которые согласились отдавать своихъ дѣтей въ пансіоны и училища. И все таки администрація еле-еле добилаь, что Ольхонъ имѣетъ въ настоящее время 1 дѣйствительно грамотнаго и 1 учащагося.

Повышеніе грамотности у бурятовъ Иркутской губерніи идетъ рядомъ съ большимъ распространеніемъ культурныхъ привычекъ, увеличеніемъ потребностей, уменьшеніемъ религіознаго изуверства и проч. Общія условія жизни — жилища, питаніе, одежда бурятовъ улучшаются. Именно развитіе земледѣлія повліяло во многихъ отношеніяхъ на улучшеніе жизни бурятовъ. Здѣсь надо принять во вниманіе и облагораживающее и смягчающее нравы вліяніе земледѣльческаго труда, мирнаго и никому никакого вреда не приносящаго, труда, дающаго человѣку средства къ существованію безъ принеженія для этого въ жертву другихъ низшихъ видовъ животнаго царства. Надо принять во вниманіе, что трудъ этотъ втройне оказалъ благотворное вліяніе на здоровье бурятовъ. Во первыхъ, самый процессъ труда, производящійся на чистомъ воздухѣ не могъ не укрѣпить силу и здоровья бурятовъ. Во вторыхъ, надо припомнить, какъ буряты проводили лѣтнее время въ старину и теперь еще проводятъ тамъ, гдѣ слабо или совсѣмъ не развито земледѣліе и даже тамъ, гдѣ оно развито, но только во время, свободное отъ земледѣльческихъ работъ: лѣтнее обиліе корма для молочнаго скота зъ нѣсколько разъ повышаетъ его удоиность. Обиліе молока сказывается на выкуркѣ молочнаго тарасуна: безпрерывно въ юртахъ „сидится“ тарасунъ и безпрерывно, то въ

одной юртѣ улуса, то въ другой идетъ архидаченье и духорянѣ.

Эти общественныя попойки, во время свободное отъ земледѣльческихъ работъ, и донынѣ развиты повсемѣстно. Онѣ отуманиваютъ голову бурята, который почти все это время находится въ состояніи эротическаго легкаго опьяненія тарасуномъ и не могутъ не оказывать вреднаго вліянія на его здоровье и здоровье его дѣтей. Теперь-же съ упадкомъ скотоводства и развитіемъ земледѣлія, бурять не можетъ, во первыхъ, „наседѣть“ столько тарасуна (правда, что недостатокъ молочнаго тарасуна онѣ до нѣкоторой степени возмѣщаетъ хлѣбнымъ), а во вторыхъ, не можетъ отдаваться столько времени празднымъ гулянкамъ и попойкамъ.

Третье положительное вліяніе земледѣлія на здоровье бурять—улучшеніе бурятскаго питанія, зависящее отъ большаго количества имѣющихся въ ихъ запасѣ питательныхъ веществъ и большаго ихъ разнообразія. Правда, существуетъ мнѣніе, что переходъ отъ молочнаго режима къ хлѣбному оказываетъ вредное вліяніе на здоровье бурять. Указываютъ, на примѣръ, на большее распространеніе въ послѣднее время между бурятами чахотки и ставятъ это въ зависимость отъ меньшаго употребленія ими арсы, куренги и другихъ молочныхъ продуктовъ. Можно согласиться съ этимъ взглядомъ и допускать, что именно критическій моментъ въ переходѣ отъ молочнаго пищевого режима къ хлѣбному имѣетъ нѣкоторыя частныя неблагоприятныя вліянія на здоровье бурять, но общаго благоприятнаго вліянія большей экономической обезпеченности и лучшаго питанія на здоровье, отрицать нельзя.

Но развитіе земледѣлія у бурять имѣло и имѣетъ благоприятное вліяніе не на одно ихъ физическое здоровье. Разнообразіе жизни, внесенное развитіемъ новаго промысла, не могло не оказать благоприятнаго вліянія на мысль бурята, разбудить ее и дать ей толчокъ. А возможность сбывать продукты на сторону, обмѣнивать ихъ на другіе предметы, кромѣ того что расширила уровень потребностей бурята, заставила его встунить къ болѣе близкое отно-

шеніе съ внѣшней средой и помогло сломать ту стѣну, которая отдѣляла бурятъ отъ русскихъ, улусы отъ деревень и городовъ.

Какъ ни низокъ культурный и образовательный уровень нашего крестьянства, всетаки въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно могло явиться учителемъ бурятъ. Кромѣ распространенія грамотности, которое совершилось благодаря вліянію русскихъ и благодаря новымъ условіямъ и формамъ жизни, мы должны отмѣтить и стремленіе бурятъ къ общему развитію и образованію. Иркутскіе буряты — народъ очень любознательный: они стремятся къ расширенію своихъ знаній, пользуются всякимъ случаемъ поговорить съ образованнымъ и бывалымъ человѣкомъ, принимаютъ его всегда гостеприимно и положительно осаждаютъ вопросами. Мнѣ не разъ приходилось встрѣчать въ литературѣ и слышать мифы объ иркутскихъ, въ особенности о забайкальскихъ бурятахъ, что они, обнаруживая большое рвеніе и большія способности въ началѣ ученія, впоследствии охладѣваютъ въ стремленіи къ образованію и закончивъ свое формальное обученіе и попадая опять въ среду необразованныхъ бурятъ, быстро сливаются съ нею, забрасываютъ книги и забываютъ науку. Я, къ сожалѣнію, не знаю забайкальскихъ бурятъ, что-же касается иркутскихъ, то я, вполне соглашаясь съ первымъ взглядомъ, — все поголовно народные учителя не могутъ нахвалиться способностями бурятскихъ ребятъ и, по способностямъ, часто ставятъ ихъ выше русскихъ, — я не могу не протестовать, для того, чтобы быть послѣдовательнымъ, противъ второго взгляда о томъ, что буряты легко теряютъ пріобрѣтенныя знанія и сливаются со средой. Среда оказываетъ свое роковое вліяніе несомнѣнно, это вѣрно по отношенію къ буряту, но почти настолько-же, насколько и по отношенію къ каждому человѣку. Высказываемый часто взглядъ былъ бы вѣренъ только въ томъ случаѣ, если бы можно было доказать, что случайно получившіе образованіе буряты не оказываютъ, въ свою очередь, вліянія на среду. Но этого не рѣшится утверждать человѣкъ, мало-мальски знающій бурятскую

жизнь и вдумчиво относящейся къ ней. Хапгаловъ, небогатый унгинскій бурятъ, внесшій крупный вкладъ въ изученіе шаманства и оказавшій большую помощь многимъ изслѣдованіямъ, до сихъ поръ посылающій свои интересныя и полныя содержанія статьи въ Восточно-Сибирскій отдѣлъ Географическаго Общества и въ общество любителей естествознанія и антропологии; Пирожковъ, боханскій голова, умный и тактичный представитель бурятскаго самоуправления, умѣющій отстаивать интересы бурятъ; Батоховъ, богатый, аларскій бурятъ — меценатъ, также много разъ оказывавшій услуги изслѣдователямъ и помогавшій научнымъ обществамъ собирать коллекціи и разныя свѣдѣнія; Трубачеевъ, нельхайскій бурятъ, приспособившій молотилку къ мѣстнымъ условіямъ и способствовавшій ея распространенію по вѣдомству; Самсоновъ, дѣлающій первые опыты правильнаго уваживанія полей; Бидоновъ, самостоятельно выучившійся фотографическому искусству; Балдоновъ, Петелинъ, Манзаровъ, народные учителя изъ бурятъ, священникъ-миссіонеръ о. Михичкеевъ, и еще много лицъ, обнаружившихъ несомнѣнную способность къ дальнѣйшему развитію, — все они уроженцы одного лишь Балаганскаго округа, все они нынѣ живутъ и работаютъ, все пользуются несомнѣннымъ уваженіемъ сосѣднихъ бурятъ и все оказываютъ большое вліяніе на развитіе своихъ сородичей. Если среди иркутскихъ бурятъ нѣтъ лицъ получившихъ высшее образованіе, если нѣтъ среди нихъ лицъ, которыхъ можно назвать развитыми въ широкомъ, европейскомъ смыслѣ этого слова, если, наконецъ, образованные буряты, очутившись въ своей средѣ, больше, чѣмъ желательно, подчиняются вліянію этой среды, то это уже не вина бурятъ; причина этого явленія лежитъ не въ самихъ бурятахъ, не въ ихъ душевной организаціи, а въ общихъ дурныхъ условіяхъ окружающій ихъ жизни.

Но покоячимъ съ образованіемъ и грамотностью Иркутскихъ бурятъ и постараемся отмѣтить некоторыя черты, характеризующія

повышеніе обще-культурнаго ихъ уровня, насколько оно проявляется въ ихъ привычкахъ и въ общихъ условіяхъ ихъ жизни.

Не такъ давно, судя по показаніямъ стариковъ, буряты не знали мыла, почти не умывали своего тѣла и лица, не мыли и даже не носили нижняго бѣлья; нынѣ такая нечистоплотность, сохранившись лишь на окраинахъ бурятскихъ поселеній Иркутской губерніи, совершенно исчезла въ болѣе культурныхъ вѣдомствахъ: здѣсь мыло, хотя и въ скудномъ количествѣ, непремѣнная принадлежность хозяйства, здѣсь почти въ каждой избѣ вы встрѣтите умывальники, здѣсь уже бурятки умѣютъ стирать нижнее бѣлье. Не такъ давно буряты Иркутской губерніи, за исключеніемъ осѣдлыхъ инородцевъ, не имѣли бань, еще статистики въ концѣ восьмидесятихъ годовъ не зарегистрировали ни одной бани; теперь почти въ каждомъ вѣдомствѣ, въ особенности Балаганскаго округа, можно встрѣтить по нѣсколько бань у кочевыхъ инородцевъ, при чемъ эти бани возникли самостоятельно (у нѣкоторыхъ бурятъ, напр., притрактовыхъ куйтинскихъ, распространены даже бѣлья, а не черныя бани) и въ нихъ моются не только владѣльцы ихъ, но и сосѣди. Не такъ давно, а въ многихъ мѣстахъ еще и понынѣ, буряты бѣли надалѣ, дохлыхъ коровъ, лошадей и прочее, они даже покупали ихъ у русскихъ крестьянъ, — нынѣ буряты, по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ мѣстностей, отличаются большей требовательностью и болѣе брезгливы. Теперь пища бурятъ готовится чище и опрятнѣе, чѣмъ прежде; теперь появились у бурятъ вилки, ложки, стаканы и прочее, сплошь и рядомъ можно встрѣтить полотенце, теперь и дома бурятъ содержатся въ большей чистотѣ и опрятности. Рѣшительно во всемъ образѣ ихъ жизни, въ большей или меньшей степени, сказывается общій подъемъ ихъ культурнаго уровня.

И такъ, оговорившись, что буряты различныхъ мѣстностей Иркутской губерніи значительно разнятся между собою какъ по

общимъ условіямъ ихъ хозяйственно-экономической жизни, такъ и по степени культурнаго развитія, я остановился на вопросѣ о движеніи бурятскаго населенія въ различныхъ частяхъ обширной губерніи, при чемъ старался отмѣтить и доказать вліяніе на незначительный приростъ, а иногда даже убыль населенія, экономическихъ и культурныхъ факторовъ. Признавъ, въ виду сравнительнаго однообразія условій культурной жизни бурятъ, доминирующее значеніе факторовъ экономического характера, я постарался отмѣтить значеніе факторовъ не экономическихъ путемъ сравненія иркутскихъ бурятъ съ такими рѣзко отличающимися отъ нихъ культурными группами, какъ сибирское и російское крестьянство. Чтобы сдѣлать эту мысль болѣе доказательной и въ тоже время объяснить непонятный съ перваго взгляда, въ виду высокой степени экономического благосостоянія бурятъ, ничтожный приростъ, а мѣстами даже и убыль бурятскаго населенія за послѣднія 30 лѣтъ, я остановился на факторахъ неэкономического характера, факторахъ, лежащихъ въ общихъ культурныхъ условіяхъ жизни бурятъ, вліяющихъ отрицательно на ростъ и развитіе бурятскаго населенія. При этомъ, для большей стройности изложенія, я подѣлилъ эти факторы на два разряда: самобытные, коренящіеся въ условіяхъ жизни самихъ бурятъ, и внѣшніе, порождаемые вліяніемъ на бурятъ русскаго населенія.

Бурятская жизнь послѣдняго времени переживала кризисъ. Въ ней боролись положительныя и отрицательныя теченія. Въ виду того, что многія передовыя вѣдомства обнаруживаютъ и довольно значительный приростъ населенія, и сравнительно высокую степень грамотности и образованія, въ виду того, что прогрессивныя теченія бьютъ здѣсь широкой и стремительной струей, можно смѣло сказать, что въ этихъ вѣдомствахъ кризисъ уже миновалъ и что здѣсь буряты пошлѣли уже на болѣе или менѣе вѣрный путь, который долженъ вести ихъ къ дальнѣйшему и болѣе высокому развитію. Но можно-ли успокоиться на этомъ выводѣ и отнестись къ ир-

кутскимъ бурятамъ, не какъ къ болѣе слабымъ, и поэтому требующимъ большихъ льготъ, иноподцамъ, а какъ къ установившемуся племени, мало отличающемуся въ экономическомъ отношеніи отъ русскихъ, къ племени, которое можно въ экономическомъ-же, административномъ и юридическомъ отношеніи поставить на одну доску съ русскимъ. Не смотря на то, что послѣднее мнѣніе, въ той или другой формѣ, все чаще и чаще раздается въ новѣйшее время, я не могу согласиться съ нимъ и даже не только не оспаривать его, но еще и не настаивать на вредѣ такого мнѣнія.

Не говоря о нѣкоторыхъ отсталыхъ бурятскихъ вѣдомствахъ, жизнь которыхъ еще такъ мало вышла изъ первобытныхъ рамокъ, которыя мало подчинились вліянію русскихъ, вліянію новыхъ формъ хозяйства, даже имѣя въ виду наиболѣе передовыя вѣдомства Балаганскаго округа, нельзя не прійти къ заключенію, что эти первые шаги ихъ на пути къ дальнѣйшему совершенствованію и развитію — дѣтскіе, пока неувѣренные шаги, къ которымъ надо относиться съ крайней заботливостью и осмотрительностью. Быть можетъ, эти передовыя вѣдомства могли дать сравнительно большой $\%$ прироста населенія (который все-таки ниже средняго русскаго), только благодаря лучшей обеспеченности земельными угодіями и скотомъ, меньшимъ податямъ и повинностямъ и нѣкоторымъ другимъ льготамъ. Быть можетъ, мѣропріятія, которыя имѣли бы въ виду нивелировать бурятское населеніе съ русскимъ, медленно повели-бы ихъ къ разоренію и вымиранію: между русскими и бурятами до сихъ поръ еще громаднѣйшая разница. Въ виду этого нельзя не пожелать со стороны администраціи самаго внимательнаго и осторожнаго отношенія къ бурятамъ, въ особенности ко всякимъ земельнымъ и фискальнымъ реформамъ. Въ виду этого нельзя не пожелать для бурятъ возможно большаго отдаленія земельного переустройства, съ отрѣзкой бурятамъ определенныхъ размѣровъ надѣловъ: въ виду этого, нельзя относиться иначе, какъ съ глубокимъ сожалѣніемъ, къ такимъ, наиримѣръ,

мѣрамъ, какъ составленное недавно, по слухамъ, запрещеніе бурятамъ перегонки молочнаго тарасуна и преслѣдованіе этого промысла, какъ незаконнаго винокуренія.

Какія-же мѣры, какія условія необходимы для того, чтобы иркутскіе буряты поскорѣе вышли на правильный путь культурнаго развитія, чтобы на нихъ можно было смотрѣть, какъ на вполне установившееся, надежное племя съ вполне обеспеченнымъ будущимъ, вполне приобщенное къ обще-человѣческой культурѣ?

Изъ предыдущаго изложенія видно было, какое громадное вліяніе имѣли и до сихъ поръ имѣютъ на буряты русскіе. Для того, чтобы это вліяніе было болѣе благотворнымъ, необходимо поднять культурнаго и образовательнаго уровня русскаго населенія. Такимъ образомъ, вопросъ о будущности буряты, помимо того осторожнаго и осмотрительнаго отношенія къ нимъ, о которомъ я говорилъ выше, связанъ съ вопросомъ о будущности русскаго населенія. Всякія прогрессивныя реформы, направленные къ улучшенію быта русскаго населенія, принесутъ несомнѣнную пользу и бурятамъ.

Залогъ будущаго развитія буряты, какъ и русскихъ, въ самомъ широкомъ распространеніи среди нихъ грамотности и образованія, развитія самосознанія и самодѣятельности, поднятій экономическаго уровня, увеличенія и распространенія потребностей и улучшенія общественныхъ формъ.

И. Е. Кулаковъ.

Февраль, 1896 года.

зерно стекловидно въ разрѣзѣ, хотя имѣетъ часто черезъ чуръ матовую оболочку, коротковато и съ красноватымъ отливомъ, причемъ нерѣдко недостаточно полно.

Важно было бы прослѣдить, какъ отзывается на качествахъ зерна характеръ почвы, такъ какъ условія обработки болѣе или менѣе одинаковы. Къ сожалѣнію, не при всѣхъ образцахъ были сдѣланы указанія на родъ почвы, да и къ сдѣланнымъ опредѣленіямъ пришлось отнестись съ большимъ недоумѣніемъ.

Засоренность хлѣбовъ невѣроятна. Такъ, 64⁰/₁₀₀ всѣхъ образцовъ пшеницы содержатъ куколь (*Agrostemma githago*) въ различныхъ и довольно значительныхъ количествахъ, — что не можетъ не быть причиною явленія штагизма (*githagisme*), тѣмъ болѣе, что подобное отравленіе, по сообщенію К. Корневэна, неоднократно наблюдалось въ Европѣ, а недавно оно было замѣчено и въ Америкѣ въ области Дакота. Примѣси *Polygonum lapathifolium*, *Fagopyrum*, *Convolvulus* и т. д., не говоря уже о ячменѣ, овсѣ и, въ особенности, ржи — нѣтъ въ рѣдкомъ изъ образцовъ хлѣбовъ. Въ особенности засорены хлѣба Енисейскаго округа и сѣвера Красноярскаго.

Спорынья (*Claviceps purpurea* Tul.) констатирована мною въ 9 случаяхъ, т. е. 21,4⁰/₁₀₀ присланой для выставки пшеницы ею заражены. Такъ какъ зараженіе спорыньей пшеницы наблюдается, въ общемъ, обыкновенно сравнительно рѣдко, то объясненіе этого явленія въ данномъ случаѣ нужно искать, какъ мнѣ кажется, въ чрезмѣрной засоренности пшеницы рожью.

Если мы примемъ во вниманіе при этомъ, что кромѣ того 35,7⁰/₁₀₀ этой пшеницы оказалось зараженной *Tilletia Tritici* Wtr., какъ показали микроскопическія изслѣдованія, то становится понятнымъ, что разсмотрѣнныя пшеницы нельзя признать даже только удовлетворительными. — Самая серьезная и настоящая борьба съ паразитизмомъ и засоренностью является при таковыхъ условіяхъ необходимою. Мѣропріятія единичныхъ личностей не

Къ изслѣдованію зерновыхъ хлѣбовъ Енисейскаго края.

I.

Пшеница (Triticum vulgare Vill.).

Настоящее изслѣдованіе ограничивается узкими рамками изученія пшеничнаго зерна, какъ продукта рынка; мѣстная пшеница, какъ растеніе, ея колосья, стебель и т. д. нашему разсмотрѣнію въ настоящую минуту не подлежала, хотя мы позволяемъ себѣ уже теперь высказать, что предварительное изслѣдованіе строения пшеничнаго стебля насъ убѣдило, что къ „закону средняго арифметическаго“ профессора Ант. Новацкаго слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью, такъ какъ разстоянія между междоузліями не всегда подчиняются ему. Къ данному вопросу мы позволяемъ себѣ вернуться въ слѣдующій разъ.

Въ настоящемъ случаѣ мы разсмотрѣли образцы сѣмянъ яровой пшеницы, присланные изъ разныхъ округовъ Енисейской губерніи по предложенію Енисейскаго Губернатора для экспонирования на предстоящей Нижегородской выставкѣ.

По округамъ распредѣлились они слѣдующимъ образомъ: изъ Красноярскаго округа было 27 образцовъ, Ачинскаго — 11 (въ томъ числѣ 1 образецъ озимой пшеницы), Енисейскаго округа — 3 обр. и Минусинскаго окр. всего 4.

Европейская практика установила слѣдующія нормы для натурн. зерна *Triticum vulgare*: 100 зеренъ *T. vulgare* вѣсать минимум 1,3 grm., въ среднемъ — 3,8 grm. и максимум 6,0 grm. *). Для сравненія нами были произведены вѣшанія вѣхъ (42)

*) G. Krafft, Landw. Lexikon, Berlin, 1888, Str. 974.

находящихся у насъ образцовъ пшеницы. Средній вѣсъ 100 зеренъ изъ Красноярскаго округа оказался равнымъ 2,425 grm., при minimum въ 1,548 grm. (село Шалинское, Вознесенской волости) и maximum въ 3,354 grm. (с. Сухобузимское, крестьянинъ Маточниковъ). Средній вѣсъ 100 зеренъ пшеницы изъ Ачинскаго округа оказался равнымъ — 2,221 grm., при minimum въ 1,590 grm. (с. Покровское) и maximum въ 2,917 grm. (с. Назаровское). Для Енисейскаго округа среднее изъ трехъ взвѣшиваній равно только 1,315 grm., при minimum въ 1,365 grm. и maximum — въ 1,645 grm. Образчикъ сѣмянъ изъ села Идринскаго, Минусинскаго округа далъ вѣсъ въ 2,310 grm.

Словомъ, легковѣсность пшеничнаго зерна означенныхъ мѣстностей такова, что maximum вѣса (3,354 grm.) не доходитъ до optimum вѣса (3,8), даннаго для европейскаго пшеничнаго зерна. Въ данномъ случаѣ причиною подобнаго явленья служило, вѣроятно, не столько неудовлетворительность обработки почвы подъ посѣвъ, сколько отсутствіе сортированія зерна, отсутствіе сознанія у населенія важности посѣва удовлетворительнымъ зерномъ.

Почти полное отсутствіе пшеницъ изъ Минусинскаго округа (1 образецъ) не позволяетъ судить о достоинствѣ Минусинскихъ пшеницъ, но образцы 3-хъ другихъ округовъ даютъ право высказать, что зерно Красноярскаго округа будетъ наиболѣе лучшимъ, а Енисейскаго — наихудшимъ.

Среди зеренъ обыкновенныхъ пшеницъ встрѣчаются зерна, безъ сомнѣнія, принадлежащія *Triticum durum* Desf., такъ какъ заостренность зерна, сжатость съ боковъ рѣзко выдѣляютъ ихъ изъ общей массы *Triticum vulgare*. Да и близость Алтая, гдѣ, по Костычеву, разводится твердая пшеница, насъ еще сильнѣе убѣждаетъ въ вѣрности высказаннаго. Подобныя зерна найдены нами среди зеренъ пшеницы изъ Сухобузимской и Частоостровской волостей, Красноярскаго округа.

Въ общемъ, относительно мѣстной пшеницы, можно сказать, что

приведутъ ни къ какимъ результатамъ при смѣжности пашень, а лишь массовыя мѣропріятія могутъ оказать какую либо пользу.

Въ данномъ случаѣ оказало бы услугу, вѣроятно, пріобрѣтеніе сельскими обществами для хлѣбозапасныхъ магазиновъ тріеровъ и сортировокъ, очистившихъ бы магазинный хлѣбъ отъ сорной растительности и разбившихъ зерна по разрядамъ. Борьба же съ *Tilletia* возможна лишь ознакомленіемъ населенія со способами борьбы, выработанными и предложенными Кюномъ, Грасманомъ, Габерландтомъ.

Иос. Окуличъ, agr.

Красноярскъ, 22 Января 1896-года.

Предварительный отчетъ о работахъ по изслѣдованію Забайкальскихъ бурятъ за періодъ 1892—1895 г.

Закончивъ свои изслѣдованія забайкальскихъ бурятъ, я считаю своимъ долгомъ ознакомить Восточно-Сибирскій Отдѣлъ съ тѣми общими выводами, къ которымъ меня привели данныя, собранныя мною во время моихъ развѣздовъ по бурятскимъ улусамъ за періодъ отъ 1892—1895 г.

Само собою понятно, что мои выводы не могутъ пока претендовать ни на особенную точность, ни на многосторонность, ибо съ матеріаломъ своимъ я далеко еще не успѣлъ ознакомиться, какъ слѣдуетъ, и за разработку его, за исключеніемъ нѣкоторыхъ отдѣловъ, до сихъ поръ еще не принимался.

Началь я свое изученіе бурятъ съ ихъ обычнаго права, но такъ какъ послѣднее перетерпѣло за протекшія два столѣтія значительныя измѣненія, то я, естественно, сталъ искать первоисточника его. Чтобы выдѣлить изъ современнаго обычнаго права бурятъ все наносное, чужое, мнѣ пришлось серьезно заняться исторіей бурятъ и изслѣдованіемъ цѣлаго ряда побочныхъ вопросовъ, какъ, напр., вопроса о родствѣ бурятъ съ монголами, о вліяніи, которое оказывали на бурятъ болѣе культурные ихъ сосѣди—монголы, китайцы и русскіе, о распространеніи ламаизма въ Забайкальѣ и т. д.

Опрашивая свѣдущихъ бурятъ, изучая разные законодательные акты и разбираясь въ архивахъ бурятскихъ степныхъ думъ, я собралъ матеріаль, дающій мнѣ основаніе думать, что общественный строй забайкальскихъ бурятъ значительно различается съ давнихъ поръ отъ жизни родственныхъ имъ монгольскихъ племенъ

центральной Азии. Хотя Чингисъ-ханъ, составляя „великую ясу“, и руководствовался въ большой степени древними монгольскими обыкновениями и преданіями, новыя политическія и культурныя условія, созданныя усиліями самого Чингисъ-хана и его преемниковъ не могли не отразиться на обычномъ правѣ монголовъ. Съ теченіемъ времени стало также сказываться сильнѣе китайское вліяніе и, благодаря всему этому, къ началу XVII в. у монголовъ вырабатывается феодально-аристократическая, сословно-родовая общественная организація. Одинъ замѣчательный документъ того времени, дающій прекрасную картину этого своеобразнаго монгольскаго феодализма, именно монголо-ойратскій уставъ 1648 г., наглядно показываетъ, сколько монголы внесли въ свою первоначально простую пастушескую жизнь чуждаго, заимствованнаго извнѣ.

Такъ было у монголовъ; а между тѣмъ у современныхъ имъ бурятъ быть юридическій и экономическій продолжаетъ оставаться вполнѣ примитивнымъ, и патриархально-родовая община ихъ не знаетъ еще почти никакой дифференціаціи.

Глава рода является представителемъ всей группы, но его власть — это только власть старшаго между равными. Цугланъ всѣхъ родовичей или совѣтъ почетныхъ стариковъ — вотъ настоящіе органы родового самоуправленія и суда. Споры возникали между членами рода весьма рѣдко, но если они возникали, то сейчасъ же сзывался цугланъ, который разбиралъ спорящихъ по обычаю и справедливости. Что постановлялъ цугланъ — считалось безапелляционнымъ, да никому и въ голову не приходило протестовать противъ постановленнаго рѣшенія, потому что старики представляли собою общественную совѣсть, юридическій разумъ всего племени.

Насколько можно судить по историческимъ даннымъ и преданіямъ, зависимость бурятскихъ племенъ отъ монгольскихъ князей, послѣ распадешя Чингисовой и Хубилаевой имперій, была чисто-номинальная. Эти племена платили кой-какую дань монгольскимъ ханамъ — и только; во всемъ же прочемъ они вели жизнь обособ-

ленную и самостоятельную, и управлялись, какъ я уже говорилъ, родоначальниками и почетными стариками.

Родовая община, которая вѣроятно въ XVII в. едва превосходила численностью современную улусную общину, владѣть сообща землей, сообща кочуетъ и устраиваетъ всѣмъ племенемъ облавы. Каждое племя является по отношенію къ другому, чужому племени единой юридической личностью, отстаивающей интересы всякаго родовича противъ посягательствъ на него со стороны члена другого рода. Даже такое дѣло, какъ сватовство невѣсты или выдача замужъ дѣвушки въ чужой родъ, считалось дѣломъ всего племени и носило характеръ вполне общественный.

Нужно было вѣковое воздѣйствіе на бурятъ цѣлаго ряда новыхъ условій, чтобы древнее ихъ степное право видоизмѣнилось и приняло въ себя много чуждаго, какъ это рѣзко бросается въ глаза въ стѣнныхъ положеніяхъ, составленныхъ бурятами въ началѣ текущаго столѣтія. Квалификація многихъ проступковъ и наказаній за нихъ по сословіямъ, постановленія о ламахъ, статьи, допускающія преслѣдованія шамановъ и шаманистовъ и многое другое несомнѣнно составляютъ въ стѣнныхъ обычаяхъ бурятъ примѣсь весьма поздняго происхожденія.

Такъ какъ бурятскіе родоначальники и весь родъ были лишены уголовной юрисдикціи съ перваго почти момента перехода бурятъ въ русское подданство, то уголовное право ихъ съ теченіемъ времени атрофировалось и наконецъ было забыто до того, что въ настоящее время отъ него остались весьма смутные обрывки. Гражданское-же обычное право ихъ, напротивъ, имѣло всѣ шансы сохраниться, такъ какъ оно было санкціонировано правительствомъ еще въ началѣ XVIII в. Впослѣдствіи это право бурятъ руководствоваться при домашнемъ разбирательствѣ древними своими обычаями и преданіями подтверждалось цѣлымъ рядомъ императорскихъ указовъ, актами правительствующаго сената, и въ началѣ XIX в. оно яенѣе, чѣмъ когда-либо раньше, было признано за

ними знаменитымъ уставомъ объ управленіи инородцевъ 1822 г.

Потому-ли, что нѣкоторые обычаи стали забываться, или что русская администрація нерѣдко превышала свою власть и вмѣшивалась, не имѣя на то полномочій, во внутреннюю жизнь бурятъ, но послѣдніе еще съ половины прошлаго столѣтія дѣлаютъ попытки изложить свое обычное право на бумагѣ. Въ 1780 г. хоринскіе буряты уже составляютъ письменное степное положеніе по указу верхнеудинской провинціальной канцеляріи, которая, очевидно, признала необходимымъ привести въ извѣстность, какими собственно обычаями руководствуются буряты при разборѣ своихъ домашнихъ дѣлъ; въ 1808 г. тѣ-же хоринцы составляютъ степное положеніе значительно дополненное, а въ 1823 г. они снова въ общемъ собраніи родоначальниковъ, ламъ и почетныхъ людей пытаются сдѣлать полный сводъ степныхъ своихъ обычаевъ. Селенгинскіе буряты также составляютъ степные законы и въ концѣ прошлаго столѣтія, и въ 1818 г. и, наконецъ, въ 1823 г. Хотя, къ сожалѣнію, не все здѣсь упомянутыя положенія дошли до насъ, но нѣкоторыя изъ нихъ представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для ознакомленія съ обычнымъ правомъ бурятъ. Настоящій краткій отчетъ не позволяетъ намъ останавливаться на разборѣ деталей во всехъ отношеніяхъ лобопытнаго права бурятъ, но я не могу не отмѣтить самыхъ характерныхъ чертъ его.

Прежде всего достойно вниманія, что въ то время какъ обычное право бурятъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ атрофировалось, оно въ другихъ случаяхъ обнаруживало тенденцію творческую и продолжало создавать новыя нормы для вновь возникавшихъ правовыхъ отношеній. Какъ только у бурятъ начинается распространяться хлѣбопашество и сѣнокошеніе, какъ только пастушеская культура сталкивается съ земледѣльческой, сейчасъ-же является необходимость съ одной стороны ограждать нашини и покосы отъ потравъ многочисленныхъ стадъ, а съ другой охранять скоть отъ увѣчій, отъ того, чтобы онѣ не объѣдался хлѣбомъ на плохо огороженныхъ

пашняхъ. И вотъ на такой почвѣ возникаетъ масса новыхъ обычаевъ, изъ которыхъ одни носятъ явный характеръ заимствованій, а другіе полны оригинальности. Само собою разумѣется, что такіе отдѣлы, какъ пастушеское и охотничье право, разработаны очень подробно въ бурятскихъ степныхъ положеніяхъ. Въ другомъ мѣстѣ¹⁾ я подробно охарактеризовалъ охотничье право забайкальскихъ бурятъ, а потому я нахожу возможнымъ здѣсь ограничиться замѣчаніемъ, что это право сохранило въ себѣ сильныя слѣды первобытнаго коммунизма, въ основаніи котораго лежитъ солидарность всѣхъ членовъ племени, равное участіе всѣхъ въ производствѣ — охотѣ и въ продуктахъ его — добычѣ. Облава — самая лучшая форма коопераціи при охотѣ, является дѣломъ всего рода, и всякій членъ его не только вправѣ, но и обязанъ въ ней участвовать.

Центръ тяжести всего пастушескаго права бурятъ лежитъ въ нормахъ, ограждающихъ скотъ отъ похищенія, отгона и пр. Споры изъ-за пастбищъ раньше не могло быть, такъ какъ народонаселенія было очень мало, а земли въ распоряженіи бурятъ было очень много. Никто никого стѣснять не могъ и не имѣлъ надобности. Посягательства на имущество могли такимъ образомъ выражаться только въ кражѣ скота, стрижкѣ чужихъ овецъ и верблюдовъ, въ присвоеніи чужой заблудившейся скотины и т. д. И всѣ подобныя случаи предусматрѣны обычаями, а наказанія за такіе проступки опредѣлены съ особой тщательностью.

Но самымъ оригинальнымъ и интереснымъ отдѣломъ бурятскаго степного права является несомнѣнно ихъ семейственное право. Оно открываетъ передъ нами картину правовъ самыхъ примитивныхъ, позволяющихъ подчасъ заглянуть очень далеко назадъ въ исторію бурятъ и даже всей монгольской расы.

Въ моментъ перехода бурятъ въ русское подданство мы застаемъ у нихъ распространеннымъ неограниченное многоженство,

¹⁾ См. мою статью: „Охотничье право и звѣриный промыселъ у забайкальскихъ бурятъ“. Изв. В. Сиб. Отдѣла И. Р. Г. О. № 4 и 5, XXV т. 1895 г.

причемъ положеніе этихъ женъ въ семьѣ является весьма уни-
тельнымъ и зависимымъ. Строгая экзогамія и выкупъ за жену со-
ставляютъ основные атрибуты бурятскаго брачнаго права, хотя въ
памяти еще очень свѣжи воспоминанія о времени, когда женъ
добывали насильно съ оружіемъ въ рукахъ изъ чужого племени.
На купленную жену могли предъявлять права все братья мужа и
даже отецъ его; братьямъ мужа женщина не могла отказывать въ
своихъ ласкахъ на томъ основаніи, что они „единая кровь“ съ
ея мужемъ. Вдова обязательно выходила замужъ за родныхъ му-
жа, братьевъ и даже отца его, особенно если у нея не было дѣ-
тей отъ покойнаго. Пасынки женились на мачихѣ вдовѣ, и даже
сожительствовали съ младшими женами отца при жизни послѣд-
няго. Другими словами, у бурятъ наблюдаются весьма рѣзкія
переживанія и полиандрія, и левирата.

Семейственное право бурятъ не знаетъ незаконнорожденныхъ
дѣтей, ибо ребенокъ, прижитый дѣвушкой, записывается на ея
отца и приравнивается ко всемъ другимъ дѣтямъ и внукамъ, а
ребенокъ, прижитый замужней женщиной въ отсутствіе ли мужа
или даже долго спустя послѣ смерти его, всегда записывается на
имя мужа. Дѣвушка могла быть выдана за малолѣтняго мальчика,
сосватана еще ребенкомъ, но до свадьбы она пользовалась самой
широкой свободой; она могла гулять на свадебныхъ вечеринкахъ,
даже принимать участіе въ облавахъ, — заводить любовныя связи
и прекращать ихъ, и никто ее въ этомъ не стѣснялъ; но разъ
она выходила замужъ, она сразу лишалась своей свободы и обра-
щалась въ собственность мужа, вѣриге семьи его; причемъ мужъ,
по своей ли волѣ или настояніямъ родныхъ, могъ прогонять ее
безъ всякаго повода и возвращать обратно къ себѣ насильно до
трехъ разъ, если жена уходила отъ него противъ его воли.

Бураты не прибѣгали въ старину къ завѣщаніямъ. У нихъ
существовалъ свой, установленный обычаемъ, порядокъ наслѣдова-
нія, въ силу котораго имущество покойнаго переходило само-собою

въ семьѣ его. Тутъ не происходило даже открытія наслѣдства, такъ какъ имущество семьи и при жизни главы дома считалось общимъ. Послѣ смерти главы семьи наступала перемѣна администраціи, такъ какъ приходилось выбирать другого распорядителя, но имущество не претерпѣвало никакихъ перемѣнъ. Собственно говоря, владѣли имуществомъ и считались полноправными членами бурятской семейной общины исключительно лица мужского пола: дѣвушки же имѣли только право на содержаніе и на то, чтобы ихъ выдавали замужъ сообразно состоянію. Исключеніе представляли вдовы, которыя и въ старину являлись естественными распорядительницами всего оставшагося послѣ мужа имущества и хозяйства. Такое положеніе вдовы въ связи съ громадной фактической ролью, какую играетъ женщина въ бурятскомъ хозяйствѣ, послужили той почвой, на которой со временемъ, благодаря стеченію другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, развились имущественная и личная правоспособность современной бурятской женщины, — хотя, вѣрная своему принципу, патриархальная бурятская семья до сихъ поръ еще лишаетъ вдову всякихъ правъ на дѣтей, особенно сыновей (изъ дочерей позволяется взять одну, если она выходитъ замужъ въ чужой родъ).

Можно было-бы также распространиться и о томъ, какія измѣненія претерпѣло обычное право бурятъ за послѣднія два столѣтія, тѣмъ болѣе, что эти измѣненія во многихъ отношеніяхъ были весьма существенны, но размѣры общаго отчета не позволяютъ мнѣ этого сдѣлать. Мнѣ остается только сказать, что, несмотря на нѣкоторыя происшедшія коренныя перемѣны въ быту забайкальскихъ бурятъ, несмотря на то, что, сообразно народившимся новымъ условіямъ жизни, возникли новыя, совершенно особаго характера, правовыя отношенія и регулирующія ихъ нормы, официально забайкальскіе буряты до сихъ поръ разбираются въ домашнихъ дѣлахъ по своимъ обычаямъ и руководствуются въ значительной степени отжившими уже степенными положеніями, составленными еще въ 1823 г.

Была сдѣлана въ 1840 г. попытка свести все обычное право сибирскихъ инородцевъ въ одно; съ этой цѣлью учрежденный при Главн. Упр. Вост. Сибири Комитетъ собралъ все степныя положенія сибирскихъ инородцевъ, исключилъ изъ нихъ „все дикое и несообразное“ и составилъ проектъ „Свода степныхъ законовъ кочевыхъ инородцевъ Сибири“, но этотъ проектъ не былъ санкціонированъ Высочайшей властью и такъ и остался проектомъ, которымъ часть забайкальскихъ бурятъ теперь руководствуется по доброй своей волѣ и когда имъ заблагоразсудится.

Какъ извѣстно, современные забайкальскіе буряты представляютъ собою вполне опредѣленные въ территоріальномъ отношеніи инородческія группы, имѣющія свои районы жительства, свои административныя границы и т. д. Но было бы большою ошибкой думать, что въ моментъ завоеванія Забайкалья русскими, группировка бурятъ хоть сколько-нибудь походила на теперешнюю. Только самое внимательное изученіе исторіи завоеванія Сибири и, въ частности, исторіи забайкальскихъ инородцевъ начала XVII в. даетъ возможность хоть немного оріентироваться въ томъ хаотическомъ броженіи, въ которомъ застаютъ забайкальскихъ инородцевъ русскіе завоеватели. И теперь еще нѣкоторые ученые не соглашались съ мнѣніемъ Риттера, что буряты жили въ нынѣшнемъ Забайкальѣ съ незапамятныхъ временъ, но на мой взглядъ все извѣстныя мнѣ данныя говорятъ скорѣе въ пользу Риттера, нежели противъ него. Если принять во вниманіе, что буряты и монголы суть отрасли одного коренного племени, что и тѣ и другіе вели кочевой и звѣроловный образъ жизни и наружно очень мало отличались другъ отъ друга, то есть полное основаніе думать, что монголы, встрѣченные впервые на югѣ Байкала казаками, состояли изъ монголовъ и бурятъ. Насколько тѣсны были сношенія бурятъ съ монголами даже въ XVII в., видно изъ того, что балаганскіе буряты, возмущенные жестокостью Ивана Похабова, массами и безъ труда переходятъ за Байкаль и соединяются тамъ съ

монголами. Вскорѣ перебѣжавшіе буряты отражаютъ вмѣстѣ-же съ монголами нападенія казаковъ, вмѣстѣ съ монголами кочуютъ, причемъ размахъ кочевокъ ихъ такъ великъ, что они съ легкостью передвигаются отъ Байкала до теперешней Монголіи и даже дальше. Какъ мало были связаны кочевники въ XVII в. территориальными границами, видно также изъ того, что почти все забайкальскіе буряты осѣли на своихъ нынѣшнихъ мѣстахъ лишь на памяти русской исторіи въ Сибири, т. е. когда ихъ заставили осѣсть. Хоринскіе буряты занимаютъ мѣста по Онону и Эравнѣ лишь въ началѣ XVII в. 8 племенъ селенгинскихъ бурятъ переходятъ изъ Монголіи въ Забайкалье только во второй половинѣ XVII в. Въ это же время перебѣгаютъ за Байкаль многіе сѣверо-байкальскіе буряты и осѣдаютъ по Селенгѣ. Наконецъ, закаменскіе и баргузинскіе буряты переселяются: первые на Джиду, а вторые на Баргузинскую степь только въ началѣ XVIII в. Изъ всего сказаннаго можно было-бы, пожалуй, заключить, что въ концѣ XVI в. и до переселенія хоринскихъ бурятъ изъ Монголіи въ Забайкаль не было ни бурятъ, ни монголовъ.—но это было-бы большимъ заблужденіемъ, такъ какъ многія историческія свидѣтельства показываютъ напротивъ, что еще гораздо раньше въ Забайкаль, какъ въ муравейникѣ кишѣли разныя монгольскія племена, порой собираясь въ многочисленныя арміи, а порой разбиваясь на мелкія группы... Когда при проведеніи русско-китайской границы понадобилось приурочить населеніе Забайкалья къ опредѣленнымъ районамъ, произошло послѣднее перераспредѣленіе разныхъ инородческихъ племенъ. Одни ушли въ Монголію, другіе, наоборотъ, перекочевали въ русскіе предѣлы, третьи, по требованію китайскихъ властей, были выселены изъ русскихъ предѣловъ. Послѣ проведенія границы, оставшіяся на русской землѣ племена стали постепенно осѣдать на опредѣленныхъ мѣстахъ и, съ теченіемъ времени, дали ту именно группировку, которую мы теперь находимъ въ Забайкальѣ.

Изъ этого краткаго обзора исторіи разселенія забайкальскихъ бурятъ ясно видно, какую громадную роль играли въ этомъ историческомъ фактѣ случайности, а между тѣмъ эти случайности въ сильной степени опредѣляли будущія судьбы разныхъ бурятскихъ родовъ. Такъ, закаменскіе буряты, вызванные на р. Джиду для охраненія карауловъ Харацайской дистанціи, застали тамъ дремучую тайгу и должны были обратиться къ *звѣроловству*; напротивъ, кударинскіе буряты нашли на южномъ берегу Байкала и у устья р. Селенги всѣ благопріятныя условія для рыбнаго промысла и, оставляя постепенно скотоводческое хозяйство, они, подь конецъ, стали отводить рыболовству такое важное мѣсто въ своемъ быту, что теперь съ большимъ правомъ могутъ быть названы рыболовами, нежели скотоводами. Другіе буряты, благодаря близкому сосѣдству русскихъ и недостатку въ землѣ, занялись хлѣбопашествомъ и во многихъ мѣстахъ ни по умѣнью вести свое земледѣльческое хозяйство, ни по количеству засѣваемой земли не уступаютъ своимъ сосѣдямъ учителямъ. Вообще, наблюдалось такое явленіе. Гдѣ природа шла въ разрѣзъ со скотоводческими наклонностями бурятъ, послѣдніе безропотно покорялись естественнымъ условіямъ и передѣлывали свой экономическій строй по новому: становились звѣроловами, рыболовами, хлѣбопашцами, но гдѣ обиліе пастбищъ вполне благопріятствовало кочевой культурѣ, тамъ буряты удивительно упорно боролись и борются съ разлагающими эту культуру факторами. Такъ, агинскіе, баргузинскіе и часть хоринскихъ бурятъ до сихъ поръ, несмотря на значительный культурный подъемъ свой, поддерживаютъ у себя чисто пастушеское хозяйство.

Но самымъ сильнымъ факторомъ, грозящимъ въ концѣ концовъ подорвать кочевой бытъ даже такихъ бурятъ, какъ агинскіе и эравнинскіе, является ростъ ихъ населенія. Подь вліяніемъ этого фактора, закаменскіе буряты — звѣроловы мало по малу обращаются къ скотоводству и земледѣлію; ростъ-же населенія заставилъ большинство бурятъ, живущихъ по нижнему теченію Хилка, по р. Удѣ,

Селенгѣ и пр. приняты серьезно за хлѣбопашество и отводить ему въ своемъ хозяйствѣ мѣсто не менѣе важное, а порой и болѣе важное нежели скотоводству; наконецъ, кунно съ содѣйствующимъ ему нашествіемъ русской культуры на бурятъ, съ врывающимся въ жизнь послѣднихъ обмѣномъ, ростъ населенія изо-дня въ день подкапывается подъ старые устои патриархальной организаціи бурятъ. Несмотря на то, что бурятамъ пока совершенно еще чуждо понятіе о частной собственности на землю, у нихъ можно уже найти богачей, запахивающихъ до 50 и даже 100 десятинъ земли, земли общественной, доставшейся имъ отъ массы обездоленныхъ ими бѣдняковъ. Присвоеніе богатыми бурятами надѣловъ бѣдныхъ за долги, забирание у послѣднихъ ихъ наевъ въ аренду за безцѣновъ и на долгіе сроки практикуется уже у бурятъ такъ часто, что многіе улусы смогли-бы выдѣлить кучку обезземеленныхъ батраковъ. Но есть мѣста, гдѣ все бурятское населеніе переходитъ къ земледѣльской культурѣ съ большимъ выигрышемъ для своего благосостоянія, а это служитъ прямымъ доказательствомъ, что, при благоприятныхъ условіяхъ, буряты могутъ воспринять высшую культуру безъ экономическихъ потрясеній.

Говоря о быстромъ ростѣ бурятскаго населенія, я. можетъ быть, возбудилъ любопытство скептиковъ, полагающихъ, что буряты, какъ и другіе инородцы, давно уже обречены на гибель, — а потому я позволю себѣ сослаться кой на какія цифры.

Селенгинскихъ бурятъ въ 1808 г. считалось около 5000 р. душъ, а въ 1858 г. (по 10 ревизіи) ихъ оказалось 12102 р. души, т. е. въ 50 лѣтъ населеніе болѣе чѣмъ удвоилось. Хоринскихъ бурятъ по ревизіи 1795 г. считалось 17,345 рев. душъ, а въ 1858 г. оказалось: у бурятъ вѣдомства хоринской степной думы 19,830 р. д., а агинской степной думы — 12,384 р. д. — всего 32,214 р. д., это значитъ, что число ревиз. душъ за 63 года *почти удвоилось*. У баргузинскихъ бурятъ въ 1811 г. насчитывалось 1638 р. душъ, а по ревизіи 1858 г. ихъ числится

3835, т. е. въ 47 лѣтъ число р. душъ болѣе чѣмъ удвоилось. Мы должны еще замѣтить, что ростъ р. душъ далеко не можетъ дать точнаго представленія о ростѣ всего населенія и что показанныя цифры всегда оказывались ниже дѣйствительнаго количества рев. душъ. Ясно, что, по отношенію къ бурятамъ, теорія неизбежнаго вымиранія сибирскихъ инородцевъ совершенно непримѣнима. Напротивъ, все вышесказанное, въ связи съ фактомъ все большаго распространенія среди бурятъ русскаго просвѣщенія, говоритъ въ пользу жизнениости и приспособляемости этихъ инородцевъ къ вышнимъ культурнымъ условіямъ. Много разъ констатированные успѣхи бурятскихъ дѣтей въ наукахъ и фактъ, что буряты считаютъ уже въ своей средѣ нѣсколькихъ университетантовъ не только показываютъ всю несостоятельность мнѣній Георги и Словцова, будто буряты лѣнны, тупоумны и неспособны къ ученію, но убѣждаютъ въ совершенно противоположномъ; а именно, что они обладаютъ всеми данными, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, прогрессировать, усвоивать вышую европейскую цивилизацію и въ будущемъ принимать сознательное участіе въ исторіи человѣчества.

Таковы въ краткихъ, весьма сжатыхъ чертахъ выводы, къ которымъ меня привели мои изслѣдованія обычнаго права, исторіи и экономическаго быта забайкальскихъ бурятъ.

М. Кроль.

Три якутскія могилы.

Небольшая антропологическая коллекція, доставленная мною въ музей Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, представляетъ результатъ единственной и случайной раскопки, которую мнѣ удалось сдѣлать во время моихъ антропометрическихъ экскурсій въ 1894—1895 годахъ въ Якутскомъ округѣ.

Съ первыхъ-же шаговъ моего изслѣдованія, я сталъ убѣждаться въ огромномъ значеніи для антропологии якутовъ пріобрѣтенія древнихъ череповъ и скелетовъ путемъ раскопокъ такихъ могилъ, на которыя указываютъ мѣстные преданія и легенды и въ которыхъ погребены герои, богатыри, шаманы или вообще люди, чѣмъ либо заслужившіе память народную. Такія раскопки послужили-бы, быть можетъ, къ уясненію того первичнаго физическаго типа, отъ котораго такъ уклонились якутскіе инородцы въ силу вѣкового ихъ смѣшенія съ тунгусами, русскими и другими народностями. Во всякомъ случаѣ, онѣ дали-бы интересный матеріалъ для сравненія современнаго якута съ представителемъ этого племени въ его прошломъ. Съ этой цѣлю я тщательно записывалъ все указанія на древнія изыческія могилы, ихъ мѣстонахожденіе, примѣты и особенности, а также и преданія, связанныя съ прошлымъ погребенныхъ въ нихъ и обрядами погребенія. Въ этомъ вопросѣ заинтересована была цѣлая группа лицъ и мы просили разрѣшенія Императорской Археологической Комиссіи на раскопки. Къ сожалѣнію, за дальностью разстоянія и по другимъ, отъ насъ независѣвшимъ, причинамъ, оно получилось слишкомъ поздно и мнѣ пришлось ограничиться разсказами о томъ, что тамъ-то обнажился, было, и

теперь засыпанъ скелетъ великана, берцовая кость котораго величиной въ ростъ рассказчика—якобы; здѣсь погребенъ богатырь, конь котораго доставалъ ему по поясъ, ростомъ превосходившій всѣхъ своихъ соперниковъ; тутъ зарытъ въ доспѣхахъ герой съ двумя своими лошадьми въ полной сбруѣ и сумами, наполненными мелкой серебряной монетой, а еще тамъ лежитъ старый, извѣстный въ районѣ, шаманъ въ полномъ облаченіи и съ бубномъ—гроза своихъ враговъ и бичъ невѣрующихъ, знахарь и пророкъ своего времени.

Всѣ эти прикрасы и преувеличенія усиливаютъ только трудность доступа къ якутскимъ покойникамъ: обычный страхъ якутовъ къ умершимъ (якутъ одинъ не пройдетъ ночью мимо кладбища или могилы) и суевѣрія на этотъ счетъ осложняются еще ихъ ревнивымъ отношеніемъ къ тѣмъ несмѣтнымъ богатствамъ и драгоценнымъ украшеніямъ, которыя, по преданіямъ, зарыты вмѣстѣ съ давно умершими предками. Они зорко слѣдятъ за всякимъ покушеніемъ на цѣлость этихъ кладовъ, сами-же боятся прикоснуться къ нимъ. Въ одномъ изъ сѣверныхъ наслеговъ якуты воспрепятствовали мнѣ разрыть могилу, которую и по ихъ понятіямъ не грѣхъ-бы было раскопать (къ тому-же, языческая) и только изъ опасенія, что я завладѣю богатствомъ, скрытымъ въ ней, или, въ лучшемъ случаѣ, передамъ его „по начальству“. Положеніе мое, и безъ того весьма трудное среди инородцевъ, не позволяло мнѣ навлекать на себя какія либо непріятности, подозрѣнія и недовольство.

И въ этомъ единственномъ случаѣ раскопки, о которомъ я буду говорить здѣсь далѣе, я воспользовался услугами одного мѣстнаго уроженца и знатока края и тамошнихъ условій (г. Попова), человекъ вполне пользовавшагося моимъ довѣріемъ. Раскопки могилъ производились имъ лично, записи дѣлались тутъ-же.

Не имѣя возможности представить теперь-же измѣренія частей добытаго скелета и четырехъ череповъ, (изъ нихъ одинъ найденъ былъ мною около города Якутска на поверхности обвалившейся

могилы и, по формѣ, едва-ли якутскій, скорѣе-же онѣ принадлежалъ метису), а также и дать точное ихъ описаніе (что мы сдѣлаемъ въ другой разъ), — я ограничусь пока описаніемъ самой раскопки и нѣкоторыми общими соображеніями по этому поводу.

Раскопки производились въ 1-мъ Жехсоговскомъ наслегѣ, Батурускаго улуса, Якутскаго округа, въ среднихъ числахъ Іюня 1895 года.

16-го Іюня разрыта была первая могила на урочищѣ „Тураннахъ“, на юго-западѣ отъ небольшого поселка „Ытыккүөл“. Къ работѣ приступлено было въ 10-ть часовъ вечера и таковая продолжалась около 4-хъ часовъ. Могила завалена была остатками сгнившей деревянной надмогильной надстройкы (см. рисун. 1-й), которую пришлось убрать въ сторону. Такія надстройкы — памятники (куняхъ) встрѣчаются нерѣдко на старыхъ якутскихъ могилахъ и, большею частью, имѣютъ форму продолговатой пирамиды, своимъ широкимъ основаніемъ прикрывающей могилу или тодское массивное бревно, наваленное на могилу. Они напоминаютъ покосные балаганы (шалашы), строящіеся на скорую руку, на самомъ-же дѣлѣ довольно прочно склочены изъ досокъ или бревенъ и укрѣплены нерѣдко столбами; иногда къ нимъ прислонены огромные, почернѣвшіе отъ времени, деревянные кресты, видимо, поставленные позже крещеными потомками покойнаго родоначальника-язычника. (На вышеупомянутомъ рисункѣ 1-мъ изображены остатки надмогильнаго сруба, изъ котораго выросли три дерева). Сначала земля легко поддавалась заступу, но на $\frac{3}{4}$ -хъ аршина глубины отъ поверхности началась сплошная мерзлота и раскопка стала представлять большія трудности. Тогда пришлось уже отогревать землю небольшимъ огонькомъ отъ костра, разложеннаго тутъ-же въ могилѣ. Медлить-же было некогда, такъ какъ въ полуверстѣ отъ раскопки находились жители-якуты, враждебно смотрѣвшіе на это дѣло, тѣмъ болѣе, что, по ихъ преданіямъ, здѣсь былъ схороненъ шаманъ, изъ сердца котораго и выросли упомянутыя нами деревья.

На глубинѣ 1 аршина съ двумя или тремя вершками появился четверугольный деревянный срубъ, сверху прикрытый досками, а поверхъ ихъ большимъ кускомъ бересты, по виду и формѣ, похожей на тѣ пласти, которыми укрываютъ остовъ лѣтняго жилища якутовъ — „ураса“¹⁾). Длина этого сруба или ящичка была 2 и $\frac{3}{4}$ аршина, въ изголовьѣ $\frac{3}{4}$ аршина и въ ногахъ $\frac{1}{2}$ аршина, глубина или вышина его 7—8 вершковъ. Срубъ сколоченъ прочно изъ довольно толстыхъ бревенъ. Вся глубина могилы вмѣстѣ со срубомъ 1 аршинъ 10 вершковъ.

Надъ могилой, какъ мы сказали, возвышались три высокія лиственницы въ 3 вершка толщины въ діаметрѣ. Корнями своими они устлали всю могилу на глубинѣ полутора аршинъ отъ поверхности земли и приблизительно на $\frac{1}{4}$ аршина отъ крышки гроба или сруба; на поверхности-же, какъ мы и упомянули выше, онѣ росли внутри остатковъ надмогильной надстройки — памятника. Возлѣ могилы стояло огромное дерево-лиственница, болѣе чѣмъ въ обхватъ толщиной, корни котораго также проникли въ глубь могилы и переплелись съ корнями вышеупомянутыхъ трехъ деревьевъ. Своей густой сѣтью они совершенно преграждали доступъ къ лежащему подъ ними скелету. Корни трехъ болѣе молодыхъ деревьевъ, какъ и самая деревья, удалось изрубить топоромъ и выбросить вонъ; съ корнями-же большого дерева борьба была не легкая и ихъ пришлось оставить, лишь частью уничтожая отростки ихъ и подрываясь подъ ихъ изогнутыми сводами. Положеніе скелета (показано на рисункѣ 3-мъ) слѣдующее: голова покойника обращена на юго-западъ. При этомъ черепъ лежалъ хотя и въ одной горизонтальной плоскости со скелетомъ, но нѣсколько от-

¹⁾ „Ураса“ — высокій коническій шалашъ изъ наклонно-поставленныхъ длинныхъ жердей, плотно обтянутыхъ снаружи листьями бересты. Это жилище встрѣчается теперь рѣдко и только у очень богатыхъ якутовъ. Въ своихъ разьпадахъ по округу и видѣлъ только съ десятки жилищъ — урасъ въ сѣверныхъ наслѣгахъ Ватурускаго и Вангантайскаго улусовъ, Якутскаго округа. Обычнымъ-же лѣтникомъ якутовъ нынѣ служитъ холодная юрта, а чаще деревянный срубъ — домикъ, безъ крыши.

отълившись отъ туловища, затылкомъ вверхъ и глазами упершись въ переднюю стѣнку сруба, точно кто нибудь вывернулъ его такимъ образомъ. Нижняя челюсть найдена возле колѣна лѣвой ноги. Кости рукъ протянуты вдоль туловища. Въ ногахъ найденъ металлическій кружокъ, величиною въ трехкопѣечную монету, видимо, родъ амулета или часть украшенія одежды (рисунокъ 4-й). Отъ послѣдней остались лишь немногіе клочки, по которымъ можно судить, что она была мѣховая и, во всякомъ случаѣ, кожаная. Съ правой стороны, въ изголовьи скелета, обнаружился полусгнившій „марчахъ“, — родъ деревянной якутской посуды съ украшеніями (на рисунокѣ 5-мъ показаны форма и рисунки какъ найденнаго въ могилѣ „марчаха“, такъ и употребляемаго якутами въ данное время), въ которомъ якуты держатъ кумысъ и масло. За вѣтхостью и негодностью онъ не былъ взятъ, а были сняты лишь рисунки съ него.

Изъ могилы этой взяты черепъ съ нижней челюстью и почти весь скелетъ: не достаетъ лишь нѣсколькихъ позвонковъ шейныхъ и спинного хребта, нѣкоторыхъ суставовъ кистей рукъ и всѣхъ пальцевъ нижнихъ конечностей, а также ступней ногъ. Они остались не разысканными, благодаря тѣмъ трудностямъ и препятствіямъ, при которыхъ происходила раскопка могилы. Не урочное (ночное) время рытья, спѣшность работы изъ опасенія неприятностей отъ инородцевъ, мерзлота почвы, изъ которой приходилось отыскивать и отдѣлывать каждую часть, — все это такъ или иначе тормозило успѣшное извлеченіе всего содержимаго могилы. Не смотря на это, приложена была крайняя осторожность, но, однако-жъ, и тутъ въ борьбѣ съ мерзлотою пострадали нѣкоторыя мелкія кости. Возвращаться къ могилѣ для отысканія недостающаго — не было возможности.

Всѣ извлеченныя кости оказались хорошо сохранившимися, слегка желтовато-бураго цвѣта, легкими по вѣсу и сухими; на нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтны присохшіе остатки мышцъ и сухожилій.

Судя по черепу, по некоторымъ не совсемъ заросшимъ швамъ — темянному и вѣчному — субъектъ долженъ былъ быть не особенно старымъ. Большая часть зубовъ обеихъ челюстей также сохранилась, — но, къ сожалѣнiю, благодаря дальней пересылкѣ, многіе зубы выпали въ пути и некоторые изъ нихъ затерялись.

26-го Іюня произведена была вторая раскопка и также ночью. Мѣстонахожденіе могилы — урочище „Нілагатта“ при озерѣ того же имени, въ 3-хъ или 4-хъ верстахъ на юго-западъ отъ того же поселка „Ытыкуо!“. Покойникъ здѣсь погребенъ на холмикѣ у озера, одиночно. Могильныхъ памятниковъ и возвышеній на могилѣ тутъ не было, да и самая могила почти уравнилась съ остальнымъ грунтомъ земли. Длина могилы $2\frac{3}{4}$ аршина, ширина на поверхности земли приблизительно 10-ть вершковъ; глубина ея до скелета $\frac{3}{4}$ аршина.

Трупъ погребенъ безъ гроба въ срубѣ, головой на юго-западъ, ничкомъ, *лицемъ внизъ*. Руки вытянуты вдоль всего туловища. Украшений или остатковъ какой-либо одежды не замѣчено. Взяты: черепъ съ нижней челюстью, одна берцовая кость, одна лопатка, одна тазовая кость, одинъ позвонокъ и крестецъ. Остальные кости остались не извлеченными. Мерзлота въ этомъ мѣстѣ начиналась чуть-ли не съ самой поверхности земли, потому и раскопка подвигалась медленно и, за недостаткомъ времени, нельзя было отрыть весь скелетъ. Къ тому же не благоприятствовало и самое мѣстонахожденіе могилы — на виду, вблизи жилья богатыхъ якутовъ и на трактовомъ мѣстѣ.

Кости, взятая изъ этой могилы, оказались такого же цвѣта, какъ и описанныя выше, чистыми и вполне сохранившимися.

По рассказамъ мѣстнаго уроженца-якута — по прозванію „Какы“, 67-ми лѣтъ отъ роду, — въ молодости его, когда ему было 20 лѣтъ, по соседству съ нимъ проживала родовичка — старуха лѣтъ 90-ти, отъ которой онъ слышалъ, что на урочищѣ „Нілагатта“, въ ея

молодости, погребенъ былъ якутъ-язычникъ, по имени „Kelaŋai uola ūrūng naibak“ (сынъ зайки—бѣлое бедро).

Ссылка на эти двѣ молодости даетъ намъ нѣкоторое указаніе на древность самой могилы. Разсказъ старухи происходилъ 47 лѣтъ тому назадъ, когда „Какы'ю“ было 20-ть—25 лѣтъ, т. е. за 70—65 годовъ до разсказа. Стало быть, время погребенія „урунг наибак'а“ (бѣлаго бедра) на „Нілагаттѣ“ мы должны отнести въ прошлое лѣтъ за 117 или 112, т. е. къ концу 70-хъ или началу 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Если мы даже примемъ во вниманіе обычную склонность якутовъ (чаще не произвольную) преувеличивать годы старости и допустимъ, что нашей разсказчицѣ-старухѣ, въ пору передачи ея факта „Какы'ю“, было не 90, а 80 лѣтъ, даже 70, то и въ такомъ случаѣ временемъ погребенія „сына зайки“ мы должны считать конецъ прошлаго или начало текущаго столѣтія.

Такова древность могилы, по отнюдь не самаго скелета. Противъ этого говоритъ уже одно мѣстонахожденіе его. Онъ найденъ среди вѣчной мерзлоты, въ почвѣ, которая и въ концѣ іюня оттаиваетъ едва на поларшина, — слѣдовательно, при такихъ условіяхъ, въ которыхъ вполнѣ сохранился-бы, не разложившись, и свѣжій трупъ цѣликомъ положенный туда. Уже изъ одного этого обстоятельства мы должны заключить, что на „Нілагаттѣ“ былъ погребенъ не трупъ покойника, а одинъ скелетъ его.

Но обратимся къ другимъ обстоятельствамъ, болѣе существеннымъ. Мы уже видѣли, что покойникъ лежалъ ничкомъ, лицомъ въ землю. Что это значитъ?

Суди по древнимъ якутскимъ сказкамъ, а также и по устнымъ преданіямъ, которыя мнѣ пришлось слышать у якутовъ, въ старину было два обычая хоронить умершихъ: во-1-хъ— посредствомъ погребенія, т. е. зарыванія въ могилу не только съ различными съѣстными принасами, но нерѣдко съ лошадьми и любимымъ рабомъ и со всѣми атрибутами профессіи умершаго, и во-2-хъ—въ

арангас'ф, т. е. въ выдолбленной изъ толстаго дерева колодѣ или же срубѣ, которые вмѣстѣ съ покойникомъ подвѣшивались на вѣтвяхъ дерева въ лѣсу; иногда „арангасы“ помѣщались на перекладинахъ между вѣтвей большого дерева или же ставились на двухъ высокихъ деревьяхъ, или же на трехъ обрубленныхъ (на рисункѣ 7-мъ изображенъ „арангас“, насаженный на двухъ концахъ обрубленныхъ и заостренныхъ деревьевъ). Какой изъ этихъ двухъ обрядовъ болѣе древній, трудно сказать съ полною достовѣрностію. Много оснований есть думать, что обычай хоронить въ землю своихъ покойниковъ былъ чуждъ древнимъ якутамъ, какъ и другимъ тюрко-монголамъ. Несомнѣнно одно, что въ прошломъ столѣтіи, въ началѣ его и даже ранѣе, эти двѣ формы похоронъ существовали у якутовъ одновременно. На это указываютъ преданія о погребеніи различныхъ героевъ вмѣстѣ съ конями въ полной срубѣ и нѣкоторыхъ богачей вмѣстѣ съ избранными рабами. Есть указанія и на то, что самоубійца якуты хоронили именно по первому способу. Въ этомъ отношеніи очень характерно преданіе въ Вилюйскомъ округѣ, напечатанное въ № 51 „Сибирскаго Вѣстника“ за 1895 годъ, подъ заглавіемъ „Еретики“. Молодая красивая дѣвушка сходила съ ума послѣ смерти горячо любимаго отца. „На третій день (послѣ смерти отца) кулуты (рабы) по утру опять вошли въ юрту и увидѣли, что Нэрин (ихъ хозяйка—дѣвушка) виситъ на веревкѣ, привязанной къ потолку на крючекъ. Они дали знать объ этомъ дядѣ Нэрин. Прѣхалъ дядя, побранилъ рабовъ, досталось и удавленницѣ, наконецъ, велѣлъ выкопать яму глубокую и бросилъ свою племянницу такъ, чтобы она лежала лицомъ внизъ. Но всѣ собравшіеся по этому случаю родственники, сосѣди и рабы стали упрашивать дядю, чтобы онъ велѣлъ похоронить Нэринъ въ яму лицомъ вверхъ или похоронить, какъ слѣдуетъ, по обычаю предковъ, такъ какъ она при жизни была хорошей дѣвушкой, не дѣлала зла никому изъ людей..... и хотя она, какъ незамужняя *удавленница* и *должна лежать*

въ этотъ случаѣ надо сдѣлать исклю-
 грѣли всегда на небо. Послушавъ дяди
 оринъ похоронили, какъ слѣдуетъ торго-
 вца округа. Сдѣлали гробъ изъ дерева и повѣсили его
 сей у¹⁾.

Кстати, тутъ-же приведемъ рассказъ о способѣ прикрѣпленія
 самаго гроба, какъ это описано въ якутской сказкѣ „Хаптагай-
 Батыръ“. „Вотъ привезли кости (шамана „Нулгу халгыя“, въ домѣ
 тестя погибшаго отъ оспы вмѣстѣ со всеми своими родствен-
 никами). Сдѣлавши гробъ, старинные люди того времени отира-
 влялись, втаскивая на вершину деревьевъ, дѣлали четыре вѣшалки
 неподвижно, такъ чтобы онѣ ни отчего не упали. Такимъ-то обра-
 зомъ погребли (поставили) его трупъ“. (Н. А. Худиковъ, „Верхо-
 йскскій сборникъ“, стр. 64).

Если мы допустимъ, что якуты нѣкогда хоронили лицомъ внизъ
 не только „незамужнихъ удавленницъ“, но и вообще самоубійцъ,
 то все-же мы можемъ усомниться въ томъ, что покойникъ изъ
 второй нашей могилы былъ самоубійца. Объ этомъ не упоминается
 въ рассказѣ старухи, которая не могла-бы упустить такое важное
 обстоятельство въ біографіи умершаго.

Въ описаніи первой могилы мы подчеркнули то обстоятельство,
 что нижняя челюсть найдена воалѣ колѣна лѣвой ноги, а черепъ
 внизъ лицомъ, въ то время какъ остальной скелетъ лежалъ въ
 могилѣ правильно, спиной внизъ. Такое ненормальное положеніе
 трупа явно указываетъ на то, что ящикъ со скелетомъ былъ опу-
 щенъ въ могилу послѣ того, какъ трупъ успѣлъ сгнить, при чемъ
 отъ какого-либо неправильнаго движенія при перенесеніи его или
 отъ сотрясенія при опусканіи въ яму нижняя челюсть отвалилась
 внизъ къ колѣну, а черепъ перевернулся вверхъ затылкомъ.

Все соображенія по поводу второй могилы приводятъ насъ къ
 тому-же заключенію т. е., что и въ этой могилѣ погребенъ не

¹⁾ Куреникъ нашъ.

трупъ „сына зайки“, а только его съ столь большого промежутка времени, что истлѣть и разрушиться; при этомъ его хуже, — его совсѣмъ вывернули въ гробу, — въ проитѣе всего, что гробъ опущенъ былъ въ землю, — въ дномъ. Что такъ поступали съ висящими арангасами, — это мы увидимъ ниже. Теперь же мы формулируемъ наши выводы о древности двухъ могилъ и скелетовъ:

1) объ разрытыя могилы сравнительно недавняго происхожденія; вторая изъ нихъ вырыта не болѣе ста лѣтъ тому назадъ, а первая, можетъ быть, нѣсколько болѣе, судя по тѣмъ тремъ листовицамъ, которыя успѣли вырости изъ нѣдръ ея.

2) Древность обоихъ скелетовъ значительно большая, такъ какъ должно было пройти не мало времени, пока они совершенно обнажились, высохли и получили тотъ видъ, въ которомъ они сохранились въ мерзлотѣ и найдены при раскопкѣ.

3) Получить такой видъ, т. е. обнажиться и не попортиться они могли только въ арангасахъ или висячихъ гробахъ, вмѣстѣ съ которыми они были сняты съ деревьевъ и преданы землѣ.

Висячіе арангасы встрѣчаются еще и нынѣ въ глухихъ мѣстахъ Якутской области. Еще въ прошломъ 1895 году присланъ былъ въ Якутскій музей изъ Виллюйскаго округа такой арангасъ — колода (къ сожалѣнію, по какимъ-то стороннимъ соображеніямъ, довольно хорошо сохранившійся) трупъ преданъ былъ землѣ и изъ содержамаго арангаса оставлены только мелочи, да фотографія съ него). Еще чаще можно видѣть арангасы — срубы или арангасы колоды, свалившіеся съ деревьевъ и едѣ нибудь въ лѣсу покоящіеся на поверхности земли. Таковъ арангасъ, еще два года тому назадъ, встрѣчавшійся всѣмъ якутскимъ горожанамъ, взбравшимся для прогулки на хребетъ въ трехъ-четырехъ верстахъ отъ Якутска по Виллюйскому тракту. Таковъ арангасъ-колода, еще недавно валявшійся на берегу озера „Тѳигүлү“, въ Мегинскомъ улусѣ, Якут-

скаго округа. Содержимое его и весь скелетъ доставленъ въ Якутскій музей и снята фотографія со всей обстановкой, при которой онъ найденъ. Но это жалкіе остатки нѣкогда многочисленныхъ арангасовъ, наполнявшихъ лѣса Якутской области. Съ введеніемъ христіанства въ области, число ихъ уменьшалось не только потому, что якуты оставляли этотъ древній обычай погребенія, но больше отъ того, что распоряженіемъ начальства и духовенства арангасы убирались съ деревьевъ и предавались землѣ. Судя по рассказамъ стариковъ, отъ времени до времени на арангасы учинялись настоящія облавы: ихъ отыскивали, срывали съ деревьевъ и бросали въ выкопанныя тутъ-же ямы. Вотъ почему въ лѣсахъ Якутской области нѣрѣдко можно встрѣтить слѣды могилъ подъ деревьями. По мѣрѣ того, какъ якуты обращались въ христіанство, нѣкоторые изъ нихъ и въ особенности богачи считали своимъ долгомъ похоронить вновь, по христіанскому обычаю, своихъ почетныхъ предковъ. Но еще чаще заботилась объ этомъ якутская администрація и рядомъ указовъ строго предписывала зарывать въ землю встрѣчавшіеся арангасы. Последній указъ объ этомъ относится къ 1825 году, когда, въ виду случаевъ грабежа арангасовъ, указомъ Областнаго Управленія строго велѣно все въ видѣвшіе арангасы снять съ деревьевъ, а трупы предать погребенію (Сообщеніе члена Якутской экспедиціи Л. Г. Левентала). Само собою разумѣется, что скорѣе всего очищались окрестности христіанскихъ храмовъ, центровъ управленія, проѣзжія дороги и вообще мѣста, наиболее часто посѣщавшіеся духовенствомъ и начальствомъ. Арангасы сваливались тутъ-же въ нарочно-выкопанныя ямы; при этомъ, надо полагать, не особенно церемонно обращались съ гробами: ихъ бросали въ яму, какъ пошло вверхъ и внизъ дномъ. Мнѣ рассказывали, что еще недавно сбросили „арангасъ“ съ высоты дерева прямо въ яму выкопанную подъ деревомъ. Недаромъ-же и въ цитированной сказкѣ „сворачиваютъ голову“ тому-же несчастному шаману: „тутъ дѣлаютъ сани, кладутъ; положивши, поѣхали.

Дорогой, не доезжая до собственного дома „Нулгухалгыя“ двадцать пять верстъ, опрокинули сани и (покойнику) свернули голову“ (Худяковъ, въ томъ-же сборникѣ).

Урочище „Ытыкуо!“ (читимое озеро) — съ церковью и причтомъ — одинъ изъ первыхъ русско-якутскихъ поселковъ въ томъ краѣ, гдѣ раскопки произведены Г. Поповымъ. Естественно, что висѣвшіе въ этихъ мѣстахъ арангасы могли быть упрятаны въ землю ранѣе, чѣмъ опубликованъ былъ послѣдній указъ Областного Правленія; по нашимъ расчетамъ, это произошло въ концѣ прошлаго вѣка, по крайней мѣрѣ, что касается второй могилы; арангасъ-же первой могилы зарыты значительно раньше. Трудно сказать, даже приблизительно, сколько лѣтъ или даже десятковъ лѣтъ висѣли на деревьяхъ эти покойники прежде, чѣмъ такъ грубо потрясли ихъ прахъ, но можно допустить съ вѣроятностью, что этому предшествовали многіе и многіе годы и что, стало быть, черепа изъ двухъ раскопанныхъ могилъ болѣе или менѣе древняго происхожденія.

Едва-ли тоже можно сказать о черепѣ изъ третьей могилы, разрытой нѣсколько позже во 2-мъ Жехсогонскомъ наслегѣ, возлѣ зимника якута, по прозванію „Хабыта“. Могила эта открыта „Хабытой“ случайно. Онъ строилъ для себя юрту и возлѣ нея вырылъ большую полукруглую яму, изъ которой извлекалъ землю для насыпи потолка.... Въ ямѣ этой оказался небольшой деревянный срубъ и въ немъ скелетъ женщины и остатки ея мѣховой одежды (по опредѣленію якута — рысей шубы) „буктах сон.“ Встарину эта одежда обыкновенно шилась изъ ровдуги или помятой кожи, внутри подбивалась какимъ-нибудь мѣхомъ, а снаружи обшивалась по краямъ, въ видѣ опушки, какимъ-нибудь дорогимъ звѣремъ; кромѣ того, обшивалась она металлическими и каралловыми (корольки) украшениями, какъ спереди, такъ и сзади. Костюмъ этотъ какъ въ прошлое, такъ и въ данное время составляетъ необходимый туалетъ каждой якутской невесты или замужней

женщины и въ обыденное время никогда не носится. Къ сожалѣнію, въ отрытой могилѣ костюмъ оказался совершенно сгнившимъ, какъ и всѣ другія части одежды. Скелетъ былъ также попорченъ и отъ него удалось лишь взять значительно вывѣтрившейся и попорченный черепъ, а изъ принадлежностей костюма однѣ лишь металлическія и стеклянныя украшенія.

Принадлежности эти доставлены въ музей и состоятъ изъ слѣдующихъ предметовъ.

1) „Ханпаръ“ — женскій кошелекъ изъ ровдуги, унизанный разноцвѣтнымъ бисеромъ, съ бахромой изъ того-же бисера. Крышка отстала отъ задней стѣжки, но обѣ части найдены вмѣстѣ сложенными такъ, какъ онѣ составляли кошелекъ, — мѣсто его повидимому было подъ мышкой покойницы. Ровдуга (родъ замши — якутскаго производства, выдѣлывается изъ оленьихъ шкуръ) пропиталась въ землѣ различными солями, затвердѣла и представляетъ какъ-бы видъ окаменѣлости, покрытой разноцвѣтнымъ узоромъ изъ бисера.

2) Разноцвѣтные бусы и бораллы (корольки), частью унизанные на ровдугу и соединенные между собою мѣдными украшеніями, частью лежавшіе въ разсыпную. Ровдужныя нити рвались при первомъ прикосновеніи къ нимъ.

3) 65 мѣдныхъ украшеній; нѣкогда они должны были служить вислицамъ украшеніемъ одежды „буктах сон“, о которой упомянуто нами выше. Рисунокъ „ханпар'а“ и вислицхъ украшеній можно найти у Маака: „Виллюйскій округъ“, т. 3-й.

4) „Иниелік“ — мѣдный игольникъ, нынѣ не встрѣчающійся у якутовъ (см. рисунокъ 6-й)

и 5) металлическій широкій перстень, надо полагать, изъ сплава олова и серебра.

Всѣ выше перечисленныя украшенія, кромѣ „ханпар'а“, по виду и окраскѣ совершенно сходны съ рисунками предметовъ, найденныхъ Маакомъ въ старинной гробницѣ на берегу озера Тѣкъ въ

Средне-Виллюйскомъ улусѣ. (см. „Виллюйскій округъ, Якутской области, ч. III, ст. 103—106, таб. I, рисунки: 13, 16, 17, 18, 19 и 23). Тутъ, „по разсказамъ туземцевъ, покоилась якутка, похороненная около полутора ста лѣтъ тому назадъ“. Гробница стояла въ лѣсу на шести столбахъ съ перекладинами, на высотѣ $2\frac{1}{2}$ ар. отъ земли.

На той-же таблицѣ рис. 11-й изображаетъ, видимо, и игольникъ, очень похожій на представленный нами „иннеикъ“, хотя и съ болѣе упрощенной рѣзкой. „Халшаръ“, найденный нами, по формѣ похожъ на рисунокъ „женской сумочки“, изображенной у Маака на 2-й таблицѣ, рис. 5-й. Последній отличается явными украшеніями и такой-же бахромой, между тѣмъ какъ у нашего украшенія и бахрома состоитъ изъ бисера и однихъ бусъ. Судя и поэтому, надо полагать, что покойница была женщина не богатая.

Что-же касается древности могилы, то только на основаніи сходства украшеній изъ двухъ женскихъ могилъ — нашей и Виллюйской, можно предположить, что она относится къ могиламъ прошлаго или начала нынѣшняго вѣка, не позже.

Н. Геккеръ.

ЗАМѢТКА

по поводу редакціи „Верхоянскаго Сборника“ И. А. Худякова.
(Иркутскъ. 1890). *).

Приступивъ въ началѣ мин. года къ штудированію въ подлинникѣ якутскаго текста Худякова и пользуясь для удобства печатнымъ русскимъ текстомъ, и на первыхъ же порахъ пришелъ къ необходимости свѣрять печатный текстъ съ самою рукописью. Поводомъ къ этому послужилъ слѣдующій переводъ одной якутской поговорки, какъ онъ значится въ печатномъ изданіи (стр. 5):

„Всполонный (ѣмюрахъ) бѣеть, какъ олень. (Подобно тому, какъ и ѣмюрахъ (иногда) удачно попадетъ (скажетъ))“.

Каждый, прочитавъ это мѣсто, будетъ въ недоумѣніи: при чемъ здѣсь олень? И какая связь между первой половиной цитаты и второй? Недоумѣніе разъясняется, если заглянуть въ подлинную рукопись Худякова, гдѣ читаемъ написанное *его* рукою:

„Ѣмюрахъ кііі таба охсорун курдук. [Подобно тому какъ и ѣмюрахъ (иногда) удачно попадетъ (скажетъ)]“ и подъ якутскимъ текстомъ написанное карандашомъ *рукою* *прот.* Д. Д. Попова: „Всполонный бѣеть какъ олень“.

Такимъ образомъ, редакторъ „Верхоянскаго Сборника“ мало того, что позволилъ себѣ поставить лишніе въ якутскомъ письмѣ и *отвернутые* Худяковымъ твердые знаки, но и приписалъ Худякову, безъ всякой оговорки, *чужой* и притомъ *неверный*

*) Эту замѣтку мы получили черезъ якутскій статистическій комитетъ съ просьбой автора напечатать ее въ ближайшей книжкѣ „Извѣстій“ какъ предостереженіе всѣмъ, пользующимся „Верхоянскимъ сборникомъ“. Мы охотно исполняемъ желаніе автора, иногда полагаемся на его авторитетныя сужденія въ области якутскаго языка.

переводъ (согласно переводу прот. Попова въ якутскомъ текстѣ должно бы было стоять: *омурах кісі таба охсорун курдуу охсор*).

Такое сдѣланное мною открытіе заставило меня предположить, что и въ другихъ мѣстахъ редакторъ могъ приписать Худякову ему вовсе не принадлежащее, а потому, прежде чѣмъ штудировать якутскій текстъ того или другого отдѣла „Сборника“, я обыкновенно тщательно свѣрялъ и исправлялъ печатный русскій текстъ по подлинной рукописи.

Мое предположеніе оправдалось вполне. Въ отдѣлѣ пѣсенъ (стр. 20) сдѣлана такая выноска: „Маяахъ не означаетъ бѣлое вполне, а бѣловатое“. Помимо того, что нѣтъ въ якутскомъ языкѣ слова „маяахъ“, но якутскій языкъ не допускаетъ такого стеченія гласныхъ, какое имѣется въ приведенномъ словѣ. Оказывается, что выноска эта также принадлежитъ не Худякову, а прот. Попову, но стоящее въ ней слово „манганъ“ редакторъ (или его переписчикъ) не разобралъ и прочелъ невѣрно *мангахъ*, не справившись съ якутскимъ текстомъ пѣсни, гдѣ онъ легко нашелъ бы въ соответственномъ мѣстѣ ясно написанное *манан* (или, по другому говору, *маннан*)¹⁾. Но на слѣдующей, 21-й стран., въ отдѣлѣ загадокъ (№ 7) находимъ пѣчто лучшее:

„Одинъ дикій олень-самка, пришедши съ востока, теряется (впитывается) на западѣ. *Разсвѣтъ или заря* (пожалуй и солнце)“.

„*Пожалуй и солнце*“! Не потому-ли, что оно теряется на западѣ? Жаль только, что по-якутски-то оно не „теряется“, а тѣмъ болѣе не „впитывается“, а — „входитъ—спускается“. У Худякова словъ „пожалуй и солнце“ вовсе нѣтъ, и они — произведеніе редактора, опять не разобравшаго карандашной замѣтки (совершенно въ данномъ случаѣ неосновательной) того же прот. Попова такого содержанія: „*Пожалуй и самаиъ*; у якутовъ слова родами

¹⁾ За неимѣніемъ якутскаго шрифта (Ботлинка) нѣкоторые звуки мы передаемъ подходящими русскими буквами.

не опредѣляются¹⁾. Редакторъ (или его переписчикъ) принялъ написанное *самель* за *солнце*, а такъ какъ дальнѣйшія слова замѣтки къ солнцу никакого отношенія не имѣютъ, то онъ ихъ по-просту отбросилъ.

Отъ дальнѣйшихъ ошибокъ въ такомъ родѣ редакторъ избавился только потому, что почти все карандашныя замѣтки прот. Попова или постырались, или были кѣмъ-либо стерты.

Въ приведенныхъ случаяхъ ошибки могутъ быть объяснены неразборчивостью почерка и блѣдностью карандашныхъ замѣтокъ. Но такія же ошибки допущены и по отношенію къ разборчивому почерку самого Худякова.

Напечатано:

Слѣдуетъ:

СТРАН. СТРОКА

14	7 св.	поцѣлуемся-полюбумся	поцѣлуемся-полюбимся
22	14 св.	набѣгиваетъ рыжій жеребецъ	нобѣгиваетъ рыжій жеребецъ
23	8 св.	Вѣтеръ сраниваетъ снѣгъ съ вѣтвей	Вѣтеръ сраниваетъ снѣгъ съ вѣтвей
25	13 св.	утка саксонъ	утка саксанъ
27	6 "	съ плетью изъ <i>сока</i>	съ плетью изъ <i>осоки</i>
30	4 "	Говорятъ въ глухомъ есть пинающій край (луку) сѣдельнаго дерева	Въ глухомъ пинающій край (лука) сѣдельнаго дерева есть говорить.
32	5 "	Въ роду трехгодовой коровы есть нѣчто не мерзнущее	Въ роду трехгодовой коровы есть нѣчто не мерзнущее
37	16 "	Раздвискная занавѣска	Ровдужная занавѣска
39	3 св.	длиннаго-длиннаго	длиннаго-длинноногаго
41	1 "	отголосокъ — эхо	отголосокъ эха
43	10 "	одна шляпа у четырехъ солдатъ	одна шляпа у четырехъ поповъ

¹⁾ Неосновательность этой замѣтки ясна изъ того, что въ якутскомъ текстѣ на- гаден на лицо слово *тысы*, что значитъ *самка*.

НАПЕЧАТАНО:

СЛѢДУЕТЪ:

СТРАН. СТРОКА

51	14 св.	Вы у меня ни <i>отгайте</i> , ни почувте?	Вы у меня ни <i>доайте</i> , ни почувте.
59	9 „	Вотъ вы просите, <i>юсти</i> , точно вы съ нами упромыслили.	Вотъ вы просите <i>части</i> , точно вы съ нами упромыслили.
66		ничего не говорить и <i>ѣдять</i>	ничего не говорить и <i>не ѣдять</i>
73		Чирка-утку послали искать земли	Чирка-утку послали искать <i>зелени</i> .
78		<i>указаль</i> впередь	<i>ускахаль</i> впередь
80		положила <i>на подушку</i>	положила <i>въ назуку</i>
89		я пришель <i>взять старую</i> твою дочь	я пришель <i>взять старую</i> твою дочь
107		убили <i>пѣгоного</i>	убили <i>пѣганого</i>
112		не показывающаяся на солнцѣ (<i>днѣ</i>)?	не показывающаяся на солнцѣ (<i>дню?</i>)
123		<i>сѣлаю закваской</i> воронамъ этого мѣста	<i>сѣлаю закуской</i> воронамъ этого мѣста

и т. д., и т. д., и т. д.

Впрочемъ, еще одинъ примѣръ. Пока у меня не было подлинника „Верхоянскаго Сборника“, я, конечно, пользовался для словаря изданнымъ русскимъ текстомъ. Прочитавъ на 231 стр.: „Кыйбырданъ со старшей сестрою (Текикой)“ и т. д., я занесъ эти имена въ свой словарь такъ: „*Кыйбырданъ* — дѣйствующее лицо въ связкѣ, Худ.“ и „*Текико (?)* — старшая сестра Кыйбырдан-а, Худ.“ Въ томъ, что Текико — собственное имя, не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнiя, такъ какъ оно значится и въ „алфавитномъ указателѣ собственныхъ именъ“, приложенномъ къ „Сборнику“. Я заподозрилъ лишь вѣрность въ начертанiи этого имени, какъ нарушающемъ законы послѣдовательности и гармонiи гласныхъ. Но каково же было мое удивленiе, когда въ нынѣшнемъ году, только черезъ нѣсколько лѣтъ (въ ходатайствѣ моемъ о присылкѣ рукописи Худякова мнѣ сначала было категорически

отказано). Я прочелъ это мѣсто въ рукописи, безъ особаго труда, такъ: „Кыйбырдан со старшей сестрою (*теткой*)“, что и вполне понятно, такъ какъ такими словами Худяковъ переводитъ въ другихъ мѣстахъ (данное мѣсто—безъ якутскаго текста) якутскія слова *ааас* или *йджэи*, которыя дѣйствительно обозначаютъ и старшую сестру, и тетку. Не будь у меня самой рукописи Худякова, „Текико“ фигурировало бы въ моемъ словарѣ въ качествѣ собственнаго имени, хотя бы и съ вопросительнымъ знакомъ. Хотя слово *теткой* дѣйствительно изображено у Худякова такъ, что можно прочесть его „теткой“, но во всякомъ случаѣ не „Текикой“, и не напиши редакторъ это слово съ большой буквы, оно не пошло бы въ алфавитный указатель и можно было бы легко догадаться, что здѣсь просто опечатка или описка вм. *теткой*.

Я привелъ только крупнѣйшіе примѣры неравобранныхъ редакторомъ (или его переписчикомъ) словъ, такъ или иначе измѣняющихъ смыслъ текста, мелкихъ же описокъ и опечатокъ, а также пропусковъ отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ фразъ и не оберешься. Все связанное относится не только къ той части „Сборника“, которая имѣетъ соответственный якутскій текстъ, но и къ другой, безъ якутскаго текста, а также и къ „Русскимъ сказкамъ“, кои я тоже сбиралъ съ рукописью, чтобы имѣть у себя точную копію съ нея. Точная копія въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе важна, а описки, опечатки и недосмотры тѣмъ болѣе нежелательны, что Худяковъ старался вполне передать все малѣйшіе отбѣнки говора верхоянскихъ русскихъ. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, редакторъ или его переписчикъ *исправляли* этотъ мѣстный русскій говоръ (напр., вм. *пострѣливаатъ* напечатано *пострѣливаетъ*, вм. *широко* раздолье—*широкое* раздолье, вм. *тятинька*—*татенька*, вм. *когда*—*когда* и т. д.), а въ одномъ случаѣ слово *Могуе* (слово якутское, встрѣчающееся и въ записанной Худяковымъ якутской сказкѣ и означающее обжора)—дѣйствующее лицо сказки, слѣд. имя собственное—редакторъ упорно изображаетъ со

строчной буквы и съ обязательнымъ твердымъ знакомъ на концѣ. Худяковымъ, какъ сказано, отвергнутымъ. Что касается знаковъ прешинанія, то Худяковъ, разставляя ихъ въ русскомъ текстѣ, сообразовался съ тою или другою конструкціей якутскаго текста, которая слишкомъ отличается отъ русской. Въ печатномъ же изданіи знаки разставлены произвольно, безъ соображенія съ якутскимъ текстомъ: иногда одна фраза разбита на двѣ, отдѣленные одна отъ другой точкою, и, наоборотъ, двѣ фразы, раздѣленные точкою, соединены въ одну.

Такимъ образомъ, изданный „Верхоянскій сборникъ“ не имѣетъ за собой даже достоинства точной копии подлиннаго русскаго текста Худякова.

Если такова редакція русскаго текста, то уже а priori можно себѣ представить, какова редакція тѣхъ немногихъ якутскихъ словъ и выраженій, которыя редакторъ счелъ нужнымъ включить въ русскій текстъ. Описокъ и опечатокъ въ этихъ случаяхъ масса, собственныя имена часто пишутся почему-то со строчной буквы, притяжательные суффиксы или отбрасываются произвольно или, напротивъ, прибавляются безъ всякой нужды, а иногда случается, что слова и выраженія вставлены совсѣмъ не въ томъ мѣстѣ, къ которому они относятся (напр. на стр. 136 „джяель емгя“ отнесено къ „жестяному кругу“ — „роду женской кобарды“, когда оно должно было быть отнесено къ „мѣднымъ серьгамъ“, стоящимъ въ слѣдующей строкѣ). Все это невольно наводитъ на мысль, что редакторъ болѣе чѣмъ плохо зналъ якутскій языкъ (если онъ зналъ только). И вотъ тому доказательства.

При знакомствѣ съ языкомъ якутскимъ, редакторъ несомнѣнно исправилъ бы или оговорилъ бы въ примѣчаніяхъ тѣ очевидныя описки и недосмотры у Худякова, которые сразу бросаются въ глаза даже при чтеніи одного русскаго текста. Напр., поговорка на стр. 4: „Черть ихъ возми! Пусть они хоть голоаой, хоть *головами* (?) становител!“ Очевидно, что здѣсь что-то не ладно, и

дѣйствительно въ якутскомъ текстѣ стоитъ: *бастарынан* и *атагтарынан*, т. е. *головами* и *ногами*. На стр. 37 (заг. № 186) въ разгадкѣ у Худякова сказано: „человѣческіе штаны“ — буквальный переводъ якутскихъ словъ: *кісі сыалҕата*, допустимый въ черновой работѣ, но недопустимый въ редактированной. По-якутски *сыалҕа* значить и штаны (якутскіе), и шлея, а потому для отличенія штановъ отъ шлеи и употреблено слово *кісі* (человѣкъ), но въ русскомъ языкѣ оно совсѣмъ лишнее: на стр. 51: „Послѣ этого плывутъ по Ленѣ три штуки, какъ дома... Одна остановилась по срединѣ; одна пристала къ краю“. А куда же дѣвалась третья? является вопросъ. Оказывается, что въ якутскомъ текстѣ стоитъ *іккі*, т. е. двѣ (штуки), а не три. На стр. 100: „приду со сватомъ и сватовьями“ описка вм. со сватовьями и сватьями. На стр. 108: „Выслить доить коровъ“ описка вм. *кобылъ* (въ як. текстѣ *сылыларын*) и пр., и пр.

Далѣе. На стр. 147: „И прежде (меня) шало сюда много (прямыхъ костей) стройныхъ“. Редакторъ дѣлаетъ къ слову „костей“ выноску: „гостей?“ не подозревая, что здѣсь обыкновенное якутское выраженіе *кѳнѳ унуоҕтах*, буквально: имѣющій прямыя кости, означаетъ *стройный* и что, слѣдовательно, переводъ Худякова вполне вѣренъ. Въ выноскѣ къ стр. 96 „чоронъ“ оказывается не березовой, а „берестяной посудой для кумыса“, во второй выноскѣ на 28 стр. „хотонъ“ оказывается не хлѣвъ, а „дворъ“, и проч.

Нѣкоторыя редакціонныя выноски положительно ничего не объясняютъ, напр., выноска на 25 стр. (заг. № 45) къ словамъ „утка саксо(а)нъ (по-якутски халба)“ гласить: „У Бѳтлингга халба—родъ утки“. Другія выноски вводятъ читателей въ заблужденіе по части русскихъ словъ, напр., на стр. 5, 11 и 28 слова *туесь*, *заритъся* и *ленъ* (сухожиліе) названы „сибирскими провинціализмами“, тогда какъ, по Далю, *туесь* встрѣчается не только въ Сибири, но и на сѣверѣ и востокѣ Европ. Россіи,

заритсья—общераспространенное слово, а *ленъ* встрѣчается въ восточныхъ губерніяхъ Европ. Россіи. Между тѣмъ, для людей, пользующихся „Верхоянскимъ Сборникомъ“ съ научными цѣлями, не сдѣлано ничего, что могло бы облегчить болѣе или менѣе вѣрное пониманіе русскаго текста, напр. понятія „народъ“ (въ якут. текстѣ русское *каманда*), „законъ“ (въ якут. текстѣ *ыҕах*) и проч., и проч. остались вовсе безъ поясненій и уже нѣкоторыхъ чуть было не ввели, а другихъ, быть можетъ, и ввели въ нежелательное заблужденіе.

Но кромѣ предъявленныхъ выше требованій, которымъ должно удовлетворить научное изданіе, можно было бы предъявить еще другія требованія, выполненіе которыхъ потребовало бы затраты значительнаго труда, но за то получился бы дѣйствительно точный Худяковскій переводъ якутскаго текста. При сличеніи русскаго текста съ якутскимъ оказывается, во-первыхъ, масса пропусковъ въ русскомъ текстѣ: не переведены какъ отдѣльные слова, такъ и цѣлыя выраженія; во-вторыхъ, переводъ многихъ словъ и выраженій сдѣланъ невѣрно. Въ особенности много пропусковъ и ошибокъ встрѣчается въ раннихъ записяхъ Худякова. Худяковъ переводилъ, очевидно, въ разное время и, по мѣрѣ большаго ознакомленія съ языкомъ, самъ исправлялъ въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ своей рукописи невѣрно переведенныя мѣста: эти-то исправленія слѣдовало бы, при тщательной редакціи, свѣривъ съ якутскимъ текстомъ, сдѣлать и въ тѣхъ отдѣлахъ „Сборника“, кои самимъ Худяковымъ остались непровѣренными (особенно страдаютъ въ этомъ отношеніи загадки). Пропуски же въ переводѣ слѣдовало бы также возстановить, по Худякову же, путемъ сличенія разныхъ мѣстъ „Сборника“, такъ какъ непереведенное въ раннихъ записяхъ часто оказывается переведеннымъ вполне вѣрно въ записяхъ болѣе позднихъ.

Въ виду всего сказаннаго выше, было бы въ высшей степени желательно, чтобы русскій текстъ „Сборника“, тщательно провѣ-

ренный и проредактированный, былъ изданъ вновь параллельно съ якутскимъ текстомъ. Тогда изданіе вполне соответствовало бы научнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ подобнаго рода „Сборникамъ“. Въ настоящемъ же своемъ видѣ „Сборникъ“ не имѣетъ никакой научной дѣйствительности.

Эд. Пекарскій.

1-го Января 1896 г.

ЯКУТСКІЙ РОДЪ.

(Памятная книжка Якутской области за 1896 г. Вып. I.).

I.

Характеризовать Якутскій бытъ *до прихода русскихъ* и приурочивать эту характеристику къ определенному историческому моменту можно было бы только путемъ разработки прямыхъ историческихъ данныхъ, сохранившихся, быть можетъ, въ мѣстныхъ или центральныхъ архивахъ. При всякомъ другомъ матеріалѣ эту характеристику можно было бы отнести только вообще къ нѣкоторому прошлому.

Тѣ данныя, надъ которыми оперировалъ авторъ, состояли, прежде всего, въ непосредственномъ, личномъ знакомствѣ его съ современнымъ бытомъ якутовъ. Но мы говоримъ объ этомъ источникѣ только потому, что *знаемъ*, что это такъ было. Обыкновенный-же читатель не видитъ этого изъ самой статьи. Авторъ поспешилъ на сообщеніи, и въ результатѣ получается иной разъ впечатлѣніе произвольности даже и тогда, когда, нѣтъ сомнѣній, выводы его вполне достоверны.

Другіе источники исчерпываются сказками, „сагами“ и такъ наз. преданіями, т. е. опять таки тѣми сказками, только съ фабулой, приуроченной въ какому нибудь историческому моменту. Ясное

*) Не раздѣлив полемическій и нѣсколько задорный тонъ статьи, любезно переданной намъ редакціей „Восточнаго Обозрѣнія“, мы охотно помещаемъ ее въ виду научнаго интереса. Тѣтъ вопросовъ, которые затронуты ею. Она является отсылкою на статью „Памятная книжка Якутской Области“ о Якутскомъ родѣ, которой, имѣлось въ виду лишь положить начало дальнейшему изслѣдованію. Быть можетъ, и печатаемая нами статья послужитъ толчкомъ какъ къ теоретическому обсужденію вопросовъ о родности, устройствѣ якутовъ, такъ и, главное, къ собранію документальнаго и иллюстративнаго матеріала по этимъ вопросамъ.

дѣло, что ни одинъ изъ этихъ источниковъ не можетъ дать матеріала для построения характеристики якутскаго быта въ моментъ завоеванія этого края русскими. Но именно *такъ* понялъ авторъ свою задачу.

Эта, по нашему мнѣнію, ошибочная точка зрѣнія разбираемаго нами труда обусловила нѣкоторые изъ его недостатковъ. Благодаря ей, авторъ выбиралъ изъ имѣвшагося матеріала одно, выбрасывалъ другое, въ результатѣ получился очеркъ съ односторонне окрашенными чертами и недостаточно мотивированными выводами.

Другіе недостатки изслѣдованія зависятъ еще и отъ не совершеннаго теоретическаго представленія о тѣхъ общественныхъ формахъ, о которыхъ трактуетъ авторъ. На этомъ мы остановимся подробнѣе.

Вѣроятно, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ сказанный моментъ семейная организація якутовъ носила патріархальный характеръ. Но самъ патріархатъ, какъ и все на свѣтѣ, развивается и видоизмѣняется, при чемъ черты одной эпохи далеко не могутъ быть характерными для другой. Традиціонное представленіе о патріархальномъ строѣ, котораго, по видимому, придерживается и нашъ авторъ, выражается въ надѣленіи „отца“ абсолютной, безконтрольной властью, вплоть до права на жизнь и смерть надъ всѣми своими домочадцами. Именно этими чертами охарактеризовалъ онъ и якутскую семейную организацію до прихода русскихъ.

Однако новѣйшія изслѣдованія подорвали этотъ традиціонный взглядъ. Оказалось, что даже относительно римской семьи не можетъ быть рѣши о деспотической власти отца; что во всѣхъ дѣлахъ, касающихся распоряженія имуществомъ семьи и судьбою ея членовъ, рѣшенія домовладыки имѣли силу подъ условіемъ согласія и одобренія „семейнымъ совѣтомъ“; и что самый деспотизмъ этотъ — продуктъ *упадка* патріархальнаго порядка. „Тамъ, гдѣ удержалось начало семейнаго коммунизма... власть мужа надъ

женой и отца надъ дѣтьми далеко не является столь произвольной, какъ въ тѣхъ *малыхъ семьяхъ*, въ которыхъ она не встрѣчаетъ ограниченій со стороны семейнаго старейшины и семейнаго совѣта... „Власть старейшины, съ другой стороны, далеко не является деспотической: онъ не болѣе какъ первый между равными; поставляемые имъ приговоры не являются его единоличными рѣшеніями, и обыкновенно предлагаются на обсужденіе всѣхъ совершеннолѣтнихъ мужчинъ управляемой имъ семейной общины“ (Ковалевскій, Законъ и обычай на Кавказѣ, I, 66).

Такимъ образомъ, если вѣрна данная авторомъ характеристика, то состояніе рисуемыхъ имъ отношеній должно быть отнесено къ тому моменту, когда сложная семья уже разложилась. Но отъ него же самого мы знаемъ, что это не такъ; что тотъ періодъ, о которомъ онъ говоритъ, характеризуется господствомъ семьи сложной, при которой „въ иныхъ случаяхъ чрезвычайно трудно понять, гдѣ кончается семья въ нашемъ смыслѣ и гдѣ начинается родъ“ (18). Здѣсь, такимъ образомъ, мы находимъ противорѣчіе между повѣянными теоріями относительно патриархальнаго строя и относящимися сюда данными прошлаго якутскаго быта. Теорія должна строиться на фактахъ; а потому при наличности сказаннаго противорѣчія намъ не оставалось бы другого выхода, какъ отказаться отъ этихъ теорій. Обратившись поэтому къ разбору самихъ фактовъ, лежащихъ въ основаніи выводовъ автора, здѣсь мы увидимъ, что традиціонный взглядъ сослужилъ плохую службу. Только этимъ можно объяснить себѣ то обстоятельство, что авторъ очень часто говоритъ о *правѣ* тамъ, гдѣ источники его говорятъ только о *фактѣ* или даже просто даютъ указаніе на существованіе извѣстныхъ *отдельныхъ* случаевъ.

„Хотя да отцомъ, — читаемъ мы, — признавалось неограниченное право на жизнь и смерть своихъ дѣтей, но въ тоже время сознаніе кровной связи начинало ограничивать примѣненіе этого права къ действительности“ (читай: въ сказкахъ). „Примысла ука-

жизни на убійствѣ отцомъ своимъ дѣтей мы не находимъ во-
все" (8)... Спрашивается, если нѣтъ даже указаній на фактъ,
откуда же мы знаемъ о существованіи права? Вѣдь намъ нужно
возсоздать неизвѣстный строй по показаніямъ источниковъ (ска-
зокъ), и, ясное дѣло, что мы не можемъ говорить о томъ, о чемъ
умалчиваютъ сами источники. Если же мы рѣшаемся говорить, то
не на основаніи фактовъ, а дедуцируя изъ нашего предустанов-
леннаго взгляда на характеръ патріархальной семьи и насилуя
наши факты, но, говорится далѣе, — въ сказкахъ „мы находимъ
только указанія на неосуществленное намѣреніе“. Въ доказательство
приводится два случая. Въ одномъ отецъ, уже направившій лукъ
на сына, оставляетъ свое намѣреніе убить его послѣ обращенной
къ нему рѣчи зятя, въ которой характерно слѣдующее мѣсто:
„Развѣ ты хочешь, обращаясь на свое тѣло и кровь, убить свое
родимое дитятко?“... О чемъ угодно, но о *правѣ* убивать дѣтей
этотъ эпизодъ говоритъ меньше всего. Напротивъ, по крайней
мѣрѣ зять-то не только, видимо, не имѣлъ понятія о такомъ
правѣ, но пораженъ даже фактомъ. Да и самъ отецъ, какъ
будто не совсѣмъ твердъ въ сознаніи своего „неограниченнаго
права“, если сдался на такую малоубѣдительную аргументацію;
вѣдь отецъ раньше и лучше зятя зналъ, что его сынъ — его „тѣло
и кровь“, его „родимое дитятко“... Другой случай, пожалуй, еще
характернѣе. Вотъ онъ цѣликомъ, какъ имѣется въ статьѣ. „На-
мѣреніе одного небожителя убить названнаго своего сына (т. е.
человѣка, которому онъ далъ имя) было признано другими небо-
жителями преступнымъ и заслуживающимъ тяжкаго наказа-
нія“ (9)... Если этотъ эпизодъ и можетъ говорить что либо, то
относительно не въ пользу права отца на произвольное распоряженіе
жизнью дѣтей, а въ направленіи совершенно обратномъ.

Пресловутое *jus vitae necisque*, какъ признакъ патріархата, и
вообще не можетъ быть доказано. Если оно когда либо и имѣло
мѣсто, то только на той примитивной стадіи, которую Латурно

назвалъ *morale bestiale*, звѣриной моралью. Но въ этотъ періодъ еще съ большимъ основаніемъ мы можемъ говорить о правѣ дѣтей убивать своихъ родителей. И несомнѣнно, это послѣднее право, если его можно такъ назвать, у якутовъ осуществлялось, какъ говоритъ и нашъ авторъ. Источникъ-же всѣхъ подобныхъ разсужденій примѣнительно къ патріархальной стадіи прекрасно разъясненъ М. Ковалевскимъ. Родовой строй знаетъ одну форму репрессіи: кровную месть съ ея производными явленіями. Но она имѣетъ мѣсто только при *между-родовыхъ* столкновеніяхъ. Что касается до преступленій внутри рода, то отсутствіе мстителя и мести и вытекающая отсюда какъ-бы безнаказанность обыкновенно признается изслѣдователями равнозначительной праву совершать послѣднія. Но что здѣсь нѣтъ мѣста дѣйствительному праву отца на жизнь и смерть, ясно уже изъ того, что „столь-же безнаказаннымъ остается... убійство дядею племянника подѣ условіемъ сожительства обоихъ въ одномъ дворѣ, брата братомъ и *отца сыномъ*“ (Соврем. обычай и др. закон., I, 292, то же II, 123—125).

Возвратимся къ нашей статьѣ. То же обобщеніе частныхъ случаевъ и возведеніе факта въ право мы находимъ и въ очеркѣ положенія жены. На всѣхъ, напр., культурныхъ ступеняхъ мужа въ завальчивости убивали своихъ женъ; но никто еще не думалъ, что *на этомъ* основаніи можно говорить о правѣ на подобныя дѣйствія. Но когда въ якутской сказкѣ *Салсаріана-блрганъ* убиваетъ свою жену за то, что она послужила косвеннымъ поводомъ къ войнѣ, то это почему-то значитъ, что „личныя отношенія между супругами характеризуются, главнымъ образомъ, неограниченной властью мужа надъ своею покорною женою“, и что будто-бы мужъ „имѣлъ *право* убить свою жену, хотя-бы она и не подала никакого прямого повода“ (5).

Но мы знаемъ, что пока жива родовая организація, положеніе женщины, хотя и зависимо, но не можетъ считаться рабскимъ и беззащитнымъ. Мы знаемъ, напр., что за убійство жены мужъ не дѣлѣ

подвергался мести со стороны родственниковъ жены, по крайней мѣрѣ, до момента рожденія ребенка. „Вульгарное-же мнѣніе относительно абсолютнаго порабощенія женщины въ патріархальную эпоху ничуть не согласуется съ положительными фактами, выступающими изъ изученія древнихъ законодательствъ и, въ особенности, законодательствъ Рима, Германіи и славянскаго міра,“ т. е. тѣхъ, которые считаются типично патріархальными порядками (Ковал. *Tableau des origines etc.*, 98).

Характеризуя положеніе женщины, авторъ говоритъ, между прочимъ, и о томъ, что „побой были, вѣроятно, дѣломъ *зауряднымъ*: по крайней мѣрѣ о томъ, что „мужья приколотили“ своихъ женъ, упоминается въ одномъ преданіи вскользь, какъ о вещи очень обыкновенной“ (5). Но на слѣдующей страницѣ говорится, что „за побой, наносимые мужьями, жены мстили *иногда*“ ... Оба эти положенія снабжены одною и тою-же ссылкой на „Сборникъ“ Худякова, стр. 56. Открываемъ и убѣждаемся, что это не только одна и та же страница, но и одинъ и тотъ-же эпизодъ. Конечно, то обстоятельство, что для доказательства *заурядности* побоевъ приведенъ именно тотъ единственный эпизодъ, который самъ-же и доказываетъ, что за побой бабы *иногда* мстили, не можетъ считаться особенно убѣдительнымъ... Недосмотръ этотъ самъ по себѣ былъ-бы не важенъ, если-бы, какъ намъ кажется, не была ошибочна сама мысль, имъ доказываемая. Дѣло въ томъ, что русскаго наблюдателя поражаетъ именно *мягкость* нынѣшнихъ семейныхъ отношеній якута. Что этой мягкости нельзя приписать вліянію русскихъ, ясно это хотя-бы изъ того, что русскіе нравы именно въ этомъ отношеніи значительно грубѣе. И если такое вліяніе было, то только въ отрицательную сторону. Но что современные нравы составляютъ коренную якутскую черту, это можно видѣть по тѣмъ-же сказкамъ. Тамъ жена постоянно называется „равнымъ мнѣ другомъ“, „товарищемъ“, „госпожею женою“; такъ же и сама жена обращается къ мужу со словомъ „другъ“, вмѣшивается въ его дѣла, ссоры, даетъ совѣты и даже бранитъ мужа (Худяк. 185).

Наиболѣе доказательный пунктъ въ характеристикѣ власти отца—это произволь его въ спарованіи дѣтей. Но и его мы должны принимать *cum grano salis*. У якутовъ еще и теперь въ обычаѣ сговаривать дѣтей въ очень раннемъ возрастѣ. Понятно, что говорить о *произволь* въ этихъ случаяхъ нельзя по той простой причинѣ, что иначе то и быть не можетъ. Что-же касается до произвола въ опредѣленіи брачной судьбы взрослыхъ дѣтей, то и здѣсь, при извѣстныхъ культурныхъ условіяхъ, о немъ можно говорить только съ большой осторожностью. Воля отца становится самодурствомъ только для Катерины. Были-ли у якутовъ до прихода русскихъ свои Катерины? Весьма сомнительно, и, во всякомъ случаѣ, намъ это не показано. Въ культурномъ состояніи, гдѣ общество еще не расколосось на совокупность отдѣльных индивидуумовъ, изъ которыхъ каждый находится въ непрерывной, хотя и не всегда кровопролитной, войнѣ съ другимъ,—въ такомъ культурномъ строѣ не можетъ быть сильной нравственной потребности единенія съ человѣкомъ, который былъ-бы *alter ego*, съ которымъ можно было-бы быть не въ войнѣ, а въ любви и мирѣ. Этотъ то нравственный моментъ, составляющій душу нашихъ брачныхъ отношеній, въ значительной мѣрѣ отсутствуетъ въ тѣхъ обществахъ, которыя построены по болѣе или менѣе выраженному типу солидарности. Отсюда здѣсь значительное безразличіе въ выборѣ себѣ пары, которое наблюдается и въ нравахъ якута современнаго. Выборъ первоначально ограничивается *общественнымъ положеніемъ* брачующихся, и только въ очень слабой степени приурочивается къ личнымъ ихъ качествамъ. Такимъ образомъ, для самихъ дѣтей при извѣстномъ состояніи можетъ быть почти безразлично, съ кѣмъ ихъ паруютъ. И тогда о произволѣ, какъ характеристикѣ власти отца, говорить было-бы неумѣстно.

И такъ, мы приходимъ къ тому заключенію, что ни теоріи, ни фактическія данныя изъ прошлаго якутскаго быта не даютъ намъ права характеризовать власть отца и мужа въ якутской родовой

организаціи чертами абсолютизма, простирающагося до права жизни и смерти надъ всѣми домочадцами.

II.

Одной изъ чертъ совершенно законченнаго типа патріархальной семьи, какъ извѣстно, является до жестокости строгое отношеніе къ добрачному поведенію женщинъ. Признавая таковою семью якутовъ до прихода русскихъ, авторъ естественно *предположилъ* и наличность строгаго отношенія къ цѣломудрію. Говоримъ: предположилъ, потому что вовсе не видимъ, чтобы это было намъ доказано. Все, что мы имѣемъ по этому пункту, сводится буквально къ слѣдующему: въ виду того, что въ глазахъ тогдашнихъ якутовъ, да и теперешнихъ, „дѣвушка имѣетъ цѣну и калымъ“, родители были заинтересованы въ томъ, чтобы дочери ихъ до выхода замужъ сохранили цѣломудріе. И вотъ мы находимъ въ сказкахъ указаніе на то, что дѣвица — невѣста вела въ семьѣ затворническую жизнь. Въ одной сказкѣ прямо говорится, что родители запрятали дочь „въ тремстѣнномъ серебряномъ чуланчикѣ. Держать ее заключивши, говоря: пусть не видятъ имѣющіе глаза, не слышать имѣющіе уши, пусть не говорятъ (о ней) язычные“ (12). Такимъ образомъ цѣломудріе просто предположено для объясненія единичнаго указанія на затворничество.

Если-бы даже этотъ эпизодъ давалъ болѣе определенное указаніе на причину затворничества (ею, вѣдь, могло быть и предохраненіе противъ похищенія), то и тогда оно было-бы слишкомъ незначительно въ виду того, что мы могли-бы собрать въ тѣхъ-же сказкахъ гораздо болѣе доказательствъ противнаго. Для примѣра я укажу на одинъ эпизодъ. *Бѣлый-юноша*, герой сказки этого же имени, неожиданно увидѣлъ по дорогѣ дѣвушку, совершенно ему неизвѣстную, которая „пришла и лежала съ нимъ; прибавляя къ силѣ свой устатокъ, юноша повеселился такъ, какъ *посторонніе*

люди веселятся съ посторонней женщиной“... Самый оборотъ указываетъ, какъ будто, на *обычность* такихъ отношеній. А чтобы не оставалось сомнѣнія въ томъ, *какъ* обыкновенно посторонній якутъ веселится съ посторонней дѣвушкой, сказка сейчасъ же прибавляетъ: „послѣ этого въ животѣ у женщины такъ и началъ биться съ водою совѣтъ ребенокъ“ (Худяк. 162).

Если допустить, что авторъ правъ, тогда намъ придется еще объяснить тотъ странный фактъ, что, по словамъ самихъ якутовъ, въ настоящее время *якутъ этимъ* не дорожится“, какъ слыхаль навѣрно всякій, кому приходилось заводить съ ними объ этомъ рѣчь. Оно и понятно. Вопросъ о цѣломудріи новобрачной возникаетъ только въ томъ случаѣ, когда берутъ взрослую дѣвушку. Но якутскіе нравы еще и понынѣ далеки отъ этого; мало мальски состоятельный якутъ старается найти невѣсту своему сыну какъ можно раньше. Дѣлается это въ виду облегченія въ уплатѣ калыма. Калымъ всегда тяжелъ; поэтому устраиваются такъ, что уплата его начинается вмѣстѣ съ заключеніемъ брачнаго договора съ такимъ расчетомъ, чтобы къ моменту достиженія дѣтми брачнаго возраста уплата калыма была закончена и можно было сразу приступить къ свадебной церемоніи. Важно при этомъ то, что, вмѣстѣ со взносомъ первыхъ частей калыма, женихъ—мальчикъ пріобрѣтаетъ, такъ сказать, супружескія права относительно своей невѣсты, тоже еще ребенка. Онъ часто гоститъ въ домѣ будущей жены, спитъ вмѣстѣ съ нею и зачастую, подростши, становится мужемъ фактически. Весьма понятно, что при *такихъ* условіяхъ не можетъ быть даже вопроса, сохранила ли невѣста цѣломудріе, нѣтъ мѣста контролю результатовъ брачной ночи, „опорочиванію“ и т. п. О какомъ цѣломудріи могла-бы идти рѣчь, когда дѣти съ молоду ведутъ себя какъ супруги? Не удивительно, что и теперь еще слово *кысъ* (дѣвушка) строго не обособилось и употребляется для молодой особы вообще, хотя-бы и замужней. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы *современный якутъ* не зналъ цѣломудрія вовсе: оно

только находится у нихъ въ процессѣ формировапія на столько не законченномъ, что якутская масса смотритъ на дѣвушку, до замужества забеременѣвшую, какъ на будущую хорошую жену. И только у тойоновъ начинается съ одной стороны выходить изъ употребленія добрачное сожителство, съ другой — болѣе строгое отношеніе въ добрачному поведенію дѣвиць.

Въ числѣ доводовъ въ защиту взглядовъ автора намъ приходилось слышать и ссылки на несомнѣнный фактъ, что за *вдову* калымъ платится уменьшенный. Но этотъ фактъ можетъ быть весьма удовлетворительно объясненъ безотносительно цѣломудрія. Дѣло въ томъ, что повсюду, гдѣ господствуетъ культъ предковъ съ соответственнымъ ему представленіемъ о загробной жизни, какъ полной копіи земного существованія, мужъ и послѣ смерти сохраняетъ, такъ сказать, супружескія права на жену. Отсюда весьма распространенные обычай самосожженія и др. видовъ самоубійства или убійствъ вдовы при похоронахъ мужа. Было-ли что либо подобное въ правахъ якутовъ, я сказать не берусь; но априорно можно предположить съ большой вѣроятностью, что въ той или другой формѣ такая посмертная связь *должна была* существовать.

Нѣкоторый аналогъ тому-же кругу идей можно, пожалуй, видѣть въ слѣдующемъ. По вѣрованіямъ якутовъ, у любящихъ супруговъ и души (куть) соединяются другъ съ другомъ. Хорошій-же шаманъ можетъ достигнуть такого единенія и относительно любой супружеской четы, загнавъ ихъ души, напр., въ одну бисеринку. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ умершій забираетъ съ собою и куть оставшагося, результатомъ чего бываетъ неизбежная смерть оставшагося въ живыхъ супруга. Только сильнѣйшій шаманъ посредствомъ спеціального камланія можетъ разъединить куть и такимъ образомъ избавить отъ преждевременной смерти.

Теперь намъ стоитъ только вспомнить, какимъ могуществомъ культъ предковъ надѣляетъ усопшихъ, чтобы понять, съ какой опаской долженъ былъ каждый рѣшиться овладѣть тѣмъ, что по

праву должно принадлежать могущественному на добро и зло духу! (см. Липпертъ, Ист. культуры, 329). Вотъ почему, съ самаго начала, при бракѣ на вдовѣ, за нее калымъ долженъ быть платиться уменьшенный: не всякій на такой бракъ рѣшался и рѣшившійся въ уменьшенной цѣнѣ калыма какъ-бы вознаграждался за рискъ обладанія вдовою. А затѣмъ, въ данномъ случаѣ могло имѣть значеніе и то, что на раннихъ ступеняхъ развитія, въ періодъ семейнаго общенія женъ, остатки чего мы находимъ въ левиратѣ, вдова и вовсе бесплатно переходила къ новому мужу, родственнику. Результатомъ этого было то, что съ понятіемъ о женитбѣ на вдовѣ искони связано было представленіе о низшей, подчиненной формѣ брака. И очень естественно, что когда семейное общеніе женъ совсѣмъ прекратилось, за такимъ бракомъ осталось на всегда такое представленіе, такъ что, когда вдова начинаетъ выходить уже только за посторонняго и съ платой калыма, калымъ этотъ долженъ быть низшаго размѣра. Но, повторяю, въ примѣненіи къ якутамъ это только апріорное, хотя и очень вѣроятное, положеніе.

Какъ-бы тамъ, впрочемъ, ни было, но тотъ краснорѣчивый фактъ, что въ нравахъ современныхъ якутовъ цѣломудріе дѣвушекъ только еще вырабатывается, даетъ намъ право заключить, что тѣмъ менѣе должны были дорожить имъ якуты прошлаго.

III.

Быть можетъ, отчасти этимъ предвзятымъ отношеніемъ къ цѣломудрію слѣдуетъ объяснить то, что авторъ проходитъ мимо указаній на существованіе матриархата, такъ какъ послѣдній предполагаетъ именно легкость половыхъ связей. А указанія эти очень разнообразны и въ общемъ получаютъ солидное свидѣтельство. Разумѣется, при этомъ остается открытымъ вопросъ, насколько сказки могутъ быть чисто якутскаго происхожденія и насколько въ нихъ вошли заимствованія.

Типъ брачныхъ отношеній, на почвѣ которыхъ возникаетъ матриархатъ, прекрасно разъясненъ у М. Ковалевскаго: „Происхожденіе семьи и собственности“. Въ нижеслѣдующемъ мы на него будемъ ссылаться, цитируя по французскому изданію (*Tableau des origines etc.*).

Типъ этотъ можетъ быть названъ *групповымъ бракомъ*, причѣмъ, при строгомъ проведеніи началъ экзогаміи, каждый мужчина одной группы *по праву рожденія*, можетъ быть мужемъ каждой женщины другой группы. Заключеніе брака нечерчивается фактомъ сожительства. Вотъ почему проф. Ковалевскій говоритъ, что „въ первобытную эпоху бракъ не сопровождается ни какой церемониальной формальностью“ (40).

Браки героевъ якутскихъ сказокъ очень часто поражаютъ, такъ сказать, своей безцеремонностью. Къ *старухѣ—Симилсинѣ* пришелъ гость, молодой человекъ. Угощались. „Вечеромъ настало время спать. Справивши свою постель, дѣвушка (дочь старухи) легла спать. Гость раздѣлся, влетѣлъ—легъ подъ одно одеяло съ дѣвучкой. *Ставши мужемъ и женой, жили, поженившись, въ этомъ мѣстѣ*“ (Худяк. 104). Герой другой сказки нагоняетъ по дорогѣ одинокую дѣвучку. Послѣ короткихъ распросовъ, „этотъ мужчина поднялъ ее съ лошади. Поцѣловалъ—понюхалъ, полюбилъ. Стали здѣсь жить“. Непосредственно послѣ этого въ сказкѣ они уже названы мужемъ и женой (Худ. 119). Или еще: „Упала дѣвушка въ обморокъ. Очнулась. Сынъ съ дѣвучкой поцѣловались—понюхались, полюбились. *Жили въ этомъ мѣстѣ мужемъ и женой*“ (тамъ же 126).

Другою отличительною чертою этихъ формъ брака служитъ ихъ кратковременность. Длится они обыкновенно не долѣе времени рожденія ребенка. Но условія расселенія группъ, взаимно обладающихъ супружескими правами, позволяютъ и болѣе кратковременные союзы. Въ упомянутомъ сочиненіи проф. Ковалевскій приводитъ, въ видѣ иллюстраціи, жителей одной провинціи Южной Австраліи,

гдѣ группы *кумиты* и *кроки* стоятъ въ подобныхъ отношеніяхъ другъ къ другу. „Не занимая отдѣльныхъ опредѣленныхъ мѣстностей, эти группы живутъ смѣшанно въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ и на пространствѣ многихъ тысячъ миль. Это обстоятельство позволяетъ кратковременные брачные союзы между какимъ нибудь *кроки*, пришедшимъ издалека, и женщиной *кумитой*, со дня рожденія не выходившею изъ своей мѣстности... Отсюда происхожденіе гостепріимнаго гетеризма“ (н. с. 14). Что касается до якутскихъ сказокъ, то уже вышеприведенные брачные случаи могли бы быть зачислены, съ небольшою натяжкой, за счетъ формъ гостепріимной проституціи. Но у насъ есть, по крайней мѣрѣ, одно указаніе болѣе рѣзкаго характера. Въ сказкѣ „*Ураныканъ — старикъ*“ переданъ эпизодъ, какъ нѣкто набрелъ на „стоячую серебряную юрточку“, въ которой на „передней кровати сидитъ дѣвица“... Послѣ жирнаго угощенія настало время спать. — „*Куда вы кладете спать вашихъ гостей?*“ спрашиваетъ гость. — „Если не брезгуешь, *ложись со мною*... Велѣвши себя раздѣть, влетѣлъ онъ — легъ“ (Худ. 90). Эпизодъ чрезвычайно характерный уже по самой формѣ вопроса: не куда *меня* положите спать, а куда вы *гостей* кладете, т. е. по заведенному обычаю. И если, по обычаю, гостей кладутъ спать съ хозяйскими дочерьми, то, нѣтъ сомнѣнія, мы имѣемъ дѣло съ указаніемъ на гостепріимный гетеризмъ. Вотъ почему для насъ вовсе не имѣетъ значенія оговорка сказки: „одинъ другому не говорили, что „ты мужчина“, что „ты женщина“ (т. е. не предлагали любви). Такой оборотъ требовался фабулой разсказа.

Что касается родословія по женской линіи, то слѣды его тоже можно указать. Прежде всего, слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что, по словамъ автора, „родство по женской линіи, кромѣ прямой восходящей, обозначается иными названіями“ (4); при чемъ, если названія эти „менѣе точно опредѣляютъ степени родства“ и что „такихъ названій только три“, вполнѣ согласуется съ матриархатомъ, влекущимъ за собою такъ называемое „классное родство“.

Въ якутскихъ преданіяхъ есть одинъ случай, еще не достаточно разъясненный, который, быть можетъ, впоследствии дастъ новое свидѣтельство въ пользу матриархата. Якуты считаютъ себя потомками *Омогой-бая* только потому, что они происходятъ отъ его *дочери*, хотя и вышедшей замужъ не то за татарина, не то за бурята. Правда, этотъ зять былъ принятъ въ семью Омогоя и, можетъ быть, усыновленъ. Но, во-первыхъ, онъ былъ изъ нея изгнанъ и даже проклятъ; во-вторыхъ, усыновленіе въ данномъ случаѣ весьма сомнительно. Культъ предковъ ревниво блюдетъ за чистотою крови, такъ какъ предки принимаютъ жертвы только отъ кровнаго потомка. По этому полное усыновленіе на патриархальной стадіи допустимо только для избѣжанія еще большаго зла: прекращенія самаго культа при отсутствіи сыновей. Омогой-бай, однако, сына имѣлъ.

Въ самой статьѣ тамъ и сямъ разсыпаны факты, интерпретація которыхъ, натянутая съ точки зрѣнія патриархата, довольно проста при предположеніи матриархата. Авторъ упоминаетъ, напр., о томъ, что якуты практиковали переуступку женъ вплоть до конца XVIII вѣка. (5). Фактъ этотъ приведенъ авторомъ въ доказательство крайне подчиненнаго положенія женщины. Мы уже знаемъ, что приниженность эта весьма проблематична. Но факты остаются фактами. Какъ же они объясняются? *Какъ слѣды матриархата.* Мы уже знаемъ сущность брачныхъ отношеній на этой стадіи. Слѣдующій рядъ примѣровъ укажетъ послѣдовательность видоизмѣненій этихъ отношеній, ведущихъ прямо къ явленіямъ, подлежащимъ нашему объясненію. У гуротовъ (Америка) женщина принадлежитъ по очереди въ теченіе нѣсколькихъ дней каждому изъ мужчинъ племени. По словамъ Миклухи-Маклая, у одного племени на Малаккѣ, дѣвушка, послѣ того какъ состояла женой въ теченіе нѣсколькихъ дней, идетъ добровольно и съ *согласія мужа* къ другому и т. д., пока снова не возвратится къ мужу (Зиберъ). Но на Цейлонѣ уже существуетъ „бракъ на три четверти“, какъ

назвать его Леббокъ. Жена принадлежитъ мужу три дня, четвертый же она можетъ подарить любому мужчине (Начало цивилизаціи, 58). Права мужа, т. о., все усиливаются и наконецъ наступаетъ моментъ, когда женщина вообще всю жизнь принадлежитъ мужу и только по временамъ, „по старому доброму обычаю“, ее переуступаютъ другому. Профессоръ Ковалевскій выставляетъ, какъ общее правило, слѣдующее положеніе: „гдѣ нѣкогда господствовали матриархаты, мы должны находить слѣды нѣкотораго рода коммунизма въ пользованіи женщинами“. Сюда онъ причисляетъ арабскую форму преходящаго брака съ женщинами купленными и затѣмъ перепродаваемыми (Tableau 29—30). Точно также Бахофенъ въ „Материнскомъ правѣ“ указываетъ, какъ слѣды матриархата, обычай лакедемонянъ, по которому, когда женщина родила достаточное число дѣтей, считалось дѣломъ обычнымъ и прекраснымъ отдавать ее кому нибудь изъ друзей. Катонъ Цензоръ передалъ свою жену другу тоже „согласно старому обычаю римлянъ“... Факты якутской жизни, очевидно, должны быть поняты тоже въ томъ смыслѣ, что и у нихъ были свои Катоны, ревнители „древняго благочестія“...

Другой примѣръ. У якутовъ, говоритъ авторъ, въ періодъ заселенія области „существовалъ *обычай* принимать зятьевъ въ свою семью“... „Въ послѣдствіи этотъ обычай исчезъ и замѣнился другимъ, по которому зять долженъ былъ послѣ женитьбы пробыть нѣкоторое время въ домѣ тестя“ (15—16). Но чѣмъ жизненнѣе родовая организація, тѣмъ важнѣе для личности ея родъ, тѣмъ плотнѣе она съ нимъ срастается. „Во всѣхъ обществахъ,—гов. Манъ,—гдѣ связью служитъ родство, положеніе лицъ утратившихъ или надорвавшихъ эту связь, является чрезвычайно тягостнымъ (Древ. истор. учреждений, 144). Зять, принятый въ семью жены, не только измѣнникъ своему роду, но и чужой иноплеменникъ, въ роду жены. (Любопытно, что еще и теперь у якутовъ такое лицо обязано вести себя почти также, какъ и невестка,

впервые вступающая въ домъ мужа. Также какъ и она, зять не смѣетъ произносить имени родоначальника семьи жены.) Вотъ почему, если дѣло идетъ не объ отдѣльныхъ случаяхъ, а объ *обычае* проживанія зятя въ домѣ жены, изслѣдователи единогласно приурочиваютъ этотъ обычай къ стадіи матриархата. „У всѣхъ народностей, придерживающихся началъ матриархата, мужъ, вступивъ въ бракъ, оставляетъ свою жену въ домѣ родителей (ея) въ теченіи цѣлаго года“ (Ковал., Зак. и об. на Кав. I, 19). Это только остатокъ того порядка, при которомъ не жена вступала въ домъ мужа, а наоборотъ (Линнертъ, и. с., 165).

Въ заключеніе, я хочу обратить вниманіе на то обстоятельство, что самый калымъ, повидимому, долженъ предполагать прежнее господство матриархата. Лучшее объясненіе калыма—это гипотеза Вилькена, къ которой самостоятельно пришелъ и нашъ Зиберъ, видящая въ калымѣ не актъ *продажи*, а *композицію, выкупъ права мести* (См. „Слово“, 82,7; также Зиберъ, Очерки первобытн. экономич. культуры). При экзогаміи и патриархатѣ господствуетъ правило, хорошо выраженное якутской поговоркой: „дѣвушка всегда бываетъ достоиніемъ племениковъ“. А если это такъ, если замужество дѣвушки прямо невозможно иначе, какъ путемъ перехода въ чужой родъ, то *за что же*, собственно, мститъ? Въ извѣстомъ смыслѣ то же самое правило применимо и къ матриархату, и тамъ экзогамія—обязательный порядокъ; но здѣсь жена не переходитъ въ домъ или родъ мужа, и мести нѣтъ. Последняя возникаетъ съ того момента, когда экзогамія, оставаясь обязательной, принимаетъ форму *похищенія женъ*. Актъ похищенія дѣвушки изъ материнскаго клана въ калымъ мужа есть уже актъ нарушенія существующаго (матриархальнаго) порядка, права, и потому вызываетъ репрессію, мечь, переходящую затѣмъ въ выкупъ, калымъ. Это, повидимому, подтверждается и враждебностью между зятемъ и *тещею*, предразсудками относительно *тещи*, выдающеюся ролью въ симулированіи враждебности, которую разыгрываетъ *мать невесты*.

Только гораздо позже, съ развитіемъ мѣны и вообще торговли, актъ полученія выкупа за невѣсту, калымъ утрачиваетъ особенности своего происхожденія и представляется частнымъ случаемъ общей массы торгово-мѣновыхъ сдѣлокъ.

IV.

Соотвѣтственно абсолютизму власти главы семьи и родъ представленъ состоящимъ почти въ полномъ единоличномъ распоряженіи главы рода, тойона. „По своей внутренней организаціи, по отношенію членовъ рода къ своему главѣ и по взаимнымъ ихъ отношеніямъ, родъ первоначально представлялъ изъ себя не что иное, какъ ту же первобытную семью“ (18). „Тойонъ очень рѣдко обращался за совѣтомъ къ своему народу даже въ вопросахъ... войны и мира“ (20). И когда рѣчь идетъ о народѣ, то нужно подъ этимъ понимать „лучшихъ и старшихъ людей въ родѣ“... Таково мнѣніе автора о якут. родовой организаціи; таково же было и вообще господствующее мнѣніе относительно патріархальнаго рода; но въ настоящее время беретъ верхъ представленіе о родовой власти, какъ организаціи, такъ сказать, республиканской. Соглашаясь съ такимъ взглядомъ новѣйшихъ романистовъ, проф. Ковалевскій прибавляетъ, что „и въ другихъ законодательствахъ, какъ напримѣръ, въ германскомъ или славянскомъ нельзя найти подтвержденія монархической организаціи рода“ (Зак. и об. на Кав. Ц, 151). Последняя появляется вовсе не первоначально, а какъ продуктъ упадка родового строя. „Наслѣдственная передача власти въ родовомъ обществѣ, — по мнѣнію г. Корончевскаго, — указывала бы на приближающееся распаденіе его“ („Слово“ 1879 г.). Слѣд., одно изъ двухъ: или данная намъ характеристика не вѣрна, или мы застаемъ якутскій родъ въ періодъ полнаго упадка.

Какъ ни мало въ сказкахъ указаній на участіе народа въ родовыхъ дѣлахъ, но среди нихъ все же есть свидѣтельство того, что

не только старѣйшіе участвовали въ родовыхъ дѣлахъ. По крайней мѣрѣ въ одномъ случаѣ упоминаются рядомъ и старые, и молодые, при чемъ, когда мѣнія ихъ раздѣлились, верхъ взяли именно молодые (Хантагай — батырь, Худ. 60).

Рядомъ съ примѣрами простого участія въ дѣлахъ, мы находимъ указаніе на нѣчто большее, на народную инициативу. Эгинцы, по собственной инициативѣ, совѣщаются и идутъ на войну; эгинцы, а не тойонъ ихъ, посылаютъ посломъ сына тойона; эгинцы, а не тойонъ, порицаютъ этаго посланца за недобросовѣстное исполненіе порученія и грозятъ ему смертью за лѣность и трусость (Худ. 55 — 56).

По словамъ автора, только одинъ тойонъ „творилъ судъ-расправу въ предѣлахъ своего рода“ (19); въ межъ-родовыхъ-же столкновеніяхъ дѣла рѣшались оружіемъ (24).

Что касается до внутреннихъ споровъ, то при родовой организаціи и здѣсь власть главы рода несетъ тѣ-же ограниченія, какъ власть главы семьи. Общее правило состоитъ въ томъ, что всѣ дѣла рѣшаются „родовымъ совѣтомъ“ (Коропчевскій, и. ст.). Гораздо интереснѣе остановиться на способахъ рѣшенія межъ-родовыхъ столкновеній. Едва-ли не больше, чѣмъ по другимъ пунктамъ, здѣсь даетъ себя знать отсутствіе того теоретическаго критерія, который одинъ можетъ дать масштабъ для расцѣпки и интерпретаціи фактовъ.

Суверенитетъ родовъ вовсе не исключаетъ возможности, а при дальнѣйшемъ развитіи, прямо дѣлаетъ необходимымъ рѣшеніе межъ-родовыхъ споровъ не только оружіемъ, но и „судомъ посредниковъ“. Даже больше того: вооруженное столкновеніе всегда кончается такимъ судомъ (см. объ этомъ Ковал., Совр. об. и др. зак., II, 190 и далѣе). Мнѣ категорически утверждаетъ, что „постоянные вооруженныя столкновенія и постоянные судебные процессы могутъ существовать рядомъ, и что строгое соблюденіе вполне выработанныхъ формъ судебного процесса можетъ имѣть мѣсто въ такое время, когда убійство представляется ежедневнымъ явленіемъ (и. с. 231).

Спрашивается, имѣются-ли какія-либо указанія въ нашемъ матеріалѣ на подобнаго рода способы рѣшенія дѣлъ? Есть и довольно много. Прежде всего, правосознаніе якута (по сказкамъ), какъ будто, шагнуло далеко за ту черту, на которой господствуетъ единственно право оружія. Выше, напр., мы видѣли, что заслужило суроваго наказанія *одно намѣреніе* убить. Если мы теперь вспомнимъ, что родовой судъ имѣетъ всегда въ виду только матеріальную сторону преступленія, стараясь или о возмѣщеніи причиненнаго вреда, или о возмездіи путемъ нанесенія соответственнаго вреда обидчику;—что этотъ процессъ знаетъ, выражаясь по современному, только гражданскій искъ даже въ преступленіяхъ уголовныхъ,—то для насъ станетъ ясно, что кара *намѣренія* свидѣтельствуетъ о такомъ правосознаніи, которое не мирится со способомъ рѣшенія всѣхъ дѣлъ силою оружія.

Далѣе. Что, вообще, въ періодъ, о которомъ говоритъ авторъ, межъ-родовыя столкновенія *уже* знали примирительный, а не только боевой порядокъ рѣшенія дѣлъ, указываетъ существованіе калыма за невѣсту, если, конечно, мы, вмѣстѣ съ Вилькеиномъ и Зиберомъ, будемъ видѣть въ калымѣ композицію. Но въ нашемъ распоряженіи есть и болѣе прямыя указанія на существованіе посредничества. Въ одной сказкѣ герой собирается идти жаловаться и, очевидно, не къ тойону, такъ какъ онъ даже не знаетъ мѣстожителъства этого судьи. „Я имѣю намѣреніе, говоритъ онъ, идти жаловаться. Ты знаешь, гдѣ господинъ начало... Укажи мнѣ, заруби (т. е. расскажи дорогу)“ (Худак. 216). Въ другомъ случаѣ рассказанъ эпизодъ, въ которомъ дѣвушка, спасаясь отъ преслѣдованія, пришла просить защиты къ лицу, характерно названному: „*бесѣдующій почтенный, совѣтъ дающій*“ (тамъ-же 116). Самъ авторъ приводитъ, по другому поводу, слѣд. документальныя указанія. „Въ 1697 г., въ 27 главѣ генеральнаго регламента о разности всѣхъ провинцій указывается на необходимость „каждый народъ *по иль подтвержденнымъ* отъ Его Величества *правамъ* и привиллегіямъ

управлять“. Соответственно этому Савва Иллирійскій даетъ черезъ тридцать лѣтъ такую инструкцію: „иновѣрцамъ объявить, чтобы малыя дѣла, яко то въ калымѣ, малыя ссоры, въ воровствѣ скота, побояхъ и проч.... могутъ они вѣрноподанные судить своими начальниками и разводить такія ссоры *посредственно*“... Сопоставляя эти указанія, мы неизбѣжно приходимъ къ такому выводу: подтвержденные правительствомъ судебныя обычаи якутовъ состояли въ судѣ посредниковъ. Что и требовалось доказать.

Наконецъ, въ сказкахъ есть указаніе и на ордацію, которая всегда предполагаетъ регулирующую и рѣшающую власть, хотя-бы въ лицѣ посредниковъ.—Дьяволъ и человѣкъ долго боролись, но все безрезультатно. Тогда дьяволъ предлагаетъ: „спустимся-ка мы теперь къ почтеннымъ родоначальникамъ кузнецовъ..., тамъ *мы велимъ себя разсудить*... И, сдѣлавшись трехгранными трезубцами, влетѣли черезъ отверстія въ трубѣ“. Подскочили кузнецы, „захватили ихъ клещами, стали раздувать на двѣ стороны мѣхами. Дули ихъ три дня и три ночи, но ни отъ котораго не отлетѣла ни одна искра... Наше *испытаніе—приговоръ* къ вамъ безсиленъ: пусть судить васъ само широкое небо“, сказали кузнецы (Худ. 227—228). „Испытаніе—приговоръ“ повторяется затѣмъ еще въ двухъ формахъ, менѣе, впрочемъ, рельефныхъ. Это точная копія родовой распри: безконечная борьба, гдѣ актъ мести за какой-нибудь вредъ самъ становится основаніемъ мести и т. д., пока стороны не вынуждены будутъ согласиться на судъ свободно избранныхъ или обычныхъ посредниковъ.

V.

Мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о второй половинѣ статьи. Она прежде всего не даетъ того, что обѣщаетъ. Въмѣсто очерка общественнаго управленія подъ господствомъ русскихъ, она занята, главнымъ образомъ, перечнемъ правительственныхъ распоряженій. О самомъ-же общественномъ управленіи мы узнаемъ очень мало.

Да и трудная это была-бы задача, изобразить перемѣну того, о чемъ мы имѣемъ весьма смутное представленіе. Но главный недостатокъ ея—*освященіе* матеріала. Оказывается, напр., что „дѣйствительнымъ намѣреніемъ“ московскаго правительства при водвореніи своего господства, котораго „не поняла“ якутская родовая знать, было „водворить въ краѣ гражданскій порядокъ въ духѣ русскихъ законовъ“ (47)! Это нашъ-то XVII вѣкъ въ роли культуртрегера...

О „намѣреніяхъ“ мы только и можетъ судить, что по фактамъ. А что-же говорятъ факты? Исторія якутскаго края можетъ быть резюмирована однимъ словомъ: „*ясакъ*“. „Съ громкимъ и грознымъ, для покоренныхъ, словомъ „*ясакъ*“,—по выраженію Москвина,—шли хищные ушкуйники XVII в. на якутовъ; изъ за него они грабили и убивали туземцевъ; изъ за него рѣзались другъ съ другомъ; для его сбора присылаются воеводы, учреждаются комиссары... Нѣтъ почти ни одного (изъ упоминаемыхъ въ статьѣ) правительственнаго акта, который-бы прямо или косвенно не говорилъ о *ясакѣ*, о „грабежахъ“ и „раззореніяхъ“, которымъ подвергались якуты при его сборѣ. Если и можно говорить о „водвореніи гражданского порядка“, то оно не было самоцѣлющею цѣлью. „Намѣреніе“, притаившееся за „водвореніемъ гражданского порядка“, не нужно было выдумывать, ибо оно уже формулировано самимъ правительствомъ: „дабы инако тѣхъ инородцевъ не озлоблять и за границу не отогнать“ (указъ 1729 г.), такъ какъ вмѣстѣ съ „инородцомъ“ ушелъ-бы и „*ясакъ*“...

Особенно любопытно заключеніе статьи. „Что касается отношенія высшаго правительства къ якутамъ и къ якутскому самоуправленію, то историческія данныя позволяютъ сдѣлать заключеніе, что оно чуть-ли не со времени окончательнаго покоренія якутовъ относилось къ нимъ вполнѣ гуманно, старалось защитить ихъ отъ произвола низшей мѣстной администраціи и грубой эксплуатаціи торговыхъ людей, открывало широкій просторъ для самодѣтельности якутовъ

въ ихъ внутреннихъ отношеніяхъ, предоставивъ имъ судиться и распределить между собою земельные участки по ихъ собственнымъ обычаямъ и, наконецъ, прививъ къ якутской жизни довольно успешно выборное начало, дало якутамъ законное средство въ ихъ борьбѣ съ выродившейся родовой аристократіей“ (47—48)... Можно подумать, что въ Якутскѣ, даже и XVIII вѣкъ не сталъ еще достоинствомъ исторіи...

Все это отчасти не вѣрно по существу, но, главнымъ образомъ, ложно освѣщено.

Безпристрастный изслѣдователь, напротивъ, долженъ былъ подчеркнуть то обстоятельство, что ясакъ, какъ основной мотивъ русскаго господства, заставлялъ смотрѣть сквозь пальцы на преступныя дѣйствія администраціи. „Покоренныхъ тѣснили, тиранили и пытали,—гов. Москвинъ,—подъ предлогомъ будто бы неуплаты ясака... а въ Москвѣ удивлялись успешному сбору ясака и воеводы получали за то благодарности и награды“... И даже тогда, когда на преступныя дѣйствія воеводъ было обращено вниманіе, „завиняемые воеводы,—по словамъ того же лѣтописца,—товарищи ихъ и дѣяки оставались правыми, или слегка только завиненными“. Даже награбленное добро и пушнина, не смотря на конфискацію, выдавались обратно грабителямъ. „Въ старину,—говоритъ Карновичъ,—правительство смотрѣло на Сибирь только какъ на доходную статью или какъ на свою оброчную деревню, и, потому, чѣмъ болѣе доставлялось оттуда казны, тѣмъ лучше считалось тамошнее управленіе, хотя на дѣлѣ оно было рядомъ нескончаемыхъ злоупотребленій со стороны главныхъ правителей и прочихъ властей“ (Замѣчат. богатства, 20).

То же самое можно сказать и о защитѣ отъ „грубой эксплоатациі русскихъ торговыхъ людей“. Тотъ же Москвинъ говоритъ объ этомъ: „гостей торговыхъ тоже тѣснили... подъ тѣмъ же предлогомъ невзноса ясака... Но кому были съ руки воеводы, съ кѣмъ торговали и дѣлились дѣяки, тѣ и успѣвали пріобрѣтать, и пріобрѣтали, да еще получали награды и благодарности“.

Что касается до самостоятельнаго распределенія земель между собою, то я ограничусь одною только выпиской изъ, можетъ быть, слишкомъ ужъ много цитированныхъ мною сочиненій пр. Ковалевскаго. „Причина, по которой намъ удалось рѣшить несравненно *удачнѣе* англичанъ въ Бенгалѣ трудный вопросъ земельного устройства чуждыхъ намъ по крови народностей, лежитъ несомнѣнно *ни въ чемъ иномъ*, какъ въ близости ихъ земельного строя къ тому, которымъ до селѣ живетъ великорусское крестьянство“ (Зак. и о. на Кав. I, 269). Мнѣ прибавлять къ этому нечего.

Отчасти то же самое слѣдуетъ сказать и объ отношеніи къ самоуправленію, при чемъ здѣсь политика диктовалась и положеніемъ вещей, и вѣрно понятыми выгодами по части сбора и раскладки ясака. Но когда авторъ утверждаетъ, что правительство *привело* принципъ самоуправленія, т. е. внесло нѣчто чуждое якутскимъ отношеніямъ, то онъ забываетъ то, что самъ же писалъ нѣсколькими страницами выше: принципъ этотъ только подтвержденъ правительствомъ согласно ихъ правамъ. Да и какъ можно говорить объ этомъ, когда не доказано отсутствіе его въ быту якутовъ до прихода русскихъ? Когда, съ другой стороны, „мы не нашли ни одного правительственнаго акта, которымъ бы ясно и опредѣленно вводилось бы выборное начало“ (29)? Все же приводимыя въ очеркѣ акты говорятъ только о регулированіи выборнаго начала.

И въ „широтѣ“ якутскаго самоуправленія въ тѣ времена можно сильно сомнѣваться даже на основаніи того немногаго, что по этому поводу даетъ самъ очеркъ. Въ немъ, напр., рассказана исторія нѣкоего Сыранова, *административно назначеннаго головою* „безъ всякаго выбора“ и „не смотря на то, что былъ выборный голова“ (38). Сырановъ слишкомъ высоко жѣтилъ, потому и попалъ въ исторію; а сколько такихъ Сырановыхъ было калибромъ помельче, объ этомъ исторія пока умалчиваетъ.

Только съ точки зрѣнія принципа можно говорить о самоуправ-

леніи, какъ орудіи борьбы съ родовой знатью. Ни о какой такой борьбѣ не можетъ быть рѣчи даже и теперь. Якутскіе выборные жалованья не получаютъ, и выборъ при этомъ условіи сводится къ лавированью между ограниченнымъ числомъ кандидатовъ изъ той же родовой знати. И якутъ, какъ былъ, такъ и остался всецѣло въ рукахъ ея, какъ экономической силы. Русское господство только заставило перемѣнить ярлыкъ, подъ которымъ тойонъ лакомится „комночитомъ“, и можно думать, что послѣднее стало горше первыхъ. Новая эксплуатація приняла гораздо болѣе безсердечную форму именно подъ новыми вліяніями. Она дала толчекъ къ развитію мѣшного хозяйства и, разлагая родовую организацію, рушила и родовую солидарность. Тойонъ не несетъ теперь тѣхъ обязанностей, которыя связаны были съ его положеніемъ прежде. Она, такимъ образомъ, обострила борьбу за существованіе. И родовая знать имѣетъ теперь въ своемъ распоряженіи болѣе безнадежную бѣдноту. Для массы не до борьбы за вліяніе, положеніе современнаго комночита (работника), быть можетъ, безнадежнѣе положенія прежняго раба.

Авторъ ставилъ себѣ очень скромную задачу: „не имѣя малѣйшей возможности исчерпать предметъ во всей его полнотѣ, предлагаемою работою имѣется въ виду лишь положить начало дальнѣйшему изслѣдованію“. Ошибки весьма естественны относительно предмета, изученіе котораго „едва начато“. Поэтому, когда мы, по мѣрѣ силъ, пытались теоретически освѣтить предметъ или указывали на недостатки труда автора, мы шли навстрѣчу желаніямъ его. Нужно при этомъ имѣть въ виду и то, что недостатки эти въ огромной степени должны быть приписаны тому ненормальному положенію, при которомъ изслѣдователь вынужденъ работать почти безъ всякихъ научныхъ пособій.

Въ слѣдующій разъ поговоримъ о нѣкоторыхъ другихъ вопросахъ Якутской жизни, затронутыхъ „Памяти. Книжкой“.

В. С. С.

З А М Ъ Т К А

О защитныхъ приспособленіяхъ почекъ СИБИРСКИХЪ ДРЕВЕСНЫХЪ И КУСТАРНЫХЪ ПОРОДЪ.

Одной изъ самыхъ рѣзкихъ особенностей нашей флоры или, лучше сказать, вообще флоры умѣренно-холоднаго пояса является постоянная смѣна періодовъ интенсивной жизни и сравнительнаго покоя. Эта періодичность зависитъ отъ климатическихъ условій. Наступленіе зимнихъ холодовъ дѣлаетъ невозможнымъ жизненные процессы въ той формѣ, въ какой они совершаются лѣтомъ. Растенія погружаются въ родъ спячки, во время которой жизненные отправленія происходятъ очень медленно.

Въ продолженіе цѣлаго полугодя наша растительность находится въ состояніи такого оцѣпененія, выдерживая всевозможныя невзгоды, порождаемыя суровымъ климатомъ.

Несомнѣнно, что растенія должны обладать особой организаціей, должны быть приспособлены переносить безъ вреда для своей жизни продолжительное дѣйствіе нашихъ холодовъ.

Все растенія, независимо отъ ихъ родства, можно раздѣлить на группы, обладающія совокупностью извѣстныхъ признаковъ. Съ давнихъ поръ установилось дѣленіе высшихъ сосудистыхъ растеній на кустарники и деревья, многолѣтнія и однолѣтнія травы. Эта группировка, не имѣющая въ систематическомъ отношеніи никакого значенія, потому что члены одной и той же фамиліи и рода фигурируютъ въ различныхъ группахъ, очень важна съ точки зрѣнія біологіи и растительной географіи.

Всѣ растенія, принадлежащія одной группѣ, обладаютъ многими общими физиологическими и біологическими свойствами.

Три вышеприведенныя растительныя группы различнымъ образомъ переживаютъ періодъ покоя.

Однолѣтнія травы умираютъ осенью послѣ созрѣванія сѣмянъ. Перезимовываютъ только ихъ сѣмена, обладающія способностью противостоятъ всякимъ неблагоприятнымъ внѣшнимъ условіямъ. У многолѣтнихъ травъ осенью отмираютъ наземныя части и остаются только корни, которые перезимовываютъ подъ защитой снѣжнаго покрова. Значительно больше опасностей представляетъ зимнее время для кустарниковъ и деревьевъ. Корневая система ихъ, конечно, находится въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и многолѣтнія травы; совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ наземными частями: стволомъ, вѣтвями и листьями. Эти части вполне подвергаются дѣйствию климата и онѣ должны обладать какими нибудь особенностями организаціи, обеспечивающими ихъ въ борьбѣ съ климатомъ.

Выяснимъ себѣ прежде всего, отъ какихъ климатическихъ вліяній должны быть защищены перезимовывающія растенія.

Главнымъ факторомъ, не только обуславливающимъ климатическій характеръ зимы, но и имѣющимъ огромное вліяніе на жизнь растеній, является низкая температура. Однако, сама по себѣ она не представляетъ еще для растеній смертельнаго врага. Она дѣйствуетъ косвенно своими послѣдствіями. При продолжительномъ дѣйствіи низкой температуры растенія подвергаются опасности погибнуть отъ высыханія. Какъ ни мала величина испаренія въ зимнее время, все-таки, она, въ соединеніи съ невозможностью возобновить дѣятельностью корневой системы количество потерянной влаги, можетъ привести растеніе къ смерти отъ высыханія. Культивируемая въ нашихъ ботаническихъ садахъ южная древесная порода, свободно зимующія въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, очень часто внезапно погибаютъ отъ указанной причины послѣ холодной и сухой зимы. Эти, не разъ наблюдавшіеся случаи высыханія растеній отъ влія-

ніа холода, въ связи съ тѣмъ фактомъ, что растенія, безъ вреда для жизни переносяція почти совершенное высыханіе (лишай), нисколько не страдаютъ отъ мороза, заставляютъ меня разсматривать высыханіе главной опасностью при перезимовкѣ растеній.

Чтобы пережить зимнее время, деревья и кустарники должны обладать приспособленіями не противъ холода, но противъ его послѣдствія—высыханія.

Безполезность защиты отъ непосредственнаго дѣйствія низкой температуры вытекаетъ также изъ чисто физическаго разсмотрѣнія вопроса.

Представимъ себѣ шарообразное тѣло, состоящее изъ вещества, въ высшей степени дурно проводящаго тепло. Пусть это тѣло будетъ нагрѣто до 100° и подвергнуто дѣйствию зимняго климата. Мы хорошо знаемъ, что достаточно нѣсколькихъ часовъ, чтобы это тѣло приняло температуру окружающаго воздуха, несмотря на свою малую теплопроводность и шарообразную форму, при которой отношеніе поверхности къ объему является наименьшей величиной, а, слѣдовательно, и охлажденіе при равныхъ прочихъ условіяхъ совершается всего медленнѣе. Сказанное справедливо, конечно, только въ томъ случаѣ, если тѣло не имѣетъ внутренняго источника теплоты, покрывающаго потерю тепла вслѣдствіе лучеиспусканія.

Разобранный примѣръ ясно доказываетъ намъ, что наземныя части растеній, находящіяся въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, должны черезъ нѣкоторое время принять температуру окружающаго воздуха. Внутренняго источника теплоты растенія не имѣютъ, потому что тѣ химическіе процессы, которые совершаются въ растеніи даже во время интенсивной жизни, какъ мы знаемъ, рѣшительно недостаточны, чтобы повысить сколько-нибудь замѣтно температуру тѣла растенія.

Итакъ, мы приходимъ къ заключенію, что зимующія древесныя породы нуждаются въ защитѣ не отъ холода, но отъ высыханія.

Особенно необходима защита наземнымъ частямъ зимующихъ

растений, т. е. стволамъ, вѣтвямъ и почкамъ. Стволы и вѣтви обладаютъ таковой въ видѣ толстаго слоя коры, очень мало проницаемаго для воды. Вообще, эти органы, благодаря своему строенію, сравнительно мало нуждаются въ защитныхъ приспособленіяхъ.

Гораздо болѣе необходима защита для почекъ, являющихся особенно важными органами, потому что они служатъ центрами обновленія растений. Въ морфологическомъ отношеніи почки представляютъ сильно укороченную ось, заканчивающуюся конусомъ возрастанія и покрытую молодыми листочками и зачатками листочковъ.

Такъ какъ молодая меристематическая ткань, изъ которой состоятъ въ эмбриональномъ состояніи всѣ части растения, чрезвычайно вѣжна и легко погибаетъ отъ дѣйствія неблагоприятныхъ условій, то необходимо, чтобы эти молодые части были хорошо защищены. И дѣйствительно, какъ мы сейчасъ увидимъ, почки обладаютъ многими защитными приспособленіями. Здѣсь мы наталкиваемся на замѣчательную аналогію въ строеніи этихъ приспособленій у нашихъ сѣверныхъ кустарниковъ и деревьевъ и у керофитовъ, т. е. растений сухихъ и жаркихъ пустынь. Эта аналогія, странная на первый взглядъ, является воистину понятной и естественной послѣ всего вышесказаннаго. Какъ керофиты, такъ и почки нашихъ деревьевъ должны защищаться отъ потери необходимой для жизни влаги, хотя эта необходимость и вызывается совершенно различными причинами.

Главной защитой вѣжныхъ частей почки являются, такъ назыв., чешуйки, образующія вѣшній покровъ почки. Чешуйки эти, обыкновенно темныхъ цвѣтовъ, представляютъ собою кожистыя или пленчатыя образованія и есть ничто иное, какъ метаморфозированные листья, — такъ назыв., нижніе листья или же метаморфозир. листовыя основанія. Они располагаются спирально и окружаютъ со всѣхъ сторонъ почку въ нѣсколько рядовъ. Первый рядъ со-

стоитъ обыкновенно изъ мелкихъ чешуекъ, не способныхъ прикрыть почку. Слѣдующіе ряды образуются изъ крупныхъ чешуекъ, прикрывающихъ въ видѣ колпачка всю почку.

У почекъ нѣкоторыхъ породъ (напр. у Боярки) края этого колпачка срастаются на вершинѣ на нѣкоторомъ протяженіи, что имѣетъ большую важность, потому что такимъ образомъ уничтожается отверстіе, которое иначе неминуемо остается на вершинѣ почки. У другихъ породъ, у которыхъ нѣтъ такого срастанія краевъ чешуйки, встрѣчаются другія приспособленія, напр., пучки волосковъ, которые закупориваютъ это отверстіе (рисун. 1).

При нѣсколько внимательномъ разсмотрѣніи любой почки легко заключить, что потеря влаги можетъ происходить двумя путями: во первыхъ, черезъ самыя чешуйки и во вторыхъ, въ промежутки между чешуйками.

Сообразно этому и приспособленія почекъ можно раздѣлить на двѣ группы: однѣ, имѣющія цѣлью сдѣлать самыя чешуйки непроницаемыми для влаги, другія — уничтожить, по возможности, вредное вліяніе промежутковъ между чешуйками.

Обратимся сначала къ первой группѣ. Непроницаемость чешуекъ увеличивается или развитіемъ кутикулы, которая, какъ извѣстно, очень дурно пропускаетъ влагу, или смолистыми и воскообразными вышотами, образующими сплошной слой на поверхности чешуйки, или же густымъ войлокомъ волосъ, покрывающимъ вѣшнюю сторону чешуекъ.

У нѣкоторыхъ растений защитное приспособленіе составляютъ желѣзки, густо усеивающія наружную поверхность чешуекъ.

Обыкновенно, эти защитныя приспособленія встрѣчаются вмѣстѣ у однихъ и тѣхъ же почекъ. Рѣдко почки обладаютъ только однимъ изъ нихъ.

Самымъ распространеннымъ средствомъ является развитіе кутикулы. Всѣ изслѣдованныя мною древесныя и кустарныя породы имѣли почки съ сильно развитымъ кутикулярнымъ слоемъ. (Боя-

рышникъ—*Crataegus sanguinea* Pall., береза—*Betula alba* L., ива—*Salix* sp., жимолость—*Lonicera coerulea* L. var.?, яблонь сибирская—*Pyrus baccata* L., черемуха—*Prunus Padus* L., тополь—*Populus suaveolens* Fisch., рябина—*Sorbus aucuparia* L., шиповникъ—*Rosa cinamomea* L., акація—*Caragana arborescens* Lam., *Potentilla fruticosa* L. и таволожка—*Spigaea* sp.).

У нѣкоторыхъ породъ слой этотъ достигалъ замѣчательной толщины, напр., у разныхъ породъ ивы до 22,5 р. (рис. 2).

Смолистые и воскообразные выноты, отлично защищающіе почки отъ высыханія, встрѣчаются сравнительно рѣже.

Они особенно хорошо развиты у березы, тополя, осины и рябины.

Волосистые, войлочные покровы имѣютъ обширное распространіе.

Что касается желѣзокъ или, лучше сказать, желѣзистыхъ волосковъ, то я нашелъ ихъ только у багульника (*Rhod. Dahuricum*) и разныхъ видовъ смородины.

Ко второй группѣ защитныхъ приспособленій относятся, собственно, тѣже самыя, главнымъ образомъ, волоски и различные выноты, только они функционируютъ нѣсколько иначе.

Обыкновенно края чешуекъ обрамлены густой бахромой изъ волосковъ, которая, конечно, сильно препятствуетъ испаренію, закупоривая промежутки между чешуйками.

У почекъ, покрытыхъ смолистыми выдѣленіями, края чешуекъ снабжены не спутанными войлочными, но длинными прямыми, далеко другъ отъ друга отстоящими, волосками (рис. 3. Край чешуйки березы).

Здѣсь волоски служатъ не для закупориванія промежуточныхъ пространствъ, а играютъ ту же роль, какъ язычки при склеиваніи изъ картона различныхъ моделей: они служатъ для болѣе прочнаго соединенія чешуекъ между собой при посредствѣ липкаго смолистаго вещества. Волоски играютъ вообще большую роль въ защитныхъ

приспособленіяхъ почекъ. Это особенно ясно видно изъ ихъ размѣщенія на чешуйкахъ. Такъ, у почекъ, чешуйки которыхъ не срастаются на вершинѣ въ колпачекъ (какъ боярки), каждая чешуйка имѣетъ съ внутренней стороны на своей вершинѣ пучекъ волосковъ, закупоривающихъ остающееся отверстіе (рисун. 1). Замѣчательно при этомъ, что на остальной внутренней поверхности чешуйки обыкновенно совсѣмъ нѣтъ волосковъ; всѣ они локализованы и образуютъ упомянутый пучекъ.

Наконецъ, у очень многихъ почекъ встрѣчается употребленіе волосковъ еще другимъ образомъ. Молодые листочки этихъ почекъ производятъ съ внешней стороны такое множество длинныхъ серебристыхъ, наполненныхъ воздухомъ, волосковъ, что эти части почки являются окруженными какъ бы толстымъ войлочнымъ слоемъ, отдѣляющимъ нѣжныя внутреннія части отъ внешней покровы изъ кожистыхъ чешуекъ (Ива, Рябина, смотри рисунокъ 6 и 7). Къ числу самыхъ дѣйствительныхъ средствъ защиты относятся смолистые и воскообразныя выдѣленія. Почки многихъ растений покрыты толстымъ слоемъ смолистого вещества, склеивающаго между собою чешуйки и дѣлающаго промежутки между чешуйками почти непроницаемыми для влаги. Здѣсь необходимо упомянуть еще объ одной чертѣ въ организаціи почекъ, а именно, о чрезвычайномъ распространеніи въ тканяхъ чешуекъ большихъ мехклеточныхъ пространствъ. Большинство этихъ пустотъ, собственно, не могутъ быть названы мехклеточными, потому что они происходятъ вслѣдствіе разрывовъ ткани. Роль этихъ пустотъ довольно значительна. Въ нихъ собирается влага, выжимаемая морозомъ изъ тканей. Они служатъ какъ бы резервуарами, въ которыхъ сохраняется до времени эта влага, чтобы съ наступленіемъ тепла снова возвратиться въ сосѣднія ткани.

Резюмируя вкратцѣ все сказанное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ:

1) почки зимующихъ растений подвергаются во время зимы,

главнымъ образомъ, опасности высыханія, вслѣдствіе невозможности пополнить испаряющуюся влагу:

2) сообразно съ этимъ мы встрѣчаемъ у почекъ различныя защитныя приспособленія противъ испаренія, имѣющія замѣчательную аналогію съ приспособленіями ксерофитныхъ растений;

3) эти приспособленія состоятъ, главнымъ образомъ, въ сильномъ развитіи кутикулы, въ густыхъ волосистыхъ покровахъ и въ смолистыхъ выютахъ.

Послѣ того какъ мы познакомились въ общихъ чертахъ съ приспособленіями нашихъ почекъ, разсмотримъ болѣе подробно организацію нѣкоторыхъ изъ нихъ, начиная съ менѣе приспособленныхъ.

Часть нашихъ деревьевъ и кустарниковъ обладаетъ почками, прикрытыми нѣсколькими рядами голыхъ чешуекъ, единственная защита которыхъ состоитъ въ развитіи кутикулярнаго слоя. Изъ числа изслѣдованныхъ породъ, къ такимъ принадлежатъ черемуха, боярка, жимолость, акація.

Нѣсколько лучше защищены почки небольшого кустарника *Potentilla fruticosa*, замѣчательная еще тѣмъ, что у нихъ прилистники играютъ отчасти роль чешуекъ. Листья помянутаго растенія имѣютъ при основаніи пару прилистниковъ, которые срастаются въ трубку, охватывающую стебель. Послѣ опаденія листьевъ прилистники высыхаютъ и сохраняются еще долго. Въ пазухѣ опавшаго листа, внутри трубки, произошедшей отъ срастанія прилистниковъ, развивается новый листъ, черешокъ котораго высовывается изъ трубки. Въ пазухѣ этого второго листа образуется зимующая почка, прикрытая такимъ образомъ, кромѣ чешуекъ, еще двумя кожистыми трубками. Такъ какъ трубки эти плотно облегаютъ стебель и покрыты изнутри густыми волосками, то они представляютъ довольно хорошую защиту. (Рисун. 8).

Мы видимъ, что у *Potentilla fruticosa* волоски фигурируютъ, какъ защитныя приспособленія. У нѣкоторыхъ другихъ растений, какъ

напр., у видовъ таволожки волоски играютъ также видную роль: здѣсь они покрываютъ густымъ войлокомъ наружную сторону каждой чешуйки. У почекъ разныхъ породъ тополей волоски совершенно отсутствуютъ; ихъ мѣсто заступаютъ смолистыя выдѣленія.

При нѣсколько внимательномъ осмотрѣ сейчасъ-же бросается въ глаза, что почки этихъ растений кажутся блестящими, какъ-бы лакированными. Этотъ блескъ зависитъ отъ слоя смолистаго вещества, покрывающаго со всѣхъ сторонъ почку.

Это вещество очень трудно отдѣляется отъ чешуекъ и крѣпко склеиваетъ ихъ другъ съ другомъ. Особенно сильнаго развитія достигаютъ смолистыя выдѣленія у березы. Почки березы часто кажутся несимметрическими, уродливо утолщенными отъ покрывающаго ихъ толстаго слоя смолист. вещества. Этотъ слой очень хрупокъ на морозѣ и поэтому легко можетъ отпадать отъ чешуекъ. Можетъ быть, въ связи съ этой хрупкостью находится своеобразное строеніе кутикулы березовыхъ почекъ и присутствіе особыхъ волосковъ, которые, проникая въ толщу слоя, очевидно предназначены для его укрѣпленія. Слой кутикулы, гладкій или только слегка волнистый у другихъ породъ, у березы покрытъ впадинами и буграми (рис. 2—3) сильно увеличивающими поверхность чешуйки.

Вслѣдствіе этихъ неровностей смолистый слой держится крѣпче. Вся внѣшняя сторона чешуекъ покрыта вдобавокъ рѣдкими жесткими, загнутыми у своего основанія волосками, служащими для удержанія слоя. (Рис. 4).

Края чешуекъ березы снабжены длинными, прямыми и рѣдкими волосками, при помощи которыхъ смолистыя выдѣленія такъ крѣпко склеиваютъ между собой чешуйки, что ихъ очень трудно разъединить. (Рисун. 5).

Очень интересны почки рябины. Волоски играютъ здѣсь выдающуюся роль. Снаружи почки покрыты густымъ войлокомъ спутанныхъ сѣрыхъ волосковъ. Такъ какъ чешуйки рябины выдѣляютъ большее количество густой и липкой смолистой жидкости, то помя-

нутые волоски склеиваются въ бурюю кору, которая конечно не способствуетъ большому испаренію. Эти же выдѣленія выполняютъ промежутки между чешуйками и такъ склеиваютъ чешуйки между собой, что ихъ невозможно отдѣлать другъ отъ друга цѣлыми.

Подобная операція удается только послѣ того, какъ почки пролежатъ долгое время въ скипидарѣ, который растворяетъ мало по малу смолистое вещество.

По удаленію внѣшнихъ чешуекъ, мы наталкиваемся на толстый слой длинныхъ, бѣлыхъ, наполненныхъ воздухомъ волосъ, облегающій со всѣхъ сторонъ молодые листочки, находящіеся въ самой серединѣ почки.

Эти листочки покрыты на своей внѣшней сторонѣ массой длинныхъ волосковъ, которые и образуютъ упомянутый слой. Насколько толстъ этотъ слой легко судить по прилагаемому рисунку, представляющему разрѣзъ черезъ почку рябины. (Рисун. 6). Подобный же слой волосковъ встрѣчается у другихъ растений, напр. у яблони и разныхъ породъ ивъ. Почки послѣднихъ замѣчательны еще потому, что они прикрыты только одной чешуйкой, которая образуетъ, вслѣдствіи срастанія своихъ краевъ, совершенно глухой колпачекъ, не имѣющій ни малѣйшаго отверстія.

При распусканіи почки колпачекъ этотъ лопается обыкновенно продольной щелью и отбрасывается потомъ распутившимися листьями. Колпачекъ этотъ, у большинства ивовыхъ совершенно голый, отличается сильнымъ развитіемъ кутикулярнаго слоя. Главную защиту молодыхъ частей почки образуетъ толстая прослойка изъ волосъ, окутывающихъ эти части. (Рис. 7).

Въ заключеніе этой небольшой замѣтки намъ остается только упомянуть бакульникъ и различныя породы смородины, почки которыхъ обладаютъ чешуйками покрытыми, кромѣ обыкновеннаго волосистаго покрова, еще тѣсно сидящими желѣзками.

Желѣзки эти, имѣющія видъ щитовидныхъ волосковъ, содержатъ очевидно какое нибудь эфирное масло и служатъ также не малой

защитой противъ испаренія, покрывая почти сплошнымъ слоемъ чешуйки. (Рисун. 9).

Такъ какъ почки образуются въ теченіи лѣта, то всѣ разобран-
ныя нами приспособленія служатъ защитой отъ высыханія и въ
лѣтнее время.

Объясненія рисунковъ.

- 1) Чешуйка яблони *Pyrus bassatae*; слабо увеличенная.
  - а) Отверстіе, которое закрывается пучкомъ волосковъ, образу-
ющихся на спинной части чешуйки. Пучекъ волосковъ на
рисун. не представленъ.
- 2) Разрѣзъ чешуйки ивы *salix?*, показывающій толщину слоя ку-
тикулы.
- 3) Кутикула съ чешуйки почки березы (*Betula alba*).
- 4) Разрѣзъ чешуйки березы чрезъ волосокъ, удерживающій смо-
ляной слой.
- 5) Сильно увеличенный край чешуйки березы съ длинными пря-
мыми волосками.
- 6) Разрѣзъ чрезъ почку рябины: а) чешуйки почки, б) молодые
листочки; заштрихованное — слой волосковъ.
- 7) Разрѣзъ черезъ почку ивы.
  - а) Чешуйка почки. б) молодые листочки; заштриховано — слой
волосковъ; в) межклеточные пустоты.
- 8) А) Часть вѣтки *Potentilla fruticosa*: а) прилистники, б) трубка,
образованная прилистниками.
  - В) Разрѣзъ чрезъ А: а) почка, б) прилистники, в) волоски,
покрывающіе внутреннюю сторону прилистниковъ.

В. Ф. Улестакобичъ.

СМѢСЬ И БИБЛІОГРАФІЯ.

*Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Von W. Radloff,
St. Petersburg, 1895.*

XI + 460 страницъ in 4.º Типографія Императорской Академіи Наукъ.

Цена 4 руб. 60 коп.

Около 170 лѣтъ тому назадъ стало извѣстнымъ Европѣ, что въ верховьяхъ р. Енисея есть надписи, на никому неизвѣстномъ языкѣ, неизвѣстно какому народу принадлежащія. Разные ученые приписывали эти надписи разнымъ народамъ, такъ: В. М. Флоринскій приписывалъ ихъ славянамъ¹⁾, Авг. Тёттерманъ — арабамъ²⁾, финляндскіе ученые (Аспелинъ, Гейкель и Доннеръ) думали, что эти надписи принадлежали финскимъ племенамъ. Каждый изъ ученыхъ защищалъ свою теорію изо всѣхъ силъ, но ни одной строки въ этихъ надписяхъ, называвшихся раньше руническими, прочитавъ не могъ. Только профессору Копенгагенскаго университета по кафедрѣ сравнительнаго языковѣдѣнія Вильгельму Томсену удалось въ 1893 году найти ключъ къ чтенію сибирскихъ рунъ. Я не буду говорить о томъ, какъ проф. Томсенъ проникъ въ смыслъ загадочныхъ писемъ, ибо онъ объ этомъ подробно говоритъ въ своей статьѣ, напечатанной въ „Бюллетеняхъ Датской Академіи Наукъ“³⁾. Въ этой статьѣ проф. Томсенъ говоритъ, что мѣстонахожденіе надписей открыто финскимъ ученымъ А. О. Гейкелемъ и академикомъ В. В. Радловымъ; но и Томсенъ ошибся, потому что открытіемъ драгоценныхъ памятниковъ орхон-

¹⁾ Стр. 166—175 „Археологическаго музея Томскаго Университета. Томскъ, 1888“.

²⁾ „Studien über die Suljekfelsen—Inschriften. Helsingfors, 1889“.

³⁾ Заглавіе статьи: „Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Jénisséi. Copenhague, 1893“.

ской долины наука археологии всецѣло обязана Николаю Михайловичу Ядринцеву¹⁾, а не гг. Гейкелю и Радлову, потому что Ядринцевъ, по порученію Вост.-Сиб. Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ., ѣздилъ на Орхонъ лѣтомъ 1889 г., тогда какъ Гейкель и Радловъ поѣхали на р. Орхонъ уже по указаніямъ Ядринцева: первый въ 1890—91, а второй въ 1891 году. Ни Гейкелю, ни Радлову, ни Ядринцеву все таки не удалось найти ключъ къ чтенію надписей, хотя они и привезли богатую коллекцію снимковъ. Коллекція Гейкеля издана изицно финно-угорскимъ Обществомъ²⁾, а коллекція Радлова и Ядринцева С.-Петербургской Академіей Наукъ³⁾. Проф. Томсену удалось прочесть надписи потому, что рядомъ съ руническими знаками стояли на китайскомъ языкѣ имена князей. Открытіе Томсена намъ доказало, что неизвѣстные доселѣ письма принадлежали одному изъ древнихъ тюркскихъ племенъ, жившему въ верховьяхъ Енисея и Орхона. Ключъ къ чтенію надписей нашелъ Томсенъ, а разбирать и переводить сталъ Радловъ. Хотя первые его чтенія и не были вполне удачны, такъ какъ въ надписяхъ гласные не вездѣ обозначены, но до смысла онъ все таки добрался. Надписи фонетическія, писаны колоннами сверху внизъ, колонны идутъ справа налево. Разборъ надписей, сдѣланный В. В. Радловымъ, помѣщенъ въ его книгѣ, заглавіе которой приведено въ началѣ статьи. Въ этой книгѣ г. Радловъ говоритъ объ алфавитѣ древнетюркскихъ надписей, о надписяхъ Кошо-цайдамскаго озера (памятникъ въ честь князя Кюль-тегина и памятникъ Бильге-хагана), затѣмъ помѣщаетъ на 80 страницахъ списокъ словъ (85—165), далѣе—китайскія надписи Кошо-цайдамскаго озера, переведенныя В. П. Васильевымъ (памятники тѣхъ-же

¹⁾ Стр. 324 „Записокъ вост. отдѣленія Имп. Русскаго Археолог. Общества, томъ VIII. Сиб. 1894“.

²⁾ „Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890 et publiées par la société finno-ougrienne. Helsingfors, 1892“.

³⁾ „Atlas der Alterthümer der Mongolei. Im Auftrage der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften herausgegeben von Dz. W. Radloff“.

2 лицъ, которыя упомянуты выше), потомъ памятники Онгинскій, Асхетскій, Ихти-Ханьшъ-норскій, Хойто-Тамирскій, Кара-Балгасунскій и Енисейскіе памятники на китайской территоріи (въ Сѣв. Монголіи) и на русской (въ Минусин. округѣ, Енис. губ.). Въ концѣ книги В. В. Радловъ помѣстилъ матеріалы для уразумѣнія морфологіи древнетюркскаго діалекта и объясненія собственныхъ именъ. Всѣхъ надписей прочитано г. Радловымъ около 30. Начертаніе буквъ большею частью угловатое. Гласныхъ знаковъ только 4, за то согласныхъ гораздо больше: 34. Однѣхъ гортанныхъ буквъ до 8. Въ словахъ съ широкими гласными (gutturales) употребляются однѣ согласныя, а въ словахъ съ узкими гласными (palatales) другія согласныя.

Перейдемъ къ надписямъ. Памятникъ въ честь тюркскаго князя Кюль-тегина поставленъ въ 732 г. китайскимъ императоромъ Кайюанемъ династіи Танъ, царствовавшимъ съ 713 по 742 г. по Р. Хр. Въ этой надписи упоминается народъ съ именемъ „түрк“, народъ, на землѣ котораго найдены надписи. Въ этой надписи предписывается народу „түрк“ жить въ ладу съ народами: тибетскими, китайскими, киргизскими, татарскими и др. Китайцы называются „Тапкачъ“, т. е. знаменитые, киргизы — „Кыркызь“ и татары — „Татарь“. На югъ отъ памятника Кюль-тегина находится другой надгробный камень, также снабженный китайскою надписью. Къ сожалѣнію, этотъ надгробный камень распался на 3 части, причѣмъ китайская надпись на столько повреждена, что причины, почему памятникъ поставленъ, разыскать нельзя. На камнѣ можно видѣть лишь 733 годъ. Такъ какъ упоминаемый въ китайскихъ лѣтописяхъ Могиліанъ-ханъ, тюркскій ханъ, умеръ вскорѣ послѣ смерти своего младшаго брата Кюль-тегина, то можно полагать, что камень поставленъ въ честь именно Могиліанъ-хана. Какъ на этомъ памятникѣ, такъ и на предыдущемъ повелѣвается народу „түрк“ жить въ мирѣ съ сосѣдями, изъ которыхъ одинъ, именно китайскій народъ, носить имя „Тапкачъ“ — знаменитый. На обоихъ памятникахъ

упоминается Бумынь-хань, какъ предокъ царя, который по всей справедливости управлять племенами тюркского народа и далъ имъ законы. На обоихъ памятникахъ надписи находятся и спереди, и сзади, и съ боковъ, и по угламъ. Третій большой памятникъ находится въ системѣ р. Онгинъ, на югъ отъ Кёкшюнь-орхона; овъ открытъ въ 1891 году Н. М. Ядринцевымъ. Надпись этого камня не вполне сохранилась. По разнымъ соображеніямъ выходитъ, что овъ поставленъ въ 692 году въ честь отца Могиліанъ-хана. Въ надписи этого памятника говорится о военныхъ подвигахъ Ямы-хана, царскаго предка, и Шада, царскаго родителя. Слѣдующій памятникъ Ихе-Асхетскій поставленъ въ честь Алтунъ-тамганъ-тархана, младшаго брата Кюль-тудуна. Остальные памятники, число которыхъ свыше 20, поставлены въ честь разныхъ родственниковъ тюркскаго хана, резиденція котораго была въ городѣ Кара-балгасунъ. Эти памятники открыты или описаны въ Минусинскомъ округѣ, Енис. губ. и въ долинахъ рѣкъ Улугъ-кема и Кемчика въ самомъ началѣ XVIII в. I. Страленбергомъ (шведскимъ офицеромъ, плененнымъ въ 1709 г. Петромъ I), затѣмъ въ 1721—2 гг. докторомъ Мессершмидтомъ, въ 1847 г. финскимъ ученымъ Кастреномъ, въ 1857 г. минусинскимъ окружнымъ начальникомъ княземъ Н. А. Костровымъ, въ 1878 г. Е. Т. Корчаковымъ, въ 1885 г. золотопромышленникомъ И. П. Кузнецовымъ, въ 1886—1893 гг. Д. А. Клеменцомъ и въ болѣе новое время директоромъ Красноярской Учительской Семинаріи И. Т. Савенковымъ, преподавателемъ этой же семинаріи П. С. Проскураковымъ, профессорами Гельсингфорг. Университета Аспелинымъ и Гейкедемъ, затѣмъ основателемъ минусин. музея Н. М. Мартыяновымъ, бывшимъ редакторомъ „Восточнаго Обозрѣнія“ г. Ошурковымъ и, наконецъ, молодымъ ученымъ Н. П. Евстифеевымъ, работавшимъ подъ руководствомъ г. Мартыянова. Надписи болѣею частью сохранились плохо, и потому не вполне прочитаны. Прочитанныя мѣста иногда не вполне благонадежны, это именно тѣ мѣста, въ которыхъ нѣтъ гласныхъ. Руко-

водясь различными соображеніями, В. В. Радловъ ставитъ гласные знаки спереди и сзади согласныхъ, и только этимъ возстановляетъ иногда смыслъ рѣчи. Проф. Томсенъ однако не соглашается съ такими приѣмами г. Радлова и хочетъ читать надписи нѣсколько иначе. Пока не выйдетъ изъ печати трудъ г. Томсена, мы не въ правѣ рѣшать, кто правъ: онъ или Радловъ. Чтобы уяснить характерныя особенности того языка, на которомъ говорили ханы, поставившіе памятники, и чтобы восполнить пробѣлы въ чтеніи надписей, нужно имѣть побольше матеріала. Вотъ собираемъ-то матеріаловъ и занимается теперь въ Монголіи бывшій правитель дѣлъ Вост.-Сибир. отд. Имп. Рус. Геогр. Общества Д. А. Клеменць. Книга В. В. Радлова издана вполне научно, и никто другой не могъ бы этого сдѣлать. В. В. Радловъ изучилъ прекрасно древнѣйшія и новѣйшія тюркскія нарѣчія, съ помощью которыхъ онъ часто вполне остроумно и удачно возстановляетъ правильное чтеніе надписи. Правда, чтеніе его иногда сомнительное, но это-вина не вполне сохранившихся камней. Къ своему капитальному труду г. Радловъ приложилъ подробный словарь и подробную грамматику языка надписей. Изъ словаря и грамматики видно, что языкъ надписей—настоящее тюркское нарѣчіе, совершенно гармоничное, очень близкое къ древнему уйгурскому, но не совсѣмъ съ нимъ тождественное; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нарѣчіе, на которомъ высѣчены надписи, кажется болѣе первобытнымъ: кромѣ того, это тюркское нарѣчіе предъ уйгурскимъ имѣетъ то преимущество, что звуковые отбѣнки въ немъ могутъ быть изображаемы гораздо точнѣе, чѣмъ это позволяетъ уйгурское письмо. Пока не собрано достаточно матеріаловъ, говорить о происхожденіи алфавита этихъ надписей будетъ преждевременнымъ. Во всякомъ случаѣ, алфавитъ этотъ древній. Надписи обнимаютъ время съ 684 года, т. е. съ года рожденія Могиліанъ-хана, по 735 годъ по Р. Хр. Итакъ, мы видимъ, что у древнихъ тюркскихъ племенъ былъ свой алфавитъ, отличный отъ всѣхъ другихъ. Тюркскія племена употребля-

ли алфавиты: измененный сирійскій, т. е., такъ называемый, уйгурскій, и арабскій; въ настоящее время у тюрковъ употребляются, кромѣ арабскаго, еврейскій, армянскій, греческій и румынскій алфавиты. Теперь къ этимъ 6 алфавитамъ слѣдуетъ присоединить и седьмой. Китайскіе историки говорятъ, что въ Вост. Туркестанѣ были распространены индійскія письма, а въ Запад. Туркестанѣ, т. е. Русскомъ, какой-то другой алфавитъ, называющійся у китайцевъ „ху-шу“, т. е. варварскія письма, читающіеся сверху внизъ. Быть можетъ, о нашемъ-то алфавитѣ и говорятъ китайцы (въ VII вѣкѣ).

Н. Катановъ.

27 октября 1895 года,

Г. Казань.

2287(26,4-5)РСР

Рожько

Отд.

г. Иркутскъ

ИЗВѢСТІЯ

ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго

ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

2287 (XXVI, 4-5)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

привителя дѣла Я. П. Прейна и члена Отдѣла Д. П. Першина.

Томъ XXVI.

№ № 4—5-й (послѣдній).

СОДЕРЖАНІЕ:

1348 31

авторъ	стр.	содержаніе	стр.
А. А. Кауфманъ. Сложныя формы земледѣлія въ Сибири по мѣстнымъ изслѣдованіямъ 1887—1892 годовъ	1	ислѣдованію Забайкальскихъ бурятъ за періодъ 1892—1895 гг.	171
Ф. Конъ. Хатынь-Арынское скопческое селеніе	58	Н. Л. Генкеръ. Три якутскія могилы	183
П. Е. Нулаковъ. Бураты Иркутской губерніи	118	Эд. Пенарскій. Записка по поводу редакціи „Верхонскаго Сборника“ П. А. Худикова	197
І. Окуличъ. Къ изслѣдованію зерновыхъ хлебовъ Енисейскаго края	167	В. С. Е. Якутскій родъ	206
М. А. Кроль. Предварительный отчетъ о работахъ по из-		В. Б. Шостановичъ. Записка о защитныхъ приспособленіяхъ почекъ сибирскихъ древесныхъ и кустарныхъ породахъ	230

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ВИРКУТСКАГО ГОСУДАРСТВЕННАГО УНИВЕРСИТЕТА

Типо-литография Ш. В. Макушина, Ивано-Ванюковская ул. (указана)

1896.

Труды Орхонской экспедиціи.

Атласъ древности Монголіи, вып. 2. 1894 г. С.-Петербургъ.

Издание Императорской академіи наукъ.

Въ этотъ выпускъ вошли отчасти упоминаемыя въ 1-мъ выпускѣ таблицы, какъ напримѣръ, планы развалинъ. Остальныя представляютъ, главнымъ образомъ, астамнажи съ надписей въ сѣверной Монголіи, рисунки и снимки съ надписей снятыхъ Д. Клеменцемъ въ Солотской землѣ.

Изъ объяснительной записки послѣдняго мы видимъ, что большая часть этихъ надписей была уже раньше опубликована въ изданіи финляндскаго Археологическаго Общества *Inscriptions de l'Eniseï*; но все таки немногія новыя надписи, отчасти найденныя Клеменцемъ, отчасти Ошурковымъ, указываютъ на чрезвычайное обиліе археологическихъ памятниковъ въ этой мѣстности.

Историческое значеніе ихъ пока остается неизвѣстнымъ; но можно надѣяться, что теперь эта загадка разрѣшится скоро. Эти надписи интересны уже тѣмъ, что о странѣ Верхняго Енисея сохранилось чрезвычайно мало свѣдѣній.

Изъ предисловія издателя и редактора академика Радлова мы узнаемъ, что Академія не намѣрена оставлять своихъ изслѣдованій въ Монголіи. Желательно, чтобы дальнѣйшія изданія его резюмировали весь относящійся до этой страны археологическій матеріалъ. Желательно-бы видѣть въ нихъ побольше образцовъ рисунковъ и плановъ могилъ въ Монголіи и другихъ памятниковъ, важно было-бы собрать также и представить вкупѣ свѣдѣнія изъ первоисточниковъ, касающіяся погребальныхъ обрядовъ и обычаевъ сѣвера и центра Азии. Еще болѣе необходимо было-бы иллюстрировать уже

собранныя данныя посредством раскопокъ. До сихъ поръ все попытки подобнаго рода разбивались, благодаря упорству Монголо-Китайскихъ чиновниковъ; но это не должно служить препятствіемъ. До сихъ поръ еще никто не пробовалъ серьезно хлопотать о разрѣшеніи раскопокъ въ предѣлахъ Монголіи. Отказа своего въ подобной просьбѣ Китайское правительство не можетъ серьезно мотивировать: просьба такъ незначительна и, кромѣ того, населеніе само расхищаетъ могилы.

Кромѣ археологическихъ матеріаловъ въ выпускѣ этомъ есть вещи, имѣющія и болѣе общій интересъ: таковы приложенныя къ ней карты. Разумѣется, въ странѣ уже искрещенной маршрутами путешественниковъ невозможно ждать отъ послѣдующихъ работъ крупныхъ топографическихъ новостей: дѣло касается въ новыхъ маршрутахъ только подробностей. Очень жаль только, что нѣкоторые изъ матеріаловъ приложены на старыхъ картахъ. Интереснѣе было бы видѣть отдѣльные новые маршруты. Тогда было-бы яснѣе, въ чемъ новыя изслѣдованія отличаются отъ старыхъ. На картахъ нанесены археологическіе памятники. Глядя на наши археологическія карты, на *все разнообразіе* употребляемыхъ въ нихъ знаковъ, невольно упрекнешь въ косности наши археологическія учрежденія, особенно тѣ изъ нихъ, которыя такъ много хлопочуть о первенствующей и даже главенствующей роли среди другихъ: почему среди разныхъ споровъ и пререканій забыть совершенно основной обязательный вопросъ о составленіи русской легенды археологической карты? Во всѣхъ образованныхъ государствахъ уже существуютъ свои. Упрекъ этотъ не можетъ быть приложенъ только къ Московскому Археологическому Обществу, оно въ свое время сдѣлало подобную попытку; но она была встрѣчена такъ холодно, что дѣло одной попыткой и ограничилось.

2287(26,4-5)РСР

Рожьков

Отд.

г. Иркутскъ

ИЗВѢСТІЯ

ВОСТОЧНО-СИБИРСКАГО ОТДѢЛА

ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго

ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

2287 (XXVI, 4-5)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

привителя дѣла Я. П. Прейна и члена Отдѣла Д. П. Першина.

Томъ XXVI.

№ № 4—5-й (последній).

СОДЕРЖАНІЕ:

1348 31

Стр.	№	Стр.
1		171
58		183
118		197
167		206
		230

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ВИРКУТСКАГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Типо-литография Ш. В. Макушина, Ивано-Ванюковская ул. (указана).

1896.

Тибетская экспедиція

Дютрейль-де-Рена и Гренара 1891—94 г.

Переводъ В. А. Обручева.

Въ полученныхъ недавно въ Иркутскѣ №№ 11 и 12 „Comptes Rendus des Séances“ Парижскаго Географическаго Общества за текущій годъ, помѣщенъ отчетъ о засѣданіи 7-го іюня, въ которомъ путешественникъ Ф. Гренаръ сообщилъ весьма интересныя свѣдѣнія объ экспедиціи въ Нагорную Азію, совершенной имъ вмѣстѣ съ Дютрейль-де-Реномъ, извѣстнымъ французскимъ географомъ, убитымъ тибетцами въ концѣ экспедиціи. Вотъ, что рассказываетъ Гренаръ о путешествіи.

Въ туркестанскомъ городкѣ Ошѣ были закончены все приготовленія, и 23-го мая 1891 г. экспедиція тронулась въ путь; отъ Оша почти до Кашгара дорога гориста, находится въ первобытномъ состояніи и плохо поддерживается; она пересѣкаетъ широкій массивъ Алая, долины котораго населены кочевыми киргизами, живущими скотоводствомъ, а при случаѣ и грабежемъ; гребень Алая мы пересѣкли по покрытому снѣгомъ перевалу Талдыкъ, который показался намъ величественнымъ, не смотря на сравнительно небольшую абсол. высоту въ 3500 метр.; въ этихъ горахъ деревья рѣдки, въ западной части пастбища довольно хороши, но съ переходомъ къ востоку трава рѣдѣетъ и на китайскомъ склонѣ горы размыты, оголены, сѣры и печальны какъ пустыня, близость которой уже чувствуется.

6-го іюня экспедиція прибыла въ Кашгаръ, гдѣ встрѣтила полное гостепрѣимство и содѣйствіе, какъ со стороны русскаго

консула Петровскаго и двухъ англійскихъ агентовъ Юнгсбандъ и Макартней, такъ и со стороны китайскаго дао-тая; 24-го іюня двинулись дальше въ Хотанъ, пересѣкая песчаную пустыню съ разсѣянными среди нея богатыми оазисами, главный изъ которыхъ Яркендскій, отличающійся, къ сожалѣнію, плохой водой и обиліемъ лихорадокъ. Въ Хотанъ мы встрѣтили соотечественника, Жозефа Мартена, больного тѣломъ и душой; онъ пробрался съ ничтожными средствами и преодолевая всевозможныя затрудненія черезъ весь Китай отъ Пекина до Хотана; мучимый болѣзью, онъ вымещалъ на любомъ встрѣчномъ неуспѣхъ своего путешествія и погибъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя въ госпиталѣ городка Маргеланъ.

До Хотана страна болѣе или менѣе извѣстна и Дютрейль-де-Рень не вель еще правильныхъ изслѣдованій, а подготовлялся къ дальнѣйшимъ задачамъ и дѣлалъ астрономическія и метеорологическія наблюденія; программа его обнимала три года путешествія; въ теченіи перваго года онъ хотѣлъ изслѣдовать горы, расположенныя къ югу отъ Хотана и Полу, отыскать, если возможно, слѣды дороги, которая вела, судя по нѣкоторымъ китайскимъ документамъ, прямо черезъ горы изъ Хотана въ Хлассу въ древнія времена, когда Кангарія исповѣдывала еще буддизмъ; наконецъ, проникнуть настолько далеко въ горы, насколько позволятъ средства и возвратиться въ Хотанъ для организаціи новаго каравана. Въ теченіи втораго года онъ хотѣлъ, пользуясь пріобрѣтеннымъ опытомъ, пересѣчь Тибетъ до береговъ озера Намъ-тсо и оттуда идти въ Си-нинъ; наконецъ, если бы послѣ этого еще осталось время и средства, онъ надѣялся въ теченіи третьяго года изслѣдовать нѣкоторыя области Монголіи и вернуться во Францію черезъ Пекинъ. Непреодолимыя обстоятельства внесли въ эту программу существенныя измѣненія, но въ общемъ она была исполнена. Покончивъ въ началѣ августа тщательныя наблюденія, предпринятые для опредѣленія долготы и широты Хотана, какъ начальнаго пункта работъ, экспедиція переправилась 3-го августа

черезъ многоводную лѣтомъ Хотанскую рѣку и достигла 14 августа бѣднаго селенія Полу, расположеннаго въ Алтынъ-тагъ, на высотѣ 2580 метр. въ узкой долинѣ Кураба, притока Кэрийской рѣки; это крайній обитаемый пунктъ въ горахъ, нѣсколько десятковъ жалкихъ хижинъ, окруженныхъ ивами и тополями; нѣсколько пашень возлѣ селенія поднимаются на склоны сѣрыхъ и печальныхъ холмовъ, но въ соедѣнныхъ горахъ много прекрасныхъ пастбищъ и жители занимаются, главнымъ образомъ, скотоводствомъ, вѣриѣе, пасутъ стада овецъ, козъ, яковъ и лошадей, принадлежащія богачамъ Хотана и Кэри; нѣкоторые моютъ золото, попадающее въ русло потока и на склонахъ горъ, но добыча ничтожна, благодаря примитивности орудій—одинъ граммъ золота въ 15 рабочихъ дней.

Дютрейль-де-Ренъ съ Гренаромъ и двумя рабочими сдѣлалъ изъ Полу рекогносцировку на востокъ, чтобы найти дорогу, ведущую черезъ Алтынъ-тагъ на высокое и обширное плато, ограниченное съ сѣвера этимъ хребтомъ и простирающееся на югъ до Гималаевъ; правда, есть дорога на югъ отъ Полу, но она была уже пройдена ранѣе Кэри и Дальнейшемъ, затѣмъ Громбчевскимъ, поэтому Дютрейль хотѣлъ поискать другую; онъ проникъ въ глубокое ущелье Лючь, поднялся до высоты 4750 метр. и встрѣтилъ здѣсь громадный ледникъ, уничтожившій всякія надежды на дальнѣйшее проикновеніе въ этомъ направленіи; пришлось вернуться въ Полу и оттуда двинуться вѣсѣмъ караваномъ по Курабской дорогѣ; послѣдняя очень затруднительна: то приходится идти по руслу потока, заваленному громадными глыбами, и лошади, выдерживающія еще напоръ теченія, спотыкаются на каждомъ шагѣ; то приходится взбираться на склонъ горы по крутой и такой узкой тропицѣ, что малѣйшій невѣрный шагъ лошади или слишкомъ быстрое движеніе и лошадь летитъ съ вьюкомъ на дно оврага въ нѣсколько сотъ футовъ глубины; поднявшись на склонъ, нужно спускаться, чтобы немного далѣе подниматься опять. Въ

теченіе первыхъ двухъ дней мы лишились только одной лошади, упавшей съ обрыва въ потокъ, но на третій день, при самомъ выступленіи съ ночлега, первая же лошадь каравана задѣла за выступающій уголь скалы и полетѣла въ пропасть. Дютрейль велѣлъ остановиться, раскинуть палатки и оставивъ караванъ, отправился со мной и двумя рабочими, чтобы развѣдать дорогу до самаго плато; вечеромъ мы заночевали на высотѣ 4300 метр., въ Субаши, въ верховьяхъ потока, въ плоской долинкѣ, усѣянной галькой и окруженной высокими, совершенно безплодными горами. На слѣдующій день, миновавъ сѣдловину въ 5150 метр., которая изъ за окружающихъ красноцвѣтныхъ утесовъ носитъ названіе Кизиль-давана, мы очутились на довольно обширномъ безплодномъ плато, покрытомъ въ этотъ день густымъ и сырымъ туманомъ, такъ что оно производило впечатлѣніе морского берега въ ненастный день; несмотря на августъ мѣсяць, холодъ былъ чувствительный и градъ хлесталъ наши лица; вечеромъ начался снѣгъ и мы заночевали въ снѣгу на крайнемъ пунктѣ, достигнутомъ Громбчевскимъ, вблизи маленькихъ озеръ Сары-куль и Ачикъ-куль, у сѣверной подошвы крайнихъ отроговъ обширной горной системы, называемой Устынь-тагъ по тюркски.

Въ этомъ мѣстѣ почва вулканическаго происхожденія и здѣсь находятся мѣсторожденія сѣры, которую тюрки добывали въ значительномъ количествѣ для приготовленія пороха во времена Якубъ-бека, воевавшего съ китайскимъ правительствомъ; но съ тѣхъ поръ добыча остановлена, хотя мѣстность до сихъ поръ носитъ названіе Гугуртлукъ, что значитъ „сѣрное мѣсто“. Не рассчитывая достигнуть этого пункта безирешатственно всеѣмъ караваномъ, предоставленнымъ собственнымъ силамъ, Дютрейль возвратился въ Полу и съѣздилъ въ Кэрю, чтобы просить у китайскихъ властей болѣе существенной поддержки; изложивъ имъ цѣль этой экскурсіи, именно желаніе изучить истоки Кэрійской рѣки и оттуда пересѣчь горы въ сѣверо-восточномъ направленіи, чтобы выйти въ Кара-сай,

на два градуса восточнѣе Кэрин, онъ просилъ послать намъ на встрѣчу въ Кара-сай съѣстные припасы возможно дальше въ горы и затѣмъ предоставить въ наше распоряженіе известное количество горцевъ для производства необходимѣйшихъ расчистокъ на тропѣ въ Гугуртлукъ и для переноса багажа на рукахъ черезъ наиболее опасныя мѣста. Мандаринъ сдѣлалъ все желаемое и, благодаря этому, мы достигли безъ затрудненій всею караваномъ плато Гугуртлука и затѣмъ направились въ Устынь-тагъ, превышающій значительно Алтынъ-тагъ.

Эти двѣ системы горъ имѣютъ различный характеръ; Алтынъ-тагъ очень расчлененъ, крутъ, покрытъ острыми пиками, изрѣзанъ глубокими долинами; Устынь-тагъ, напротивъ того, имѣетъ широкія и округленныя формы, содержитъ болѣе многочисленные и болѣе обширные ледники; Алтынъ-тагъ обилуетъ известняками, Устынь-тагъ — кристаллическими сланцами.

Поднимаясь по долину небольшой рѣчки Акъ-су, извивающейся между громадными горами краснаго и зеленаго цвѣта, мы достигли сѣдловины Кукбуянгъ, вышиной въ 5800 метр.; это самый высокій пунктъ, достигнутый нами въ теченіи всей экспедиціи; съ высоты этого перевала склоны горъ, вода рѣчки, извивавшей на 700 метр. ниже насъ, небо и облака, словомъ весь пейзажъ казался блѣдно-зеленымъ, что объясняется, вѣроятно, обиліемъ зеленыхъ горныхъ породъ въ этихъ горахъ.

Поднимаясь по Кэрийской рѣчкѣ, мы попали въ широкую, плоскую и болотистую долину, усѣянную маленькими озерками, покрытую тонкимъ слоемъ снѣга и ограниченную на западъ непрерывной линіей обширныхъ ледниковъ, настолько пологихъ, что высота ихъ казалась ничтожной; мы были на высотѣ 5500 метр. и думали, что уже достигли истоковъ рѣки; но это было заблужденіе, какъ показалъ намъ слѣдующій годъ. Мы спустились по долину и направились на сѣверо-востокъ, чтобы достигнуть Кара-сай; первая часть этого пути почти совпадаетъ съ маршрутомъ

Кэри и Дельлейта, вторая, напротив того, новая. Дютрейль надеялся пересечь вышеупомянутую старинную дорогу изъ Кэри въ Хлассу, но мы не нашли даже слѣдовъ ея; но это не доказываетъ еще ошибочность толкованія китайскихъ документовъ, впрочемъ, весьма неопредѣленныхъ и туманныхъ, такъ какъ всѣ дороги въ Монголіи и Тибетѣ представляютъ простыя тропы, которыя исчезаютъ безслѣдно, какъ только караваны перестанутъ ихъ посѣщать.

Прослѣдовавъ въ теченіе нѣсколькихъ дней вдоль по очень узкой долинѣ Кэрійской рѣки до ея поворота на сѣверъ, мы затѣмъ двигались вдоль подошвы ледниковъ Устынь-тага по мѣстности усѣянной каменными жорнами, изрѣзанной оврагами, безъ круныхъ колебаній рельефа, но безплодной, печальной и мѣстами лишенной воды: термометръ колебался отъ $+40^{\circ}$ въ полдень на солнцѣ до -20° холода ночью; утромъ, при выступленіи въ путь, мы мерзли, днемъ жарились, а съ двухъ часовъ по полудни поднимался рѣзкій и холодный вѣтеръ, приносящій съ собой снѣгъ или градъ; прибавьте къ этому постоянное пребываніе на высотѣ болѣе 5000 метровъ и обусловленное имъ недомоганіе, дурную пищу и плохую, нерѣдко горько-соленую, воду и вы поймете, почему люди нашего каравана начали хворать; въ теченіе двухъ дней изъ всѣхъ насъ только трое чувствовали себя бодрими: Дютрейль и я, къ счастью, принадлежали къ послѣднимъ. Лошади терпѣли еще больше, чѣмъ люди; въ теченіе восемнадцати дней мы не встрѣчали травы, а только камни, утесы и снѣгъ, кое гдѣ карликовое растеніе „ликакъ“ съ глубокими и твердыми корнями, служившими для разведенія огня; ячмень скоро вышелъ, и пришлось уступить лошадямъ весь нашъ хлѣбъ и запасъ рису, а самимъ питаться одной бараниной, очень сухой и жесткой, такъ какъ наши бараны также постились уже долгое время. На охоту нечего было рассчитывать, такъ какъ мѣста эти совершенно пустыны; мы не встрѣчали даже птицъ. Между тѣмъ лошади про-

должны были гибнуть, и намъ пришлось бросить менѣе нужную часть нашего багажа и, кромѣ того, идти пѣшкомъ, что очень тяжело на этихъ высотахъ. Наконецъ, 7-го октября, миновавъ горный кряжъ, входящій въ составъ Алтынъ-тага, мы добрались до маленькаго соленого озера Хангытъ-куль, на которомъ одинъ изъ нашихъ рабочихъ бывалъ уже съ геологомъ Богдановичемъ; но и здѣсь не было травы, а рисъ и хлѣбъ уже кончились; 8-го мы шли до поздней ночи по долинѣ Сарыкъ-тузъ и при лунномъ свѣтѣ добрались наконецъ до мѣста, богатаго травой; еще три дня мы спускались возможно быстро по этой долинѣ и, наконецъ, ночью 11-го октября, карабкаясь по обрывамъ, окружающимъ русло рѣчки Толанъ-ходжа, мы услышали людскіе голоса, раздававшіеся въ темнотѣ. Это были люди, которыхъ кэрійскій мандаринъ послалъ намъ на встрѣчу съ съѣстными припасами; такимъ образомъ, въ этомъ году лишения для насъ окончились и 12-го мы прибыли въ Кара-сай, гдѣ въ землянкахъ проживаетъ нѣсколько семей пастуховъ; это мѣсто, находящееся на высотѣ 3140 метр., можетъ считаться лежащимъ уже внѣ горъ, такъ какъ къ сѣверу отъ него только нѣсколько отроговъ, теряющихся въ пустыняхъ Гоби.

Изъ Кара-сай мы шли по пологимъ стенамъ, разстилающимся у подошвы Алтынъ-тага, черезъ селеніе Сугюеть-булакъ съ рощей великолѣпныхъ старыхъ ивъ (это были первыя деревья, которыя мы видѣли съ тѣхъ поръ, какъ покинули Полу) и 20-го октября прибыли въ Нию, гдѣ остались нѣсколько дней, чтобы сдѣлать экскурсію по окрестностямъ и, главнымъ образомъ, посѣтить могилу имама Джафаръ-садыка, мѣсто паломничества магометанъ всего китайскаго Туркестана, находящуюся на вершинѣ песчаной дюны среди песчаной пустыни. Въ концѣ октября мы возвратились, наконецъ, въ Кэрію, чтобы зимовать и заняться этнографическими, археологическими и лингвистическими работами, входившими въ программу нашей экспедиціи.

20-го января слѣдующаго (1892) года я отправился въ Кашгаръ, чтобы получить тамъ деньги на продолженіе путешествія; но эти деньги запоздали и я принужденъ былъ прожить три съ половиной мѣсяца въ Кашгарѣ, пользуясь гостепріимствомъ русскаго консула и изучая языкъ, соціальное и политическое положеніе страны; кромѣ того, получившаяся сумма была значительно меньше той, на которую рассчитывалъ Дютрейль и не позволяла выполнить программу этого года и идти черезъ горы въ Хлассу и оттуда въ Си-нинъ; Дютрейль сдѣлалъ все, что было возможно, приобрѣлъ 36 лошадей и 20 ословъ и выхлопоталъ у китайскихъ властей распоряженіе объ отправкѣ реквизиціоннымъ способомъ животныхъ и людей для содѣйствія намъ вплоть до истоковъ Кэрійской рѣки—самаго южнаго пункта, достигнутаго нами въ предъидущемъ году. Несмотря на все желаніе мандариновъ Хотана и Кэрии содѣйствовать намъ, несмотря на обширныя распоряженія, сдѣланныя ими, мы могли достигнуть цѣли только при благоприятномъ стеченіи всѣхъ обстоятельствъ; но послѣдняго не случилось. Опасаясь зимнихъ холодовъ на возвышенномъ нагорьѣ Тибета, Дютрейль отправился въ путь слишкомъ рано, въ августѣ; въ это время года снѣга, выпавшіе въ теченіе весны и лѣта, таютъ и превращаютъ все нагорье, какъ дно долинъ, такъ и склоны горъ, въ одно обширное болото; слѣдовало выждать осеннюю засуху. Въмѣсто того, мы выступили изъ Полу 10-го августа и въ высокихъ горахъ встрѣтили почву до того пропитанную водой, что животныя вязли, нерѣдко, по брюхо; это насъ сильно задерживало и мы дѣлали ежедневно только 7—8 миль, вмѣсто предполагаемыхъ 13.

Все таки, намъ удалось перебраться 23-го августа черезъ слѣдовину, возвышающуюся у дѣйствительнаго истока Кэрійской рѣки и находящуюся на гребнѣ Устынь-тага; несмотря на высоту въ 5600 метр., этотъ переваль не представляетъ никакихъ затрудненій, такъ какъ поднимается незначительно и сравнительно полого надъ долиной; тѣмъ не менѣе препятствія увеличивались.

Постоянно значительная высота отъ 5100 до 5600 метр., болотистая почва, недостаточная пища и ночные холода изнуряли нашихъ животныхъ, это истощеніе увеличивалось въ геометрической прогрессіи по отношенію къ истекшему времени и пройденному пространству, и каждый день лишалъ насъ двухъ лошадей; вытекавшая отсюда необходимость двигаться медленнѣе и поэтому недостаточность нашего запаса провизіи, рассчитаннаго на болѣе быстрое движеніе, принудили насъ идти на юго-западъ, чтобы искать въ наиболѣе близкихъ населенныхъ пунктахъ необходимой помощи и свѣдѣній для выбора болѣе удобопроходимой дороги, ведущей къ избранной цѣли. До озера Сумъ-джи-тсо мы шли тѣмъ же путемъ, которымъ нѣсколько лѣтъ ранѣе прошелъ англичанинъ Кэри, но въ обратномъ направленіи. Люди изъ Полу, взятые нами, покинули насъ въ верховьяхъ Кэрійской рѣки и съ тѣхъ поръ мы продолжали путь одни черезъ эти однообразныя и печальныя пустыни, гдѣ ничего не слышно, кромѣ злобнаго свиста западнаго вѣтра, гдѣ ничего не видно, кромѣ смѣны мрачныхъ холмовъ кое гдѣ бѣлѣющихъ отъ снѣга, гдѣ ничто живое не движется ни въ воздухѣ, ни на землѣ; только отъ времени до времени гдѣ нибудь очень далеко промелькнетъ стрѣлой фигура яка, антилопы или хулана; иногда, впрочемъ, красивый пейзажъ обращалъ на себя вниманіе, какъ на примѣръ, на берегахъ озера Іешиль-куль, перваго большаго озера, которое намъ встрѣтилось; оно простираетъ до подошвы высокихъ, блестящихъ снѣгами горъ свои лазурныя воды лишенныя оттѣнковъ, неподвижныя и словно заснувшія въ полномъ безмолвіи окружающей природы; даже полетъ птицы не нарушаетъ этого безмолвія, такъ какъ вода этого красиваго озера горькая. За нимъ возобновляются безплодныя и печальныя долины и мрачныя, словно захирѣвшіе, холмы.

4-го сентября, обогнувши озеро Сумъ-джи-тсо, мы увидѣли перваго тибетца-охотника, вооруженнаго фитильной винтовкой съ громадными сошками; опасаясь наказанія со стороны туземныхъ

властей, онъ сначала отказался отвѣчать на наши вопросы, но затѣмъ, полагая, что вредъ, который мы могли причинить ему, во всякомъ случаѣ вѣрнѣе гадательнаго еще преслѣдованія властей, онъ рѣшился показать намъ дорогу, съ условіемъ, что мы его не выдадимъ. На слѣдующій день послѣ полудня мы пришли въ широкую долину въ видѣ цирка среди горъ съ снѣговыми вершинами, прорѣзанную глубокимъ оврагомъ, на берегахъ котораго были разсѣяны семь черныхъ тибетскихъ палатокъ; это мѣсто называется Мангъ-рузе и принадлежитъ къ округу Рудокъ, провинціи Дзангъ; насъ сейчасъ же окружила толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей съ грубой темноцвѣтной кожей, длинноволосыхъ и растрепанныхъ, въ грязной и разорванной одеждѣ изъ шерсти или бараньихъ шкуръ; это были безобидныя существа, обрадованныя и изумленные встрѣчей съ такими невиданными людьми; они заставили насъ обойти всѣ палатки, гдѣ предлагалось угощеніе изъ чая съ масломъ и солью и изъ дзамбы (поджаренная ячменная мука) — угощеніе весьма посредственнаго качества, но приправленное благодушіемъ. Все это, впрочемъ, не улучшало наше положеніе; намъ нужна была провизія, а эти бѣдные дикари существовали только разведеніемъ нѣсколькихъ яковъ и овецъ и небольшое количество ячменя для дзамбы привозили сами изъ Ладака, такъ что не могли уступить намъ ничего. Но слухи о нашемъ прибытіи распространились и 7-го сентября явился „гоба“, мѣстный маленькій начальникъ, сопровождаемый тремя солдатами съ доисторическими ружьями и желѣзными саблями. Онъ сообщилъ, что готовъ намъ помочь и дать намъ проводниковъ, исключая для дороги въ Рудокъ, куда иностранцевъ не допускаютъ; но мы и не намѣревались идти въ эту мѣстность, во первыхъ потому, что знали, что добромъ насъ туда не пустятъ, во вторыхъ потому, что не рассчитывали найти въ этомъ жалкомъ городкѣ все, что нужно было для продолженія путешествія; поэтому мы попросили дать намъ проводника на юго-востокъ въ надеждѣ вскорѣ

достигнуть въ этомъ направленіи мѣстностей болѣе населенныхъ, менѣе возвышенныхъ и болѣе богатыхъ ресурсами. Мы отправились на слѣдующій день, но 10-го сентября на берегу большого озера Ргайе-хорба-дзо, нашъ проводникъ заявилъ, что дальше онъ не знаетъ дороги. Между тѣмъ, впередъ вздымались величественныя вѣчно-снѣговыя горы, усѣянныя ледниками; до этого дня мы не встрѣчали травы и было сомнительно, что встрѣтимъ её вскорѣ; ежедневно у насъ погибали двѣ лошади; наконецъ, Дютрейль, отправившійся изъ Полу въ ѣлохомъ состояніи здоровья, былъ настолько боленъ, что внушалъ мнѣ серьезныя опасенія, несмотря на мужество, съ которымъ онъ переносилъ страданія и на стремленіе ничѣмъ не выдавать свою слабость. При этихъ условіяхъ было бы безуміемъ продолжать путь безъ проводника вглубь суровой неизвѣстной страны; у насъ провизія могло хватить только для достиженія Ладака — ближайшей страны, гдѣ мы могли навѣрно рассчитывать найти необходимое. Съ извѣстной точки зрѣнія, этотъ случай былъ благопріятенъ, такъ какъ если бы мы продолжали путь на юго-востокъ, мы бы попали на дорогу, пройденную уже г. Боуэромъ годомъ раньше насъ, что оставалось еще неизвѣстнымъ для насъ. Такимъ образомъ, мы вторично прошли вдоль Сумъ-джи-дзо и 17-го сентября добрались до цирка, окруженнаго горами со снѣгомъ и ледниками, склоны которыхъ, заваленныя моренами, спускались къ берегамъ большого озера Конэ-дзо. Несмотря на мрачный и негоеспріимный характеръ этого мѣста, мы встрѣтили здѣсь нѣсколько людей, такъ какъ здѣсь сходятся дороги изъ Ладака и Рудока, и эти люди приходятъ сюда дѣломъ пасти стада на жалкихъ пастбищахъ между камнями; вскорѣ явился тибетецъ, пограничный стражникъ, вооруженный съ ногъ до головы, съ краснымъ платкомъ на головѣ и металлическимъ амулетомъ на шеѣ; онъ оказался добрымъ малымъ, пригласилъ насъ въ свою задымленную палатку и сообщилъ даже, что сначала онъ собирался украсть ночью нашихъ лошадей, но затѣмъ,

увидѣвъ, что мы хорошіе люди, оставилъ это намѣреніе: этотъ человекъ много путешествовалъ на своемъ вѣку, побывалъ и въ Хласѣ, и въ Си-нинѣ, въ Сиккимѣ и Дарджилингѣ и во время этихъ путешествій научился любезности и гостепріимству. — онъ съ удовольствіемъ согласился проводить насъ до границы Кашмира, тѣмъ болѣе, что такимъ образомъ показывалъ намъ выходъ, а не входъ въ охраняемую имъ мѣстность.

20-го сентября на перевалѣ Конединъ, высотой въ 5570 метр., мы вступили на территорію магараджи Кашмирскаго, а на слѣдующій день, двигаясь по безплодному, каменистому ущелью, ограниченному черными стѣнами, мы увидѣли, наконецъ, рощицу жалкихъ кустовъ, въ чащѣ которыхъ распѣвали птицы: это было начало конца, мы спустились до высоты Монблана. Это мѣстечко Нягдзу необитаемо въ это время года, но мы догнали здѣсь караванъ тибетцевъ, шедшихъ въ Лехъ съ мѣшками соли, навьюченными на баранахъ; они направлялись для промѣна этой соли на ячмень, муку, англійское сукно, кухонную утварь и стеклянный товаръ: спустя еще два дня и два перевала Кіула (5720 метр.) и Пангонгла (5080 метр.) мы пришли къ берегамъ живописнаго озера Пангонгъ, вытянутаго между высокими скалистыми горами; здѣсь мы увидѣли на высотѣ 4400 метр. первыя поля ячменя и первыя подданныхъ Великобританіи, живущихъ въ Лукангѣ въ пещерахъ среди скалъ. Такъ какъ мы прибыли неожиданно и безъ паспорта въ британскія владѣнія, доступъ къ которымъ недавно былъ воспрещенъ одному русскому путешественнику, то наше положеніе могло стать непріятнымъ. Поэтому Дютрейль отпиранилъ нарочнаго къ англійскому резиденту въ Лехъ, который отвѣтилъ весьма любезно и отдалъ приказъ, чтобы по дорогѣ намъ не дѣлали затрудненій.

Начиная отъ Луконга дорога давно извѣстна, такъ что мы прекратили съемку: эта дорога тянется по узкимъ, каменистымъ, глубокимъ и почти безплоднымъ долинамъ, минуешь бѣдные селенія

Тангдэ и Дургукъ, пересѣкаетъ сѣвга Чангъ-ла и выходитъ у селенія Чемдэ на берега Инда, который здѣсь представляетъ уже большую, быструю, голубую рѣку; долина Инда казалась прекрасной для путешественниковъ спустившихся съ нагорій Тибета, но для поднимающихся изъ Кашмира она должна казаться мрачной; она довольно широка, врѣзана между двумя цѣпами мрачныхъ, крутыхъ и скалистыхъ горъ съ крутонадающими пластами, зубчатымъ гребнемъ, кое гдѣ напудреннымъ сѣвгомъ. Почва усѣяна глыбами камня, среди которыхъ кое гдѣ пріветились пашни съ ячменемъ или рожью, впрочемъ, Тибетцы имѣютъ склонность къ живописному и умѣютъ обращаться съ камнемъ: на самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ, на самыхъ неприступныхъ скалахъ висятъ каменные сооруженія, часовни, выкрашенные въ красный цвѣтъ, маленькіе алтари пирамидальной формы, скромныя кельи отшельниковъ, монастыри въ развалинахъ или современные, похожіе на крѣпости.

2-го октября мы прибыли въ Лехъ, столицу Ладака, прежнюю резиденцію туземнаго царя, лишеннаго своего царства Гулабъ-Сингомъ, кашмирскимъ раджей, послѣ войны продолжавшейся съ 1835 по 1842 годъ; въ настоящее время управление страной находится въ рукахъ визиря, назначеннаго магараджей и состоящаго подъ надзоромъ у англійскаго вице-резидента. Лехъ—небольшой городокъ съ 3,000 населенія, расположенный въ узкомъ оазисѣ, сжатомъ кольцомъ высокихъ горъ.

Благодаря любезному пріему оказанному намъ мистеромъ Клюббитъ, британскимъ резидентомъ, и визиремъ Аргенъ-Натъ, Дютрейль въ теченіе нѣсколькихъ дней пользовался необходимымъ отдыхомъ и возстановилъ часть своихъ силъ; но онъ торопился отъѣздомъ въ Хатанъ, чтобы своевременно пройти переваль черезъ Каракорумъ, который въ зимніе сѣвга становится недоступнымъ. Выѣхавъ изъ Леха 20-го октября, мы прошли на якахъ черезъ льды перевала Кардонъ, недоступные для вьючныхъ лошадей, спустились въ

долину р. Шайокъ и поднялись по долину ея притока Нубра; послѣдняя, считающаяся наиболѣе плодородной въ Лазакѣ, довольно широка и тянется между двумя гигантскими стѣнами сѣрыхъ и голыхъ скалъ, поднимающихся болѣе чѣмъ на 1000 метр. надъ дномъ долины; послѣдняя не менѣе сѣра и бесплодна, чѣмъ эти стѣны и только кое гдѣ попадаются оазисы или поля ячменя и ржи, фруктовыя деревья, прозябающія на камнѣ или пескѣ.

Простившись въ Лшанглонгѣ съ послѣдними тибетцами, мы поднялись при помощи яковъ на переваль Карауэль, находящійся на лѣвомъ берегу р. Нубры, прошли ледники Сассеръ-ла, затѣмъ, оставивъ яковъ, миновали переваль Каракорумъ, составляющій границу между владѣніями магараджи кашмирскаго и императора китайскаго; этотъ переваль, высотой въ 5600 метр., долженъ считаться продолженіемъ гребня Устунъ-тага, который мы уже пересѣкли въ Кэрія-кутель, въ верховьяхъ Кэрійской рѣки. Окружающія горы имѣютъ тотъ-же характеръ, который мы наблюдали въ Устунъ-танъ: округленныя вершины, пологіе склоны, длинныя и бесплодныя долины, этотъ характеръ горъ продолжается до перевала Сугюэть, къ сѣверу отъ котораго начинаются уже крутобокія горы, острыя вершины, глубоко-връзанныя и травянистыя долины Алтынъ-тага. Эта часть дороги, между перевалами Карауэль и Сугюэть, наиболѣе трудная, вѣдствие значительной высоты, полного бесплодія и низкой температуры; мы испытывали до 29° мороза.

Миновавъ переваль Сугюэть, мы прибыли вечеромъ 2-го ноября къ укрѣпленію Сугюэть-курганъ, выстроеннаго недавно китайцами у слиянія Сугюэтскаго потока съ рѣкой Караканъ для возстановленія своей власти надъ окрестной страной; пройдя ущелье Караканъ близъ развалинъ давно покинутаго кашмирскаго укрѣпленія и оставивъ лѣвою дорогу въ Ярендъ, идущую къ перевалу Киліанъ, мы вошли въ ущелье маленькаго притока Каракама, текущаго съ перевала Санджу, ущелье узкое, пшилистое, глубокое, окруженное

острыми скалами, причудливо разорванными и разрушенными утесами: въ верховьѣ этого ущелья мы очутились словно въ глубокомъ колодецѣ; при помощи яковъ, нанятыхъ у киргизъ, мы вскарабкались на одну изъ стѣнокъ этого колодца и достигли, такимъ образомъ, перевала Санджу въ 5186 метр. вышины. Съ этого перевала видъ совершенно различный въ стороны сѣвера и юга: на югѣ-безконечный хаосъ гигантскихъ горъ съ снѣгами и ледниками, сверкающими на солнцѣ; на сѣверѣ—нѣсколько бурыхъ холмовъ, за которыми разстилается словно обширный океанъ задернутый покровомъ сѣроватаго тумана; это кашгарская равнина и ея атмосфера, наполненная пылью.

Подъемъ съ юга на этотъ перевалъ не изъ легкихъ, но спускъ на сѣверъ еще хуже; уклонъ такъ крутъ, что на протяженіи 5 верстъ въ горизонтальной проэкціи вы спускаетесь на 1880 метровъ, и этотъ спускъ покрытъ льдомъ; яки—это замѣчательныя животныя, которыя спускаются съ такой горы не спотыкаясь и съ грузомъ въ 6 пудовъ на спинѣ; наши лошади, шедшія на легкѣ, сдѣлали три четверти этой дороги не на ногахъ; одна изъ нихъ поскользнулась такъ неудачно, что скатилась внизъ и сломала себѣ позвоночникъ.

Съ Санджу—давана тянется воздѣланная долина Санджу, оканчивающаяся у Дзанъ-гуя, маленькаго оазиса среди песковъ на дорогѣ изъ Хатана въ Кашгаръ.

Несмотря на то, что дорога изъ Леха въ Кашгарію извѣстна уже давно, я разскажалъ о ней подробнѣе, потому что до недавняго времени это была единственная дорога изъ Китайскаго Туркестана въ англійскія владѣнія Индіи; понятно, что перевозка клади по подобной дорогѣ должна стоить очень дорого, почему англійская торговля въ Кашгаріи находилась въ худшихъ условіяхъ, чѣмъ русская, располагающая болѣе удобными дорогами черезъ Алай и Нарынъ. Изъ Яркенда въ Лехъ считаютъ 30 дней пути, изъ коихъ семь въ пустынной и безплодной странѣ; на этомъ пути

шесть высокихъ переваловъ, изъ коихъ четыре непроходимы для навьюченныхъ лошадей; стоимость провоза за лошадиный вьюкъ ($8\frac{1}{2}$ пудовъ)—38 рупій, т. е. приблизительная стоимость лошади; прибавьте къ этому еще весь путь отъ Леха до желѣзной дороги въ Раваль-Пинди. Такимъ образомъ, занятіе Канджута англичанами совсѣмъ не маловажно съ точекъ зрѣнія коммерческой и стратегической, такъ какъ оно даетъ Англій прямой дорогу изъ Пемавера въ Кашгаръ, болѣе короткую и легкую, благодаря работамъ произведеннымъ индійскимъ правительствомъ.

21-го ноября мы вернулись въ Хатанъ послѣ трехмѣсячнаго путешествія по маршруту въ 1875 километр., почти цѣликомъ пролегающему въ гористыхъ мѣстностяхъ. Безспорно, что Дютрейль не достигъ цѣли которую себѣ поставилъ, такъ какъ воспрепятствовали непреоборимыя обстоятельства и успѣхъ не зависѣлъ отъ его воли; тѣмъ не менѣе это второе путешествіе не было лишено научнаго интереса; въ связи съ первыми экскурсіями оно составляло значительную сумму изслѣдованій сѣверо-западной части тибетскаго нагорья, скомбинированныхъ такимъ образомъ, что они позволили намъ изучить границы, направленіе и характеръ трехъ системъ горъ, пересѣкающихъ эту область и пересѣченныхъ нами въ разныхъ пунктахъ съ обследованіемъ каждой системы и вдоль ея подошвы на нѣкоторомъ протяженіи; за эти два года пройдено было 4729 километровъ, изъ коихъ снято маршрутно около 2000 километровъ Дютрейлемъ и мною; отъ Кэрийской рѣки до озера Хангюэть-куль и отъ Мангрдзе до озера Пангонгъ мы работали въ мѣстности неизвѣстной; мы сняли 534 фотографіи, собрали коллекціи естественно историческія, археологическія и этнографическія и цѣлую бібліотеку сочиненій на восточно-тюркскомъ языкѣ. Дютрейль исполнилъ 1377 астрономическихъ наблюденій какъ долготы, такъ и широты. Кромѣ безчисленныхъ метеорологическихъ и гисотермометрическихъ наблюденій, онъ сдѣлалъ серію наблюденій надъ ходомъ хронометровъ въ пути, результатъ которыхъ

позволялъ ему, принимая въ соображеніе вліяніе переменъ температуры на хронометры, вычислить ихъ ходъ съ до сихъ поръ небывалой точностью.

Я приступаю теперь къ изложенію третьяго путешествія, наиболѣе важнаго изъ всѣхъ; несмотря на лишенія и труды, испытанныя въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ, несмотря на относительную неудачу второго путешествія, Дютрейль не потерялъ мужества и имѣлъ твердую рѣшимость выполнить свою программу. Въ 1893 г. онъ имѣлъ, къ счастью, больше средствъ въ своемъ распоряженіи, чѣмъ въ прошлый разъ и деньги получились раньше: 6-го марта я возвратился уже изъ Кашгара съ деньгами, присланными изъ Парижа. Въ этотъ разъ Дютрейль отказался отъ попытки двигаться вглубь Тибета изъ Полу, чтобы не вызвать ропота въ бѣдномъ и рѣдкомъ населеніи, дважды уже подвергавшемся реквизиціямъ ради насъ. Съ другой стороны, задача пересѣченія этихъ пустынныхъ горъ являлась почти неразрѣшимой при употребленіи лошадей, которыя ѣдятъ слишкомъ много и несутъ слишкомъ мало, почему Дютрейль рѣшился купить верблюдовъ и искать дорогу болѣе удобную для этихъ животныхъ, чѣмъ дорога черезъ Полу.

Выступивъ 4-го мая изъ Хатана на 30 верблюдахъ, 21 лошади и 10 ослахъ, мы направились въ Черченъ черезъ оазисы Кэрии и Нип, гористыя пастбища Кара-сая и Ачана и золотоносныя мѣсто-рожденія Коца.

О Черченѣ говоритъ уже Марко-Поло въ своихъ очеркахъ; но повидимому въ послѣдствіи этотъ оазисъ былъ уничтоженъ, такъ какъ самыя старыя семьи, живущія въ Черченѣ, пришли туда изъ Кэрии въ началѣ настоящаго столѣтія: сыновья этихъ первыхъ колонизаторовъ, живущіе еще, увѣряли насъ, что отцы ихъ не нашли здѣсь ни людей, ни пашень, а только развалины домовъ, засыпанные пескомъ; колонизація подвигалась медленно до магометанскаго мятежа, т. е. до 1863 г., но затѣмъ, много людей, избѣгавшихъ рекрутчины, нашли себѣ убѣжище въ Черченѣ, куда

наборщики Якубъ-бека не приходили ихъ искать. Въ настоящее время здѣсь до 2000 населенія, почва очень плодородна и еще большія пространства ожидаютъ культуры, заняты лѣсами тограка (*Populus balsamifera*), въ которыхъ живутъ олени, кабаны и тигры. Кромѣ полей населеніе имѣетъ стада, пасущіяся въ Токузъ-даванѣ, въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ къ югу, а каждую весну молодежь, предоставляя женщинамъ полевныя работы, отправляется въ горы, за двадцать дней пути, чтобы добывать золото на пріискахъ Вокаликъ, повидимому богатыхъ, но дурно разрабатываемыхъ.

Предварительныя экскурсіи, сдѣланныя нами вълубь горъ и свѣдѣнія, добытыя у мѣстнаго населенія, убѣдили насъ, что первый хребетъ (Алтынъ-тагъ) не представитъ затрудненій; но никто не зналъ дороги черезъ слѣдующій къ югу хребетъ, называемый здѣсь Аркатагъ, т. е. заднія горы: этотъ хребетъ очевидно составляетъ продолженіе Устунъ-тага, съ которымъ мы уже познакомились. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстный русскій путешественникъ М. В. Пѣвцовъ проникъ до истоковъ Черченской рѣки, но не перебрался черезъ Арка-тагъ.

Тѣмъ не менѣе Дютрейль рѣшился попытать счастья; какъ только наступило благоприятное время года, 3-го сентября мы покинули тополевыя роши Черчена и углубились въ Алтынъ-тагъ, имѣющій здѣсь иной характеръ, чѣмъ въ сторонѣ Полу. Тамъ негостепріимныя и дикія долины прячутся отъ солнечныхъ лучей, погружаясь въ тѣнь и холодъ; здѣсь широкія и веселыя долины наполнены свѣтомъ и тепломъ. Это различіе обусловлено тѣмъ, что къ сторонѣ Черчена Алтынъ-тагъ расчленяется на нѣсколько цѣпей и занимая большее пространство становится менѣе крутымъ; по довольно пологому уклону подъемъ идетъ до высоты Монблана. 8-го сентября мы миновали послѣдній пунктъ и 11-го пересѣкли гребень Алтынъ-тага по перевалу Заршу-даванъ (перевалъ золотоискателей), названному такъ потому, что въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ него находится золотой пріискъ, въ настоящее

время брошенный. Если я не ошибаюсь, мы были первыми европейцами, прошедшими через этот перевалъ, самый легкій въ Алтынъ-тагъ. 14-го мы дошли до подошвы Арка-тага или Устунъ-тага, на берегу р. Улугъ-су, одного изъ верхнихъ притоковъ Черченъ-дарьи. Отсюда мы отправили послѣднія вѣсти въ Европу при посредствѣ нѣсколькихъ туземцевъ Черчена, сопровождавшихъ насъ сюда. Караванъ оставался здѣсь нѣсколько дней, пока Дютрейль ѣздилъ въ рекогносцировку, чтобы отыскать перевалъ черезъ Арка-тагъ; онъ нашелъ его въ верховьяхъ рч. Кара-муренъ и 26-го сентября весь караванъ двинулся въ путь въглубь неизвѣстной страны, отнынѣ ни карты, ни туземцы не могли уже направлять наше движеніе.

Пересѣкая одну изъ вершинъ Кара-муренъ, мы миновали первый перевалъ Арка-тага въ 5650 метр. вышиной, покрытый снѣгомъ въ нѣсколько футовъ толщиной и попали въ середину цѣлаго хаоса горъ странной формы; вечеромъ было 30° мороза и одна лошадь погибла; это было недурно для начала, но лучше всего было не беспокоиться этимъ. Такимъ образомъ, мы достигли въ предѣлахъ Арка-тага верховья Кара-муренъ, единственной рѣки Восточнаго Туркестана, истоки которой оставались неизвѣстными. Эта мѣстность, сложенная изъ сланцевъ, совершенно бесплодна и пустынна: ни стебелька травы, ни слѣда животнаго, ни птицы—ничего кромѣ струйки воды, извивающейся по плоской галькѣ. Слева отъ насъ возвышался великолѣпный и громадный горный массивъ съ вѣчными снѣгами, высшій пикъ котораго достигаетъ 7750 метровъ; это царь Устунъ-тага, въ 160 километрахъ далѣе на югъ мы видѣли его еще вполне ясно.

Мы пересѣкли гребень Устунъ-тага по перевалу въ 5750 метр., затѣмъ долину въ 25 миль шириной, усѣяную холмами и горками, затѣмъ еще горную цѣпь, вѣроятно продолженіе (?) хребта Мадангъ-гангъ-ри, которую мы видѣли въ предшествовавшемъ году, и 3-го октября пришли къ берегу соленого озера, вытянутого

съ востока на западъ приблизительно на 40 километровъ; берега и горы, окаймляющіе это озеро, имѣютъ яркій кирпично-красный цвѣтъ, что придаетъ всей мѣстности странный характеръ, поразившій насъ тѣмъ болѣе, что мы находились именно въ томъ пунктѣ, на которомъ Дютрейль на своей картѣ Тибета нанесъ горы Наочидаръ-уланъ-дабасунъ-ула (гора красной аміачной соли).

За озеромъ потянулась смѣна болѣе низкихъ горъ съ долинами усѣянными большими озерами и покрытыми низкой и скудной травой, удовлетворяющей впрочемъ дикихъ животныхъ.

10-го октября мы впервые увидѣли слѣды тибетскаго стойбища на берегу потока въ узкой, луговой долинѣ, усѣянной большими утесами странныхъ формъ; это было очевидно стойбище охотниковъ, проникшихъ, въ видѣ исключенія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ эти отдаленныя мѣста, такъ какъ послѣ того мы шли еще много дней не встрѣчая болѣе подобныхъ слѣдовъ. Дикія животныя были довольно многочисленны и не пугливы, за исключеніемъ антилопъ, которыя не позволяли подойти близко. Хуланы же часто приходили рѣзвиться вокругъ нашихъ лошадей, но замѣтивъ что нибудь необыкновенное, останавливались и затѣмъ при малѣйшемъ движеніи или крикѣ обращались въ бѣгство. Стада яковъ смотрѣли съ удивленіемъ на наше шествіе и только при звукѣ выстрѣла удалялись тяжелой рысью.

Съ 14 по 16 октября при ледяномъ западномъ вѣтрѣ мы переваливали черезъ могучую горную цѣпь по тремъ сѣдловинамъ, наиболѣе южная и наиболѣе высокая изъ которыхъ достигала 5700 метр.; добравшись до площадки перевала, мы сомнѣвались сможемъ ли спуститься, до того крутъ и обрывистъ былъ южный склонъ, усѣянный остроугольными обломками; только съ большими затрудненіями удалось свести нашихъ верблюдовъ внизъ, гдѣ намъ пришлось простоять пять сутокъ изъ за снѣга, валившаго густыми хлопьями и покрывавшаго почву; положеніе стало опаснымъ: наши животныя, окоченѣвшія, неподвижныя подъ засыпающимъ ихъ снѣ-

гомъ, не находили себѣ пищи; мы сами не находили топлива, чтобы согрѣться и сварить свою ѣду. Къ счастью, 21 октября появилось солнце и велѣдъ за нимъ вѣтеръ, который смелъ снѣгъ. Караванъ возобновилъ движеніе на югъ и по прежнему потянулись мимо насъ въ величавомъ и угнетающемъ безмолвіи огромныя цѣпи горъ, которымъ казалось не будетъ и конца.

Но въ общемъ страна нѣсколько измѣнила свой характеръ: вмѣсто широкихъ долинъ, открытыхъ на востокъ и на западъ, мы видѣли теперь справа и слева грады горъ, часто довольно высокихъ, направленныхъ съ сѣвера на югъ, между которыми мы шли, какъ по длинному и широкому корридору, усѣянному озерами и часто прерванному поперечными цѣпиями; это были сѣверные отроги находившагося еще впереди хребта, представляющаго западное продолженіе цѣпи Танга. 27-го октября мы перевалили черезъ его гребень и ночевали у его южной подошвы на берегу небольшой рѣчки—единственной сколько нибудь значительной съ тѣхъ поръ, какъ мы ушли съ Кара-муреня. Узкая и мрачная долина этой рѣчки населена безчисленными зайцами; быть можетъ, именно эту рѣчку китайская географія называетъ Пей-ту-хо, т. е. рѣчка бѣлаго зайца; впрочемъ, бѣлыхъ зайцевъ мы здѣсь не видѣли.

До этого мѣста нашъ путь почти не уклонялся отъ меридіана, но отсюда Дютрейль направился на юго-западъ, къ мѣстности Токъ-дауракпа, въ сторону которой страна болѣе ровна; оставивъ вправо вышеупомянутую рѣчку, текущую на западо-юго-западъ, мы прибыли 31 октября къ берегамъ озера, воды котораго насыщены амміакомъ (?), расположеннаго въ нѣсколькихъ миляхъ на сѣверо-востокъ отъ пункта, обозначеннаго на картѣ Дютрейля именовъ Токъ-дауракпа; повернувъ затѣмъ на юго-востокъ, мы миновали 1-го и 3-го ноября два высокихъ перевала и попали въ широкую луговую долину, идущую на востокъ между двумя цѣпиями снѣговыхъ горъ, ограничивающихъ её съ сѣвера и съ юга.

Наиболѣе трудная часть нашего путешествія была закончена; съ 22 октября мы шли каждое утро въ густомъ туманѣ, не позволявшемъ различать предметы и въ разстояніи сотни шаговъ и пронизывавшемъ насъ своимъ влажнымъ холодомъ до костей; когда туманъ между полуднемъ и двумя часами разсѣвался, поднимался вѣтеръ, обжигавшій намъ лицо своимъ морознымъ дыханіемъ, а вечеромъ приходилось становиться на ночлегъ въ снѣгу при температурѣ въ 36° мороза. Прибавьте къ этому болѣзненный воспаленіи глазъ, которымъ подвергались всѣ люди и животныи и которыя увеличивали трудности и страданія путешествія.

Но мы уже приближались къ цѣли; высота мѣстности стала менѣе 5000 метр., въ долину снѣгъ исчезъ, трава изобиловала и мы встрѣтили слѣды недавно покинутого тибетскаго стойбища. Между Заршу-даваномъ и этой долиной, позади насъ находилась высшая и бесплоднѣйшая, необитаемая часть великаго азіатскаго нагорья. Мнѣ кажется весьма вѣроятнымъ, что на протяженіи приблизительно 40 миль нашъ путь совпадаетъ съ маршрутомъ Бауэра.

7-го ноября, на шестидесятый день послѣ того какъ мы отпустили черченскихъ туземцевъ, мы увидѣли первыхъ тибетцевъ въ мѣстности Катмаръ, возлѣ озера Тсо-ринъ-мо; это были пастухи, жившіе въ черныхъ палаткахъ и совершенно похожіе на тибетцевъ, видѣнныхъ въ прошломъ году въ Мангдрзе: тотъ же бронзовый цвѣтъ лица, большой носъ, выдающіяся скулы, длинная и костлявая фигура, длинные, спутанные черные волосы, отталкивающая нечистота тѣла и одежды; впрочемъ, народъ миролюбивый, боязливый и недовѣрчивый; съ трудомъ, и то только благодаря пристрастію женщинъ къ украшеніямъ, намъ удалось кунить у нихъ провизіи. Но черезъ день, какъ только мы снова тронулись въ путь, за нами двинулась толпа вооруженныхъ людей, слѣдившая за нами издали, но безъ попытокъ остановить насъ.

Переходя съ озера на озеро, обогнувъ сѣверный берегъ прѣспа-

го озера Чаргаты-дзо, постоянно волнующагося, ярко-лазурнаго цвѣта, окруженнаго живописно иззубренными горами, мы прибыли 15-го ноября къ западной оконечности соленаго и замерзшаго озера, вытянутаго на 70 минутъ по долготѣ; это мрачное и печальное озеро Бауэръ называетъ Джаринъ-дзо; онъ обошелъ его по южному берегу и здѣсь былъ остановленъ тибетскими властями, заставившими его возвратиться обратно. Намъ удалось уже обогнуть озеро съ сѣвера и съ востока, когда мы узнали, что начальникъ округа Накдзонъ, живущій въ Сенджадзонъ, перешелъ черезъ горы съ намѣреніемъ остановить насъ; онъ послалъ къ намъ гонца, прося свиданія. Но Дютрейль, желавшій во чтобы то ни стало достигнуть Намъ-тсо, притворился непонимающимъ и ускорилъ движеніе, пересѣкая систему горъ, расположенную къ югу отъ цѣпи озерныхъ бассейновъ, вдоль которыхъ мы до сихъ поръ шли. Къ несчастію, мы попали на очень дурную дорогу, крутую, покрытую снѣгомъ въ нѣсколько футовъ толщиною, такъ что мы лишились лошади и трехъ верблюдовъ и должны были идти до поздней ночи. Начальникъ округа, поѣхавшій по хорошей дорогѣ, догналъ насъ на слѣдующее утро съ конвоемъ изъ пятидесяти вооруженныхъ людей. Схвативъ поводья нашихъ лошадей, онъ со слезами на глазахъ умолялъ насъ остановиться, увѣряя, что ему снять голову, если мы проникнемъ дальше. Дютрейль возразилъ, что у него есть китайскій паспортъ и пошелъ дальше. Начальникъ не пытался употребить силу; это былъ благовоспитанный человекъ и мнительный чиновникъ; не зная, въ какомъ смыслѣ изложенъ нашъ паспортъ, онъ боялся превзойти предѣлы своей власти. Но онъ могъ раскаяться въ своей слабости и собрать болѣе значительный отрядъ, который позволилъ бы ему дѣйствовать энергичнѣе; во избѣжаніе этого мы шли весь день и ночью при свѣтѣ луны до трехъ часовъ утра; миновавъ цѣлую серію горъ и узкихъ долинъ, мы прибыли 1-го ноября къ берегамъ священнаго озера Намъ-дзо, темная и спокойная лазурь котораго рѣзко

контрастировала съ блестящей бѣлизной горъ прихотливыхъ формъ, окаймляющихъ озеро съ юга.

На слѣдующій день мы шли вдоль сѣвернаго берега озера до мѣстности Замна, находящейся въ 5 миляхъ отъ восточной оконечности; здѣсь „антукъ“, прибывшій изъ Хлассы намъ на встрѣчу, просилъ насъ остановиться до прибытія чиновниковъ, посланныхъ къ намъ отъ центрального правительства; онъ обѣщаль намъ достать все, въ чемъ мы нуждались. Мы до сихъ поръ не могли возобновить свои запасы въ этой странѣ съ рѣдкимъ, бѣднымъ и недовѣрчивымъ населеніемъ; у насъ не осталось ни муки, ни риса, ни ячменя; изъ 61 караваннаго животнаго 36 погибли, а оставшіяся въ живыхъ были истощены усталостью, холодомъ и голодомъ и еле передвигали ноги. Поэтому Дютрейль принялъ сдѣланное ему предложеніе и написалъ императорскому китайскому комиссару, находящемуся въ Хлассѣ, прося разрѣшенія пріѣхать въ святой городъ, чтобы отдохнуть и снарядить свой караванъ.

Вскорѣ явилось къ намъ съ визитомъ посольство, состоявшее изъ помощника императорскаго комиссара, трехъ китайскихъ офицеровъ гарнизона Хлассы, двухъ высшихъ тибетскихъ чиновниковъ (одного духовнаго, другого свѣтскаго) и изъ трехъ ламъ, представителей могущественнаго монастыря Сера. Эти послы были облечены въ великолѣпные официальные костюмы, представлявшіе комическую противоположность дикому пейзажу и нашей обтрепанной одеждѣ. Сверхъ того, всѣ они были люди хорошаго тона и свѣтскихъ манеръ и обладали тѣмъ легкимъ, богатымъ, свободно-текущимъ и пышнымъ краснорѣчіемъ, которое вообще свойственно азіатамъ. На нашъ запросъ относительно доступа въ Хлассу, они намъ отвѣтили, что въ Хлассѣ были бы обрадованы и польщены пріѣздомъ такихъ почетныхъ гостей, но, къ сожалѣнію, законы страны, основанные на многовѣковыхъ традиціяхъ, препятствуютъ нашему появленію на тибетской землѣ. Мы напрасно просили и убѣждали, обращаясь къ разуму и къ чувствамъ пословъ, при-

водили примѣры посѣщенія Хлассы европейцами. Ораціо дела Пенна и отцомъ Гюкомъ—ничего не помогало. Впрочемъ, никто не сообщилъ намъ настоящую причину отказа. Тибетцы смиренно заявляли, что они дѣйствуютъ согласно инструкціи, данной имъ китайскими властями: китайскій представитель, съ своей стороны, сваливалъ всю вину на тибетское начальство, по его словамъ, дикое и неспособное внять убѣжденіямъ. „Вы и я, говорилъ онъ, мы знаемъ „ли“, т. е. правила между-народной вѣжливости, и если бы у васъ былъ Пекинскій паспортъ, я бы счелъ удовольствіемъ провести васъ въ Хлассу, несмотря на все препятствія“.

Но у насъ не было Пекинскаго паспорта для посѣщенія Хлассы, а тибетцы говорили намъ, что и при наличности такого паспорта насъ бы все равно не пропустили. Впрочемъ, Дютрейль не имѣлъ никакихъ иллюзій относительно успѣха своихъ просьбъ и, убѣдившись въ упорствѣ пословъ, потребовалъ отъ нихъ по крайней мѣрѣ разрѣшенія идти въ селеніе Дамъ, гдѣ онъ надѣялся отдохнуть послѣ лишеній путешествія. Въ виду настойчивости Дютрейля, китайскіе и тибетскіе послы написали или сдѣлали видъ, что написали въ Хлассу относительно этого разрѣшенія. Между тѣмъ время шло, а наше положеніе было незавидно. Снѣгъ шелъ въ небольшомъ количествѣ, но бушевалъ леденящій вѣтеръ; озеро замерзло, каждый день бывало до 30° мороза, а мы по прежнему жили въ палаткѣ и безъ отопленія. Наши животныя, задыхавшіяся на этомъ возвышенномъ мѣстѣ, бродили печально по окрестностямъ пощипывая короткую и твердую травку, еле поддерживавшую ихъ существованіе; лошади являлись къ палаткѣ и приподнимали ея пологъ, прося пищи, которой у насъ не было; флегматичные верблюды позволяли воронамъ расклевывать себя живьемъ; наконецъ все погибло отъ безкормицы за исключеніемъ двухъ верблюдовъ и окрестности нашей стоянки превратились въ кладбище, опустошаемое воронымъ и коршунами.

Скучавшее посольство объявило намъ, наконецъ, что изъ Хлассы

получился отвѣтъ неблагопріятный для нашихъ намѣреній: правительство не только запрещало иностранцамъ проѣхать въ Дамъ, но приказывало имъ немедленно возвратиться назадъ той же дорогой, которой прибыли. при чемъ угрожало посламъ, что они будутъ брошены въ рѣку съ связанными руками и ногами, если распоряженія правительства не будутъ исполнены въ точности. Дютрейль далъ категорическій отвѣтъ, что если ему не позволяютъ идти въ Дамъ, то онъ пойдетъ въ Накчу и никуда больше. Я не стану описывать подробно попытокъ, дѣлавшихся комиссаромъ и ламами, уловокъ, хитростей и даже угрозъ, къ которымъ они прибѣгли, чтобы отклонить Дютрейля отъ высказаннаго имъ намѣренія; но Дютрейль не уступалъ, и дипломаты, прожившіе сорокъ пять дней въ одномъ изъ самыхъ негостепріимнѣйшихъ пунктовъ земного шара, зимой, на высотѣ равной Монъ-блану и видѣвшіе съ безпокойствомъ приближеніе новогоднихъ праздниковъ, наконецъ уступили и согласились не всё, въ чемъ такъ долго отказывали намъ. Въ два дня договоръ былъ составленъ, подписанъ и печатанъ, мы обмѣнялись прощальными визитами и подарками, и 20-го января Дютрейль отправился прямымъ путемъ въ Накчу, тогда какъ я уѣхалъ въ обществѣ тибетскихъ чиновниковъ въ Дамъ-ларганъ-ла, чтобы связать точнѣе маршрутъ нашей экспедиціи съ маршрутомъ Бонвало. Работы наши въ окрестностяхъ Намъ-тео интересны, потому что онѣ обнимаютъ нѣсколько экскурсій въ разныхъ направленіяхъ, удачно дополняющихъ и исправляющихъ прежнія данныя. Мы изслѣдовали большое озеро Буиъ-тео, Букапоръ по монгольски, имѣющее 30 миль съ NW на SO и озеро Пуль-тео, получившее свое названіе изъ за находящейся въ немъ буры: 27-го января мы вошли въ Накчу, главный городъ округа, состоявшій изъ шестидесяти жалкихъ, тѣсныхъ, темныхъ, грязныхъ и законченныхъ каменныхъ зданій; намъ отвели самое лучшее, хотя и оно было грязно, закончено, сыро и наполнено разными насекомыми; на дворѣ бушевалъ вѣтеръ и валилъ снѣгъ; термометръ

упрямо держался на 30° ниже нуля и наше единственное развлечение состояло въ наблюдѣніи вечерняго возвращенія блеющихъ барановъ.

Это безотрадное мѣстечко представляетъ резиденцію двухъ окружныхъ начальниковъ — свѣтскаго и духовнаго, согласно тибетскому обычаю, по которому въ большинствѣ административныхъ функцій свѣтскій и духовный элементы должны наблюдать другъ за другомъ. Обоимъ начальникамъ предписано дѣйствовать по взаимному соглашенію, но въ дѣйствительности свѣтская власть не споритъ съ духовной и всегда желаетъ того-же, чего желаетъ послѣдняя. Даже въ этихъ отдаленныхъ и дикихъ мѣстахъ авторитетъ правительства Хлассы или, употребляя офиціальныи терминъ, правительства „дебаджонъ“ признается вполне, не смотря на отсутствіе регулярныхъ войскъ и правильной полиціи. Это объясняется не только естественнымъ долготерпѣніемъ тибетцевъ и строгостью, съ которой дебаджонъ наказываетъ малѣйшее неповиновеніе, но еще и, главнымъ образомъ, многочисленностью ламъ, выходящихъ изъ народа, по становящихся его властелинами, благодаря религіи и матеріальному благосостоянію и преданныхъ правительству, которое функціонируетъ ради нихъ и при помощи нихъ. Мы, впрочемъ, были въ прекрасныхъ отношеніяхъ съ обоими начальниками Накчу, которые содѣйствовали намъ самымъ существеннымъ образомъ при формированіи новаго каравана.

7-го марта мы покинули Накчу съ намѣреніемъ слѣдовать по самой прямой изъ дорогъ, ведущихъ изъ Хлассы въ Си-нинъ, проходящей между озерами Джаринъ и Оринъ-норъ; но, миновавъ границу собственнаго Тибета, Дютрейль свернулъ съ этой дороги, чтобы направиться къ истокамъ Меконга, которые онъ хотѣлъ изслѣдовать; онъ пошелъ, самъ не зная этого, на самую сѣверную изъ дорогъ, ведущихъ изъ Хлассы въ Дацзянъ-лу; эта дорога, не помѣченная ни на одной картѣ, пройдена только одной отважной англійской путешественницей, г-жей Тейлоръ, которая, выйдя

изъ Гань-су, проникла до границы собственного Тибета въ трехъ дняхъ пути къ сѣверу отъ Накчу.

Миновавъ переваль Сокъ-гуэма-ла въ 5350 метр., ущелье Сокъ-чу и переваль Дамъ-тао-ла, покрытый цѣлымъ метромъ снѣга, мы достигли верховій рч. Тао-чу, самаго южнаго изъ истоковъ р. Янъ-цзе-кианга. Между Тадзанъ-ла и Дамъ-тао-ла страна очень изрѣзана, покрыта крутобокими горами, глубокими и узкими ущельями, въ которыхъ бушуютъ рѣки. Она населена тибетцами, живущими въ палаткахъ и принадлежащими къ еретической сектѣ Пёнъ-бо, управляемой туземнымъ вачальникомъ въ Сокъ-дзонѣ Хорци-гуябъ-неко, въ свою очередь подчиненнымъ китайскому императорскому комиссару Хлассы. Населеніе, которое въ качествѣ еретиковъ считаетъ Далай-ламу самозванцемъ и ненавидитъ правительство Хлассы, приняло насъ дружелюбно, какъ враговъ общаго врага. За Дамъ-тао-ла населеніе опять православное и подчинено номинальной власти тибетскаго царька Наншенъ-Гапо, живущаго въ десяти дняхъ пути къ югу отъ Керкудо, на берегахъ Цамъ-чу, притока р. Меконгъ. Этотъ царекъ и его подданные подчинены императорскому китайскому комиссару, живущему въ Си-ниѣ.

Проходя страну съ широкими долинамъ, населенную тибетцами Донъ-на, мы миновали р. Дамъ-чу и 9-го апрѣля вышли въ бассейнъ Меконга по перевалу Дзанакъ-ла, съ котораго течетъ рч. Дзанакъ-чу, самая западная вершина Меконга; здѣсь начинаются земли тибетцевъ Гуэджи. По недостатку средствъ мы сформировали въ Накчу свой караванъ изъ яковъ и, такъ какъ эти животныя двигались съ большей медленностью, чѣмъ мы предполагали, мы уже не могли достигнуть Си-ниа безъ возобновленія своихъ припасовъ. Мы узнали, что въ четырехъ дняхъ пути внизъ по р. Дза-чу (такъ называется рч. Дзанакъ-чу отъ ея слиянн съ р. Дзагаръ-чу) есть большой монастырь Ташигонна, къ которому, именно въ это время, происходитъ значительная ярмарка. Дютрейль

рѣшили возобновить тамъ свои припасы и мы дошли до монастыря 15-го апрѣля; но ламы встрѣтили насъ очень дурно: они не только отказались вступать съ нами въ какія либо сношенія, но отдали населенію приказъ ничего не продавать намъ; даже нѣсколько китайскихъ купцовъ не рѣшились нарушить это распоряженіе и Дютрейлю пришлось отказаться отъ намѣренія возвратиться на прямую дорогу въ Си-пинь, идущую по ненаселеннымъ мѣстамъ и направиться по дорогѣ въ Керкудо, гдѣ проживаетъ переводчикъ китайскаго комиссара, исполняющій обязанности консульскаго агента. Дютрейль воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы изслѣдовать сѣверную часть бассейна р. Дза-чу, преимущественно теченіе рр. Пурдонъ-чу и Дзе-чу. Этотъ бассейнъ Дза-чу имѣетъ оригинальный характеръ: почва преимущественно красноватаго цвѣта, рѣки текутъ въ тѣнинахъ столь глубокихъ и узкихъ, что часто движеніе по нимъ невозможно; эти тѣнины расположены между высокими горами съ острыми и скалистыми вершинами сложныхъ и странныхъ формъ. Населеніе „Гуэджи или Рхаки, занимается скотоводствомъ и живетъ въ палаткахъ; единственныя каменные сооруженія представляютъ монастыри, какъ напр., Таши-гонца; деревьевъ нѣтъ, но мелкій кустарникъ покрываетъ склоны горъ; почва не воздѣлывается, хотя, повидимому, пригодна къ культурѣ, такъ какъ абсол. высота дна долинъ не болѣе 4000 метр. и начиная съ мая мѣсяца термометръ рѣдко опускается ниже точки замерзанія; такимъ образомъ, условія такъ же благопріятны, какъ въ Ладакѣ, но населеніе крайне лѣниво и апатично, проживая цѣлые вѣка въ своемъ дѣломъ, уединенномъ углу. 20-го мая мы перешли въ бассейнъ Янъ-цзе-Кіанга, называемаго китайцами Донъ-цинъ-хэ, а тибетцами — Ды-чу. На слѣдующій день мы перешли черезъ высокій и крутой перевалъ Серкемъ-ла (5000 метр.) и 22-го увидѣли на вершинѣ скалы монастырь Керку, а у подошвы ея бѣлые домики небольшого тибетскаго селенія Тао-ранъ-на. Это мѣсто имѣетъ только 3750 метр. абс. высоты, такъ что въ нѣс-

сколько часовъ мы спустились на 1250 метр.; въ этотъ день мы испытали дождь, котораго не видѣли уже цѣлый годъ. Нашъ переводчикъ, отправленный впередъ, былъ встрѣченъ въ монастырѣ градомъ камней, и глава монастыря, представляющій одновременно и начальника округа, отказался принять его и запретилъ населенію отдавать дома иностранцамъ въ наемъ; между тѣмъ помѣститься подъ крышей намъ было бы очень пріятно, такъ какъ наша истрепанная палатка пропускала дождь; пришлось раскинуть свой лагерь въ селеніи, но къ счастью китайскій агентъ сдѣлалъ для насъ всё, что было возможно и доставилъ намъ новую палатку, необходимую провизію и животныхъ для продолженія путешествія.

Керкудо представляетъ значительный центръ, не по числу жителей въ селеніи, не превышающему 500 душъ, но по значенію своего богатаго монастыря, населеннаго многочисленными ламами и потому, что онъ расположенъ у соединенія дорогъ изъ Да-цзянь-лу, Чямдо и Хлассы. Въ селеніи нѣсколько китайскихъ лавокъ, и въ одно время съ нами въ Керкудо прибылъ большой караванъ изъ 80 человекъ и 700 животныхъ, отправленный главнымъ ламой монастыря Ташилумбо въ Да-цзянь-лу и нагруженный шерстяными матеріями, мускусомъ и пушнымъ товаромъ для обмѣна на китайскій чай и шелкъ.

Вся страна тибетцевъ Тао-ранъ-па, центромъ которой служитъ Керкудо, воздѣлана и покрыта селеніями съ каменными домами; ламы монастырей Керкудо и Танъ-будда принадлежатъ къ сектѣ Сакьяну, признающей авторитетъ далай-ламы, тогда какъ ламы монастырей Таши-гонпа и Лабу-гонпа принадлежатъ къ зонкавистамъ (реформированные или Гелукъ-па); первые у китайцевъ носятъ наименованіе Хунъ-мао, т. е. красныя шапки, такъ какъ во время богослуженія надѣваютъ красныя колпаки (митры), вмѣсто желтыхъ, присвоенныхъ зонкавистамъ. Всѣ эти восточные тибетцы бассейновъ Меконга и Янъ-цзе-кианга отличаются болѣе дикимъ и горячимъ темпераментомъ сравнительно съ своими сородичами,

которыхъ мы видѣли на западѣ и югѣ Тибета и намъ пришлось убѣдиться въ этомъ самымъ жестокимъ образомъ. Эта страна, прорѣзанная глубокими и узкими долинами, раздѣлена на множество мелкихъ округовъ, начальники которыхъ, какъ свѣтскіе, такъ и духовные представляютъ независимыхъ царьковъ, всевластныхъ въ своихъ соколинныхъ гнѣздахъ. Вооруженныя нападенія, постоянныя кражи сопровождаются непремѣнно возмездіемъ со стороны обиженныхъ и ни Наншенъ-гапо, туземный царекъ, ни китайское начальство не могутъ или не хотятъ измѣнить эти порядки.

Изъ Керкудо три дороги ведутъ въ Си-нинъ; одна идетъ черезъ Цайдамъ и Куку-норъ, другая между озерами Джаринъ и Оринъ-норъ, третья прямо на сѣверо-востокъ; только первая болѣе или менѣе безопасна, но она длинна и пройдена уже нѣсколькими путешественниками. Дютрейль захотѣлъ пройти по третьей, болѣе короткой и неизслѣдованной, но обилующей разбойниками. Выѣхавъ 1-го іюня, онъ направился на селеніе Танъ-будда, но сбился съ дороги и попалъ въ это селеніе только на слѣдующій день подъ проливнымъ дождемъ, который заставилъ его остановиться. Въ теченіе ночи туземцы украли у насъ двухъ лошадей; Дютрейль хотѣлъ жаловаться властямъ, но жители отказались указать домъ мѣстнаго начальника. Справедливо опасаясь, что безнаказанность воровства побудитъ туземцевъ къ дальнѣйшимъ насиліямъ, Дютрейль рѣшился на мѣру, которая, по его мнѣнію, должна была заставить начальника селенія вступить съ нами въ переговоры; передъ выступленіемъ въ путь мы взяли въ залогъ первыхъ двухъ понавшихся лошадей, объявивъ, что возвратимъ ихъ, когда переговоримъ съ начальникомъ. Тогда туземцы, спрятавшіеся въ домахъ, безъ всякаго предупрежденія начали стрѣлять въ нашъ караванъ, двигавшійся въ виду селенія по склону горы; нѣсколько животныхъ, въ томъ числѣ моя лошадь, были убиты, а Дютрейль упалъ смертельно раненый; между тѣмъ тибетцы, сбѣжавшіеся изъ сосѣднихъ

деревень, засѣли за низкими стѣнами, пересѣкающими долину въ разныхъ направленіяхъ и со всѣхъ сторонъ стрѣляли; мы отвѣчали пока не истощился нашъ небольшой запасъ патроновъ: изъ нашихъ людей только одинъ былъ раненъ, но послѣ прекращенія нашихъ выстрѣловъ тибетцы, вооруженные пиками и саблями, бросились къ намъ; пятеро нашихъ рабочихъ бѣжали и я остался одинъ возлѣ Дютрейля, потерявшаго сознаніе. Между тѣмъ монастырская священная труба подала сигналъ къ прекращенію битвы, тибетцы насильно увели меня отъ Дютрейля и, доведя до границы своего округа на берегу Янъ-цзе-кіанга, оставили одного, только съ буссолью, служившей мнѣ для съемки и въ одномъ платьѣ. Въ виду невозможности возвратиться назадъ въ непріятельское гнѣздо, я направился въ Лабу-гонна, гдѣ живетъ одинъ человѣкъ, состоящій на службѣ у консульскаго китайскаго агента; я миновалъ нѣсколько селеній, стараясь казаться спокойнымъ, чтобы не возбуждать подозрѣній, собралъ нѣсколькихъ изъ нашихъ бѣжавшихъ рабочихъ, перешелъ вбродъ р. Ды-чу и нашелъ на томъ берегу нужнаго мнѣ человѣка. Я разсказалъ ему постигшую насъ катастрофу; онъ приютилъ меня въ своемъ домѣ на территоріи Лабу-гонна и вступилъ въ переговоры съ главой этого монастыря; послѣдній также принялъ во мнѣ участіе и обратился къ разбойникамъ селенія Танъ-будды, но безполезно. Съ другой стороны, консульскій китайскій агентъ, извѣщенный мною о происшествіи черезъ одного изъ рабочихъ, посланнаго къ нему въ самомъ началѣ столкновенія, явился на слѣдующій день, но съ заявленіемъ, что онъ ничего не можетъ сдѣлать, ни заставить разбойниковъ возвратитъ наше экспедиціонное имущество, ни потребовать отъ нихъ тѣло Дютрейля, которое было брошено въ рѣку. Я обращался также къ главѣ монастыря Тубши, но и съ этой стороны мои просьбы оказались тщетными.

Убѣдившись въ невозможности получить обратно хотя бы только дневники и коллекціи и останки моего начальника, я рѣшилъ

направиться въ Си-нинъ, чтобы жаловаться Китайскому императорскому комиссару. Такимъ образомъ, проведя въ окрестностяхъ злополучнаго Танъ-будды цѣлыхъ двадцать пять дней, миѣ пришлось ѣхать въ Си-нинъ съ пустыми руками.

Въ Си-нинѣ китайскія власти отнеслись ко миѣ съ искреннимъ сочувствіемъ и нѣсколько позже я съ радостью узналъ, что тибетцы, опасаясь возмездія за содѣянное ими преступленіе, доставили въ Си-нинъ китайскому комиссару все бумаги и весь багажъ экспедиціи.

Такимъ образомъ, результаты нашей экспедиціи не пропали; изъ 8700 километровъ, пройденныхъ нами, болѣе 6000 килом. сняты топографически, при чемъ около 4000 килом. приходится на неизслѣдованныя мѣстности и опираются на нѣсколько тысячъ астрономическихъ наблюдений, какъ широтныхъ, такъ и долготныхъ; затѣмъ много наблюдений гипсометрическихъ и метеорологическихъ въ теченіи болѣе трехъ лѣтъ; коллекціи собраны по этнографіи, археологіи, ботаникѣ и геологіи, а также собраны документы по исторіи и языкознанію; наконецъ, нами снято около 1000 фотографій. Предоставляя другимъ оцѣнить достигнутые нами результаты, я, съ своей стороны, долженъ публично заявить о томъ, сколько энергіи, смѣлости, настойчивости и также осторожности пришлось употребить Дютрейль-де-Рену, чтобы восторжествовать, не смотря на свои лѣта и болѣзнь, надъ многочисленными препятствіями; сколько усердія, постоянства и тщательнаго труда онъ вкладывалъ въ свои изслѣдованія и научныя наблюденія. Смерть, которая бѣзжалостно сразила его наканунѣ достиженія избранной цѣли, вызвала повсемѣстно глубокое сожалѣніе; но мы почтимъ его память лучше не безполезными сожалѣніями, а сохранивъ о немъ воспоминаніе, какъ о человѣкѣ, жизнь котораго была безкорыстно посвящена наукѣ и который представлялъ собою воплощеніе прямоты и чести.

Двѣ шаманскія молитвы, произносимыя на тайлаганахъ
(у бурятъ)*).

I.

Сэкъ! Горные духи наши! смотрите на насъ теплѣ; сдѣлайте, чтобы наши начальники смотрѣли на насъ благосклонно; двадцати восьми реберчатую, съ шестнадцать мозговыми костями (сэмэгэн) годовалую овечку мы вамъ за это въ жертву приносимъ. За это дайте, духи наши: скота съ большими развиллистыми рогами, безошибочно дайте скота съ крупными копытами. Лошадей нашихъ сдѣлайте неспотыкающимися. О, хозяева бушующихъ рѣкъ! О, хозяева бурно текущихъ рѣкъ! О, хозяева мысовыхъ рѣкъ! О, вы, дѣлающіе ручьи рѣками! О, вы, дѣлающіе скотъ жирнымъ! О, вы, утуги наши растяжіе! О, вы, юрты нашихъ опора! О, вы, мысовъ нашихъ и родины нашей счастье! Все вмѣстѣ благоволите принять нашу жертву. Пусть счастье наше будетъ полно! (бросается чашка съ тарасуномъ). Поваренка (ковшъ) наша не вылетъ черенкомъ! Сэкъ! (такъ-же и поваренка бросается).

II.

Буха-нондъ, батюшка! Будагъ-хатанъ, матушка! развилисто большими рогами верхнюю вселенную упираешь, отвисшимъ бойно-кома (подшейной кожей) нижнюю вселенную упираешь! Когда ты бѣжишь, десяти тысячъ лошадиный топотъ издаешь. Когда ты кричишь, восьми тысячъ порозиный ревъ издаешь. Бѣлый утесъ

*) Кроме исправленія орфографіи подлинника, мы позволили себѣ вставить въ некоторые слова, поясняющія смыслъ текста, оставшия изъ скобокъ подлинника слова.

сидѣнье твое, бѣлая вода прохлада твоя, наинская степь бѣга твоя, монцацкій песокъ обитель твоя (всельбище), мондорскій мысъ заглядѣнье (смотрѣніе) твое. Мать твоя—эхэ юранъ окторгой. Ты пришелъ съ южной стороны, издавая голосъ твой; изъ мочи твоей выросли кедры. Въ олодекую землю пришелъ,—тамъ съ таежнымъ пестрымъ порозомъ три года бился, а затѣмъ въ камень превратился.

Намжилъ Тушигаровъ, инородецъ Мондинскаго стана.

Сообщилъ миссіонеръ, священникъ Іаковъ Чистогинъ.

П Р О Т О К О Л Ы

засѣданій Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества

за 1894 годъ.

13 января 1894 года.

Предсѣдательствовали В. П. Сукачевъ, присутствовали: А. В. Янчуковскій, Н. Е. Маковецкій, Н. П. Левинъ, Л. Ф. Сихановичъ, Д. Н. Першинъ и и. д. Превителъ дѣлъ Я. П. Прейнъ.

I. Читанъ и утвержденъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

II. Доложена бумага Канцелярїи Иркутскаго Генералъ-Губернатора отъ 12 января 1894 года за № 282, уведомляющая Распорядительный Комитетъ, что Его Высочайшее Императорское Высочайшее повелѣніе не встрѣчаетъ препятствій къ тому, чтобы деньги, въ суммѣ 408 рублей, переданныя Отдѣлу въ 1887 г. бывшимъ Генералъ-Губернаторомъ Графомъ А. П. Игнатьевымъ на производство пиволлировки между Байшалою и Иркутскомъ, были употреблены на расходы, сопряженные съ участіемъ Отдѣла въ предпринимаемой Академіей Наукъ магнитной съемкѣ Россійской Имперіи.

Опредѣлено: принять къ свѣдѣнію.

III. Доложено Комитету, что консерваторъ и библіотекаръ Музея Отдѣла Н. П. Левинъ, по обязанностямъ службы, въ очень непродолжительномъ времени долженъ выѣхать изъ Иркутска, и что намѣченные Комитетомъ на должность консерватора и библіотекаря М. Е. Кибортъ и В. С. Моллесонъ отказываются принять на себя предложенную обязанность.

Опредѣлено: впредь до выбора Превителъ дѣлъ Отдѣла и нахождения лица, вполне пригоднаго для отиравленія обязанностей консерватора и библіотекаря, предложить временное отиравленіе этихъ обязанностей члену Отдѣла А. Г. Хитемкину, учителю Троицкосавскаго Городскаго Училища, уволенному въ продолжительный отпускъ въ Иркутскъ для леченія болѣзни.

IV. И. д. Превителъ дѣлъ Я. П. Прейнъ заявилъ, что Д. А. Клеменць, уѣзжая изъ Иркутска, просилъ его доложить Распорядительному Комитету, что необходимо послать М. А. Бролю въ Верхнеудинскъ 100 рублей въ пособіе его этнографическимъ изслѣдованіямъ бурятъ Забайкальской Области.

Опредѣлено: поручить и. д. Правителя дѣль получить отъ Казначей Отдѣла таковую сумму и отправить ее къ г. Кролю.

V. Доложено отношеніе г. Начальника 18-й пѣхотной дивизіи ген.-лейт. Шкуринскаго съ просьбою считать его, съ перемѣщенія по службѣ въ г. Люблинъ, бывшимъ изъ числа членовъ В. С. Отдѣла.

Опредѣлено: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Доложено письмо на имя Правителя дѣль отъ доцента статистики Университета въ Чикаго И. А. Гурвича, въ которомъ онъ передаетъ желаніе Университета получить полный комплектъ Извѣстій В. С. Отдѣла, начиная съ 1-го выпуска, въ обмѣнъ на изданіе Университета „Journal of Political Economy“.

Опредѣлено: предложить Университету обмѣнъ указанными изданіями съ 1894 года, увѣдомивъ при этомъ, что Отдѣлъ не можетъ выслать полного комплекта своихъ „Извѣстій“, за неизмѣнимъ свободныхъ экземпляровъ.

VII. Доложена бумага изъ Парижа отъ M. Le Sous-Secrétaire d'Etat des Colonies, въ которой доводится до свѣдѣнія Отдѣла, что имъ послана въ Отдѣлъ черезъ посредство французскаго бюро международнаго обмѣна новое изданіе карты капитана Binger рѣки Нигера (La carte du Haut-Niger au Golfe de Guinée), съ изъясненіемъ желанія получить въ обмѣнъ изданія Отдѣла.

Опредѣлено: по полученіи карты, благодарить и выслать Извѣстія Отдѣла за 1894 годъ.

VIII. Доложены предложенія относительно обмѣна изданіями: а) отъ редакціи журнала „Вѣстникъ золотопромышленности и горнаго дѣла“, б) отъ редакціи Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, в) отъ редакціи „Ежегодника Тобольскаго губернскаго музея“ и д) отъ Редакціи „Сборника Саратовскаго земства“.

Опредѣлено: высылать „Извѣстія В. С. Отдѣла“ въ редакціи Сборника Саратовскаго Земства и Тобольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей, въ другія же двѣ редакціи, кромѣ „Извѣстій“ также и „Записки В. С. Отдѣла“.

Ж У Р Н А Л Ъ

общаго собранія членовъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, состоявшагося 7 февраля 1894 г.

Предсѣдательствовалъ В. И. Вагинъ, присутствовали: Е. В. П. Архіепископъ Тихонъ и до 100 ч. членовъ и гостей.

При открытіи засѣданія и. д. Правителя дѣль Я. П. Прейнъ, заявивъ, что Предсѣдатель Отдѣла В. П. Сукачевъ по болѣзни не можетъ присутствовать въ засѣданіи, предложилъ избрать на настоящее засѣданіе временнаго предсѣдателя, каковымъ и былъ избранъ В. И. Вагинъ.

Затѣмъ г. Прейнъ, напомнимъ собранію, что 16 сего января скончался публичный

ислѣдователь Сибири академикъ А. Ф. Миддендорфъ, прибавивъ при этомъ, что Предсѣдатель Отдѣла В. П. Сувачевъ имѣлъ сказать въ настоящемъ засѣданіи нѣсколько словъ о заслугахъ покойнаго въ дѣлѣ изученія Сибири, съ своей стороны, за отсутствіемъ В. П. Сувачева, предложилъ почтить память покойнаго изслѣдователя встаніемъ съ мѣстъ, что и было исполнено всѣми.

Вслѣдъ затѣмъ Н. П. Левинъ прочелъ „объ Якутской семьѣ“, главу изъ обширнаго труда о бытѣ якутовъ, подготовляемаго къ печати В. Л. Сѣрошевскимъ и посвященнаго А. Ф. Миддендорфу еще при жизни и съ согласія покойнаго ученаго. Изъ наблюдений В. Л. Сѣрошевскаго, имѣвшаго возможность въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ наблюдать бытъ Якутовъ, оказывается, что Якутская семья скрѣпляется почти исключительно экономическими связями, родственными же связи и отношенія почти не имѣютъ тутъ никакого значенія. По словамъ изслѣдователя, непочтеніе и неуваженіе къ родителямъ у якутовъ, доходящее часто до очень жестокаго обращенія дѣтей со стариками родителями, — явленіе вполнѣ обычное въ настоящей жизни якутовъ, а въ сказкахъ этого племени чуть ли не идеализируется и возводится даже на степень геройства. Старикъ — отецъ можетъ рассчитывать и пользоваться уваженіемъ и родственнымъ отношеніемъ со стороны своихъ сыновей только тогда, если онъ богатъ и власть распорядиться имуществомъ находится еще въ его рукахъ. Кроме того, г. Сѣрошевскій собралъ весьма интересныя и полныя данныя о воспитаніи родителями — якутами своихъ дѣтей и вообще объ отношеніяхъ ихъ къ послѣднимъ. — Якуты смотрятъ на появленіе потомства, какъ на необходимый результатъ брака, и, если бракъ является безплоднымъ, то положеніе жены въ такомъ случаѣ становится крайне тяжелымъ, такъ какъ только одну ее считаютъ виновницей безплодія. Такая жена подвергается со стороны мужа и родственниковъ его постояннымъ попрекамъ и часто побоямъ, доведенная силою и рядомъ до необходимости съ приниженностью и безъ всякаго ропота переносить присутствіе въ домѣ любовницы мужа. За новорожденными дѣтьми якуты ухаживаютъ съ большою любовью и заботливостью; но, по мѣрѣ возрастанія ребенка, эта заботливость и вниманіе къ нему все болѣе и болѣе уменьшаются, и вмѣстѣ съ тѣмъ ухудшается его пища. — При чтеніи доклада публикѣ демонстрированы были фотографическіе снимки съ якутскихъ дѣтей съ видными признаками рахитизма, вызываемаго, по мнѣнію изслѣдователя, преимущественно дурнымъ питаніемъ, а также и разные предметы, употребляемые якутами при выращиваніи и воспитаніи дѣтей, какъ то: люлька, одежда и т. п., нашедшіяся въ коллекціяхъ музеевъ. — Опускаемъ многія другія интересныя наблюденія г. Сѣрошевскаго, такъ какъ трудъ его въ скоромъ времени имѣетъ появиться въ печати. Назначенное на это же собраніе сообщеніе Я. П. Прейна о поѣздкѣ его въ Канскій округъ лѣтомъ 1893 года за позднимъ временемъ не состоялось и отложено до слѣдующаго раза.

14 марта 1894 года.

Председательствовалъ В. П. Сукачевъ, присутствовали: Д. А. Клеменць, А. И. Лушниковъ, Л. Ф. Симановичъ, А. В. Янчуковскій, Э. В. Шталлингъ, Д. П. Першинъ, П. Е. Маковецкій, и. д. Правителя Дѣлъ Я. П. Прейнъ, казначей Отдѣла В. З. Сказынаевъ и консерваторъ Музея А. Г. Хатемкинъ.

I. Д. А. Клеменць доложилъ о результатахъ своей поездки въ Якутскъ для устройства экспедиціи П. М. Сибирякова, указавъ участникомъ будущей экспедиціи, цѣли и программы изслѣдованій каждаго, распределеіе изслѣдованій по времени по округамъ Якутскому и Колымскому, распределеіе денежныхъ средствъ между участниками ея и другія подробности.

Опредѣлено все сказанное принять къ свѣдѣнію на будущее время, а г. Клеменца благодарить за трудное дѣло организациіи столь сложнаго предпріятія.

II. Доложенъ вопросъ о выборѣ Правителя дѣлъ, такъ какъ Д. А. Клеменца уѣзжаетъ въ Монголію на продолжительное время.

Опредѣлено разослать членамъ В. С. Отдѣла избирательные листы, предложивъ съ своей стороны кандидатовъ: Л. Ф. Симановича, Д. П. Першина и Я. П. Прейна.

III. Доложены вопросъ о выборѣ консерватора и бібліотекаря Отдѣла и кандидаты на эту должность, предложенные большинствомъ членовъ Комитета—И. П. Поповъ, живущій въ Троицкосавскѣ, одинъ изъ дѣятельныхъ организаторовъ мѣстнаго музея и В. А. Кашкаровъ, коллекторъ въ послѣдней экспедиціи Г. Н. Потанина.

Произведенною закрытою баллотировкою на должность консерватора и бібліотекаря избранъ 7-ю голосами противъ 2-хъ И. П. Поповъ.

IV. Доложено о полученіи отъ г. Вице-Президента Императорскаго Русскаго Географическаго Общества сенатора П. П. Семенова телеграммы съ увѣдомленіемъ о томъ, что Географическое Общество ассигнуетъ 500 рублей изъ суммъ экспедиціи Г. Н. Потанина, хранящихся въ Отдѣлѣ, на поездку г. Кашкарова въ Кентай въ Монголію, съ тѣмъ, чтобы послѣдній представилъ въ Общество полный дневникъ и маршрутное описаніе своей поездки.

Опредѣлено выдать разрѣшаемую сумму и поручить Правителю дѣлъ написать объ этомъ въ С.-Петербургѣ въ Географическое Общество.

V. Доложена просьба г. Кашкарова въ Отдѣлѣ помочь ему денежными средствами въ вышеуказанной командировкѣ.

Опредѣлено отказать въ просьбѣ г. Кашкарова въ виду того, что В. С. Отдѣлъ обладаетъ ничтожными средствами на свои собственные научныя предпріятія.

VI. Читана бумага отъ Комитета директоромъ Севастопольской морской офицерской бібліотеки отъ 30 декабря 1893 года за № 526 съ выраженіемъ желанія получить въ даръ изданія В. С. Отдѣла Географическаго Общества.

Постановлено отклонить предложеніе бібліотеки въ виду того, что изданія Отдѣла печатаются въ ограниченномъ количествѣ и часто случается, что Отдѣлъ не

можетъ выслать своихъ изданій такимъ учреждениямъ и ученымъ Обществамъ, которымъ они необходимы, чѣмъ Севастопольской морской офицерской библіотекѣ.

VII. Доложена бумага Эстляндскаго Губернскаго Статистическаго Комитета отъ 5 февраля за № 352 съ препровожденіемъ при ней X тома Трудовъ Комитета и съ выраженіемъ пожеланія получить полный комплектъ изданій Отдѣла и впредь получать таковыя въ обмѣнъ на изданія Комитета.

Опредѣлено, благодаривъ за присылку X тома трудовъ Комитета, уведомить, что Отдѣлъ не имѣетъ свободныхъ экземпляровъ своихъ изданій для отсылки въ Комитетъ, но впредь имѣренъ высылать таковыя въ обмѣнъ на изданія Эстляндскаго Комитета.

VIII. Доложено Комитету, что Императорская Военно-Медицинская Академія выслала въ библіотеку Отдѣла 92 экземпляра медицинскихъ диссертаций.

Опредѣлено благодарить за такое пожертвованіе.

IX. Консерваторъ Музея А. Г. Хатемкинъ заявилъ, что препараторъ Музея А. И. Кириловъ приобрѣлъ для Музея за 7 рублей голову барана съ 4 рогами.

Опредѣлено, уплативъ 7 рублей, заявить г. Кирилову, чтобы онъ на будущее время не дѣлалъ приобретеній для Музея безъ разрѣшенія Распорядительнаго Комитета.

X. Доложено заявленіе препаратора Музея А. И. Кирилова, что онъ въ скоромъ времени отправляется въ Тувинскій край, гдѣ могъ-бы собрать нѣкоторыя зоологическія коллекціи для Музея; въ пособіе на эту поѣздку г. Кириловъ испрашиваетъ отъ Отдѣла рублей 40.

Опредѣлено въ виду того, что поѣздка г. Кирилова состоится тогда, когда будетъ весенній перелетъ птицъ, наблюденія надъ которыми очень интересны, разрѣшить ему отпускъ съ сохраненіемъ жалованья и выдать ему пособіе въ 40 рублей.

XI. Г. Консерваторъ Музея заявилъ, что членъ Отдѣла подпоручикъ М. В. Эповъ просилъ его доложить Комитету, что онъ желаетъ сдѣлать орнитологическую экскурсію на оз. Косоголь и испрашиваетъ содѣйствіе отъ Отдѣла.

Опредѣлено поручить г. И. д. Правителя дѣлъ испросить подробный отчетъ о томъ, на какое содѣйствіе со стороны Отдѣла рассчитываетъ г. Эповъ.

XII. Доложена бумага отъ А. Bouvier Conservateur du Musée Municipal d'histoire naturelle изъ Парижа съ просьбою указать ему лицъ въ Восточной Сибири, занимающихся зоологіей или имѣющихъ зоологическія коллекціи.

Поручено г. И. д. Правителя дѣлъ Я. П. Прейну дать г. Bouvier нужныя свѣдѣнія.

XIII. Доложено письмо г. Кроля изъ Верхнеудинска съ просьбою выслать ему соч. Палласа и Bergerson'a (Voyag. faits en Asie).

Опредѣлено отвѣтить, что эти сочиненія, составляющія библіографическую рѣдкость, не могутъ быть выдаваемы на руки членамъ Отдѣла.

XIV. Г. Предсѣдатель Отдѣла В. П. Сукачевъ заявилъ, что онъ жертвуетъ Отдѣлу приобретенное имъ мѣсто г. Пуцвилло, соседнее съ мѣстомъ принадлежащимъ

Отдѣлу, и предложили составить комиссію для вырѣшенія того, какимъ образомъ эксплуатировать это мѣсто въ наиболѣе выгодномъ отношеніи для Отдѣла.

Опредѣлено благодарить г. Предсѣдателя за цѣнное для Отдѣла пожертвованіе и составить комиссію изъ гг. А. И. Лушниковъ, А. В. Яичуковскаго и Л. Ф. Симановича для вырѣшенія предложеннаго вопроса.

XV. Доложено о полученіи Музеемъ черезъ г. Кашкарова пожертвованной г. Г. Н. Потанинымъ обширной и цѣнной коллекціи различныхъ предметовъ изъ китайской жизни.

Опредѣлено благодарить Г. Н. Потанина за пожертвованіе.

XVI. Д. А. Клеменць заявилъ, что, путешествуя по Монголіи, онъ, вѣроятно, часто будетъ нуждаться въ книгахъ, имѣющихся въ библіотекѣ Отдѣла, а потому испрашиваетъ разрѣшеніе Комитета высылать ему по его просьбѣ книги въ Ургу въ Императорское Россійское Консульство.

Опредѣлено удовлетворить просьбу г. Клеменца.

XVII. Доложенъ Комитету кассовый отчетъ В. С. Отдѣла за 1893 годъ и вѣдомость о движеніи капиталовъ Отдѣла съ 1-го января 1893 г. по 1-е января 1894 г.

Опредѣлено, утвердивъ кассовый отчетъ, отправить какъ отчетъ, такъ и вѣдомость на благоусмотрѣніе Его Высочайшему Повелѣнію г. Покровителя Отдѣла, а также и напечатать въ отчетѣ о дѣятельности Отдѣла за 1893 годъ.

XVIII. Доложено Комитету, что Музей Отдѣла получилъ въ даръ шкуру и скелетъ краснаго волка (*Canis ulpinus*) отъ М. И. Янковскаго (м. Славянка, Приморской области), сдѣланное черезъ посредство зоологич. музея Акад. Наукъ.

Опредѣлено: 1) уведомить зоологическій музей Академіи Наукъ о полученіи и 2) благодарить г. Янковскаго.

---

21 марта 1894 года.

Предсѣдатель Отдѣла В. П. Сукачевъ, прибывшій на засѣданіе, заявилъ, что онъ не можетъ оставаться въ засѣданіи, предложилъ избрать Предсѣдателя на настоящее засѣданіе. Былъ избранъ Э. В. Штеллигъ. Присутствовали: Д. А. Клеменць, Л. Ф. Симановичъ, Я. П. Преишъ, А. В. Яичуковскій, Н. Е. Маковецкій, Д. П. Першинъ и А. Г. Хатемкинъ.

I. Доложено письмо отъ г. Предсѣдателя Географическаго Отдѣленія Общества любителей естествознанія въ Москвѣ проф. Д. Анучина съ просьбою выслать полный комплектъ всѣхъ изданій Отдѣла и впредь высылать таковыя въ обмѣнъ на изданія Отдѣленія.

Опредѣлено удовлетворить просьбу проф. Анучина, на сколько возможно, такъ какъ нѣкоторыя изданія Отдѣла имѣются въ одномъ экземплярѣ, въ обмѣнъ же изданіями вступить.

II. Доложено предложение члена Отдѣла подпоручика М. В. Энова совершить поѣздку на оз. Косоголь въ 20-хъ числахъ августа, т. е. приблизительно во время начала осенняго пролета птицъ, съ цѣлью произвести орнитологическія наблюденія, а также термометрическія и барометрическія и маршрутно-глазоѣрную съемку вокругъ оз. Косогола отъ Мондинскаго миссіонерскаго стана. Г. Эновъ проситъ Отдѣлъ снабдить его книгами, выѣренными термометрами, анероидомъ и компасомъ.

Опредѣлено увѣдомить г. Энова, что Отдѣлъ не имѣетъ свободныхъ термометровъ и анероида, но можетъ снабдить его буссолью и компасомъ, хотя, по мнѣнію Комитета, слѣдуетъ замѣтить, что маршрутно-глазоѣрная съемка и анероидныя наблюденія въ Прикосогольи едва-ли могутъ имѣть теперь большое значеніе, такъ какъ экспедиція полковника И. Бобыря обошла кругомъ озера, при чемъ два топографическія маршрута этой экспедиціи имѣли самостоятельныя отъ главной партіи экспедиціи маршруты, а барометрическихъ опредѣленій высотъ было сдѣлано очень много.

III. Предложено рассмотреть смѣту приходо- и расходо- на 1894 годъ составленную г. Казначеемъ Отдѣла.

Опредѣлено смѣту утвердить и напечатать ее въ приложеніи къ отчету за 1893 годъ или въ первой книжкѣ „Извѣстій“.

IV. Г. Прейнъ сдѣлалъ заявленіе, поддержанное и Д. А. Клеменцемъ, что слѣдуетъ удовлетворить просьбу В. А. Кашкарова помочь ему денежными средствами въ его экскурсіи на средства Императорскаго Русскаго Географическаго Общества въ Кентей въ Монголіи, каковая просьба была отклонена въ засѣданіи Комитета 14 с. марта.

Опредѣлено выдать г. Кашкарову 150 рублей съ тѣмъ, чтобы всѣ ботаническія коллекціи, какія онъ соберетъ, были предоставлены въ распоряженіе Отдѣла.

V. Членъ Отдѣла г. Прейнъ заявилъ желаніе сдѣлать, если служебныя обстоятельства его дозволить, гео-ботаническую экскурсію въ Иркутской губерніи или въ Монголію на оз. Косоголь для дополненія результатовъ его изслѣдованій 1887 года въ качествѣ участника Саянской экспедиціи полковника Бобыря съ просьбой хлопотать ему открытое предписаніе отъ Его Высочайшепревосходительства г. генералъ-губернатора заграничный паспортъ и бланкъ для проѣзда на обывательскихъ лошадяхъ.

Постановлено выдать въ распоряженіе г. Прейна сто рублей, которые онъ можетъ употребить и въ томъ случаѣ, если и самъ не будетъ въ состояніи отправиться на экскурсію, но найдетъ для сбора растений вполнѣ, по его мнѣнію, надежныхъ коллекторовъ.

VI. Д. А. Клеменць пожертвовалъ въ музей Отдѣла образцы золота и слуховъ изъ Енисейской губерніи, преимущественно Ачинскаго округа, а также и изъ Мариинскаго округа Томской губерніи; на держаніе этой коллекціи золота въ Музей имѣется надлежащее установленное для этого свидѣтельство.

Опредѣлено благодарить жертвователя за столь цѣнное и интересное пожертвованіе.

VII. Доложено, что членъ Отдѣла Н. Е. Маковецкій въ предстоящее лѣто будетъ имѣть возможность дѣлать наблюденія надъ карагазами, и что для этихъ наблюденій очень важно было бы имѣть въ Отдѣлѣ антропометрическіе инструменты.

Опредѣлено: поручить Н. Е. Маковецкому составить списокъ главнѣйшихъ инструментовъ для выписки таковыхъ телеграммою отъ Швабе въ Москвѣ.

VIII. Доложенъ г. консерваторомъ Музея А. Г. Хатежскимъ, что имъ сдѣланъ перерасходъ въ 91 р. 24 к., и что необходимо выдать ему вновь авансъ на текущія нужды въ количествѣ 50 рублей.

Опредѣлено: провѣривъ прихода-расходную книгу г. консерватора, утвердить какъ перерасходъ, такъ и авансъ и поручить и. д. Правителя дѣлъ получить эти деньги отъ г. Казначея Отдѣла.

---

14 мая 1894 года.

Предсѣдательствовалъ В. П. Сукачевъ, присутствовали: А. И. Душниковъ, Д. П. Першинъ, Н. Е. Маковецкій, М. М. Дубенскій, В. З. Сказымаевъ, Я. П. Прейнъ, Л. Ф. Симановичъ и И. И. Поповъ.

I. И. д. Правителя дѣлъ Я. П. Прейнъ внесъ предложеніе о томъ, что необходимо составить особую Комиссію для дальнѣйшаго веденія дѣлъ Якутской экспедиціи И. М. Сибирикова, такъ какъ выполненіе намѣченнаго и утвержденнаго хода этой сложной экспедиціи одному лицу не по силамъ, налагаая на него слишкомъ большую отвѣтственность, тѣмъ болѣе что даже, какъ ему кажется, трудно составить себѣ вполнѣ отчетливое представленіе о томъ, что надлежитъ теперь же предпринять и въ будущемъ предпринимать для нормальнаго теченія этого предпріятія.

Соглашаясь съ мнѣніемъ г. Прейна, постановили избрать особую Комиссію, которая должна приступить къ занятіямъ въ скорѣйшемъ времени, ознакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ дальнѣйшими дѣйствіями по выполненію этого предпріятія. Въ члены Комиссіи избраны: Д. П. Першинъ, М. М. Дубенскій, И. И. Поповъ, А. В. Явчуковскій и от. И. Подгорбувскій; Предсѣдательство Комиссіей принадлежитъ Я. П. Прейну.

II. Доложено Комитету, что г. Коваликъ, пробывшій нѣсколько лѣтъ въ Якутской области, заявилъ желаніе принять участіе въ Якутской экспедиціи И. М. Сибирикова, на что, повидимому, нѣтъ препятствія со стороны Е. В. П. г. Покровителя Отдѣла, съ которымъ г. Коваликъ имѣлъ уже честь говорить по этому поводу. Участіе г. Ковалика можетъ выразиться въ экономическомъ и этнографическомъ изученіи Якутовъ въ золотоносномъ районѣ области, что вполнѣ согласно съ волею жертвователя.

Опредѣлено, соглашаясь въ принципѣ на предложеніе г. Ковалика, доложить Е. В. П. г. Покровителю Отдѣла, что съ своей стороны Комитетъ считаетъ г. Ковалика весьма полезнымъ и нужнымъ человекомъ не только для экспедиціи, но и для

Музея Отдѣла для приведенія въ порядокъ Якутской коллекціи, и въ виду того, что г. Ковалику, какъ политическому ссыльному, жить въ Иркутскѣ нельзя, просить Е. В. П. разрѣшить ему пребываніе въ Иркутскѣ впредь до уясненія того, состоится ли поѣздка его въ Якутскую область, употребляя время до отъѣзда на подготовительныя работы по экспедиціи и на приведеніе въ порядокъ Якутской коллекціи Музея; на это дѣло Отдѣлъ ассигнуеть г. Ковалику по 25 р. въ мѣсяць. Рѣшивъ такъ, обр. Распорядительный Комитетъ обратился съ просьбою къ г. Предсѣдателю Отдѣла В. П. Сувачеву лично довести это до свѣдѣнія Е. В. П. г. Повровителя Отдѣла, на что В. П. и согласился.

III. Доложенъ счетъ типографин К. I. Витковской на 65 р. 62¹/₂ коп. за печатаніе отчета о дѣятельности Отдѣла за 1892 годъ и бланокъ отношеній.

Постановлено уплатить по этому счету.

IV. Доложенъ счетъ г. Кашарова въ нарасходованіи имъ денегъ, полученныхъ въ Пекинѣ отъ Г. Н. Потанина, изъ котораго видно, что слѣдуетъ уплатить изъ денегъ экспедиціи Г. Н. Потанина гг. Коковину и Басову въ Бахтѣ 56 руб. 10 коп.

Опредѣлено уплатить деньги по представленному счету.

V. Предложено произвести провѣрку приходорасходной книги г. консерватора Музея А. Г. Хатемкина за время отъ 8 апрѣля по 15 мая сего года.

Опредѣлено. провѣривъ книгу, расходъ сдѣланный съ 8 апр. по 15 мая въ количествѣ 57 р. 97 коп. утвердить.

VI. Предложены въ члены Отдѣла: начальникъ штаба иркутскаго военного округа генераль-маіоръ Аполлонъ Григорьевичъ Шебановъ—предлагають В. П. Сувачевъ и А. И. Лушиковъ, управляющій Иркутскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка Александръ Матвѣевичъ Михайловскій—предлагають В. Я. Кузнецовъ и В. П. Сувачевъ, Александръ Александровичъ Корниловъ, дѣлопроизводитель канцеляріи Иркутскаго генераль-губернатора—предлагають М. М. Дубенскій и Д. П. Першинъ.

Опредѣлено доложить въ ближайшемъ общемъ собраніи членовъ Отдѣла.

16 мая 1894 года.

Подъ предсѣдательствомъ В. П. Сувачева присутствовали: Э. В. Штеллингъ, Л. Ф. Симаноничъ, Д. П. Першинъ, А. В. Инчуковский, П. И. Поповъ, А. Г. Хатемкинъ, В. З. Сивильванскій и Я. П. Прейшъ.

I. И. Д. Правителя дѣлъ Прейшъ доложилъ Комитету, что онъ находитъ необходимымъ послать въ Иркутскъ какую нибудь сумму денегъ на нужды Якутской экспедиціи И. М. Сибиракова. Судя по отчету Д. А. Клеменца и по выработаннымъ на предварительныхъ совѣщаніяхъ въ Иркутскѣ сметамъ экспедиціонныхъ работъ, по мнѣнію гг. Прейша, П. И. Попова и Д. П. Першина, слѣдуетъ теперь же послать нѣсколько болѣе 1000 рублей.

Опредѣлено: послать въ Якутскій Статистическій Комитетъ 1380 рублей на нужды экспедиціи.

II. Г. Казначей Отдѣла доложилъ кассовый отчетъ за 1893 годъ, приходорасходныя книги и расходные документы.

Опредѣлено: поручить проверку книгъ, кассоваго отчета и расходныхъ документовъ И. И. Попову и просить его дать Распорядительному Комитету Отдѣла отчетъ въ этомъ порученіи для сообщенія общему собранію.

III. Предложена смета расходовъ и доходовъ В. С. Отдѣла на 1894 годъ.

Опредѣлено: сдѣлавъ нѣкоторыя измѣненія и дополненія, смету утвердить и доложить её въ общемъ собраніи.

IV. Доложенъ отчетъ и. д. консерватора и библіотекаря Отдѣла А. Г. Хатемкина о состояніи Музея и Библіотеки Отдѣла за 1893 годъ, въ которомъ г. Хатемкинъ указываетъ на нѣкоторыя неудовлетворительныя стороны Библіотеки и Музея, какъ то: несвоевременность занесыванія нѣкот. поступленій, неправильное размѣщеніе книгъ по шкафамъ, не совпадающее съ указаніемъ каталога, неполнота каталога и т. п.

Опредѣлено: поручить приведеніе въ должный порядокъ Библіотеки и Музея новому консерватору И. И. Попову, сдѣлать извлеченіе изъ отчета г. Хатемкина для прочтенія его въ общемъ собраніи.

V. И. д. Правителя дѣлъ Прейнъ читаль составленный имъ отчетъ о дѣятельности Отдѣла за 1893 годъ, при чемъ онъ просилъ членовъ Комитета дать ему нѣкоторыя дополненія для данныхъ отчета въ виду того, что онъ не считаетъ возможнымъ ручаться за полноту отчета, т. к. въ 1893 году онъ не состоялъ Правителемъ дѣлъ Отдѣла, самый же отчетъ написалъ имъ менѣе, чѣмъ въ мѣсяць.

Опредѣлено: сдѣлавъ нѣкоторыя дополненія и измѣненія въ отчетѣ, утвердить его для прочтенія въ общемъ собраніи.

VI. Доложено о полученіи отъ начальниковъ нѣкоторыхъ почтово-телеграфныхъ конторъ Забайкальской области согласія на предложенія Отдѣла производить сейсмо-скопическія наблюденія по сеймоскопамъ, которые Отдѣлъ обѣщаль выслать въ конторы.

Опредѣлено: выслать сеймоскопы и вставленія къ наблюденіямъ по нимъ въ почтово-телеграфныя конторы: читинскую, кяхтинскую, верхнеудинскую, стрѣтенскую, верчинскую и солонгинскую.

VII. Э. В. Штеллингъ доложилъ о необходимости продолжать производимыя раіше покойнымъ консерваторомъ музея Н. И. Витковскимъ наблюденія надъ колебаніемъ уровня воды въ Ангарѣ, для чего и предложилъ приобрести на средства Отдѣла футштокъ, укрѣпить его у одного изъ быковъ вонтонаго моста и просить смотрителя моста принять на себя производство наблюденій.

Опредѣлено: соглашаясь съ предложеніемъ Э. В. Штеллинга, поручить ему озаботиться приобретеніемъ футштока и правильною установкою его, а также просить

В. П. Сукачеву содѣйствовать къ установкѣ футштока и производству самыхъ наблюдений.

VIII. Предложены къ избранію въ члены Отдѣла: Е. А. Перфильевъ, чиновникъ акцизнаго управленія В. Сибири—предлагають Д. П. Першинъ, Я. П. Прейсъ и В. П. Сукачевъ, нѣсколько лицъ, проживающихъ въ Якутской области и могущихъ быть полезными въ работахъ Якутской экспедиціи, какъ просилъ доложить объ этомъ Д. А. Клеменць; лица эти суть слѣдующія: секретарь Якутскаго статистическаго комитета А. Н. Поповъ, протоіерей отъ Дмитріанъ Поповъ, Г. Л. Кондаковъ, ветеринарный врачъ С. Я. Дмитріевъ, совѣтникъ Якутскаго областного правленія Д. И. Меликовъ. Кроме того, предложены въ члены Отдѣла: начальникъ изысканій Забайкальской желѣзной дороги инженеръ Г. В. Адриановъ (предлаг. Н. И. Поповъ, Я. П. Прейсъ и Д. П. Першинъ) и Г. Попаровъ, начальникъ Акшинскаго округа Забайк. области (предлаг. Д. А. Клеменць, Д. П. Першинъ и В. П. Сукачевъ).

Опредѣлено: всѣхъ означенныхъ лицъ предложить къ избранію въ обществ. собраніи членовъ Отдѣла.

IX. Исп. д. консерватора Музея заявилъ о необходимости нанять лѣтомъ исправить по крайней мѣрѣ пять печей въ зданіи Музея Отдѣла, а также и крышу, начавшую мѣстами давать течь.

Опредѣлено: ассигновать на этотъ ремонтъ до 100 рублей.

Дополненіе къ протоколамъ засѣданій Распорядительнаго Комитета Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества отъ 14-го и 16-го мая 1894 года.

По обсужденіи у сего прилагаемаго доклада Комиссіи по заведыванію, снаряженію на средства Н. М. Сибирикава, экспедиціи для изслѣдованія Якутской области **постановлено:**

1) таковой докладъ утвердить съ тѣмъ, чтобы выѣздъ г. Ковалика состоялся не позже іюля мѣсяца сего года, и просить господина Покровителя Отдѣла разрѣшить г. Ковалику остаться въ Иркутскѣ на время указанное Комиссіей для выполненія намѣченныхъ работъ въ интересахъ дѣла необходимыхъ.

2) снабдить экскурсанта г. Ковалика, въ измѣющихся у Казначей Отдѣла суммъ Якутской экспедиціи, при отправленіи его изъ Иркутска, шестистами рублями, а затѣмъ высылать суммы по мѣрѣ требованія экскурсанта, но не свыше ассигнованной суммы на изслѣдуемый г. Коваликомъ районъ.

3) выдать г. Ковалику надлежащее отъ Отдѣла удостовѣреніе о командированіи его для изслѣдованія быта инородцевъ Якутской области, живущихъ въ районѣ экономическаго вліянія пріисковъ.

Протоколъ засѣданія Комиссіи по наблюденію за ходомъ Якутской экспедиціи, снаряженной на средства И. М. Сибирякова.

Засѣданіе происходило іюня 4 дня 1894 года подъ предсѣдательствомъ и. д. Правителя дѣлъ В. С. Отдѣла Геогр. общества Д. П. Першина въ присутствіи членовъ Комиссіи: Н. А. Подгорбунскаго, М. М. Дубенскаго и П. И. Попова.

Комиссія при обсужденіи вопроса объ Якутской экспедиціи пришла къ заключенію:

1) необходимо лѣтомъ текущаго 1894 года приступить къ изслѣдованію быта инородцевъ, живущихъ въ районѣ экономическаго вліянія пріисковъ;

2) наиболее подходящимъ лицомъ и удовлетворяющимъ требованіямъ изслѣдованія является крестьянинъ Сергѣй Филипповичъ Коваликъ, какъ получившій высшее образованіе, и прекрасно знакомый съ бытомъ Якутовъ, а также съ ихъ языкомъ;

3) до начала изслѣдованія Комиссія считаетъ необходимымъ составленіе подробной его программы, а также и ознакомленіе экскурсанта хотя бы въ общихъ чертахъ съ литературой, касающейся изслѣдуемой области и имѣющейся въ библіотекѣ Музея для чего, по мнѣнію Комиссіи, достаточно будетъ при условіи усердныхъ занятій, во всякомъ случаѣ не болѣе одного мѣсяца;

4) изъ имѣющихся у Казначей Отдѣла суммъ Якутской экспедиціи выдать г. Ковалику при отпращиваніи его изъ Иркутска шестьсотъ рублей, а затѣмъ высылать суммы по мѣрѣ требованія экскурсанта, но въ общемъ не свыше ассигнованной суммы на изслѣдуемый Коваликомъ районъ

и 5) о всемъ вышесказанномъ Комиссія поручаетъ Правителю дѣлъ доложить Распорядительному Комитету Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Ж У Р Н А Л Ъ

общаго собранія членовъ В. С. Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, бывшаго 23 мая 1894 года.

Подъ предсѣдательствомъ В. П. Сувачева присутствовало до 30 человекъ членовъ Отдѣла и лицъ посторонней публички.

I. Читанъ И. д. должность Правителя дѣлъ Отдѣла отчетъ о дѣятельности Отдѣла за 1893 годъ и о состояніи и дѣятельности Библіотеки и Музея Отдѣла за тотъ же годъ.

II. Доложенъ кассовый отчетъ В. С. Отдѣла за 1893 годъ.

III. Читано отношеніе члена Отдѣла Н. В. Попова въ Распорядительный Комитетъ Отдѣла по содержанию возложеннаго на него Распорядительнымъ Комитетомъ Отдѣла порученія, согласно постановленія Распорядит. Комитета Отд. 16 мая сего года. Отношеніе г. Попова приводится здѣсь:

ЗАЯВЛЕНІЕ

въ Распорядительный Комитетъ В. С. О. Н. Р. Г. Общества.

Согласно предложенію Расп. Комитета отъ 16 мая я провѣрилъ книги и кассовую наличность Казначей Отдѣла, г. Скалына. По ревизіи оказалось: 1) кассовая книга ведется правильно, частные и общіе итоги суммъ верны; 2) оправдательные документы на произведенные расходы имѣются; 3) остатки кассы хранящейся на текущемъ счетѣ въ банкѣ, согласно расчетной и чековой книжкѣ, а также наличность кассы на рукахъ Казначей въ общей суммѣ равны остатку между приходомъ и расходами кассовой книги; 4) документы на хранящіеся въ Государственномъ банкѣ процентныя бумаги имѣются; 5) банковые билеты на сумму 3700 рублей и облигаціи 2-го Восточнаго займа на 600 рублей своевременно конвертированы, о чемъ имѣются росписки банка и 6) книги мною провѣрены и подсчитаны съ 1-го января 1893 года по 20-е мая 1894 года.

Подписано: мая 20 дня 1894 г. Членъ Отдѣла Н. Поповъ.

IV. Доложена смѣта доходовъ и расходовъ на 1894 годъ, а также и о предстоящихъ лѣтнихъ занятіяхъ членовъ Отдѣла*).

V. Произведенъ подсчетъ голосовъ по доставленнымъ въ Отдѣлъ заранее разосланнымъ спискамъ для избранія Правителя дѣлъ Отдѣла.

Въ результатѣ счета голосовъ избраннымъ на должность Правителя дѣлъ оказался Я. П. Прейшъ, получившій 38 голосовъ изъ 43 поданныхъ.

VI. Произведенъ счетъ голосовъ, поданныхъ для избранія членовъ Ревизионной Комиссіи за 1893 годъ.

VII. Произведенъ счетъ голосовъ, поданныхъ для выбора въ члены Распорядительнаго Комитета на предстоящее двухлѣтіе (съ мая 1894 г. по май 1896 г.). Результаты выборовъ по VI и VII, а также V §§ настоящаго журнала видны изъ акта Комиссіи, производившей счетъ голосовъ, приложенныхъ къ сему журналу.

VIII. Предлагавшееся сообщеніе члена Отд. Я. П. Прейша объ изслѣдованіяхъ его въ Канскомъ округѣ, Енис. губ. за послѣднее время не могло состояться.

IX. Предложены Распорядит. Комитетомъ къ избранію въ члены Отдѣла слѣдующія лица: 1) начальникъ штаба Иркутск. военного округа генералъ А. Г. Шеба-

* ВЪ добавленіе къ сему протоколу слѣдуетъ прибавить, что въ настоящемъ общемъ собраніи Н. д. Правителя дѣлъ Я. Прейшъ довелъ до свѣдѣнія Общаго собранія объ экспедиціи Н. М. Сибирикова, ея цѣляхъ и тѣхъ программахъ и экскурсіяхъ экспедиціи, которые были намѣчены въ предварительныхъ сообщеніяхъ участившей экспедиціи, происходившихъ въ Иркутскѣ зимой настоящаго года въ присутствіи Д. А. Клеменца.

новъ, 2) управляющій Иркутск. отдѣл. государств. банка А. М. Михайловскій, 3) полковникъ генеральнаго штаба Ив. Ив. Стрѣльбицкій, 4) чиновникъ канцел. Иркут. генераль-губернатора А. А. Корниловъ, 5) секретарь Якутскаго статистич. комитета А. П. Поповъ, 6) чиновникъ акцизнаго управленія Е. А. Перфильевъ, 7) протоіерей Дмитріанъ Поповъ, 8) чиновникъ особ. поруч. при Якутскомъ губернат. Г. Л. Кондаковъ, 9) ветеринарный врачъ г. Якутска С. Я. Дмитріевъ, 10) совѣтникъ Якутскаго областного правленія Д. П. Меликовъ, 11) начальникъ Ачинскаго округа Д. П. Поворовъ, 12) сотрудникъ послѣдней экспедиціи Г. Н. Петанна В. А. Кашкаровъ и 13) начальникъ изыск. Заб. жел. дороги Г. В. Адріановъ.

Все предложенныя лица избраны въ члены Отдѣла.

А К Т Ъ

Въ годичномъ собраніи членовъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, состоявшемся мая 23 дня 1894 года, по избирательнымъ спискамъ въ члены Распорядительнаго Комитета наибольшее число голосовъ получили:

Въ члены Распорядительнаго Комитета:

1) Яичуковскій А. В.	27	голосовъ
2) Першинъ Д. П.	24	"
3) Лушниковъ А. П.	18	"
4) Поповъ П. П.	12	"
5) Вагинъ В. П.	10	"

Въ кандидаты къ нимъ:

6) Подгорбунскій П. А.	10	голосовъ
7) Яковлевъ В. Е.	8	"
8) Брызгаловъ П. П.	6	"
9) Звѣревъ Д. Л.	6	"
10) Сказымаевъ В. З.	6	"

Всѣхъ списковъ представлено *сорокъ три*.

Правителемъ дѣлъ избранъ Яковъ Павловичъ *Прсіонъ*, получилъ тридцать восемь голосовъ. (38).

Въ члены Ревизионной Комиссіи:

1) Молодыхъ Ф. А.	20	голосовъ
2) Подгорбунскій П. А. свящ.	13	"
3) Сильванскій Н. А.	10	"
4) Зисманъ Л. С.	10	"
5) Лаврентьевъ Ф. П.	9	"
6) Посохинъ	9	"
7) Шешуновъ	9	"

Въ кандидаты къ нимъ:

8) Юринскій	9	голосовъ
9) Губинъ	8	"
10) Далинъ	8	"
11) Стрезневъ	8	"
12) Брыгаловъ	6	"
13) Поповъ	7	"
14) Кузнецовъ	7	"
15) Григорьевъ	6	"
16) Карзаковъ	6	"
17) Зибренъ	6	"

6 октября 1894 года.

Засѣданіе происходило подъ председательствомъ В. П. Сувачева; присутствовали: Л. Ф. Симановичъ, Н. Е. Маковецкій, Д. П. Першинъ, В. Н. Вагинъ, от. Пинокентій Подгорбуинскій, Н. Н. Поповъ, Я. П. Прейсъ и въ качествѣ гости проф. С. І. Залѣвскій, д. ч. Отдѣла.

I. Правитель дѣлъ доложилъ о полученныхъ имъ дѣломъ свидѣніяхъ о ходѣ работъ экспедиціи Н. М. Сибиракова, а также и письмѣ сотрудника экспедиціи П. Майнова, въ которомъ онъ проситъ Комитетъ ходатайствовать разрѣшеніе у Его Высочайшевсходительства г. Иркутскаго генералъ-губернатора принять участіе въ экспедиціонныхъ работахъ Ф. Кону, который можетъ производить антропофизиологическія наблюденія, входящія въ программу изслѣдованій.

Опредѣлено: Гг. экскурсантовъ экспедиціи и секретари Якутскаго статистич. комитета благодарить за сообщеніе свидѣній о ходѣ работъ экспедиціи; относительно же разрѣшенія г. Кону принять участіе въ работахъ экспедиціи ходатайствовать у Его Высочайшевсходительства.

II. Правитель дѣлъ доложилъ просьбы нѣкоторыхъ экскурсантовъ экспедиціи Н. М. Сибиракова выслать имъ нѣкоторыя книги, нужныя для экспедиціонныхъ работъ, а также возбудилъ вопросъ о томъ, изъ какихъ суммъ слѣдуетъ приобретать книги и пособія для работъ экспедиціи—изъ экспедиціонныхъ или изъ средствъ Отдѣла?

Опредѣлено: 1) выслать въ Якутскій Статистическій Комитетъ имѣющіяся въ библіотекѣ Отдѣла книги, неимѣющіяся же выписать черезъ магазинъ Кяммеля; 2) въ виду незначительности денежныхъ средствъ экспедиціи, многочисленности ея участниковъ и того обстоятельства, что сѣтмы экспедиціонныхъ работъ составлены, не принимая во вниманіе расходовъ на покупку книгъ и пособій, приобретать таковыя на средства Отдѣла, тѣмъ болѣе что библіотека Отдѣла, какъ показала Якутская

экспедиция, не может быть названа вполне удовлетворительной по некоторым отдельным знаниям.

III. Предложены къ избранію въ члены Отдѣла: 1) начальникъ Иркутскаго горнаго управленія Николай Семеновичъ Боголюбскій, 2) геологъ Карлъ Ивановичъ Богдановичъ, 3) старшій врачъ при постройкѣ Средне-Сибирской жел. дороги Николай Юльевичъ Подруцкій, 4) врачъ Иркутскаго участка Средне-Сиб. ж. дороги Сана Петровичъ Драговичъ, 5) Аонногенъ Дмитріевичъ Бѣллетъ, 6) инженеръ при постройкѣ Амурскаго участка Сиб. жел. дороги Генрихъ Францовичъ Краевскій, 7) Николентій Алексѣевичъ Душиковъ, 8) инженеръ путей сообщенія Станиславъ Станиславовичъ Гендель, 9) горный инженеръ Иванъ Львовичъ Шейнцигъ и 10) помощникъ начальника штаба Иркутскаго военного округа ген.-маіоръ Александръ Павловичъ Мальцевъ.

Опредѣлено: доложить въ общемъ собраніи членовъ Отдѣла.

IV. Доложено, что среди некоторыхъ изъ членовъ Распоряд. Комитета возникла мысль почтить память покойнаго Н. М. Ядрицева устройствомъ особаго засѣданія 6 декабря сего года, въ день ангела покойнаго.

Опредѣлено: 1) устроить особое засѣданіе въ означенный день, на которомъ выяснитъ заслуги Н. М. Ядрицева, какъ ученаго и общественнаго дѣятеля; 2) выставить во время этого засѣданія портретъ покойнаго, написать который, какъ заявилъ консерваторъ музея Н. И. Поповъ, берется одинъ изъ знакомыхъ ему художниковъ съ фотографической карточки.

V. Доложено, что проф. С. I. Залѣскій согласился сдѣлать въ общемъ собраніи членовъ Отдѣла сообщеніе: „Изъ бальнеологической поездки по Забайкалью“.

Опредѣлено: благодарить С. I. Залѣскаго.

Ж У Р Н А Л Ъ

Общаго собранія членовъ Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 7 октября 1894 года.

Подъ предсѣдательствомъ В. П. Сукачева присутствовало до 200 человекъ членовъ и лицъ посторонней публички. Передъ началомъ сообщенія С. I. Залѣскаго въ засѣданіе прибылъ Его Высочайшее Превосходительство г. Покровитель Отдѣла.

I. Доложенъ общему собранію списокъ лицъ, которыхъ Распорядительный Комитетъ предлагаетъ въ члены Отдѣла (см. прот. засѣд. Расп. Комит. отъ 6 окт. с. г.).

Всѣ предложенныя лица избраны въ члены Отдѣла.

II. Проф. С. I. Залѣскій сдѣлалъ сообщеніе „Бальнеохимическія изслѣдованія въ Забайкальѣ“, краткое содержаніе котораго ниже приводится:

Сдѣлавъ въ началѣ своего доклада краткую характеристику сибирскихъ лечебныхъ источниковъ и озеръ, С. I. Залѣскій подробно остановился на вниманіе слуша-

телей на озерѣ Широ въ Минусинскомъ округѣ, признавая первенствующее значеніе на этия озера среди другихъ сибирскихъ курортовъ, предсказывая ему блестящую будущность, такъ какъ озеро это, кромѣ цѣлебнаго состава своей воды, изобилуетъ еще цѣлебными глинами. Затѣмъ докладчикъ приступилъ къ изложенію результатовъ своей лѣтней экскурсіи по забайкальскимъ источникамъ. Посѣтивъ нѣсколько минеральныхъ источниковъ, расположенныхъ въ системѣ р. Чикоя, въ томъ числѣ и Ямаровскія воды, изслѣдователь убѣдился, что лишь эти послѣднія заслуживаютъ серьезнаго вниманія, остальные же источники, находясь среди глухой тайги, едва ли могутъ рассчитывать на какое либо развитіе въ будущемъ, какъ вслѣдствіе малообильности самихъ источниковъ, такъ и въ виду сомнительности цѣлебныхъ качествъ ихъ воды. Нѣкоторые изъ источниковъ, указанные изслѣдователю за цѣлебные, оказались по анализамъ воды обыкновенными прѣсными ключами, вода которыхъ имѣла низкую температуру, при чемъ эта послѣдняя для мѣстныхъ жителей служила указателемъ ихъ цѣлебности вмѣстѣ съ явленіемъ слабаго бурленія и минеральнаго вкуса. При ближайшемъ изслѣдованіи ихъ, причиной своеобразнаго, какъ бы минеральнаго вкуса воды ихъ оказывались продукты разложенія органическихъ веществъ въ ихъ бассейнахъ. Явленіе же бурленія происходило отъ механическихъ причинъ, при чемъ не замѣчалось выдѣленія углекислоты.

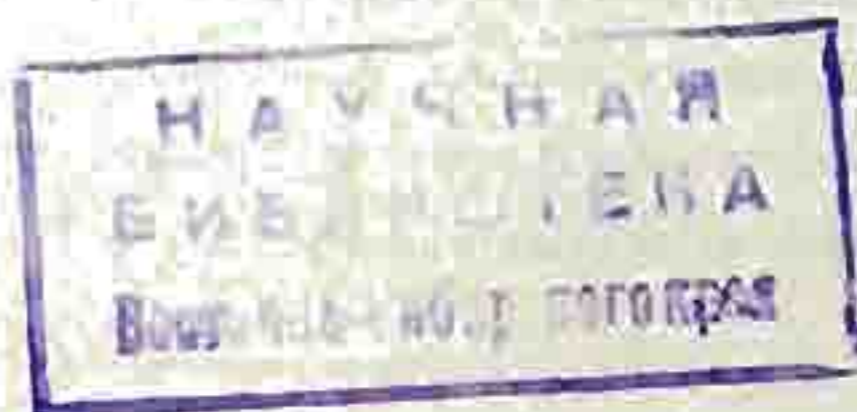
Изъ цѣлебныхъ источниковъ западной части Забайкалья — Урульгинскихъ, Макарьевскихъ и Дарасунскихъ — С. І. Залѣский отхѣтилъ лишь послѣдніе, найдя ихъ богатыми по химическому составу. Говоря вообще о забайкальскихъ минеральныхъ источникахъ, профессоръ отмѣчаетъ въ нихъ два существенныхъ недостатка: пережачивость мѣста ихъ истока и малообильность. Для сравненія онъ приводитъ канказскій Нарзанъ, дающій въ сутки до 138 тыс. ведеръ воды, тогда какъ Дарасунъ въ тотъ же промежутокъ времени можетъ, по его наблюденіямъ, дать до 3000 ведеръ воды.

Изъ 90 минеральныхъ источниковъ, насчитываемыхъ за Байкаломъ, профессоръ Залѣский успѣлъ посѣтить только 15; на многихъ источникахъ ему не удалось быть по недостатку времени. Сужмируя общее впечатлѣніе, изслѣдователь приходитъ къ заключенію, что общепринятое мнѣніе, сложившееся о забайкальскихъ минеральныхъ источникахъ, очень преувеличено, хотя за ними нельзя не признать громаднаго разнообразія химическаго состава и температуры. Особенное вниманіе изслѣдователь обратилъ на низкую температуру источниковъ. Разсматривая это явленіе, онъ признаетъ происхожденіе его отъ вѣчной мерзлоты, которая, по имѣющимся наблюденіямъ, заходитъ далеко на югъ почти до Урги. Вода источника, проходя черезъ слой мерзлоты, пріобрѣтаетъ низкую температуру. По мнѣнію докладчика, прежде ознакомленія съ химическимъ составомъ забайкальскихъ источниковъ, предварительно необходимо ознакомиться съ строеніемъ почвы и съ явленіями вѣчной мерзлоты, такъ какъ эта послѣдняя, по убѣжденію изслѣдователя, служитъ причиной малообильности источниковъ; она же оказываетъ вліяніе на пережачивость мѣста ихъ истока и на пережачивость

химического состава ихъ воды. Наблюдая Дарасунскія воды, докладчикъ убѣдился, что химическій составъ ихъ измѣняется въ теченіе одного дня такъ значительно, что онѣ оказываютъ на больныхъ различное дѣйствіе. Такъ, вода, взятая изъ источника утромъ, совершенно отличается отъ воды, взятой изъ того же источника послѣ полудня, въ томъ случаѣ—если вода расходовалась въ большомъ количествѣ. Вырасходованная изъ источника вода разбавлялась почвенной водой, такъ что такимъ образомъ измѣненіе состава воды обуславливается количествомъ ея расхода. Мѣстными жителями это явленіе было замѣчено, и они выражались, что по утрамъ вода бываетъ „крѣпче“ и лучше дѣйствуетъ на больныхъ. Вліяніе же вѣчной мерзлоты на переѣчивость состава выражается тѣмъ, что слой ея задерживаетъ свободный выходъ цѣлебной воды и, такимъ образомъ, вліяетъ на обиліе источника. Явленіе переѣчивости состава наблюдалось и въ другихъ источникахъ. Маковѣвскія же воды совершенно не оправдываютъ того мнѣнія, какое имѣется о нихъ не только среди публики, но и у врачей. Онѣ бѣдны какъ по своему химическому составу, такъ и по количеству воды, не превышающему 480 вед. въ сутки.

Общее впечатлѣніе, которое сложилось у изслѣдователя отъ экскурсій по забайкальскимъ источникамъ, оказывается весьма неутѣшительнымъ: безобразное содержаніе многихъ изъ нихъ, безъ сомнѣнія, невыгодно отразится на ихъ будущности, многіе источники остаются до сихъ поръ безъ всякаго призора; въ большинствѣ случаевъ нѣтъ надлежащихъ приспособленій для пользованія водами, нѣтъ сносныхъ жилищъ для больныхъ, нѣтъ и врачебнаго персонала. Между тѣмъ, въ виду проложенія желѣзной дороги по Сибири, необходимо обратить серьезное вниманіе на детальное изученіе забайкальскихъ источниковъ, такъ какъ этимъ можно добиться положительныхъ результатовъ, а именно: 1) увеличить количество воды, получаемой изъ источниковъ, 2) достигнуть неперемеѣчивости химического состава воды источниковъ и 3) устранить переѣчиву мѣста ихъ истока. Всѣ затраты со стороны казны на изученіе источниковъ и приведеніе ихъ въ надлежащій порядокъ, по мнѣнію докладчика, не только окупятся, но со временемъ даже могутъ служить источникомъ дохода.

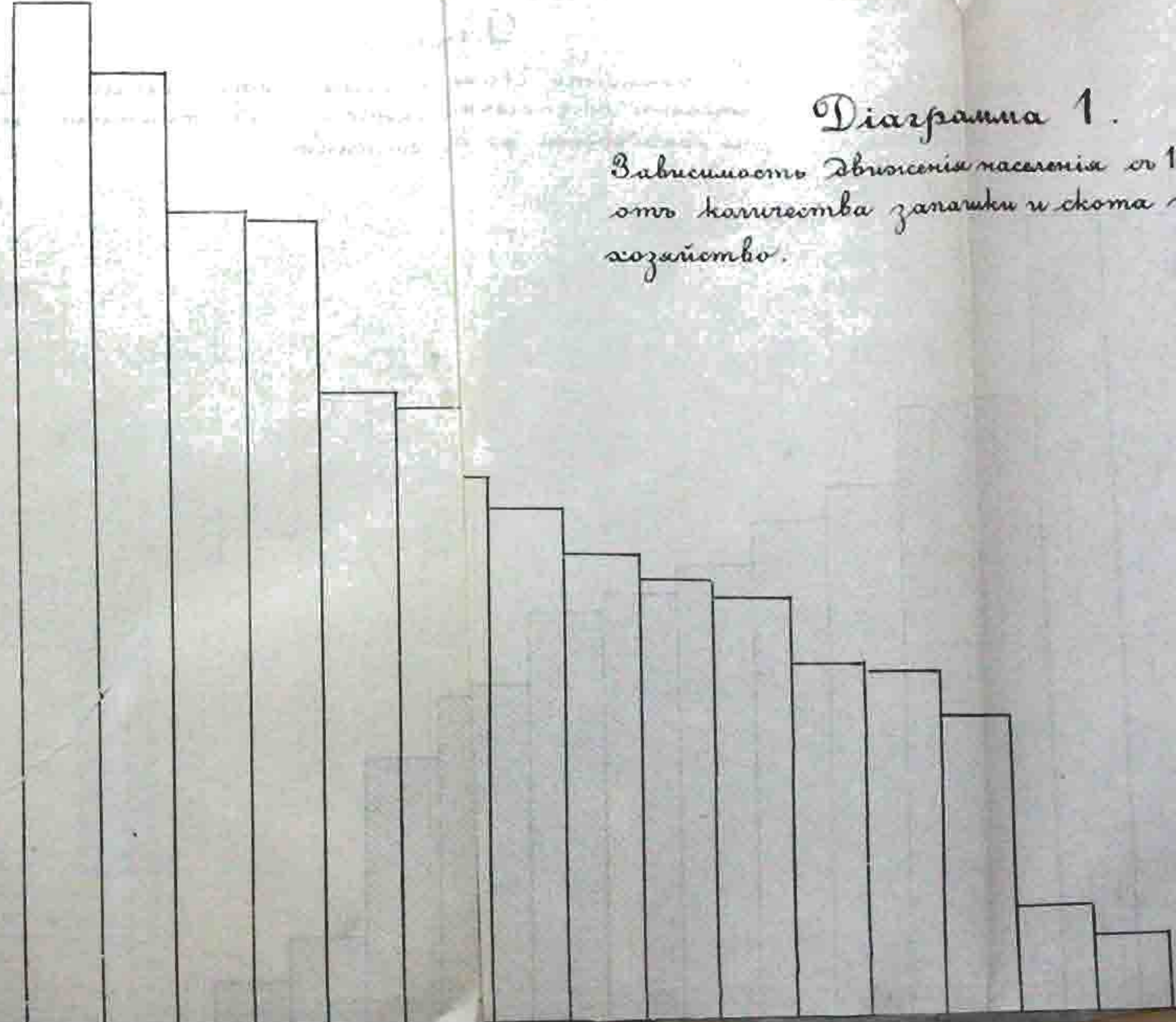
По окончаніи доклада собраніе дружными и продолжительными аплодисментами благодарило референта за его весьма интересное сообщеніе, продолжавшееся нѣсколько болѣе 2 часовъ.

Тало и прираство населения за 1857 - 1888 г.

29
28
27
26
25
24
23
22
21
20
19
18
17
16
15
14
13
12
11
10
9
8
7
6
5
4
3
2
1
0
-1
-2
-3
-4
-5
-6
-7
-8
-9
-10
-11
-12

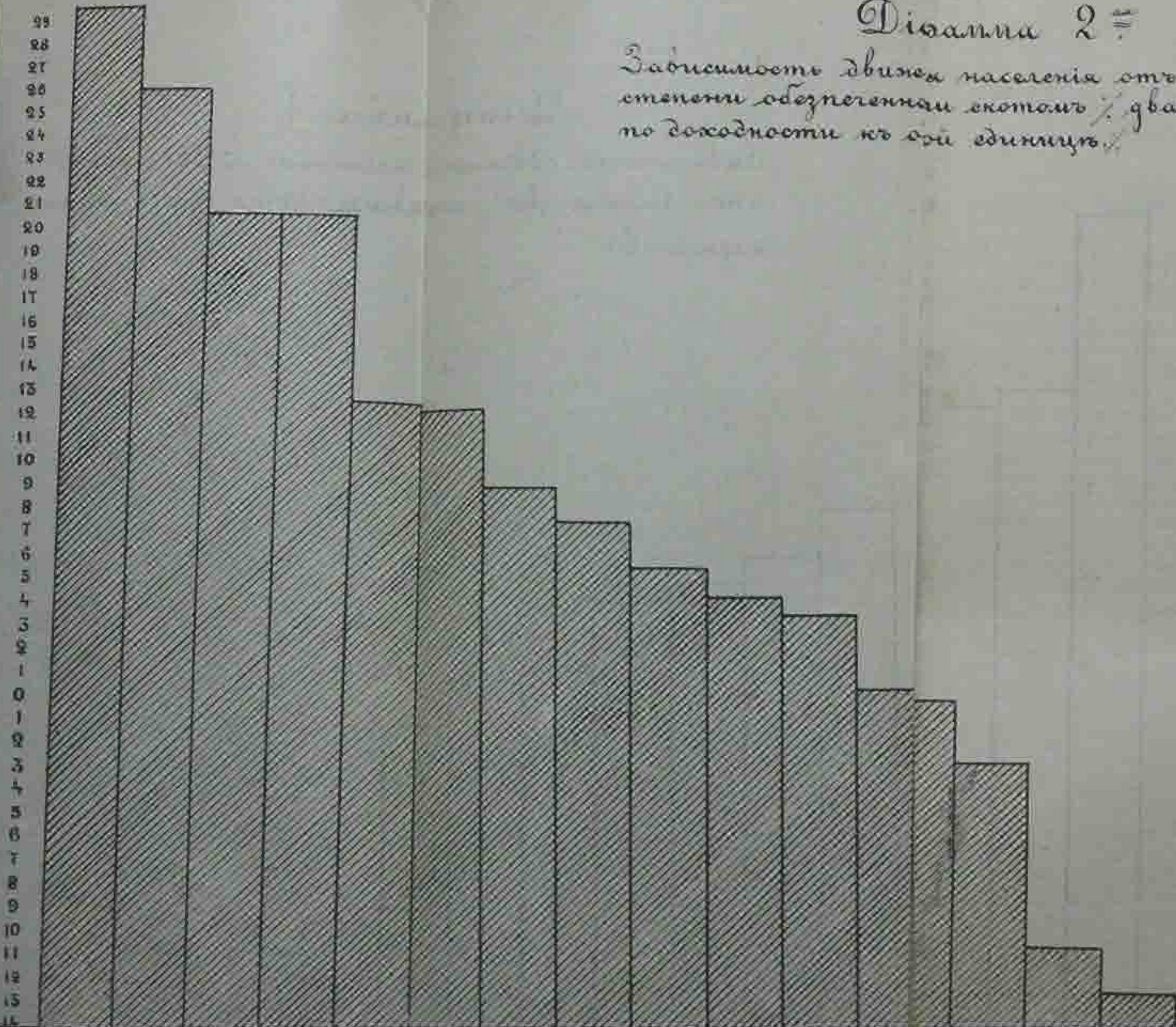

Диаграмма 1.

Зависимость движения населения от 1857 г. по 1888 г. от количества запашки и скота на 1 налн. хозяйство.

Диаграмма 2^я

Зависимость движения населения от величины запашки и степени обеспеченности скотом / два фактора переведены по доходности в одну единицу.

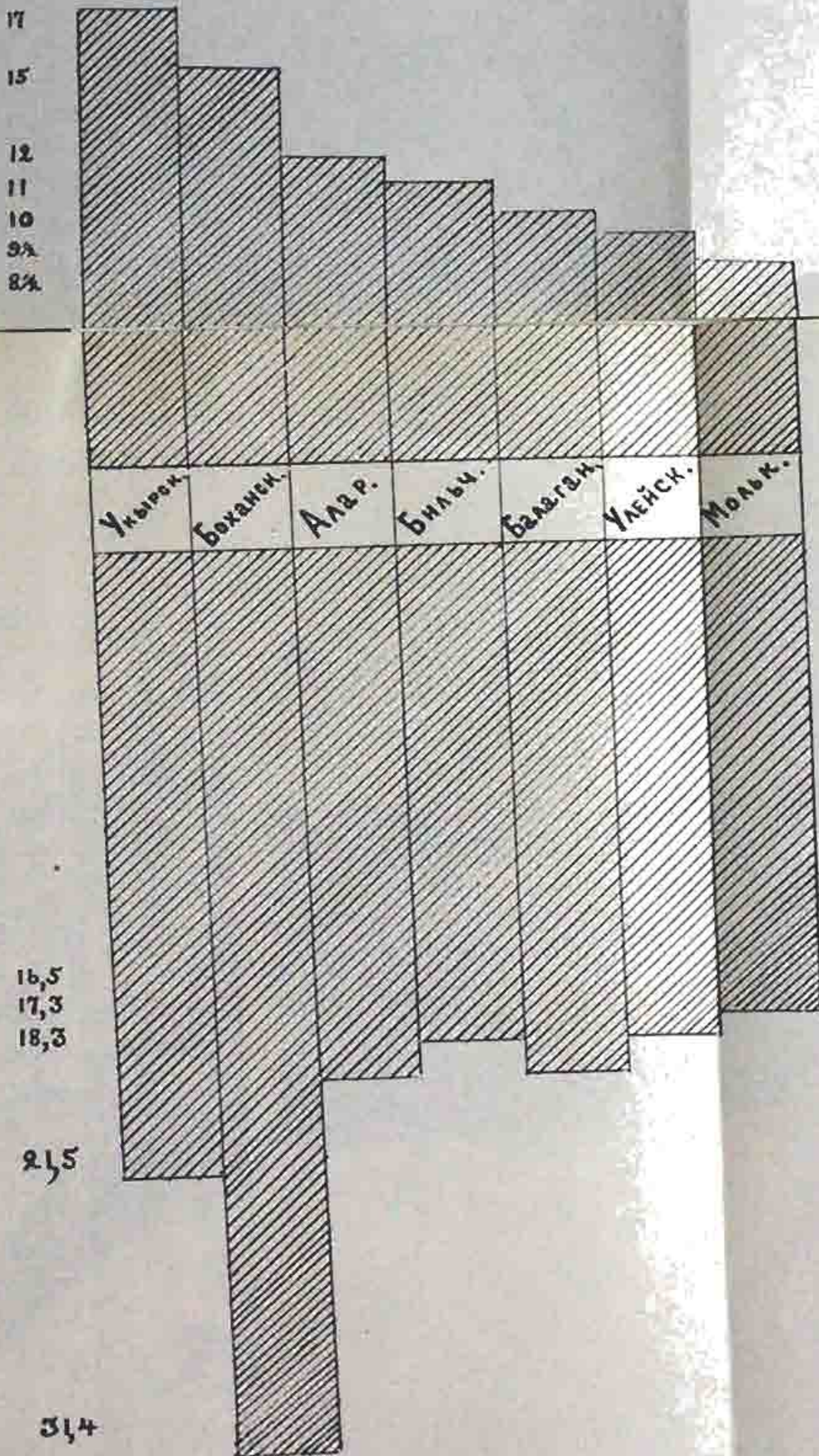

М. П. [illegible]
[illegible]
[illegible]

2/16

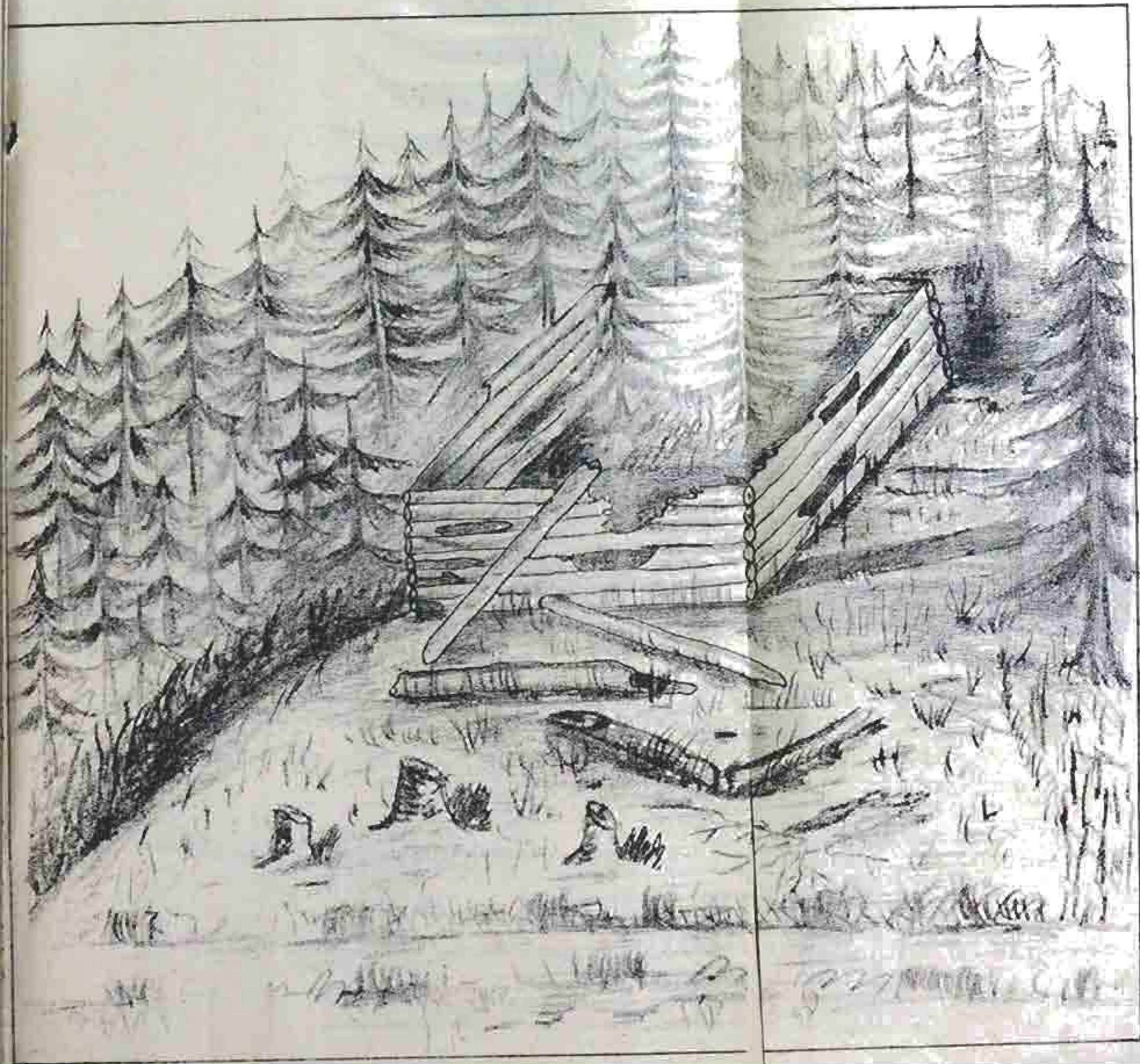
Діаграма 3^а.

Зависимость распространения градоустойчивости у бурята
 Байгаланского округа от степени экономич. благосо-
 стояния / доходности от земледелия и скотоводства
 приведена к одной единице /.

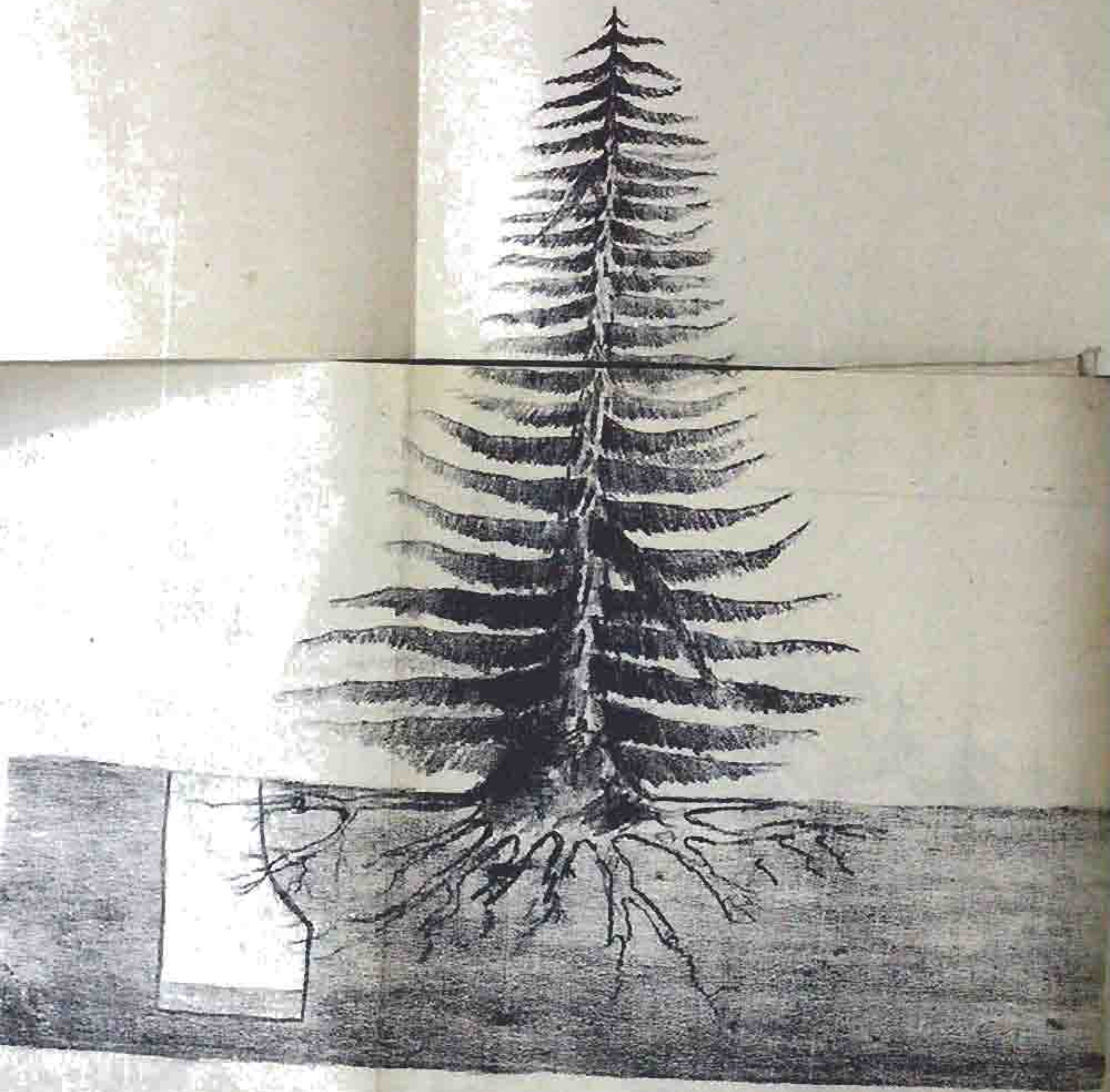

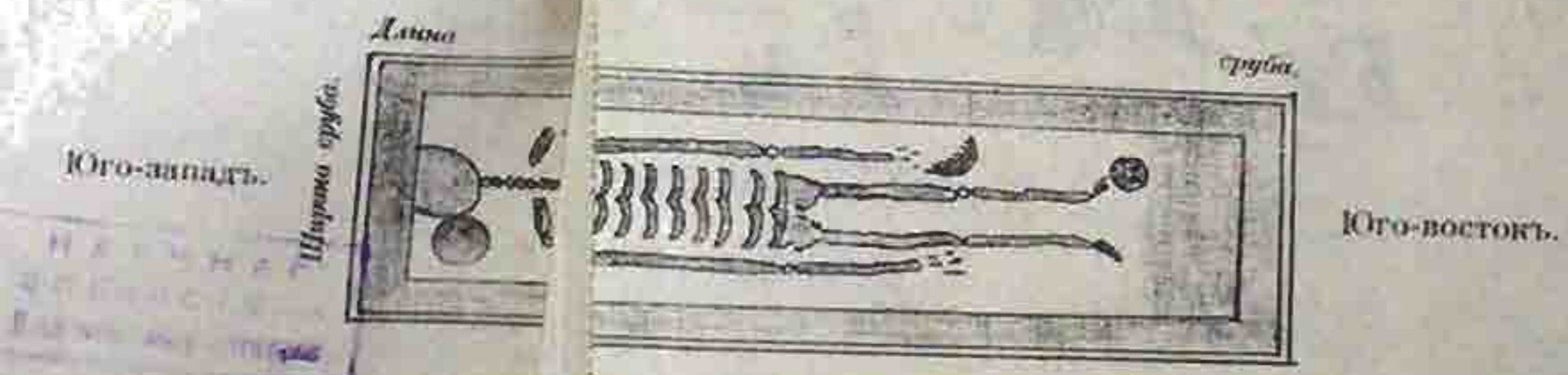
Рисунокъ 2-й.

изображающей прорытую могилу подъ изогнутыми отпрысками
большого дерева.

Рисунокъ 3-й.

Изображеніе скелета въ могилѣ.

Рисунокъ 5-я.

Изображеніе „МАРЧАХ'А“.

Современный марчакъ.

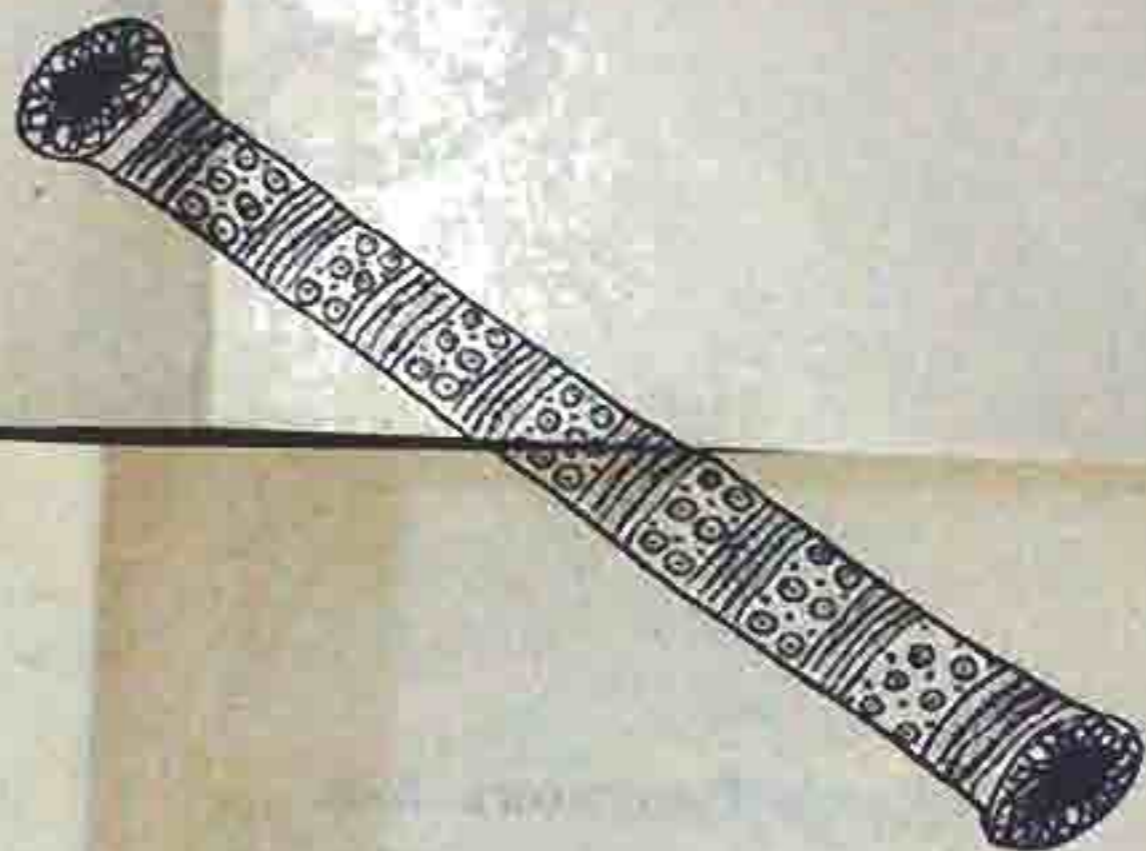
Марчакъ изъ могилы на „Турашнахъ“.

Музей
Л. Я.
1914

Рисунокъ 6-й.

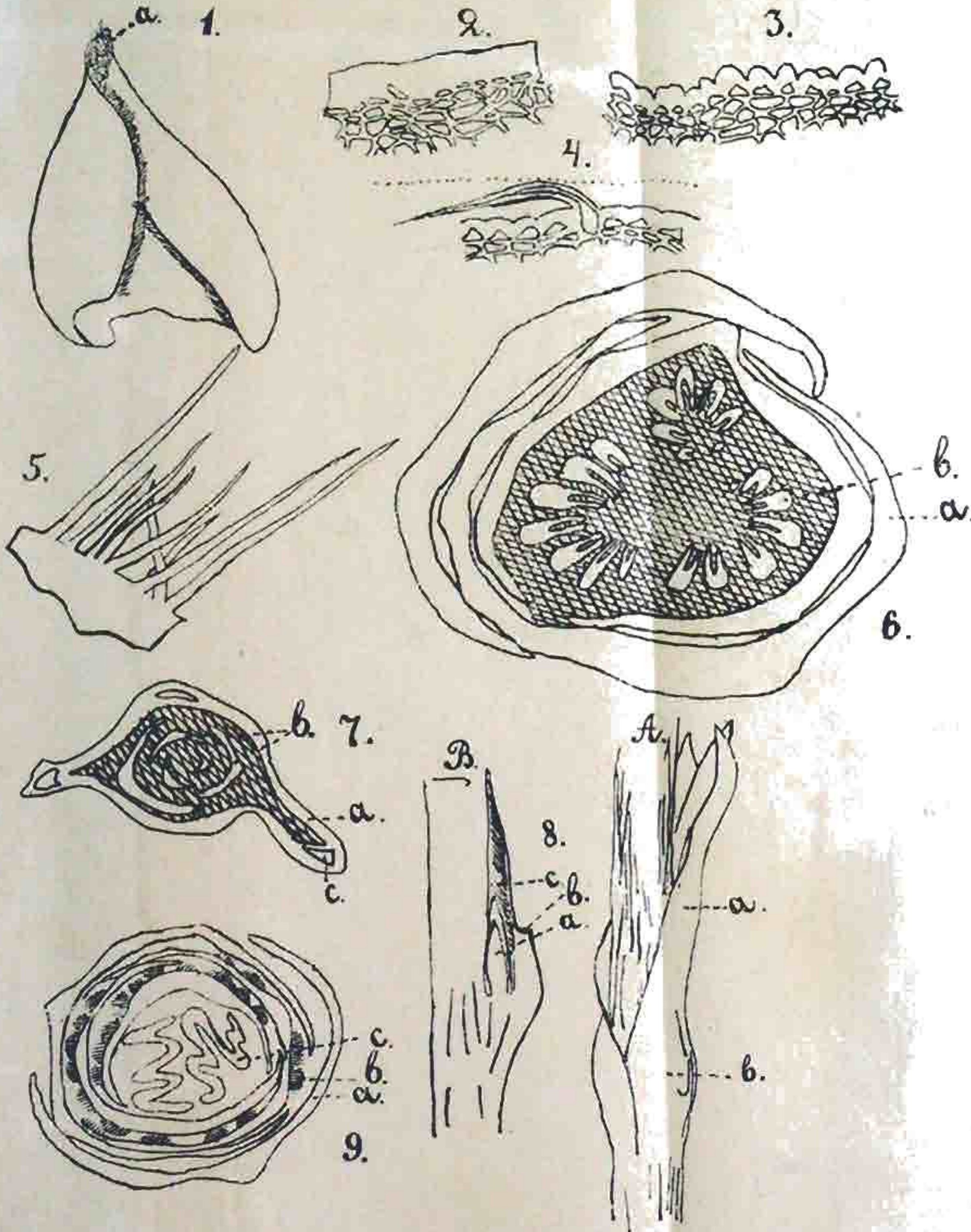
„ИННЕЛКЪ“ (игольникъ) изъ женской могилы,
возлѣ юрты якута „Хавыта“.

Рисунокъ 7-й.

„АРАНГАСЪ“ (висячая гробница).

Рисунокъ 4-й.

изображающій металлическій кружокъ, найденный въ ногахъ 1-го скелета.

